

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

A 955,646

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

7481-1
82
21196
58

ДѢЛА И ЛЮДИ ВЪКА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

x 83294

ор 28, 539

П. К. МАРТЪЯНОВА.

Martianov, Petr Kuzmich

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ Р. Р. ГОЛЕНК. КАТЕРНИНСКИЙ КАНАЛЪ, № 166.

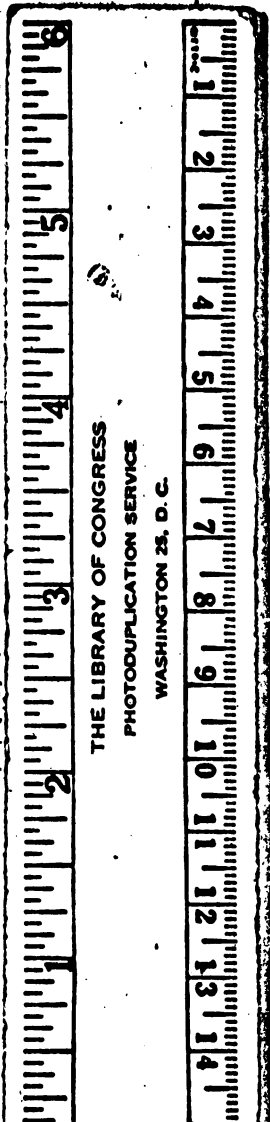
— 3V
1893.

D. T. FRANK

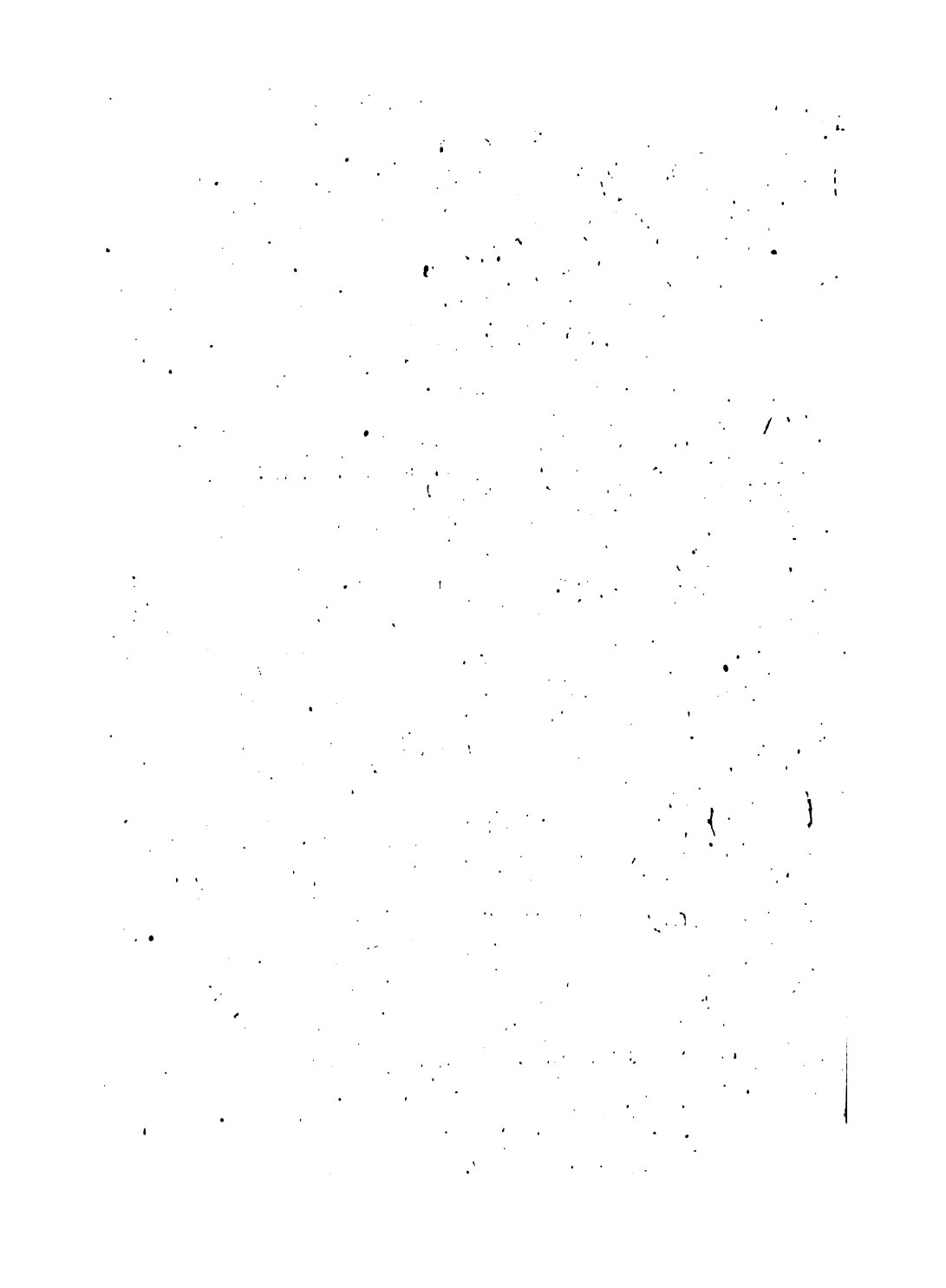
5

AC
b5
.M38
v. 1

56P531-172

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

Mart'janov, Petr Kuz'mich
ДѢЛА И ЛЮДИ ВЪКА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

П. К. МАРТЪЯНОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1893.

AC⁶⁵
M³⁵

104837
10

11-10-11

ОТЪ АВТОРА.

ВНУ, очень давно, чуть еще не съ первыхъ дней юности, я сталъ записывать для памяти: что видѣли очи, что слышали уши, что чувало сердце. Но это не былъ, строго говоря, дневникъ или мемуары, куда заносилось изъ дня въ день, точно и пунктуально, все видѣнное, слышанное или пережитое, — нѣтъ! Это были одиночные листы, листки и листочки, или же небольшія тетрадки, гдѣ, по мѣрѣ возможности, иногда подробно, иногда вкратцѣ и сокращеннымъ способомъ, записывалось все, что поражало взоръ, мысль или сердце. Конечно, съ теченіемъ времени, этихъ листовъ, листишковъ, листочковъ и тетрадокъ накопился цѣлый ворохъ, уберечь который оказалось болѣе труднымъ, чѣмъ накопить. Походы, передвиженія, служба, не могли не повліять на утрату нѣкоторыхъ бумагъ. Но тѣмъ не менѣе большинство ихъ, т.-е., добрая половина, сохранилась и, по надлежащемъ разборѣ и разсмотрѣніи, оказывается составляющей нѣчто интересное по отношенію нѣкоторыхъ историческихъ событій, или же общественной дѣятельности, домашней жизни и чудачествъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ прошлаго времени. Два-три очерка, два-три отдѣльныхъ эпизода изъ спасеннаго вороха бумагъ, названнаго мною для однообразія: «Старой записной книжкой», появлялись уже въ печати, а именно: въ журналахъ «Военный Сборникъ», «Всемирный Трудъ», «Древняя и Новая Россія» и «Историческій Вѣстникъ», и газетахъ «Эхо» и «Свѣтъ». Масса отдѣльныхъ мыслей, словъ и изреченій извлечена изъ «Книжки» и со-

ставила особое двухтомное изданіе, подъ заглавіемъ: «Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей». Нѣкоторыя тетради, касающіяся близко стоящихъ къ намъ лицъ и событій, не могутъ еще появиться въ печати, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Но есть много матеріала, который долженъ увидѣть свѣтъ. Отлагать появленіе этого матеріала въ печати—не слѣдуетъ: время бѣжитъ, и завтрашній день въ рукахъ Божіей. Пока есть силы и возможность, я считаю себя обязаннымъ привести въ порядокъ тѣ накопившіяся у меня бумаги, которыя имѣютъ какой-нибудь общественный интересъ, и, раздѣливъ на нѣсколько выпусковъ, приступить къ ихъ печатанію. На первый разъ я полагаю ограничиться выпускомъ въ свѣтъ двухъ томовъ, а остальные будутъ издаваться впослѣдствіи частями, по мѣрѣ изысканія потребныхъ для того средствъ. Въ первые два тома войдутъ отрывки изъ старой записной книжки, статьи и замѣтки, появлявшіеся уже въ печати и только немногіе изъ вновь подготовленныхъ, какъ, наприм.: «Литературныя встрѣчи и знакомства», «Разсказы о дняхъ минувшихъ» и проч.

Предназначенныя къ помѣщенію въ первые два тома статьи, свѣдѣнія и замѣтки о лицахъ и событіяхъ, имѣютъ вполне историческую достовѣрность, такъ какъ записаны мною какъ участникомъ и очевидцемъ ихъ, или же со словъ лицъ, тоже лично участвовавшихъ въ событіяхъ, или стоявшихъ близко къ нимъ. Въ видахъ же удостовѣренія сего послѣдняго, считаю нужнымъ пояснить здѣсь, что статьи: «Александръ I и оберъ-вагенмейстеръ Соломка», «Скифы», «Митрополитъ Филаретъ и штабъ-ротмистръ Соломка», «Императоръ Николай I и пажы» и «Ретивый инспекторъ», записаны со словъ генералъ-маіора Сергія Аонасьевича Соломки, сына оберъ-вагенмейстера Соломки и личнаго участника трехъ послѣднихъ событій. Имъ же сообщенъ и разсказъ объ А. П. Муравьевѣ, случившійся во время посѣщенія имъ тюрьмы по знацію чиновника для порученій бывшаго с.-петербургскаго военнаго губернатора, князя

Суворова. Статьи: «Николай Павловичъ въ адмиралтействѣ» и «Великій князь Михаилъ Павловичъ и подпоручикъ Симанскій» переданы генералъ-маіоромъ Василюмъ Борисовичемъ Албенскимъ, участникомъ перваго событія и другомъ г. Симанскаго. Статьи: «Императоръ Николай I въ 5 московской гимназіи», «Императоръ Николай I на саперныхъ работахъ», «Генералъ Рамзай» и «Кадеты въ Александріи», сообщены генералъ-лейтенантомъ Александромъ Дмитріевичемъ Симановскимъ, личнымъ свидѣтелемъ событій. Разказы «Великій князь Михаилъ Павловичъ въ новгородскихъ поселеніяхъ», «Какъ опредѣлялись въ учебныя заведенія», «Какъ опредѣлялись на должности», «Генералъ, графъ Никитинъ», «Бодиско» и «Лазаревичъ», записаны со словъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Андреевича Иванова, участника и свидѣтеля событій. «Встрѣча А. С. Пушкина съ А. А. Бестужевымъ на Кавказѣ» передана сенаторомъ, статсъ-секретаремъ Александромъ Дмитріевичемъ Комовскимъ, который, какъ бывшій секретарь графа М. Ю. Віельгорскаго, сообщилъ также и разказы: «Императоръ Николай I и французы», «Графъ М. Ю. Віельгорскій» и «М. И. Глинка у графа Віельгорскаго». Статьи: «Генералъ Бурмейстеръ» и «Гвардейцы въ Калишѣ» сообщены участникомъ событій отставнымъ морякомъ Николаемъ Семеновичемъ Лазаревымъ-Станицевымъ. «Встрѣча Н. С. Тургенева съ Д. П. Писаревымъ» передана находившимся при свиданіи полковникомъ Петромъ Павловичемъ Суворовымъ. «Архіерейскій пріемъ» записанъ со словъ участника событія, дворянина Василя Степановича Александрова, который сообщилъ также и разказъ о «Блудномъ Булавинѣ», событіи, случившемся на его глазахъ. Разказъ о «декабристѣ Тизенгаузенѣ» сообщенъ московскимъ старожиломъ Владимиромъ Львовичемъ Клуновымъ, слышавшимъ его отъ маіора Михаила Дмитріевича Поздняка, свидѣтеля событія. Разказъ «Наши администраторы» переданъ участникомъ событія, надворнымъ совѣтникомъ Петромъ Ивановичемъ Вигилийскимъ. Разказъ «Великій князь Михаилъ Павловичъ

и отставной солдатъ» записанъ со словъ генераль-лейтенанта Купелева, слышавшаго его отъ самого великаго князя, а статьи «Великій князь Михаилъ Павловичъ и коннополюсники», «Борцовъ и медвѣжьенки» и «Кадеты морскаго корпуса въ Александріи» — со словъ участниковъ событій: первые два — полковника Сергія Михайловича Борцова, а послѣдній — поручика Павла Александровича Брыкина. Событіе «Императоръ Николай I и генералъ Пешхержевскій» передано статсъ-секретаремъ А. Д. Комовскимъ, слышавшемъ его отъ участника событія генерала Карла Ивановича Бистрома. Разказы о генералахъ: Дренгелъ, графъ Евдокимовъ, графъ Тотлебенъ, Шлеизингъ и министръ финансовъ Канкринъ, записаны со словъ свидѣтелей или лицъ, находившихся при нихъ на службѣ, а именно: первый — капитана Александра Викторовича Дробышевскаго, второй и третій — статсъ-секретаря Сергія Федоровича Панинъ, четвертый — коллежскаго ассесора Николая Михайловича Иванова, а послѣдній — бывшаго городского головы, купца Василія Григорьевича Жукова.

Петръ Мартыновъ.

С.-Петербургъ,
Первая половина 1898 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА.

	стр.
Дѣтя и поэтъ А. С. Пушкинъ	1
Панихида по А. С. Пушкинъ	9
Москва въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1839 года	10
Навароны и Т. Н. Грановскій	81
Сюжетъ пѣсни о кунцѣ Каланиниковъ	32
Оберъ-полицеймейстеръ Цыпскій	85
Какъ Миша попалъ въ фаворъ	86
Архіерейскій пріѣздъ	39
Какъ опредѣляли въ учебныя заведенія	42
Какъ опредѣлялись на должности	43
«Влудный Вудавицъ»	47
Наши администраторы	53
Ретивый инспекторъ	54
Супоронъ въ ссѣлкѣ	56
Императоръ Александръ I-й и оберъ-камермейстеръ Соломка	78
«Скифа»	84
Наумительная цифра	87
Императоръ Николай I и генераль Пенжержевскій	88
Императоръ Николай I и нажи	90
Императрица Александра Осодоровна и смолянки	92
Николай I въ 6 московской гимназіи	93
Декабристъ Тимегаузенъ	94
Митрополитъ Филаретъ и ротмистръ Соломка	97
Бѣлкій князь Михаилъ Пявловичъ и отставной солдатъ	97
Императоръ Николай I и французы	98
Кадеты въ Александріи	99
Бѣлкій князь Михаилъ Пявловичъ въ новгородскихъ поселе- ніяхъ	100
Ворцовъ и медвѣженокъ	101
Отверженцы и отщепенцы общества	103
Революціи императора Александра II	128
Генераль Клугинъ	180
Генераль Рамзай	131

	стр.
Графъ М. Ю. Вельгорскій	182
Генералъ Бурмейстеръ	182
Гвардейцы въ Казани	185
Нилусъ	186
Бодиско	187
Паваренчъ	187
Статъ-секретарь А. Д. Комовскій	188
Последняя эмиграція татаръ изъ Крыма въ 1874 году	147
Три встрѣчи:	
Встрѣча А. С. Пушкина съ А. А. Бостужевымъ на Кан-	
кашъ	192
Встрѣча Н. С. Тургенева съ Д. Н. Писаревымъ	194
Встрѣча А. О. Писемскаго съ самоуправцами	199
М. Н. Ганина у графа Вельгорскаго	172
Мои литературныя знакомства—годъ 1895	175
Подковная офицерскія библіотеки	240
Какъ погибли мои «Всходы»	249
Три дня въ Семистополѣ	265
Князь А. Н. Дадланъ, флигель-адъютантъ императора Николая I	277
Николай I на сиверныхъ работахъ	290
Императоръ Николай I въ адмиралтействѣ	291
Кадеты морскаго корпуса въ Александріи	292
Великій князь Михаилъ Павловичъ и подпоручикъ Симаевскій	295
Великій князь Михаилъ Павловичъ и компаньоны	296
Генералъ Дренгелъ	297
Генералъ, графъ Никитинъ	298
Генералъ, графъ Ендокимовъ	298
Генералъ Менцеринговъ и полковникъ Кюхельбекеръ	299
Директоръ полиціи исполнительной Оржевскій	299
Министръ финансовъ Канкринъ	300
А. Н. Муравьевъ	300
Генералъ, графъ Тотлебенъ	301
Статъ-секретарь Панинъ	301
Генералъ Шломянъ	303
Генералъ Алонусъ	304

ДПТЯ П ПОЭТЪ А. С. ПУШКИНЪ.

 ОСЛѢ смерти нашей матери, умершей во время холеры въ Москвѣ, въ 1831 году, жени, моего старшаго брата Александра, и сестру Надежду принявъ къ себѣ на воспитаніе мой крестный отецъ, извѣстный въ то время странщій, надворный совѣтникъ Владиміръ Матвѣевичъ Глазовъ.

Глазовъ происходилъ изъ выслужившихся чиновниковъ, но за нимъ числилось, какъ говорили, въ Костромской губерніи пятью съ 1,000 душъ крестьянъ.

Онъ жилъ постоянно въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, въ Грузинахъ, гдѣ у него было много земли, ланки, бани и тотъ знаменитый «Глазовскій» трактиръ, куда москвичи и ихъ злые гости ѣздили слушать знаменитыхъ грузинскихъ цыганъ.

Домъ его походилъ на большинство барскихъ домовъ того времени. Это было довольно большое, одноэтажное, съ мезониномъ зданіе. Балконъ съ красивымъ портикомъ выходилъ въ обширный садъ, со пестрыми прихотями, какъ-то: бесѣдками, горками, статуями разныхъ мифологическихъ боговъ и героевъ, аллеями, цвѣтниками и неизбѣжнымъ прудомъ съ мостикомъ и лодками. Вокругъ огромнаго двора ютились флигеля для гостей, людскія, кухни, конюшни, саран, погреба и другія службы. На дворѣ царилъ вѣчный шумъ и гамъ. Лакеи, прачки, повара, садовники, кучера, сновали взадъ и впередъ, перебранивались и кричали. Лошади, множество разныхъ собакъ и домашнія птицы дополняли шумную картину обшарпанной, скопированной съ большихъ барскихъ домовъ, жизни.

Владиміръ Матвѣевичъ жилъ въ домѣ съ женою Уляной Ивановной, дамою почтенной и богобоязненной. Дѣтей у нихъ въ жи-

ныхъ не было, кромѣ одной дочери, Екатерины Владиміровны, находившейся въ замужествѣ за Федоромъ Осиповичемъ Мазуровымъ, директоромъ московской сохранный казны. Но за то ихъ постоянно окружали воспитанники, воспитанницы, ихъ учителя, многочисленная дворня обоего пола и разныя приживалки.

Домъ имѣлъ всѣ удобства того времени. Тутъ были и громадная зала съ хорами, и комфортабельная гостиная съ балкономъ и террасою въ садъ, и уютныя внутреннія комнаты хозяйки дома, и большая свѣтлая столовая, и буфетная, дѣвичьи и другія комнаты. Въ мезонинѣ располагался самъ владѣлецъ, устроенный тамъ себѣ рабочій кабинетъ, пріемную и спальню. Кромѣ того, въ особой комнатѣ при немъ жили воспитанникъ, Гавріиль Ивановичъ Глазовъ, побочный сынъ его отъ двороной женщины, тогда медицинскій студентъ, а впоследствии уѣздный врачъ. Меблировка дома вполне отличалась широкой натурѣ его обладателя. Благородныя и погрѣба ломались подъ тяжестью всякихъ сбереженій и заготовленій. Повсюду видѣть было избытокъ средствъ. Каждая мелочь напоминала о довольствѣ, прихоти и тщеславіи.

Самъ Владиміръ Матвѣевичъ не обладалъ представительною наружностью. Это былъ мужчина лѣтъ 45—50, средняго роста, съ круглымъ животомъ и большою на короткой шеѣ головою, острой, женной гладко. Черты лица крупныя, щеки мясестыя, глаза смѣющиеся, веселые, лицо гладко выбритое. Служилъ ли онъ, и гдѣ — я не знаю, но ходить всегда въ шнѣ-мундиръ съ свѣтлыми пуговицами. Каждый день утромъ куда-то уѣзжалъ и возвращался домой къ обѣду, за которымъ было всегда нѣсколько человѣкъ гостей. После обѣда отдыхалъ или работалъ въ кабинетѣ, а вечеръ проводилъ съ гостями, засиживаясь иногда далеко за полночь. Изобильный ужинъ заканчивалъ еще болѣе изобильный разныя случайностями день.

Ульяна Ивановна — симпатичная, небольшого роста старушка, смѣлая большою домохозяйкой. Болѣе всего она любила высшія сферы, хотя тамъ и не была принята. Ей доставляло большое удовольствіе видѣть у себя людей, принадлежащихъ, или соприкасающихся этимъ сферамъ. Пріемы ея были торжественны и чинны: тишина и скука царили въ нихъ. Друзей и короткихъ знакомыхъ принимала она запросто въ своей уборной, сѣдя въ покойномъ вальтеровскомъ креслѣ; туда же подавали и чай. Для знакомыхъ же мужа и такъ низшаго класса перемонныхъ гостей она удостоивала выходить въ гостиную,

но сидѣла не долго, изнищалась нездоровьемъ и уходила, предоставляя занимать гостей или мужу, или своей дочери Екатерины Владиміровны Мазуровой. Въ числѣ гостей у Глазновыхъ, я помню, появлялись: Кологривовы, Небольсинны, кн. Грузинскіе, Багговуты, Мерлинны, изрѣдка пѣлажалъ кн. П. П. Гагаринъ, С. Т. Аксаковъ и другіе московскіе именитые люди. Иногда собиралась молодежь, и тогда пѣли и танцевали подъ фортепіано, а старики играли въ карты. Особые балы давались 15-го іюля, въ день именинъ Владиміра Матвѣевича, и въ декабрь, въ день рожденія его супруги. Тогда приглашались и родня и знакомые. Играли полковая музыка, пѣли пѣсенники, дѣлалась плямуннація, вино лилось рѣкой, веселились на распашку, какъ только могутъ веселиться москвичи.

Значеніе Владиміра Матвѣевича въ московскомъ обществѣ обуславливалось его превосходными личными качествами и знаніемъ дѣла. Онъ принадлежалъ къ числу тогдашнихъ знаменитыхъ дѣльцовъ-законопослѣдовъ. Ему поручались дѣла, выиграть которыя не было никакой надежды, и онъ выносилъ ихъ на своихъ плечахъ. Разскажу одинъ случай.

Въ Москвѣ проживалъ одинъ извѣстѣйшій кутила и безобразникъ, купчина-милліонеръ Александръ Петровичъ Квасинковъ. Онъ проматывалъ по нѣскольку тысячъ въ одинъ вечеръ, производилъ дебоши и безобразія, за которыя платилъ десятки тысячъ. Долго ему сходили съ рукъ всевозможныя выходки на стогнахъ города и гульбищахъ; наконецъ, пробилъ часъ расплаты. Не заплатъ то номинально обѣдъ онъ снялъ съ архимандрита или архіерея, не помяну, клобукъ и надѣлъ ему на голову выдолбленный арбузъ. Вышелъ скандалъ ужасный, погасить который ему не удалось. Дѣло дошло до Петербурга, и, по резолюціи императора Николая, его отдали въ солдаты.

Строгой приговоръ переполошилъ всѣхъ его сочувственниковъ; бросились хлопотать о смягченіи наказанія, но едва-едва удалось получить небольшое облегченіе. По свѣдѣтельству докторовъ, его признали неспособнымъ къ строевой службѣ и зачислили въ московскую пожарную команду. Въ этой командѣ онъ только числился, но службы никакой не исполнялъ, лечась отъ болѣзни на квартирѣ. Спустя нѣсколько времени, московское начальство попыталось было просить о помилowanіи Квасинкова, но представленія его не уважили. Вотъ тогда-то и обратились къ Владиміру Матвѣевичу, который и взялся дѣло это обработать.

Во избѣжаніе какихъ-либо новыхъ проказъ съ его стороны, во время веденія дѣла, Глазонтъ поселилъ Квасникова въ одномъ изъ флигелей своего дома, подъ условіемъ гулять у него гдѣ захочетъ, но за порога не выходить.

Какъ теперь вижу эту высокую, немного сутуловатую фигуру добровольнаго заключенника съ его худощавой выразительной фizioноміей. Глаза въ глубокихъ впадинахъ, брови наслуплены, носъ большой, длинный, съ горбомъ, голова острижена подъ гребенку, усы большіе, бакенбарды висятъ, подбородокъ тщательно выбритъ. Онъ носилъ какой-то полумоенный плащъ, венгерку, шаровары въ сапоги и фантастическую фуражку. Вся его фигура напоминала гинъ отставнаго гусара. Опираясь на тяжелый костыль, съ опущенною на грудь головою, часто прогуливался онъ по глазовскому саду, напѣвая себѣ подъ носъ какую нибудь пѣсенку и сильно ударяя костылемъ въ землю. Встрѣчь съ незнакомыми избѣгалъ, на глазовскихъ вечерахъ не показывался, но порой въ его небольшой квартиркѣ появлялись старые друзья, хлюпали пробки, бряцала гитара и до утра тигали и топали цыгане.

Владиміръ Матвѣевичъ два или три раза ѣздилъ по его дѣлу въ Петербургъ, и всякій разъ возирился безъ успѣха. Но это былъ не такой человѣкъ, чтобы сдаться передъ неудачею. Спустя нѣкоторое время, онъ вновь побѣжалъ—и принесть Квасникову прощеніе.

Прощеніе это, какъ объясняли Владиміръ Матвѣевичъ, получено имъ при исключительныхъ обстоятельствахъ. Онъ нашелъ доступъ къ графу А. Х. Бенкендорфу и послѣ долгихъ, подкрѣпленныхъ сильными вѣскими аргументами доводовъ, успѣлъ склонить его къ заступленію за несчастнаго Квасникова, представленнаго имъ жертвой злой интриги. Графъ далъ обѣщаніе ходатайствовать передъ государемъ, но съ оговоркой, что для этого нужно выждать благоприятный случай. Пришлось ждать, но, къ счастью, не долго. Говѣя на страстной недѣлѣ, императоръ Николай имѣлъ обыкновеніе передъ исповѣдью просить прощенія у своихъ приближенныхъ. Графъ Александръ Христофоровичъ воспользовался этимъ случаемъ, и, когда государь обратился къ нему, осмѣлился напомнить о прощеніи наказаннаго не по вѣнъ Квасникова. Государь милостиво выслушалъ и повелѣлъ: возвратить Квасникова въ первобытное состояніе, но съ тѣмъ, что если онъ и засимъ будетъ вести себя по прежнему, то поступить съ нимъ безо всякаго снисхожденія.

Нужно-ли говорить съ какими авторитетами возвратился въ Москву Владиміръ Матвѣевичъ. Начались шуты. Класниковъ задалъ такой объѣдъ своему оспособителю, что Москва удивилась. Но это дѣло было послѣднимъ въ длинномъ спискѣ удачъ Владиміра Матвѣевича. Во время кутежа у Класникова, онъ простудился, заболѣлъ, мѣсяца два или три пролежалъ въ постели и умеръ.

Но я забѣжалъ далеко впередъ. Нужно возвратиться ко времени нашего подворенія у Глазона. Владиміръ Матвѣевичъ былъ другомъ нашего отца и душеприкащикомъ матери. Дѣйствуя на правахъ опекуна, онъ перенесъ насъ (меня, брата и сестру) къ себѣ и поселилъ въ особомъ флигелѣ, имѣвшемъ четыре комнаты и кухню, и отдалъ подъ попечительство одной доброй старушки, дворянки Агафьи Ивановны, въ помощъ которой назначены были дѣтъ дворовыя женщины. Мнѣ тогда тогда 5-й, брату 8-й, сестрѣ 4-й годъ. Владиміръ Матвѣевичъ любилъ насъ, какъ своихъ дѣтей, озабочился устройствомъ для насъ всего нужнаго и нерѣдко заходилъ навѣдаться: не нужно-ли намъ еще чего-нибудь? О чемъ бы ни просила его наша заботливая воспитательница Агафья Ивановна, все старался исполнить, по возможности, безъ замедленія. Въ воскресенья и праздничныя дни мы ходили въ церковь къ обѣднѣ, а послѣ отправлялись въ домъ Владиміра Матвѣевича, гдѣ и оставались нѣдѣлю день, а иногда и вечеръ, рѣзались и играли съ пріѣзжавшими дѣтьми. Въ 9 часовъ вечера возвращались домой.

Въ началѣ 1833 года, Владиміръ Матвѣевичъ прислалъ намъ учителя. Это былъ діаконъ изъ причта церкви св. Георгія въ Грузинахъ, человекъ не молодой, но старательный. Онъ объявилъ намъ, что мы должны пройти полный курсъ обученія, и не смотря на то, что мы, т. е. братъ и я, умѣли уже читать, онъ засадилъ насъ, наравнѣ съ сестрою, за азбуку и только пройдя съ нами сію стадію, почтеннѣйшій нашъ педагогъ сталъ унитивать насъ неясными премудростями отъ грамматикки, арифметикки и катехизиса. Онъ занимаясь съ нами каждодневно (кромѣ дней праздничныхъ) съ 10 до 1 часа утра, а Агафья Ивановна приготовляла съ нами вечерніе уроки. Мы учились охотно и дѣлали порядочные успѣхи, такъ что весною 1835 года, сдали блистательно первый экзаменъ Владиміру Матвѣевичу, и за оказанное прилежаніе получилъ отъ него подарки. Онъ подарилъ мнѣ вышитую золотомъ куртку, штаны съ галушиными лампасами и сапожки охотничьи съ кисточками, брату бархатный полукафтанъ съ короткими панталонами и башмаки съ пряж-

камн, а сестрѣ—тирольскій костюмъ. Кромѣ того каждому изъ насъ онъ далъ по 25 р. ассигнаціями на гостинцы.

Это были мои первыя деньги. Но я ими не воспользовался. Я отдалъ ихъ на сохраненіе добрейшей Агафѣ Ивановнѣ, которая, потому, не выдавала мнѣ изъ нихъ ни копѣйки, говоря: «береги денежку на черный день». Когда-же годъ или два спустя она умерла, мнѣ не возвратили моихъ денегъ.

Въ послѣднее время, т. е. 1834—1836 годы, въ домѣ Владимира Матвѣевича царило особенное оживленіе. Гости, преимущественно же молодежь, съѣзжались часто. Много пѣли, много танцовали. Катинька Львова была прекрасная музыкантка и чрезвычайно мило пѣла. Ея высокій, чистый, звучный сопрано приводилъ въ восторгъ все наше маленькое общество. Особенно хорошо она исполняла «Красный сарафанъ» и Пушкинскую «Черную шаль». О Пушкинѣ тогда говорили много. Однажды, кто-то сообщилъ, что знаменитый поэтъ на дняхъ пріѣзжалъ въ Грузины слушать цыганъ и добавилъ: «цыгане—его стихія».

Разсказъ о поѣздѣ Пушкина въ Грузины возбудилъ всеобщее любопытство. Молодой Дороховъ захѣтилъ, что интересно было-бы видѣть Пушкина въ обществѣ цыганъ. Слова эти возбудили во мнѣ желаніе взглянуть на Пушкина. Агафя Ивановна часто недомогала. Пользуясь этимъ, мы убѣгали играть на дворъ и выходили иногда за ворота. Братъ мой заходилъ часто къ Гавріилу Ивановичу Глазову и у него читалъ нѣкоторые изъ Пушкинскихъ стихотвореній. Онъ восхищался ими и называлъ Пушкина гевіежъ. Я сообщилъ брату мое желаніе хотя мелькомъ взглянуть на Пушкина, когда онъ пріѣдетъ въ Глазовскій трактиръ слушать цыганъ. Онъ ухватился за эту мысль съ радостью и сказалъ, что это можно устроить. День или два спустя, онъ забѣжалъ въ трактиръ и обѣщалъ трактирнымъ покровымъ дать денегъ, если они сообщатъ ему, когда пріѣдетъ Пушкинъ. Долго ждали мы и, наконецъ, забыли было совѣтъ объ этомъ, какъ вдругъ, въ концѣ лѣта, или въ началѣ осени—не помню хорошо, приѣхалъ къ намъ на кухню дѣвочка, дочь буфетчика, и передаетъ брату записочку съ двумя словами: «онъ здѣсь». Мы всполошились. Агафя Ивановна лежала въ своей комнатѣ больная, мы допивали вечерній чай. Повернувъ вверхъ донныкомъ чашки, мы бросились въ спальню и легли въ постель. Часа полтора мы провели въ какомъ-то лихорадочномъ напряженіи, пока всѣ въ домѣ уговорились. Часовъ въ 11-ть мы встали, тихонько одѣлись,

вышли на цыпочкахъ изъ комнаты и не слышно ускользнули изъ дому.

Озираясь на все стороны, мы пробѣжали по двору и вышли за ворота. Приѣздъ гостей къ цыганамъ произвелъ вокругъ трактира оживленіе. У подъѣзда толпились извозчики, кучера, троечные ящики, лакеи. Они вели шумные разговоры, курили свои носогрѣйки, переругивались между собою или ругали хозяевъ и господъ.

Противъ оконъ, на площадкѣ, стояла небольшая кучка людей разнаго званія, жадно лова каждый вырвавшійся изнутри звукъ шумнаго цыганскаго пѣнія. Мы проскользнули въ эту кучку. Изъ оконъ трактира неслись пріиѣвы: «старый мужъ, грозный мужъ, рѣжь меня, жги меня, не боюсь я тебя!» раздавался раскатъ смѣха, хлопали пробки, и все покрывало неистовое гиканье и пляска.

Но вотъ кучка, поглазѣвъ, послушавъ, мало-по-малу стала таять и, наконецъ, разбрелась по домамъ. Остались только: я, братъ и два знакомаго цыганскаго мальчика, не захотѣвшіе отстать отъ насъ, вѣроятно, во вниманіе къ тому, что мы числились на положеніи полубарчасть-воспитанниковъ. Ночь, между тѣмъ, была уже позняя, дулъ осенній свѣжій вѣтерокъ. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ, обливая серебристыми лучами полусонную окрестность. Боясь упустить случай посмотреть на Пушкина въблизи, мы расположились у самой лѣстницы, съ которой онъ долженъ былъ сойти, чтобы сѣсть въ экипажъ. Но прошелъ часъ, другой, и мы, перезабывъ, хотѣли было идти уже домой, какъ вдругъ раздался съ лѣстницы громкій голосъ половаго: «эй, ящикикъ, экипажъ!» мы встрепенулись, и какъ-бы боясь чего-то, отошли отъ лѣстницы въ сторону. Пока полусонный ящикикъ взнуздывалъ тройку и усаживался на козлы, на лѣстницѣ показались два господина. Одинъ брюнетъ, невысокаго роста съ небольшими баканъ, въ шинели съ капиновомъ и шляпой на головѣ; другой высокій съ усами, въ какой-то длиннополой бекешѣ, съ замотаннымъ на шеѣ шарфомъ и тоже въ шляпѣ. Наверху, на площадкѣ, стояли еще два господина, окруженные цыганами и прислугой, и громко хохотали.

— Который же Пушкинъ, спросилъ я брата. Онъ отвѣчалъ: «не знаю». Между тѣмъ, вышедшій прежде другихъ господинъ въ шинели, видя, что экипажъ еще не поданъ, спустился съ крыльца и пошелъ въ глубь двора. У перилъ, окаймлявшихъ берегъ пруда, на которомъ стояли бани, онъ остановился и началъ смотрѣть на

отражавшуюся въ водѣ луну, деревня и строенія. Другой же стоялъ на крыльцѣ и перебрашивался словами съ оставшимися на первой площадкѣ товарищами.

И толкнувъ брата и мы (небѣ четыре мальчика), окружили господина, стоявшаго у пруда. Онъ оглянулся и спросилъ: «что вамъ нужно?»

— Вы — Пушкинъ? спросилъ я тихо.

— На что вамъ?

— Такъ... интересно его видѣть.

— А почему вамъ интересно его видѣть?

— Онъ пишетъ стихи.

— Какъ вы узнали, что онъ пишетъ стихи?

— Я — крестникъ Владиміра Матвѣича... у насъ въ домѣ бабышки поютъ «Черную шаль»; интересно узнать: ваша ли эта шаль.

— А что у васъ еще поютъ? Что вы еще знаете?

— Я ничего не знаю, но вотъ братъ мой читалъ у Гавріила Ивановича много вашихъ стиховъ. (И не сомнѣвался болѣе, что это — Пушкинъ).

— Такъ вы ничего болѣе не знаете, сказалъ онъ какъ-будто въ раздумьи и, погладя меня по головѣ, продолжалъ:

«Одну вы знаете лишь «Шаль»...

Какая жалость!..

Мои, мой милый, это шаль,

А прощѣ — жалость.

Слова эти привели меня въ восхищеніе, я схватилъ руку Пушкина и горячо поцѣловалъ ее. Мальчички загадѣли: и я, и я! и бросились также цѣловать его руку. Пушкинъ отнялъ руку назадъ и, добродушно улыбаясь, сказалъ: «къ чему это?»

Между тѣмъ лошади были поданы и онъ, направляясь къ экипажу, спросилъ меня: «А вы грамотный?»

— Учусь, отиѣчалъ я.

— Учитесь!.. будете знать болѣе, чѣмъ мои «шалости».

Затѣмъ, онъ сѣлъ въ коляску, товарищи за нимъ; цыгане, окружая экипажъ, просили скорѣе прѣзжать опять къ нимъ; прислуга кланялась и желала счастливаго пути. Пушкинъ въ отиѣтъ кивнулъ головой, товарищи, сѣлись, отиѣчали: «да, да, хорошо, хорошо»!

Но воть ямщикъ тронулъ возжей коренника, лошади тронулись, коляска громыхнулась и покатила. Еще мгновенье — и вѣчность легла на слѣдъ ея...

Въ первое слѣдовавшее за симъ воскресенье я разсказалъ м-ле Львовой и другимъ гостямъ Владимира Матвѣевича о нашемъ ночномъ путешествіи и передалъ отъ слова до слова разговоръ мой съ гениальнымъ поэтомъ. Въ посторгалась нашей смѣлостью, нашей находчивостью. Я сдѣлался героемъ вечера. Меня распрашивали по нѣскольку разъ, заставляли повторять каждое слово Александра Сергѣевича, кормили сластями и отпустили домой, нагруженный карманы гостинцами.

Но финалъ былъ ужасенъ: на утро меня и брата, сильно наказали за то, что мы осмѣлились бесъ спросу выходить ночью на улицу...

Панихида по А. С. Пушкинѣ.

Въ началѣ февраля 1837 года, въ Москвѣ получено было извѣстіе о смерти Пушкина. Это извѣстіе взволновало студенческій міръ. На Пикетской улицѣ, въ домѣ князя Вадбольскаго, въ квартирѣ г-жи Линденбаумъ, которая содержала меблированныя комнаты, отдаваемые въ наймы, большей частью, студентамъ, была назначена сходка. Вечеромъ студенты собрались и постановили на обсужденіе вопросъ: что дѣлать? Дебаты произошли жаркіе. Имена Дантеса, д'Аршіяка, Дантеса, Геккерена не сходили съ устъ, крики благороднаго негодованія, проклятія и угрозы раздавались то и дѣло. Нѣкто Барановъ, богатый помѣщикъ, степникъ, натура горячая и необузданная, вызвался ѣхать въ Петербургъ и драться съ Дантесомъ, а если бы онъ отказался, отстегать его хлыстомъ. Его предложеніе не приняли. Другіе тоже не пошли. Остановились на томъ, чтобы отслужить по Пушкинѣ панихиду. На утро сообщили товарищамъ, начался сборъ, подписка пошла хорошо. Но университетское начальство подѣ рукою не одобрило. Назначено было новое собѣщаніе и рѣшили отслужить панихиду не по Пушкинѣ, а по усопшемъ рабѣ божіемъ Александрѣ. День назначили праздничный — слѣдующее воскресенье; мѣсто — Пикетскій монастырь. Пригласили пѣвчихъ, заказали полное освященіе церкви. Хлопотали было

поставить печальный катафалк, но игуменья не разрынила. Время прошло быстро; наступил день панихиды. Началась обédия, народу собралось много. Студенты сходились и переговаривались; одни слушали обédию, другие прохаживались по монастырскому двору. Но полиция провѣдала, явился квартальный со своими будочниками, за ними прибылъ частный приста́въ, позднѣе пожаловалъ и самъ полицѣймейстеръ. Развязно пошелъ онъ по храму, еще развязнѣе подошелъ къ игуменѣ и довольно долго бесѣдовалъ съ нимъ келейно: ясно было, что что-то затѣнается.

Но вотъ обédия кончилась, полицѣймейстеръ незамѣтно уѣхалъ. Народъ сталъ выходить изъ церкви. Потушили свѣчи. Потянулись монахины, въ церкви стало пустѣть, а панихида не начиналась.

Два, три студента вошли въ алтарь за объясненіями къ священнику, собиравшемуся уже оставить церковь. Онъ отвѣтилъ, что панихиды не будетъ. Спрашиваютъ: «почему»?— «А потому, говорить, что по живомъ человѣкѣ панихиды не служатъ». «Какъ по живомъ!» изумляются студенты.— «Да такъ, отвѣчать, Пушкинъ живъ... не вѣрите — спросите мать игуменью». Обращаются къ игуменѣ, та отозвалась, что, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ей сейчасъ полицѣймейстеромъ, Пушкинъ, хотя и боленъ, но еще живъ. Бросаются къ приста́ву,—приста́въ утверждаетъ, что подобное извѣстіе только что получено изъ Петербурга. Студенты, обрадованные такимъ добрымъ вѣстіемъ, расходятся по домамъ.

Спустя часъ или два истина открылась; но собраться снова на панихиду студентамъ не позволили.

Москва въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1839 г.

Старушка Москва, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, жила жизнью тихой и безмятежною. Послѣ усмирения Польши, особо важныхъ политическихъ событій въ русской жизни не было, дѣла шли обыкновеннымъ чередомъ, какъ говорится, ни шатко, ни валко, ни на сторону, и общество дремало въ сладкомъ невѣдѣніи и забытьи. Вдругъ лѣтомъ 1839 года до слуха Вѣдокаменной дошла вѣсть, что осенью должна совершиться торжественная, въ присутствіи самого государя императора Николая Павловича, закладка храма Христа Спасителя,—и первопрестольная столица встрепенулась. Пошли толки,

догадки, предположенія о томъ, когда, что и какъ должно быть исполнено. Наговорившись досыта, Москва начала готовиться къ торжеству, желая отпраздновать это, столь близкое ея сердцу, событіе какъ можно грандіознѣе. Первымъ дѣломъ привели въ порядокъ мостовыя, тумбы и фонарные столбы подчернили, дома, ворота и заборы принялись красить, шатающихся собакъ ловить, хожалыхъ и будочниковъ облачать въ новую амуницію. Къ июлю сдѣлалось положительно извѣстнымъ, что закладка совершится въ сентябрѣ, послѣ открытія памятника на Бородинскомъ полѣ, что Государь Императоръ, прибудетъ въ Москву въ сопровожденіи приглашенныхъ на бородинскіе маневры иностранныхъ принцевъ и что въ закладкѣ храма примутъ участіе командированныя на маневры гвардейскія войска. Извѣстіе это произвело на весь городъ: такого блестящаго собранія именитыхъ и знатныхъ гостей въ Москвѣ давно уже не было, чуть ли не съ самой коронаціи въ 1826 году, и вотъ, начиная съ пелюсѣтскихъ гостинныхъ и кабинетовъ сановниковъ и кончая купеческими сѣбляницами и рынками, все приняло въ движеніе. Тысячи надеждъ, тысячи ожиданій возбудило прибытіе царя. Кузнечій мостъ съ утра до ночи загромождали экипажи, магазины переполнялись покупателями, дамы заказывали, шили и покупали новомодные костюмы и украшения. Городскіе ряды, равномѣрно, торговали на славу, такъ какъ всякая, даже самая простая женщина хотѣла имѣть къ пріѣзду царя какую-нибудь обнову. Полиція усугубила свое рвеніе: улицы мели, деревья на бульварахъ подстригали, скамейки красили и пилихи забирали. Все это—такія мѣры, которыя принимаетъ Москва только въ экстренныхъ случаяхъ. До 1839 года я Государя не видѣлъ, потому пріѣздъ его въ Москву не могъ не интересоваться меня. О характерѣ, рыцарствѣ и добротѣ императора Николая Павловича ходили цѣлыя легенды. Его хладнокровіе и неустрашимость при усмирении бунта въ 1825 году, его заботливость о солдатахъ и мужество, выказанныя въ турецкую войну 1828 года, и его самоотверженіе на Сынной-площади въ холеру 1831 года, непонятно влекли къ нему сердца народа и заставляли каждого добиваться возможности хотя разъ въ жизни взглянуть на него и выразить ему, чѣмъ можно, свое сочувствіе и преданность.

Мнѣ было тогда 12 лѣтъ; я жилъ у опекуна на Никитской, въ домѣ князя Вадбольскаго, гдѣ и какъ увидѣть царя не зналъ, и потому обратился за совѣтомъ къ другу и учителю моему, студенту Назарову.

— Подожди, — отвечал Назаров: — надо подумать.

Между тѣмъ, августъ мѣсяцъ былъ уже на исходѣ; каждый новый день приносилъ въ Москву животрепещущія новости о военныхъ празднествахъ подъ Бородинымъ, маневрахъ и открытіи памятника поимамъ, павшимъ въ Бородинскомъ сраженіи; сообщившія объ этомъ «Московскія Вѣдомости» читались съ жадностью.

— Скоро и на нашей улицѣ будетъ праздникъ! — говорили собиравшіеся въ кучки горожане. — Самъ Царь прибудетъ и сдѣлаетъ закладку храма, а это будетъ почти у бородинскаго памятника.

— Смотри, паренъ, — хихикала фр..зская шинель: — чтобы и нынѣ не вышло того же, что было на Воробьевыхъ горахъ. Въ 1817 г., тамъ, чай, тоже закладывали храмъ, да что вышло: три стѣны разошлись на дождѣ, а четвертая испарилась на солнцѣ.

— Ну, это было при Благословенномъ, а теперь Николай, теперь целконоерамъ потачки не дадутъ, — отвечалъ горожанинъ.

3 сентября, въ 6 часовъ пополудни, императоръ Николай Павловичъ изволилъ прибыть въ Москву съ государемъ наследникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Велѣдъ за нимъ прѣѣхали: великій князь Михаилъ Павловичъ, герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій (молодой супругъ великой княгини Маріи Николаевны) и гости русскаго царя: принцы Альбертъ Прусскій, Евгений Виртембергскій, Александръ Нидерландскій и эрцгерцогъ Австрійскій Альбертъ. Массы народа покрывали улицы и площади по пути слѣдованія Государя. Я предполагалъ увидѣть Царя на Красной площади, досталъ себѣ у сторожа рядовъ скамейку и расположился на ней у памятника Минина и Пожарскаго. Но едва показалась коляска Государя отъ Иверской, народъ, стоявшій до того времени въ порядѣ, разомъ обнажилъ головы и съ крикомъ «ура!» бросился на встрѣчу Государю. Меня сшибли со скамьи на землю и едва не затоптали ногами. Благодаря внимательству какого-то купца, поднявшаго меня, я отбѣлѣлъ только потерей фуражки, разбитымъ носомъ и нѣсколькими ссадинами на рукахъ и тѣлѣ. Царя я даже не видѣлъ, я видѣлъ только массу головъ и вдали мелькавшіе шляпы съ разноцвѣтными перьями. Въ Кремлѣ гудѣли колокола, а на площади стоялъ стонъ отъ принятыхъ народомъ кликомъ народа.

— Ну, что, хорошо? — спрашивала меня Назаровъ, по возвращеніи моемъ домой. — Благодарю Бога, что голова осталась цѣла. Впрочемъ, это тебѣ на будущее время урокъ! Прежде отца въ петлю не суйся!

На другой день рано утромъ я отправился съ нимъ въ Кремль, посмотреть на выходъ Царя изъ собора. Мы прошли къ самому Успенскому собору и стали за линіей войскъ, расположенныхъ противъ Краснаго крыльца. День былъ ясный. Народу собралось много, но, благодаря внимательности полиціи, тѣсноты и давки не было и мнѣ удалось видѣть церемонію царскаго выхода довольно хорошо.

Ровно въ 11 часовъ Государь вышелъ изъ дворца. Онъ былъ въ мундирѣ съ эполетами, бѣлыхъ штанахъ и ботфортахъ, шляпа съ перьями, голубая лента черезъ плечо. Высокій, стройный и красивый собою, съ орлинымъ взглядомъ и величественною поступью, онъ выделялся изъ массы слѣдовавшихъ за нимъ принцевъ и генералитета, видно было, что это—Царь. Едва Государь показался съ крыльца, войска взяли на караулъ и народъ восторженно его приветствовалъ.

— Какой молодецъ! какой красавецъ! кровь съ молокомъ! Дай ему Богъ здоровья! слышались восклицанія изъ толпы.

За Государемъ слѣдовали наследники цесаревича Александръ Николаевичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, иностранные принцы и свита.

— Нашъ москвичъ! землякъ! Коренной кремлевскій Царевичъ! Эхъ, какъ выросъ-то! Весь въ Отца! встрѣчала толпа наследника.

— Нашъ зять! Пятый сынъ Царя! И съ виду какъ будто русский!—звѣли позгласы по адресу герцога Лейхтенбергскаго.

— Смотри, толкнулъ меня Назаровъ,—вотъ идетъ фельдмаршалъ князь Варшавскій! Это—князь Петръ Михайловичъ Волконскій! Это—графъ Карлъ Федоровичъ Толъ! Это—князь Голицынъ! Это—графъ Орловъ-Денисовъ! Это—графъ Паленъ! указывалъ онъ на сопровождавшихъ государя генераловъ.

Глаза мои перебѣгали съ одного лица на другое, я припоминалъ 1812 годъ, Варшаву, Кавказъ и событія, въ которыхъ они участвовали. Какое-то теплое хорошее чувство наполняло душу, я видѣлъ вѣсть этихъ тузовъ земли русской, и хотя физіономіи нѣкоторыхъ изъ нихъ не распознавали къ себѣ, я все-таки считалъ себя вполне удовлетвореннымъ. Первые сильныя впечатлѣнія невольны овладѣваютъ душой и упояютъ ее.

При входѣ въ Успенскій соборъ, Императоръ былъ встрѣченъ митрополитомъ Филаретомъ съ тремя епископами и нѣмъ церковными клиромъ и, приложась ко св. Кресту, вступилъ въ соборъ,

при иѣиш тропаря: «Спаси, Господи, люди Твоя». После молебствія, Государь прослѣдовалъ мимо Гранитной палаты въ Теремъ, а оттуда въ Верхъ-Спасскій соборъ и въ церковь Рождества Богородицы.

Вечеромъ у матери Назарона собралось большое общество. Было нѣсколько профессоръ, студентовъ, два доктора и пасторъ. Позднѣе прѣхали плацъ-адъютантъ комендантскаго управленія, разсказавшій, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ о комендантѣ, генералѣ Стаалѣ.

Отъ одного изъ полковъ, расположенныхъ въ Москвѣ, поступилъ въ ординарсъ-гаузъ рапортъ, въ заголовкѣ котораго, вмѣсто слова: московскому коменданту, стояло: «московскому комедіанту». Можетъ быть, это была, просто, опека писаря, но комендантъ, суровый службистъ и педантъ, прочитавъ бумагу, ужасно разсердился. «Они мнѣ пишутъ, что я—комедіантъ, кричалъ онъ, дрожа отъ гнѣва, я имъ покажу, что я за комедіантъ». И, потребовавъ къ себѣ полковаго адъютанта, посадилъ его подъ арестъ на двѣ недѣли, а командиру полка приказалъ объявить выговоръ.

Московскіе скалозубы, любимшіе посмѣяться, довели о случившемся до свѣдѣнія великаго князя Михаила Павловича.

Его высочество послалъ за комендантомъ и тотъ тотчасъ явился, догаданный въ чемъ дѣло, встревоженный и хмурый.

— Что это ты, Карлъ Густафъ, какъ будто не въ своей тарелкѣ,—обратился къ нему шуточно великій князь:—это тебѣ не къ лицу, это вовсе не твоя роль...

— У меня одна роль, ваше императорское высочество,—отвѣчалъ генералъ Стааль:—роль московскаго коменданта, которую я и исполняю по мѣрѣ моихъ силъ и способностей.

— Да ты не сердись на меня, пожалуйста, — разсѣялся Михаилъ Павловичъ:—я знаю, что ты строгій комендантъ, но не будь же чересчуръ строгимъ.

Генералъ Стааль улыбнулся.

— Ну, вотъ видишь, ты самъ согласишься, что чересчуръ строгимъ быть не слѣдуетъ, а ты съ адъютанта слишкомъ строго взыскалъ.

— Нельзя же, ваше высочество, дозволить смѣяться надъ званіемъ, которое я ношу по волѣ моего всемилостивѣйшаго Государя.

— Нельзя, Карлъ Густафъ, но все-таки лучше бы было, если бы ты отпустилъ его почитать домой.

Комендантъ молчалъ; ему, очевидно, не хотѣлось освободить офицера, но и возражать онъ не рѣшался. Тогда великій князь положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Сегодня въ Москвѣ праздникъ, Карлъ Густафъ, ради этого праздника поди выпустя его.

Командиръ, понимая буквально слова великаго князя, самъ лично отправился на гауптвахту и освободилъ изъ-подъ ареста адъютанта.

Черезъ нѣсколько дней истунили въ Москву гвардейскія полка, находившіяся на маневрахъ подъ Бородинымъ. Первопрестольная встрѣтила ихъ вполне по рождественному: клики, привѣтствія, маханье шляпами и платками сопровождали это зступленіе. Гвардейскіе солдаты, въ высокихъ того времени киверахъ, казались великанами, но особенно громаднмъ ростомъ выдѣлялся тамбуръ-мажоръ преображенскаго полка, который, какъ говорили, имѣлъ около семи футовъ росту. Большинство солдатъ были старые ветераны со множествомъ медалей и крестовъ на груди. Москва любима всѣмъ величественное и грандіозное, и гиганты эти ей нравились. Они, въ теченіи своего кратковременнаго въ ней пребыванія, собирали вокругъ себя толпы народа и становились предметомъ всевозможныхъ бесѣдъ и угощеній. Нѣкоторые москвичи приглашали ихъ къ себѣ въ дома, угощали и дарили деньгами. Говорили даже, что солдаты въ двухъ-трехъ домахъ были приглашены въ воспріимники дѣтей и крестили, но на зубокъ получили не родильницы, а крестные отцы. Это выходило уже совсемъ по-московски!

Нѣсколько молодыхъ людей, интересовавшихся событіями 14 декабря 1825 года, о которыхъ въ то, запретное, время, никто ничего достовѣрнаго не зналъ, устроили вечеръ въ честь ветерановъ. Я былъ на этомъ вечерѣ съ Назаровымъ. Мы пришли часовъ въ 7 вечера, общество было уже въ сборѣ и пиръ начать на славу. Нѣсколько нумеровъ въ меблированныхъ кохнатахъ г. Линденбаумъ на Никитской, гдѣ обыкновенно ютились студенты и другая молодежь, было обращено въ одно помѣщеніе. Ветераны разныхъ полковъ въ перемежку съ молодежью сидѣли на стульяхъ, на окнахъ и на студенческихъ постеляхъ (мебели было мало) съ трубками въ рукахъ, у нѣкоторыхъ мундиры были сняты, у другихъ растегнуты. Пили и закусывали безъ церемоній. Пили кому что нравилось: водку, пиво, нунигъ, вино. Бесѣда шла пріятельская и шумная: русскій солдаты во всякомъ обществѣ осваиваются чрезвычайно скоро, со студентами же, какъ съ товарищами по оружію (студенты тогда имѣли мундиры и шпаги) старики-ветераны стали на короткую ногу съ перваго же раза.

Меня сначала удивила подобная компания, но когда мнѣ объяснили цѣль, я сѣлъ и сталъ слушать. Студенты разспрашивали, солдаты отвѣчали, но съ такой осторожностью, что изъ ихъ разсказовъ о ходѣ самаго событія ничего нельзя было понять. Они говорили только о «молодомъ Императорѣ» и восхищались его мужествомъ и смѣлостью.

— Мы присягнули ему безъ заминки, ораторствовалъ старикъ преображенецъ. 14 декабря, утромъ, насъ потребовали ко дворцу. Спѣшно, на-ходу застегиваясь, мы вышли, взяли ружья на плечо и маршъ на площадь. Пришли и выстроились правымъ флангомъ къ главнымъ дворцовымъ воротамъ, спиной къ комендантскому подъѣзду; смотримъ, у воротъ стоитъ куча народу и больше простаго, а въ серединѣ молодой Императоръ въ измайловскомъ мундирѣ, съ зентою черезъ плечо, но безъ шинели, одинъ одинешенекъ, стоитъ и читаетъ народу манифестъ о восшествіи своемъ на престолъ: мы только дину дались, никогда ничего подобнаго не слыхивали и не видывали. Прискакалъ Нейдгартъ, отпоротноналъ что-то, и Государь, обратясь къ толпѣ, заявилъ, что москвитцы (Московскій гвардейскій полкъ) не признають его царемъ и бунтуютъ. Народъ заволновался и закричалъ, что никого не допустить до него и никому его не выдать! «Спасибо, ребята, — отвѣчалъ Царь:—хотѣлъ бы, за ваше ко мнѣ расположеніе перецѣловать васъ всѣхъ, но, сами знаете, не могу, а потому поцѣлую ближайшихъ ко мнѣ, а они уже передадутъ мой поцѣлуй и остальнымъ». И онъ обнялъ и поцѣловалъ двухъ-трехъ человекъ, стоявшихъ впереди. «Теперь, — продолжалъ Царь:—не жѣнайте мнѣ распорядиться войскомъ и идите съ Богомъ по домамъ!» И народъ отхлынулъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ намъ, и, поздоровавшись, спросилъ: «Готовы-ли мы идти за нимъ куда велитъ»? Мы отвѣчали: «Хотя на край свѣта! Радъ стараться! Радъ умереть за васъ, наше императорское величество!». Тогда онъ велѣлъ зарядить ружья боевыми патронами, скомандовать: «Къ атакѣ, въ колонну стройся! Четвертый и пятый взводъ прямо! Скорымъ шагомъ, маршъ!» И повернувъ насъ направо, велѣлъ полковому нашему командиру Исленеву вести насъ къ Сенатской площади, гдѣ стояли мятежники. Мы тронулись, при немъ остался только одна рота, съ которой онъ потомъ, сѣвъ на лошадь, и прибылъ на сенатскую площадь. Мы первые присягнули ему, мы первые встали за него, мы первые пошли за него на мятежника, и онъ за то любить насъ и зоветь не иначе, какъ «моя семья»!

— Первыми встали за него финляндцы (Финляндскій гвардейскій полкъ),—перебилъ преображенца егерь:—рота финляндевъ въ караулъ пришла, еще вась не было, онъ вышелъ къ ней и она первая отдала ему императорскую честь, салютовала знаменемъ и была походъ. Первымъ словомъ новаго Царя къ войскамъ былъ его вопросъ финляндской ротѣ: «Присягнула-ли она ему и знаетъ-ли, что присяга ему совершена по волѣ его брата, цесаревича Константина?» Финляндцы отвѣтили, что присягнули и знаютъ. Тогда, значить, вамъ надо показать мнѣ вѣрность на дѣлѣ,—заговорилъ молодой Императоръ:—московцы шалить, не перенимать у нихъ, дѣлать дѣло молодцами! Готовы-ли вы стоять и умереть за меня?» Финляндцы закричали: «Ура, Николай!» Тогда онъ велѣлъ зарядить имъ ружья и самъ отвелъ ихъ къ главнымъ воротамъ дворца. А затѣмъ уже обратился къ народу и сталъ читать манифестъ.

— Ну, это все рано, кто первый сталъ, кто послѣдній,—вышелся въ споръ солдатъ студентъ Стаховичъ:—дѣло въ томъ, что стали за Царя, поэтому я предлагаю выпить за его здоровье.

Раздалось «ура»! и стаканы были опорожнены.

— Все время онъ держалъ себя молодцомъ, истинно по-царски, заговорилъ семеновскій фельдфебель, затинувшись жуковскимъ табакомъ изъ громадной трубки:—истрѣти гренадеръ, бѣжавшихъ на хѣсто бунта, онъ хотѣлъ остановить ихъ и закричалъ: «стой»! Гренадеры ему отиѣчали: «мы не за тебя, за Константина!» «Ну, когда такъ, то воть вамъ дорога!»—воскликнулъ Николай и указалъ имъ на Сенатскую площадь. Гренадеры проходили по обѣ стороны ендѣшинаго на конѣ Царя, нѣкоторые задѣвали амуницией ему за ноги. Нужно мужество, что бы нахѣдиться одному среди обезумѣвшихъ бунтовщиковъ, и полное хладнокровіе. Или воть, когда мятежники стрѣляли по нашимъ на Сенатской площади и нѣкоторые молодые солдатики сторонились отъ пуль, онъ выскакалъ впередъ за ряды войскъ и сталъ, какъ на разномѣ, впереди всѣхъ. Развѣ это не храбрость?... храбрость!

— Итъ, лучше всего, какъ онъ обрѣзалъ нѣмца — засмѣялся преображенецъ: каналеръ какой то иностранный, говорили даже посланники, подошелъ къ нему на Сенатской площади и говорить: «Мы за васъ, государь, мы вамъ поможемъ если хотите!» Такъ онъ его такъ турнулъ, что тотъ едва пятки унесъ. «Убирайтесь, крикнулъ:—это дѣло не наше, это дѣло мое, чисто семейное, я его и безъ васъ устрою». Молодецъ, право!

— А правда-ли, что дворецъ то, какъ говорить, чуть не захватили мятежники? — спросилъ одинъ изъ устроителей печера Вольскій.

— Нѣтъ, саперы не допустили! — отозвался семеновецъ: — саперы за полчаса раньше заняли дворецъ, они стояли уже у главныхъ поротъ, на государевомъ и посольскомъ подъѣздахъ, какъ прибѣжали мятежные гренадеры. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ ихъ командиръ, подумалъ, подумалъ, да и махнулъ рукой. «Это не наши, ребята», — сказалъ онъ и повелъ своихъ на Сенатскую площадь.

Студентъ Обрушнинъ предложилъ выпить за саперъ. Выпили.

— А правда-ли, что Наслѣдника выносили изъ дворца подъ защитою войскъ? — спросилъ Стаховичъ.

— Это чистая выдумка! — возразилъ преображенецъ: — послѣ усмиренія мятежа, когда Государь возвратился во дворецъ, онъ пожелалъ показать войскамъ своего сына. Царскій камердинеръ вынесъ его на рукахъ, и молодой Императоръ, передавая его на руки георгиевскимъ кавалерамъ, просилъ поцѣловать его, какъ онъ самъ ихъ любитъ. Потомъ вызвалъ отъ каждой роты по одному человѣку и велѣлъ Наслѣднику поцѣловать ихъ. Конечно, поцѣлки были изъ восторга, солдаты цѣловали ручки и ножки Наслѣдника престола, а онъ, поцѣловавъ одного солдата, схватилъ за носъ, а другого за бакъ. Потомъ вдругъ отнять ручку, — сказалъ: «Какіе жесткіе у тебя нососы!» А теперь, смотри, какой молодецъ!

Студентъ Мухинъ предложилъ выпить за «молодца Наслѣдника» и всѣ чокнулись и выпили.

На вопросы о числѣ мятежниковъ, ихъ планахъ и цѣляхъ, солдаты отбѣчали: «А кто ихъ знаетъ, намъ не вѣдомо».

Прошло 8 часовъ — и солдаты стали собираться домой, «на переключку», какъ выразился сержъ. Одышавшись, они очень вѣжливо поблагодарили хозяевъ за хлѣбъ-соль, подку и табакъ. Студенты дружески пожали имъ руки и подарили на память студенческаго, какъ выразился Вольскій, побратимства по фунту жуковского табачку, а фельдфебелю, кромѣ того, и большому пѣвочную трубку. Обрушнинъ предложилъ выпить «отпальную». Выпили и разошлись.

Описаніе этого печера, конечно, болѣе подробное приведеннаго мною, было составлено распорядителями его, и циркулировало потомъ въ извѣстныхъ кружкахъ молодежи. Для людей конца XIX вѣка подобныя приглашенія и распросы солдатъ могутъ казаться крайне неумѣстными, смѣшными и даже глупыми, но для того,

запретнаго, времени они являлись единственнымъ источникомъ для выясненія интересовавшихъ общество событий и были пикантной новостью дня, о которой говорили и упоминали потомъ долго. Я же занималъ объ этомъ просто, какъ объ историческомъ фактѣ.

10 сентября совершена закладка храма Христа Спасителя на берегу рѣки Москвы, близъ Каменнаго моста. Мысль о постройкѣ храма принадлежитъ императору Александру I. Въ благодарность Господу Богу за изгнаніе изъ Россіи французовъ въ 1812 году, онъ положилъ воздвигнуть храмъ, который бы выражалъ собою идею благодарности неперемѣнному Промыслу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, напоминалъ потомству о доблестныхъ дѣлѣхъ его предковъ. Въ манифестѣ о созданіи храма, состоявшемся 25 декабря 1812 года, говорилось между прочимъ: «И да стонетъ храмъ сей многіе вѣка, и да куритенъ въ немъ, предъ святымъ Престоломъ Божиимъ, кадильца благодарности до позднѣйшихъ родовъ вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ». Храмъ этотъ первоначально предполагалось построить на Воробьевыхъ горахъ по проекту академика живописи Карла Витберга. Проектъ талантливаго, но несчастливаго художника представлялъ феноменально-рѣдкое явленіе. Предполагалось воздвигнуть трехъ-этажный храмъ, вышиною 110 сажень, съ колоннадою по обѣимъ сторонамъ храма въ 300 сажень длины, а на концахъ ся—два памятника по 50 сажень высоты каждый: одинъ изъ нушекъ, отбитыхъ у неприятеля во время преслѣдованія его отъ Москвы до русской границы, другой—изъ нушекъ, взятыхъ у него во время похода отъ границы до Парижа. Зданіе гигантское, дѣлающее честь гению художника-мыслителя, но въ самомъ сущестѣ своемъ по многимъ неисполнимое. Укажу хотя на то обстоятельство, что мы не взяли у французовъ и ихъ союзниковъ въ войны 1812 — 1814 годовъ столько нушекъ, чтобы воздвигнуть изъ нихъ два памятника, по 50 саж. высоты каждый. Мѣстомъ для постройки избрали Воробьевы горы, но почва мѣстности, гдѣ предполагалось строить храмъ, оказалась вносѣдствіи неудобной—чрезвычайно рыхлою и не могущей выдержать тяжести колоссальной постройки. Самый способъ постройки храма рабами *) не могъ

*) Для земляныхъ работъ, добыванія матеріаловъ и постройки храма, куплено было комиссіей для постройки храма 23.234 души помѣщичьихъ крестьянъ, которые и давали храму ежегодно 6.000 работниковъ.

гарантировать успешности и прочности работы. Закладка храма на Воробьевых горах была совершена 12 октября 1817 года, работы продолжались до 1825 года. Но «строитель, как выразился московский военный генерал-губернатор, князь Д. В. Голицын, хотѣлъ одинъ ѣсть хлѣбъ». А такъ какъ одному ѣсть хлѣба нельзя, когда вокругъ масса людей лязгаетъ зубами, то, конечно, начался пререканіе, ссоры и кляузы, кончившіяся тѣмъ, что комиссію сооруженія храма закрыли, членовъ ея передали суду, а строителя Витберга сослали въ Вятку. 4.132.560 р., израсходованныхъ комиссіей на первоначальныя работы, списали со счетовъ, работъ-работниковъ передали въ казенное ведомство, остатки заготовленныхъ матеріаловъ частью продали, частью отдали погорѣльцамъ села Песовитскаго, частью бросили. Въ тридцатыхъ годахъ дѣло постройки храма вступило въ новый фазисъ. Мѣсто для его сооруженія избрано императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Самыя храмы предположено соорудить въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, но проекту архитектора К. А. Тона. Для постройки храма учреждена новая комиссія, подъ предѣлительствомъ московскаго военнаго генерал-губернатора, работы начались въ 1838 году и ко времени закладки быть было положенъ и фундаментъ зданія высленъ выше уровня земли.

На торжественно закладки я явился съ Назаровымъ. Мы пришли на мѣсто закладки утромъ рано, но народу было уже такъ много, что мы не могли найти мѣста, откуда можно было бы видѣть церемонію. Построенныя для публики особыя мѣста Москва раскупила заблаговременно, а за двѣ-три оставшіяся скамейки просили баснословно дорого. На мѣстѣ закладки бѣлалась довольно большая и хорошо выровненная горизонтальная плоскость съ выдающимися изъ земли очертаніями стѣнъ, окруженная массой строительнаго матеріала. Надъ этой плоскостью высились обширная богато убранная палатка, съ шестланымъ до нея мостками, покрытыми краснымъ сукномъ. Справа отъ палатки видѣлся простой, тонорной работы деревянный крестъ, рабочіе наполняли дворъ храма, что-то носили, что-то дингали, что-то убирали. День, не смотря на сентябрь, былъ солнечный, безвѣтряный и теплый. Городъ убраденъ по праздничному: въ окнахъ и на балконахъ домовъ видѣлись разноцвѣтные кофры, цвѣты и зелень. Не найдя мѣста около храма, мы отирались искать его на Красную площадь, обогнавъ Кремль и пристроились на грудѣ строительныхъ матеріаловъ близъ Синаскихъ воротъ.

На всемъ протяженіи отъ Успенскаго собора до мѣста закладки стояли пикалерами войска, сперва каналерія, потомъ пѣхота. Народъ запрягалъ всѣ улицы и Красную площадь. По совершеніи божественной литургіи митрополитомъ Филаретомъ въ Успенскую соборъ, началось церемониальное шествіе съ хоругвями и чудотворными иконами Богоматери Владимірской и Иверской. Процессія слѣдовала изъ Кремля, чрезъ Никольскія ворота, по линіи стѣнъ Кремля, мимо Спасенскихъ воротъ, по набережной Москвы рѣки и Пречистенскъ. Первые ея ряды вышли на Красную площадь около полудня. Во главѣ процессіи шли пикалеры 1812 года, потомъ комиссія для постройки храма, далѣе длинный рядъ придворныхъ и другихъ чиновъ, камеръ-юнкеровъ, камергеровъ, сенаторовъ, генераловъ, участвовавшихъ въ войнѣ 1812 года, среди которыхъ особенное вниманіе обращали на себя Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, графъ М. С. Воронцовъ, графъ А. П. Чернышевъ, князь П. О. Паскевичъ, графъ К. О. Толь, князь Н. М. Волконскій, графъ П. П. Паленъ, графъ В. В. Орловъ-Денисовъ, П. А. Тучковъ и др. Потомъ слѣдовало духовенство, пѣчие, хоругви, образа, ряды диаконовъ, священниковъ и іеромонаховъ, архимандриты, епископы и митрополитъ Филаретъ. За митрополитомъ шло шествіе государя императора Николая Павловича, съ наследникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, эрцъ-герцогъ Австрійскій, принцы Пруссій, Нидерландскій и Виртенбергскій и свита Его Величества и адъютанты принцевъ и герцоговъ, министры, члены государственнаго совѣта и другіе сановники. Колокольный звонъ всѣхъ церквей столицы, отдаваніе чести войсками, преклоненіе знаменъ, музыка, команда и барабанный бой, шитые золотомъ мундиры, плюмажи и перья шляпъ, звѣзды, ленты, ордена, эполеты, каски, кинжера, парчевыя ризы священнослужителей, нарядные кафтаны купечества, все это имѣло въ себѣ взятое усугубляло торжественность минуты и производило сильное впечатлѣніе. При приближеніи процессіи, вся масса народа, какъ бы по командѣ обнажила головы и остыпалась крестнымъ знаменіемъ. Нѣкоторые благочестиво вспоминали покойнаго императора Александра Благословеннаго и молились за упокой его души. Болѣе часу прошло, пока вся процессія прослѣдовала мимо.

Мы не дождалась обратнаго шествія процессіи, сочтя за лучшее заблаговременно избѣжать изъ окружающей толпы, и отирались домой.

Вечеромъ студентъ Вольскій, бывшій на мѣстѣ закладки храма, говорилъ, что въ основаніе храма положенъ Государемъ камень съ предметами закладки храма въ 1817 году и крестообразно вырѣзанной доской съ двумя плитками, изъ коихъ одна съ его именемъ, а другая — съ именемъ Императрицы. Подобныя же плитки съ своими именами положили: Паскѣвичъ Цесаревичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, герцоги, принцы и митрополитъ. Кромѣ того положено: 30 золотыхъ подумпериалонъ, 24 серебряныхъ пятиалотника, и по 60 четвертаконъ, двугривенныхъ, пятиалтынныхъ и гривенниконъ, всѣ монеты чекана 1839 года. Митрополитъ Филаретъ произнесъ при этомъ рѣчь — одинъ изъ шедевровъ духовнаго краснорѣчія, въ которой сравнилъ императора Николая съ царемъ Соломономъ, такъ какъ на долю ихъ обоимъ выпало счастье освидѣнннхъ храмовъ Богу Истинному, тогда какъ мысль о созданіи храмовъ принадлежала ихъ вѣнценоснымъ предшественникамъ.

На другой день, бывши въ гостяхъ у А. П. Шестова (извѣстнаго впоследствии московскаго городского головы), я слышала отъ него, что Государь, послѣ закладки храма, бесѣдуя съ княземъ С. М. Голицынымъ, изволилъ отозваться: «Вотъ владыко сравнилъ меня съ Соломономъ, которому послѣ царя Давида, какъ и мнѣ послѣ брата Александра, предопредѣлено было свыше возсоздать храмъ Богу Истинному. Не знаю, удастся-ли мнѣ создать въ Москвѣ такой же великолѣпный храмъ, какъ создалъ Соломонъ въ Иерусалимѣ; но знаю, что рядомъ съ храмомъ со имя Христа Спасителя, я не воздвигну уже храма Ваау. Для меня нѣтъ Бога иного, кромѣ Бога Истиннаго».

Въ память торжества закладки храма выдана медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ, какъ на медали 1812 года, Всендѣннаго Ока, съ надписью: «Не Намъ, не Намъ, а имени Твоему», а съ другой — вида строящагося храма и надпись: «Защитца Александръ, началъ исполненіе Николай I».

Во все время нахожденія царя въ Вѣлкахеинной, Москва несслалась до упаду. Выходы во дворцѣ, обѣды у генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, дворянскій балъ, вечеръ въ только что открытомъ въ Петровскомъ паркѣ показѣ, который удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Государь Императоръ, составляли такіе крупныя событія для Москвы, что они многіе годы были въ памяти добродушныхъ москвичей, и для многихъ составили эпоху жизни. Гвардейскихъ войскъ Москва послѣ того не видѣла долго, именно до коронаціи Императора Александра II въ 1856 году. А это чего-нибудь стоитъ.

Но и гвардейцам не могла не быть памятна Москва. Не говоря уже о том, что доступно каждому большому цивилизованному городу, перепрестольная данала своим гостям такія своеобразныя, исключительно истинныя удовольствія, о которых ниня цивилизованныя страны не имѣютъ даже понятія. Я говорю о цыганахъ и медвѣжьей травлѣ.

Цыгане составляли исконную славу и гордость Москвы. Ихъ хоры извѣстны были, по слухамъ, въ Парижъ и Лондонъ. Но жили они постоянно въ Москвѣ. Гастроли ихъ, а потомъ и самое переселеніе въ Петербургъ и другіе наши города начались не ранѣе сороковыхъ годовъ. Поэтому, не только гвардейскій офицеръ или петербургскій администраторъ и магнатъ, но каждый прѣѣзжавшій въ Москву иностранецъ-художникъ, музыкантъ или писатель, считали долгомъ послушать «дикую пѣсню» цыганъ, полюбоваться ихъ «огневою» пляскою. Знаменитый виртуозъ-пианистъ Листъ, какъ извѣстно, въ день перваго своего концерта въ московскомъ дворинскомъ собраніи, былъ увезенъ къ цыганахъ и тамъ такъ заглумился и увлекся ихъ пѣніемъ, что заставилъ собравшуюся въ концертъ публику ждать себя болѣе часа. За то перной его піесой, которую онъ сыгралъ въ концертъ, по возвращеніи отъ цыганъ, была его извѣстная импронизация на цыганскіе мотивы, доставившая ему самыя восторженныя оваціи. У цыганъ по недѣлямъ пропадали раскутлившіеся бары. Самъ А. П. Ермоловъ иногда наѣзжалъ въ таборъ. Онъ любилъ безшабашную разнузданную пляску и гиканіе цыганскихъ пѣсень. Узнавъ, что извѣстный организаторъ цыганскаго хора Пляя Соколовъ задумалъ отправиться съ хоромъ въ Петербургъ, онъ прѣѣхалъ къ нему и долго уговаривалъ не дѣлать этого, чтобы не подорвать славы московскаго табора. Когда же Соколовъ, прельстясь на заманчивыя предложенія, потѣхалъ въ Петербургъ съ лучшими солистками хора, онъ съ горечью упрекалъ оставшагося въ Москвѣ его племянника и пророчески говорилъ: «Будете кочевать — пропадете, сидете въ Москвѣ остѣдло — будете благоденствовать».

Медвѣжья травля была также исконное наслѣдіе добраго стараго времени. Пастари наши бояре, служивые и посадскіе люди любили всякіе схватки и бои, будь это бой кулачный, травля дикаго зѣбры или бой пѣтушиный. Всякая подобная потѣха имѣла своихъ поклонниковъ и собирала сотни, а иногда и тысячи людей. До нынѣ еще памятливы Москвитъ кулачныя бои, которые устраивалъ въ началѣ текущаго столѣтія вельможа, графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій. Со време-

всѣмъ, конечно, потѣхи и забавы эти замѣнялись болѣе утонченными, но въ 1839 году въ Москвѣ не только существовали кулачные бои съ травля медвѣдей, быковъ и кабановъ собаками, но послѣдніе по-прежнему ждала большое вниманіе общества и служила предметомъ оживленнаго спорта. Для нея былъ выстроенъ особый амфитеатръ за Рогожской заставой, и тамъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ давались кровавыя зрѣлища. Какъ сейчасъ ниже этотъ амфитеатръ. Версты полторы или двѣ отъ заставы, вправо, стояло небольшое деревянное одноэтажное зданіе. Нѣчто въ родѣ цирка, съ круглою ареною посрединѣ, — жалкая пародія на амфитеатры для бои быковъ въ Испаніи. Арена, выравненная и посыпанная пескомъ, имѣла пространство не болѣе 200—300 квадратныхъ сажень и была обнесена высокими барьерами, вокругъ котораго шли въ два ряда мѣста для зрителей. Противъ входа въ мѣста устроены были ворота для выпуска зѣрей, а справа дверцы для вывода собаки. Нужно думать, что учрежденіе это процвѣтало, такъ какъ цѣны на мѣста назначены были, относительно того времени, довольно высокія, именно: первое мѣсто—два рубля, а второе—одинъ рубль. Самыя афиши о травлѣ зѣрей составлялись курьезно и по смыслу, и по своему типичному, неподражаемому языку. Вотъ что, напримеръ, гласили сентябрьскія афиши 1839 года. «Амфитеатръ за Рогожской заставой. 3 сентября, въ воскресенье, будетъ большая травля разныхъ зѣрей лучшими медвѣдскими собаками и англійскими мордашками наускомъ по охотѣ. Вновь привезенный ужаснаго роста медвѣдь, называемый «Давило», будетъ травиться отличными медвѣдскими собаками на залогъ на 100 рублей. Названныя собаки: первая привезенная изъ Ризани, «Халуи», вторая здѣшняя «Вушуй». Начало въ 5 часовъ. Принимка: сонный медвѣдь будетъ привязанъ на полной свободѣ». 10, 14 и 17 сентября, послѣ такого же, какъ выше приведено, вступленія о травлѣ разныхъ зѣрей, въ афишахъ говорилось: «Охотники приглашаются съ своими собаками. Нашъ етнй охотникъ Богатыревъ будетъ нускать своихъ собакъ, между прочимъ, будетъ травиться дикой черноморской быкъ медвѣдскими собаками и англійскими мордашками. Сего быка собаки непреятно должны, по договору съ охотниками, побѣдить. Въ заключеніе будетъ травиться ужаснаго роста и свирѣлости такъ-называемый «Хрякъ» или «Кабанъ». Дикіе кабаны ходятъ въ непроходимыхъ лѣсахъ; охотники кабановъ ловятъ или убиваютъ оныхъ съ большою опасностью; утѣраютъ, что не могутъ оныхъ взять медвѣдскія собаки

и англійскія мордашки. Содержатель, желая доставить удоуольствіе пость-тителямъ, любящимъ полную охоту; наметъ злѣйшаго русскаго кабана и будетъ пускати на онаго своихъ собакъ для драки; сперва пустятся англійскія мордашки, если не одолѣють, подпустятъ на помощь ме-дведяскія собаки. Будетъ пущено на кабана не болѣе трехъ собакъ».

Вотъ, эти то значныя мѣста наиболѣе, чѣмъ обычныя для джентльменовъ удоуольствія, влекли къ себѣ прибывшихъ въ Москву гостей. Блестящіе гвардейскіе офицеры и придворные кавалеры не желали уступать московскимъ толстосумамъ ни въ чемъ въ области общедоступныхъ развлеченій и, поэтому, у цыганокъ и на травлѣ, какъ наздѣ, каждый хотѣлъ торжествовать, или споры, держались пари, бросались деньги на ифтеръ, но бралъ верхъ и торжествовалъ тотъ, кто могъ болѣе бросить. Всѣ эти Манин, Стени и Любанн—тогдашній цыганскіе солдети, всѣ эти «Давилы», «Халуи» и «Вушун» стоили тысячъ и, повтому, гости Москвы должны были ее помнить, и даже не жене, чѣмъ она ихъ. Воспоминанія объ утраченныхъ конелькахъ иногда живутъ долѣе, нежели воспомина-нія о сердечныхъ пріемахъ великобѣтскихъ красавицъ. Графъ М. С. Воронцовъ проигралъ «извѣстному охотнику Богатыреву» почти мимоходомъ предложенное имъ пари за мордашку въ 10.000 рублей. Этому великобѣ-богачу ничего незначило проиграть по-добную сумму, но были другія пари, проигрывать которыхъ заста-влялъ нѣкоторыхъ лицъ поѣхать мѣсто Петербурга—въ деревни.

Зстетическихъ удоуольствій для своихъ высокихъ гостей Москва приготовила не особенно много. Не смотря на то, что въ составѣ ея драматической и другихъ труппъ императорскаго театра находи-лось тогда очень много даровитыхъ артистовъ и артистокъ, какъ, наприимѣръ: Щенкинъ, Мочаловъ, Никифоровъ, Самаринъ, Шумскій, Усачевъ, Садовскій, Ленскій, Жинюкини, Лавровъ, Вантышевъ, Са-бунова, Леопа-Синецкая и Н. Рѣпина, во все время пребыванія Гусудира въ Москвѣ, дирекціей театровъ было поставлено только на большомъ театрѣ два спектакля, и на маломъ—три. На первомъ 7 сентября, шла историческая была Н. А. Полевого «Дѣдушка рус-скаго флота» и, 8 сентября, опера А. Н. Веретовскаго «Тоска по родинѣ». На послѣднемъ же французскою труппой, съ только что вернувшейся изъ Парижа m-lle Константъ, исполнены піесы: «Riquiqui» (9 сентября) и два раза «Lequin a Draguidon», (6 и 13 сентября). Кромѣ того, виртуозъ императора австрійскаго и первый теноръ миланской сцены, г. Поджи, далъ два музыкальных утра

въ фойе большого театра 6 и 9 сентября. Конечно, все это слышномъ мнѣшно, но нельзя не принять во вниманіе, что открытіе въ то время спектаклей зпняго сезона происходило гораздо поздыѣ, чѣмъ нынѣ, а именво: 15 сентября, т.-е. когда Государь и другіе высокіе посѣтители изъ Москвы уже выѣхали.

За то аристократическихъ баловъ было много. Пользуясь нахлынувшю въ Москву массою военной и придворной молодежи, высшее общество танцовало до упаду. Кромѣ упомянутыхъ выше баловъ московскаго дворянства и въ вокзалѣ Пестровскаго парка, были еще балы: 6 сентября, у хозяйна Москвы, князя Д. В. Голицына, и, 9 сентября, у князя С. М. Голицына. Государь Императоръ съ великими князьями, принцами и герцогами, удостоивалъ всѣ эти балы своимъ посѣщеніемъ, и своей простотой и милостивымъ вниманіемъ придавалъ имъ особый блескъ и оживленіе.

4 сентября, въ высочайшемъ присутствіи, состоялся разводъ отъ 2 учебнаго карабинернаго полка, а 6—ученье батальону кадетъ московскаго кадетскаго корпуса. 5 сентября государь изволилъ быть въ Екатерининскомъ и Александровскомъ институтахъ благородныхъ дѣвицъ и посѣтилъ Мариневскую больницу, 6—обозрѣвалъ арсеналь, 7—воспитательный домъ и Александровскій сиротскій институтъ, 8—вдовій домъ. Москва съ утра до вечера стояла на ногахъ. Кремль, улицы и жѣстоности, гдѣ проѣзжалъ, или куда пріѣзжалъ Государь, были буквально залиты тысячами народа. Одно его появленіе электризовало массы и восторженные клики «ура!» гремѣли и, какъ раскаты эхо, неслись за его экипажемъ изъ одного конца города до другого. Иногда, вслѣдствіе скопленія пародныхъ массъ, проѣздъ Государя замедлялся. Толпа обступала коляску Царя со всѣхъ сторонъ, нѣкоторые смѣлчакъ вскакивали на подножку и цѣловали руки и края одеждъ любимаго монарха съ благоговѣніемъ. Государь милостиво раскланивался на всѣ стороны, иногда говорилъ народу свое «спасибо», и разъ какъ-то, на углу Охотнаго ряда и Тверской, просилъ толпу разступиться и пропустить его, иначе онъ опоздаетъ пріѣхать къ назначенному имъ часу.

Многіе обращались къ великодушію и милосердію Самодержца. Такъ, въ проѣздъ его величества къ разводу 2 учебнаго карабинернаго полка, на Воскресенской площади, палъ передъ коляскою Государя убитенный сѣдинамъ старецъ въ дворянскомъ мундирѣ и, воздѣвъ къ нему руки, зывалъ о милости. Николай Павловичъ приказалъ остановить коляску, поздравилъ къ себѣ старика, выслу-

шалъ его жалобу на обиды и притѣсненія родственниковъ, завладѣвшихъ его имѣніемъ, во время службы его на Кавказъ и милостиво спросилъ его.

— А есть у тебя прошеніе ко мнѣ?

— Какое можетъ быть, ваше императорское величество, прошеніе у стараго солдата! — отвѣчалъ облаканный старикъ: — подавалъ я десятокъ прошеній въ разные суды на твое имя, Государь, и ни на одно не получилъ удовлетворенія. Что дѣлать, лично рѣшился предстать предъ твои свѣтлыя очи: какъ ты рѣшишь, належа-государь, такъ ужъ пусть и будетъ.

— Хорошо, — отвѣтилъ благосклонно государь: — ступай во дворецъ и жди меня.

Возвратясь съ развода, царь повелѣлъ выдать старику (какъ говорили тогда, капитану Ойрсову), изъ собственной шкатулки 500 рублей, а дѣло его вытребовать и рассмотреть въ Петербургѣ.

— Потѣжай съ Богомъ домой — трепалъ старика по плечу Государь на прощанье: — а чѣмъ будетъ рѣшено твое дѣло — я тебя уведомяю.

Также онъ принималъ у вдовьяго дома и также благосклонно выслушалъ просьбу престарѣлой вдовы — солдатки о возвращеніи ей, для прокормленія ея на старости, сына-кантониста. Просьбу эту тоже приказалъ, какъ говорили потомъ, удовлетворить.

Вечеромъ 10 сентября, т.-е. въ день закладки храма Христа Спасителя, Москва была иллюминирована. Кремлевскія стѣны со стороны сада и самый садъ, а также всѣ прилегающія къ Кремлю площади и улицы ярко освѣщались громадными щитами и транспарантами, составленными изъ разноцвѣтныхъ шкаликовъ, и массой горѣвшихъ въ окнахъ зданій свѣчей, и на тротуарахъ — пломекъ. Народъ буквально затоплялъ кремлевскій садъ и всѣ окрестности, по которымъ въ нѣсколько рядовъ катались, въ экипажахъ, знатъ и лучшее общество столицы. Около 9 часовъ появился въ публичнѣйшавшій съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Государь Императоръ, а вслѣдъ за нимъ и прочіе высокіе гости Москвы. Они прослѣдовали по всей цѣпи залитыхъ огнями стѣнъ Кремля и по нѣкоторымъ улицамъ, приветствуемые повсюду ликовавшимъ народомъ съ живѣйшимъ энтузіазмомъ.

11 сентября, московское купечество, съ Высочайшаго созволенія, дало въ экзерциръ-гаузъ обѣдъ прибывшимъ на закладку храма частямъ гвардейскихъ войскъ. Столы для нижнихъ чиновъ

были накрыты въ 4 ряда, по 16 столовъ, на 60 человекъ каждый. Въ концѣ же манежа распорядители устроили небольшое возвышеніе, убранное дорогими коврами и экзотическими растеніями, гдѣ накрыли завтракъ для свиты его величества и офицеровъ гвардейскаго отряда.

Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ и принцами, въ сопровожденіи генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго, свиты и генералитета, изволилъ удостоить обѣдъ своимъ посѣщеніемъ.

У подъѣзда экзерциръ-гауза встрѣтили его величество московскій городской голова и депутатія отъ купечества (устроителей обѣда). Войдя въ манежъ, Государь поздоровался съ войсками, и когда радостные клики: «здравія желаемъ, ваше императорское величество», потрясли стѣны зданія, послѣдовало приказаніе снять кивера и садиться за столы. Во время обѣда Царь съ сопровождавшими его лицами проходилъ по столамъ и, пробуя солдатскій борщъ и другія кушанья, изволилъ неоднократно изъявлять свое высокое удовольствіе хозяевамъ обѣда, и за радуміе приѣма, и за усердное угощеніе солдатъ.

Обоидя всѣ ряды столовъ, Государь Императоръ милостиво разговаривалъ съ купечествомъ, и между прочимъ, изволилъ отозваться, что угощеніе солдатъ хлѣбомъ-солью, доказывающее гостепріимство жителей Москвы, столь пріятно, что онъ принимаетъ его такъ, какъ усердіе, лично его величеству оказанное. И тутъ же, потребовавъ вина, соизволилъ пить за здоровье московскаго купечества. Прямѣру его послѣдовали великіе князья, герцогъ и принцы. Затѣмъ, побѣстѣдовавъ еще нѣсколько времени съ купечествомъ о развитіи торговли и фабричной промышленности въ Москвѣ и изъявивъ еще разъ свое высокое удовольствіе всѣмъ лицамъ, бывшимъ хозяевами обѣда, его величество изволилъ удалиться. Великіе же князья, герцогъ и принцы, а также генераль-фельдмаршалъ, свита государя и генералитетъ, проводивъ Императора, возвратились въ экзерциръ-гаузъ и удостоили участія завтракъ, приготовленный для свиты и гвардейскихъ офицеровъ.

Солдаты гвардейскаго отряда, по прибытіи въ Москву, никакой службой не несли. Отбывъ бородинскіе маневры, продолжавшіеся нѣсколько недѣль, они получили отдыхъ и пользовались свободой осматривать городъ и навѣщать своихъ родныхъ и знакомыхъ. Великій

князь Михаилъ Павловичъ, главный начальникъ гвардейскихъ войскъ, предписалъ, чтобы гвардейскіе нижніе чины, при выходѣ изъ казармъ, были одѣты по формѣ, и, посѣщая родныхъ и знакомыхъ, въ питейные дома не ходили и вообще вели себя трезво и благочинно. И, дѣйствительно, случаевъ нарушенія дисциплины почти не было. Но въ семьѣ не безъ уroda. Разъ какъ-то, великій князь Михаилъ Павловичъ около полудня ѣхалъ въ военный госпиталь, въ Лефортовѣ. Прѣзжая Нѣмецкой слободой, онъ встрѣтилъ небольшую кучку фабричныхъ и среди нихъ громко разсуждавшаго и помахивавшаго находившагося въ рукахъ косушкой подки егеря.

— Это что такое!—закричалъ великій князь, остановивъ коляску, въ которой ѣхалъ съ какимъ-то генераломъ:—егерь, поди сюда!..

Солдатикъ, увидавъ грознаго царева брата, оторопѣлъ и, не зная что дѣлать, топтался на мѣстѣ.

— Что же ты неидешь,—повторилъ великій князь:—поди сюда, я тебѣ приказываю!

— Бьюсь, ваше императорское высочество, — лепеталъ егерь:—казнить будете.

— Да что же я, палачъ, что-ли! — испулилъ великій князь:—поди сюда, говорю тебѣ!—И не дожидаясь отвѣта, вышелъ изъ коляски и пошелъ къ егерю на встрѣчу.

Егерь, видя, что спасенія нѣтъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился.

— Это что такое у тебя въ рукахъ?—искричалъ великій князь, указывая на косушку.

— Косушка подки, ваше императорское высочество, которую я вотъ хотѣлъ раскопать съ земляками.

— Развѣ ты не знаешь, что я приказалъ, чтобы вы въ Москвѣ по кабакамъ не ходили и не пьянствовали?

— Ваше высочество, я въ кабаки и не былъ, — проговорилъ какъ-бы съ упрекомъ егерь:—а косушку эту принесъ вотъ Тимонька, я же ее взялъ только въ руки и кое-что сказалъ, какъ пить надо вино съ толкомъ.

— И этого нельзя дѣлать,—сказалъ великій князь—ходить по улицамъ съ косушкою въ рукахъ.

Солдатикъ былъ смущенъ и уже успѣлъ опладѣть самимъ собою. Улыбнувшись, онъ отвѣтилъ уже бойко.

— Не извольте беспокоиться, ваше высочество, вѣдь я самъ Пинетти. Вотъ вы изволите видѣть косушку подки, а другіе не

видать. Я вас сейчас удостою. И солдатикъ, взявъ козюшку, поднявъ, показалъ и громко прочиталъ: разъ, два, три! махнулъ рукой, повернулся около великаго князя — и козюшка исчезла. Онъ самодовольно протянулъ впередъ обѣ руки и раскрылъ ладони, онѣ были пусты. Фабричные стояли въ нѣсколькихъ шагахъ, и великій князь изумился: куда солдатъ могъ дѣтъ козюшку?

— Итъ-ли у васъ, ваше высочество, какой-нибудь монеты, я вамъ покажу больше, — говорилъ уже самоуверенно егеръ.

Великій князь оглянулся на генерала. Тотъ вынулъ изъ кошелька рубль и подаль.

Солдатикъ взялъ его между пальцами и съ тою же полуулыбкою проговорилъ:

— Смотрите, ваше высочество, исполите видѣть рубль — и онъ вынулъ руку и показалъ монету. — Читайте, ваше высочество, разъ, два, три! Онъ махнулъ рукой, раскрылъ ладонь — и рубля не было.

Великій князь стоялъ въ изумленіи. Толпа пребывала.

— Познате, ваше высочество, что вы его спрятали, — говорилъ серьезно егеръ и вынулъ рубль изъ-за ботфорта великаго князя. Михаилъ Павловичъ разсмѣялся.

— Да онъ и въ самомъ дѣлѣ! — Пинетти. А ну, повтори!

Солдатъ повторилъ фокусъ еще ловчѣе и вынулъ рубль изъ-за галстуха генерала.

Фабричные и народъ, котораго набралось уже довольно много, смѣялись.

— Ну, хорошо, Пинетти — отозвался великій князь: — возьми себѣ этотъ рубль на память и ступай гулять. Да только ты смотри у меня — пригрозилъ, разсмѣялся Михаилъ Павловичъ: — впредь на мѣстѣ быть и въ порядкѣ!.. Не то, я тоже итъ Пинетти, возьму тебя, скажу: разъ, два, три! — и тебя не будетъ. Вынуть тебя, потомъ, пожалуй, изъ какой-нибудь гауптвахты. И великій князь сталъ садиться въ коляску.

— Не исполте беспокоиться!.. Благодарю покорно, ваше высочество! прощалъ его егеръ. — Ребята, обратился онъ къ народу — «ура!» его высочеству!

И громкое «ура!» прокатилось вѣдѣ за удалявшейся коляской.

Эпизодъ этой истрѣи завершился въ госпиталѣ, гдѣ за обморогомъ шпалеи великаго князя, когда ее сняли, оказалась сунутая егеремъ козюшка.

— А! Это меня Пипетти наградила, разсѣлся Михаилъ Павловичъ, и разсказалъ петрътиннику его начальству о проказахъ естери.

Случай этотъ передать былъ мнѣ однимъ изъ госпитальныхъ прачекъ, слышавшихъ его отъ самого великаго князя и подтвержденъ потомъ случайно петрътинникомъ очевидцемъ.

14 сентибри, въ 9 час. вечера, Государь Императоръ исполнилъ выѣхать изъ Москвы, а несѣды за нимъ отбыли великіе князья, принцы и свита, гвардія тоже выступила и Москва погрузилась въ обычную дрему. Въ 9 часовъ вечера, въ то время, съ граждане предавались сну. Только полиція бодрствовала, и то не всегда и не всѣхъ. Доказательствомъ тому служить тотъ фактъ, что зимою 1839 года, въ одну изъ несчастныхъ ночей, какіе-то путники собрали и доставили къ дому оберъ-полиціймейстера двѣнадцать аллебардъ, похищенныхъ ими у спавшихъ будочниковъ.

Назаровы и Т. Н. Грановскій.

Т. Н. Грановскаго я встрѣчалъ въ Москвѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, у А. П. Назаровой, жившей на Тверской улицѣ, въ домѣ Жаркова. Она имѣла двухъ сыновей, студентовъ, Василія и Павла Ивановичей, жившихъ съ нею, и дочь, выданную замужъ за какого-то тамбовскаго помѣщика. Я посѣщалъ Павла Ивановича разъ, а иногда и два въ недѣлю, чтобы набираться ума-разума. Онъ училъ меня русской словесности, давалъ читать книги и вообще руководилъ моими первыми шагами на поприщѣ жизни.

Первый разъ я видѣлъ Грановскаго въ небольшомъ кругу гостей Александры Пикитиной, за вечернимъ чаемъ. Онъ уже тогда составлялъ себѣ имя даровитаго ученаго; поэтому его встрѣчали съ особенной предупредительностью. Я зналъ его по наслышкѣ; говорили, что онъ умица, за слоюзъ въ карманъ не возьметъ, слѣдовательно, встрѣча съ нимъ представляла для меня двойной интересъ. Я пошелъ въ комнату несмѣло, конфузясь поклонился и сѣлъ въ уголокъ. Тимофей Николаичъ сидѣлъ у стола, вблизи хозяйки, рядомъ съ которою помѣщались двѣ какія-то молодыя дамы, почтенный старичокъ, съ титуломъ превосходительства, солидный чиновникъ губернскаго правленія и нѣсколько студентовъ. Грановскій показался мнѣ

еще очень молодым; манеры его были мягки, речь тихая, выразительная. Он говорил в этот вечер немного, но каждое его слово, каждая фраза выходили такими красивыми, такими увлекательными, что либо было слушать. Но из всего им тогда сказанного у меня теперь ничего не осталось в памяти.

Второй раз я его видел при утреннем визите. Поблизости от хозяйской дома, он зашел к нам, т. е. в рабочую комнату Павла Ивановича, где я сидел за книгой. Перекинувшись несколькими словами с Павлом Ивановичем о новостях дня, о каких-то новых распоряжениях по университету, о своих лекциях, он довольно повернулся ко мне, посмотрел внимательно и спросил: «что, как?»

— Поблизости есть русских беллетристов, отбывал Назаров.

— Вот как!.. А не можете ли прочитать нам что-нибудь? обратился он ко мне.

Я сконфузился. Но, оправясь, прочитал наизусть сцену убийства из «Амалата-Бена». Когда я с философским декламацией слова: «на том месте, где ты убил отца моего, там я из тебя выточу кровь и развю прах твой по ветру», Грановский сказал: «хорошо!.. Из него выйдет писатель, или актер».

Сюжет пьесы о купце Калашникове.

После польской кампании 1831 года, в Москву нахлыло много офицеров раненых, больных, или просто отдохнуть и повеселиться. Большинство этих офицеров любило пожить за спиной начальства, как говорились, по всю. Товарищеские пирушки, кутежи, картежная игра, волокитство и эксцентричные выходы были главнейшими составными элементами их военной, ничем не стесненной отпусковой жизни. В особенности выделялись тогда два молодых офицера. Один гвардейский поручик, другой штабс-ротмистр гусары. Они были короткие приятели. Оба хороших фамилий, оба хрибры, оба красивые, оба богаты и оба хотели быть первыми в тесном кружке кутить и играть. Мало-по-малу между ними возникло соперничество, и они старались превзойти один другого в удачливости. Если сегодня гвардеец устраивал завтрак, то завтра гусары давали

приятелямъ обѣдъ; если первый неезетъ вечеромъ товарищей за городъ на тройкахъ, то другой потомъ цѣлые три дня кутить съ друзьями у цыганъ, и въ концѣ концовъ разбиваетъ трактиръ. Если тотъ похищаетъ изъ театра танцовщицу, то этотъ, спустя нѣсколько преміи, увозитъ у купца жену.

Симъ послѣднимъ эпизодомъ завершились ихъ доблестныя похождения. Но эпизодъ окончился трагически. Расскажу, какъ я слышалъ о немъ.

На одной изъ окраинъ Москвы, заселенной купечествомъ, жилъ одинъ богатый коммерсантъ, человекъ молодой, солидный и дѣловитый, недавно женившійся на 18-ти-лѣтней, чрезвычайно красивой дѣвушкѣ. Онъ жилъ по старинному. Утромъ уѣзжалъ на откормленномъ рысакѣ въ гостинный дворъ, гдѣ у него находились товарные склады, занимался весь день дѣлами и только вечеромъ возвращался домой. Домъ его, какъ большинство старинныхъ купеческихъ домовъ того времени, содержался постоянно подъ замкомъ. Если кому нужно было пойти въ него, то онъ долженъ былъ нѣсколько разъ позвонить. Къ порогамъ выходили молодецъ или кухарка и, не отирая каблуковъ, спрашивали: «кто? кого надо? зачѣмъ»? Получивъ отвѣтъ, или съ докладомъ и послѣ нѣкотораго времени возвращались и выпускали, или же отказывали, говоря: «дома нѣтъ», или же «свѣтло придетъ тогда-то». Жена его изъ дому никуда не выходила, кромѣ церкви или родныхъ, и то не иначе, какъ съ мужемъ, или со старухой свекровью, или же съ обоими вмѣстѣ.

Объ этой-то запертой красавицѣ и шеннулу гусару. Онъ пріѣхалъ какъ-то въ церковь, посмотрѣлъ и заинтересовался. Началъ онъ изыскивать мѣры, чтобы познакомиться съ купцомъ, но купецъ отъ всякаго знакомства отказался. Хотѣлъ обратить на себя вниманіе купчихи, пробраться какъ-нибудь въ домъ, но не удалось: строгости въ домѣ увеличили, старуха свекровь не отходила отъ невестки ни на шагъ и берегла ее какъ зѣнцу ока. Но истрѣбавшя гусаромъ пренятетія только сильнѣе подстрекали его самолюбіе, и онъ постылилъ себя цѣлью во чтобы-то ни стало завладѣть купчихой. Долго ему ничего не удавалось, но вдругъ выпалъ счастливый случай. Наканунѣ какого-то большаго праздника, купчиха, въ сопровожденіи свекрови и старухи няньки, отиралилась нѣшкомъ въ приходскую церковь къ иконописной. Гусара давно уже не было видно въ ихъ мирной окраинѣ, онъ пересталъ туда ѣздить. По окончаніи службы, когда купчиха со своими провожатыми возвращалась домой, вдругъ

изъ-за угла сосѣдняго переулка выскочило нѣсколько молодцовъ, они растолкали старухъ, схватили купчиху подъ руки, посадили ее въ подлѣтѣвшія изъ-за угла, запряженные лихою тройкою сани и увезли. Улица огласилась крикомъ о помощи, сбѣжался народъ, но тройки давно уже и слѣдъ простыли. Купецъ бросился къ властямъ, поднимая на ноги полицію, начались розыски, но купчихи не отыскали.

Черезъ три дня та же лихая тройка доставила купчиху домой. Стали спрашивать: «гдѣ была?» Купчиха отвѣчала: «за городомъ, но гдѣ именно — не знаю». «Съ кѣмъ?» — «Съ гусаромъ». Собрали всѣхъ гусаровъ. Винный заявилъ, что это сдѣлалъ онъ, и что же? Князь Д. В. Голицынъ, бывшій въ то время московскимъ генералъ-губернаторомъ, самъ въ молодости не мало напавшій, хотѣлъ потупить дѣло и сталъ склонять кунца на мировую. Трудно было тогда идти противу властей, особенно противу власти московскаго главнокомандующаго. Купецъ думалъ, думалъ и подчинился. Въ одномъ изъ извѣстныхъ московскихъ ресторановъ устроилась мировая. Къ роскошному обѣду явился купецъ изъ сопровожденіи своихъ сродниковъ и сводственниковъ; гусаръ съ товарищами. Соперники съели, заставили подать другъ другу руки. За обѣдомъ поили тосты «за примиреніе», пили много, и еще болѣе шутили и смѣялись. Послѣ обѣда купецъ предложилъ гусару «сыгратъ въ карты», и жарко прибавилъ: «аюсъ я буду счастливецъ». Кто изъ офицеровъ отказывался отъ игры, гусары тѣмъ болѣе. Поставили столъ. Началась игра. Гусары металъ банкъ, купецъ контрировалъ. Счастье улыбалось поочередно то тому, то другому. Вдругъ купецъ, проигравъ одну довольно крупную ставку, хватается гусара за руку, и съ крикомъ! «шутлеръ, передернуулъ!» даетъ ему пощечину. Гусаръ выхватилъ саблю и хотѣлъ рубануть, но его удержали. Явился полиція, кунца отправили на съѣзжую, откуда онъ написалъ генералъ-губернатору письмо, въ которомъ объяснилъ, что гусара обезсчитилъ за то, что тотъ обязалъ его жену, а на утро повѣсился.

Вотъ это то печальное событіе, какъ рассказывалъ мнѣ одинъ изъ товарищей М. Ю. Лермонтова, нѣкто Н. Н. Парамоновъ, и толкнуло поэта на мысль написать нѣсню о купцѣ Калашиновѣ, которой конечно дана болѣе блестящая по содержанію форма.

Оберъ-полиціѣмейстеръ Цынскій.

Въ царствованіе императора Николая, общій срокъ военной службы былъ 25-ти лѣтъ. Рекрутскіе наборы производились при особыхъ, весьма тягостныхъ для населенія условіяхъ. Назначались въ рекруты люди отъ 20 до 35 лѣтъ, а при неимѣніи метрическихъ свидѣтельствъ, или иногда старики 40—45 лѣтъ и болѣе. Принимавшимъ брала бѣда, а бракуемымъ—затылки. Людей, назначаемыхъ въ солдаты, привозили изъ деревень подъ присмотромъ буржистровъ, управляющихъ и старостъ, связанныхъ, а подъ-часъ и въ кандалахъ. Послѣ пріема ихъ отправляли подъ конвоемъ съ ружьями. При такихъ порядкахъ, понятно, съ какими чувствами шло въ отбытіе эту тяжкую для него повинность. Исполненіе ея сопровождалось познательными сценами. Тутъ было все: и похвальное, безпробудное пьянство назначенныхъ на очередь, и плачъ, ревъ, вой, обмороки и причитанья, какъ-бы по мертвецъ, ихъ женъ, сестеръ и матерей, и безумная, безнабавная радость тѣхъ немногихъ, кто по какому-либо счастливому случаю, избавлялся отъ рекрутчины.

Я помню эти наборы. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, мнѣ часто приходилось видѣть въ Москвѣ эти печальныя жертвоприношенія народомъ дѣтей своихъ на алтарь отечества. Особенно вѣззая въ мою память слѣдующій трагикомическій эпизодъ.

Пріемъ производился еще въ зданіи присутственныхъ мѣстъ на Воскресенской площади. Очередныхъ вводили въ пріемъ по волостямъ или потчинамъ. Семьи ихъ, родичи и друзья, а также городскіе зѣнаки, составляли народныя массы вокругъ зданія присутственныхъ мѣстъ. Нарѣдка съ крыльца пріема сбѣгали вѣстники и вѣнчалъ: «такой-то и такой-то забрitys, такой-то забракониъ». Вошли и стоны усиливались. Толпа колыхалась и выбрасывала изъ себя два-три семейства сданныхъ въ рекруты: они уходили оплакивать свое горе туда, гдѣ падъ ими никто не поемѣтся. Порой съ крыльца сбѣгали забракониный съ громаднымъ выбритымъ на затылкѣ полу-мѣсяцемъ и начиналъ или креститься по направленіямъ къ соборамъ, или плясать среди толпы.

По потъ однажды сбѣгаетъ съ крыльца присутствія, разстал-кивалъ стражу и толпу, неизбѣтно какъ ускользнувшій изъ пріема молодой паренъ съ забритымъ затылкомъ, въ костюмъ прародителя, полоча правой рукой по сѣбѣ нестрядинную свою рубашу. Толпа загоготала и разступилась, давъ ему дорогу. Паренъ вѣроятно же-

лажь пробраться къ Иверской, забывая, что онъ совершенно голый, ринулся на площадь и понесся прямо, что есть мочи.

Въ это мгновеніе выѣзжали изъ-за угла, мчавшіеся на своихъ «непобѣдимыхъ» съ тремя конвоиными казаками, оберъ-полицмейстеръ Цыпскій, не человекъ, а зѣфиръ, про котораго ходили въ народѣ поговорка: «увралъ у батюшки свитку, у матушки синицу» *)

— Это что за безобразіе? раздался звонный голосъ начальника полиціи:—казакъ, взять его!

Казакъ бросился за парнежъ, парень отъ него, казакъ припнулся лошади и сталъ наступать напина. Казалось, вотъ, вотъ онъ его сейчасъ схватитъ; но парень не захотѣлъ поддаться, бросился на земь, и казакъ, перескочивъ чрезъ него, пролетѣлъ далеко впередъ. Парень же между тѣмъ вскочилъ и ударился бѣжать назадъ. Толпа ринулась на встрѣчу и заслонила его: кто набросилъ на него тулупъ, кто далъ валенки, кто надѣлъ шапку, и парень успѣлъ скрыться.

Цыпскій рвалъ и металъ, но съ толпой ничего сдѣлать не могъ и уѣхалъ. На утро собрали къ нему всѣхъ полостныхъ и потчичныхъ сдатчиковъ, провѣрили зааркованныхъ и парня отыскали. Судопроизводство въ то время было упрощенное: парня отпращивали въ частный домъ и тамъ отсѣгали, но отсѣгали должно быть поосторожно, такъ что бѣдняка пришлось отправить въ больницу, гдѣ онъ полежаля, полежаля и померъ.

А. П. Ермаловъ, узнавъ объ этомъ, сказала: «ну, проѣдаться въ Петербургъ, сошлоуъ бѣднаго Цыпскаго на Кавказъ, на мѣсто Небгардта».

Какъ Мина попала въ фаворъ.

Въ «Хроникѣ петербургскихъ театровъ» А. П. Волфа, мнѣ пришлось, между прочимъ, прочитать, что «въ Петербургъ, при директорѣ театровъ А. М. Гедсеновъ, имѣла громадное вліяніе на театральнй міръ Мина Ивановна Б., занимавшая неофіціальный, но весьма

*) Намекъ на недостойность его быть въ царской свитѣ и на какіе-то денежные захваты.

важный постъ театральной помпадурини. Отъ нея записѣли главные назначенія и ангажированія артистовъ, она имѣшивалась и въ хозяйственную часть: ни одинъ подрядчикъ, ни одинъ поставщикъ не допускался безъ ея предварительнаго одобренія. За то квартира этой чухонской Аспазіи и вообще вся ея обстановка отличались необыкновенною роскошью. Въ ея салонахъ толпились не только артисты, но и всѣ лица, имѣвшія дѣло до ея патрона», и т. д.

Эта «чухонская Аспазія» была дѣйствительно всемогущая въ свое время фаворитка министра двора и друга императора Николая, покойнаго графа В. Ѳ. Адлерберга. Вліяніе ея не ограничивалось однимъ театральнымъ міркомъ, многое отъ нея зависѣло и вообще по министерству двора. Знаменитый острякъ, князь А. С. Меншиковъ, говорилъ однажды: «люблю я графа Адлерберга, но мнѣ его мина не нравится».

Дѣятельность фаворитки многимъ въ Петербургѣ извѣстна и до сихъ поръ памятна. Но многіе ли знали ея прошлое и случаи ея повышенія?

Вотъ что разсказывалъ мнѣ о ней М. С. Морголи, бывшій откупщикъ, человекъ, обладавшій въ свое время большимъ состояніемъ и любимшій пожить. Онъ зналъ Мину еще «бѣднымъ».

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, проживали въ Москвѣ двѣ сестры, пѣвики, дочери петербургскаго ремесленника, Юліи и Вильгельмина Ивановны Гутъ. Жили, конечно, и ничего не имѣли. Ну, а какъ рыба ищетъ гдѣ глубже, а человекъ гдѣ лучше, то онѣ и задумали отправиться за счастьемъ въ Петербургъ. Это было въ 1834 году. Железныхъ дорогъ тогда еще не существовало, а для сообщенія обѣихъ нашихъ столицъ предлагали свои услуги почты, казенныя или полныя, и знаменитые частныя diligencы. Проѣзжая изъ Малороссіи по дѣлать въ Петербургъ, Михаилъ Стенановичъ заблагоразсудилъ отправиться изъ Москвы въ частномъ diligencѣ, и потъ тутъ то онъ имѣлъ случай познакомиться съ дѣвицами Гутъ, отправившимися «за счастьемъ» въ Петербургъ. Симо собою, дорога оказалась пріятною (дѣло было лѣтомъ). Продолжительныя остановки на станціяхъ, прогулки въ окрестныхъ лѣсахъ и рощахъ скрѣпили знакомство, которое по пріѣздѣ въ Петербургъ перешло въ дружбу.

Дѣвицы Гутъ поселились на углу Большой Подьяческой и начала въ д. Мейера, въ небольшой квартиркѣ третьяго этажа. Наружностью онѣ особенно не выдѣлялись, но вообще при первой встрѣчѣ производили пріятное впечатлѣніе. Обѣ сестры были блон-

дички. Старшая, Юлія, имѣла 23 — 24 года, ростъ средній, лицо полное, нежного рѣбчатое, отличалась чрезвычайно живыми и несомнѣннымъ характеромъ. Младшей, Вильгельминѣ, было не болѣе 17—18 лѣтъ, ея маленькое, выразительное личико, молчаливость и мечтательность невольно какъ то располагали къ ней нежного. Жили они бѣдно, такъ какъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ не было. Отдѣлались скромно, но прилично; квартирку содержали чисто. Михаилъ Степановичъ посѣщалъ ихъ около года и вносилъ въ семью нѣкоторый достатокъ, но онъ въ 1835 году отправился въ Малороссію и покровителемъ дѣвицы Гутъ остался товарищъ его, Абрамъ Григорьевичъ Юровский, богатый малороссійскій помещикъ, содержавшій въ то время на откупѣ нѣсколько уѣздовъ въ Малороссіи. Онъ былъ уже не молодъ, лѣтъ 50-ти, роста средняго, худощавый, съ громадной лысиной на головѣ. Особенно отличался онъ тѣмъ, что имѣлъ глаза не одинаковаго цвѣта: одинъ сѣрый, другой голубой. Покровительство его повело къ тому, что сестры разбѣжались. Юлія осталась въ Подлячесской, а Вильгельмина перекочевала на Пески.

Знаменитый пожаръ Песковъ, истребившій почти всю эту часть города осенью того года, сдѣлалъ карьеру Вильгельминѣ Гутъ. Известно, что императоръ Николай имѣлъ обыкновеніе выѣзжать на всякій мало-мальски серьезный пожаръ и личнымъ присутствіемъ и распорядительностію содѣйствовать къ скорѣйшему локализованію и тушенію огня. На песковскій пожаръ онъ пріѣхалъ съ генералъ-адъютантомъ графомъ В. Ф. Адлербергомъ. Помѣтившійся почти въ самомъ центрѣ объятаго пожаромъ мѣстности, государь отдавалъ приказанія и вдругъ видѣть изъ воротъ одного деревяннаго, только что загорѣвшагося недалеко домика выбѣжала съ распущенными волосами, въ одной сорочкѣ и босикомъ, молодая дѣвушка, которая, какъ безумная, металась по улицѣ и молила о помощи. Государь обернулся къ графу Адлербергу и сказалъ: «надо ее укрыть гдѣ нибудь». Нѣсколько полицейскихъ чиновъ уже окружили дѣвушку; графъ подошелъ къ ней, накинулъ на нее свою шинель и велѣлъ отвезти ее къ себѣ на квартиру.

Это была «Мина», и съ этой ночи началась ея фантормъ.

М. С. Морголи посѣтилъ ее въ слѣдующемъ году. Она уже вошла въ свою роль и начинала господствовать. Не стану распространяться о ея вліяніи на графа Адлерберга, скажу только, что многіе, какъ, напримеръ, Тарасовъ и др., нажили чрезъ нея состояніе. Для пріобрѣтенія же соціальнаго положенія, она вышла замужъ за почто-

наго чиновника В., котораго отравили почтмейстеромъ въ Сибирь, гдѣ онъ и дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Значить, «Мина» вышла въ генеральни. Сестра ея Юлія также вышла замужъ за почтоваго чиновника, но карьеры себѣ не сдѣлала.

Была у «Мины» еще сестра — Александра Ивановна, старше Юліи года на три, женщина замѣчательной красоты. Въ 1829 году она плѣнила одного гвардейскаго офицера, полковника В. Н. Родзянко, и уѣхала съ нимъ въ его имѣніе, Полтавской губерніи. Тамъ они обитничались, но какъ то не по уставу церкви, или съ нарушеніемъ его правилъ. Мать и братья Родзянко возбудили дѣло и судъ, тинупнійся довольно долго, въ продолженіе котораго мужъ ея умеръ, а она отиралилась съ какимъ то проходивцемъ въ Одессу, была имъ въ дорогѣ обворована и явилась въ Петербургъ, когда фаворитизмъ «Мины» начался. Здѣсь она успѣла добиться пересмотра ея дѣла, кончившагося преданіемъ участинковъ суду. Но Александра Ивановна вышла изъ воды сухою. Она была признана законной женой полковника Родзянко и получила вдовью часть — 230 дунѣвъ крестьянъ въ Полтавской губерніи. Пострадали же только священникъ, да нѣсколько свидѣтелей дворянскихъ, отданныхъ въ солдаты или сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе.

Архіерейскій пріемъ.

Курьезны бывають иногда отношенія нашихъ русскихъ дѣятелей въ Литвѣ къ бѣднымъ русскимъ людямъ.

Былъ у меня одинъ добрый знакомый, нѣкто В. С. Александровъ. Пронесходъ изъ дворянъ Псковской губерніи, онъ отдалъ въ юности дань нѣку, т. е. прослужилъ извѣстное число лѣтъ въ военной службѣ, и въ 1871 году, не имѣя надежды достигнуть степеней извѣстныхъ, вышелъ въ отставку съ тѣмъ, чтобы прінскать себѣ болѣе спокойное мѣсто въ гражданской службѣ. Человѣкъ небогатый, скромный, пенсюцій, онъ остался въ Западномъ краѣ, гдѣ стоялъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ, и гдѣ онъ, какъ русскій, надѣялся скорѣе найти мѣсто.

Первыя шаги свои онъ направилъ въ Гродно, гдѣ въ то время губернаторствовалъ извѣстный князь Краноткинъ, такъ печально окончившій вполѣтвѣтній жизнь свою въ Харьковѣ.

Начались хожденія къ губернатору, къ представителямъ разныхъ палатъ, къ акцизному и другому начальству. Но бѣднаго просителя безъ связей, безъ рекомендацій, встрѣчалъ нездѣ сухой пріемъ и извиненія въ неимѣніи вакансій. При дальнѣйшихъ хожденіяхъ слѣдовали обѣщанія выйти въ виду при случаѣ; далѣе слышались сожалѣнія о невозможности предоставить мѣсто и, наконецъ, нѣ просьбы и исканія завершились грубыми отказами.

А время между тѣмъ бѣжало быстро. Проходили мѣсяцы, другой, нѣсколько; сдѣланныя въ военной службѣ кой-какія сбереженія были съданы, излившія пенсы заложены, явились долги, а затѣмъ невидимо подкрались лишенія, голодъ и нищета. Безъ всякихъ знакомствъ, безъ средствъ, одинъ-одинѣшескѣ въ чужомъ городѣ, Василій Степановичъ не зналъ что дѣлать: приходилось искать кусокъ хлѣба поденной работой, или идти по стезѣ преступленія. Онъ жилъ на краю города, у одного бѣднаго еврея—портнаго, который, сожалея о его несчастіи и неудачахъ, посоветовалъ ему обратиться къ архіерею съ просьбой помочь ему принести мѣсто, въ которомъ ему явно отказывали въ виду его русскаго происхожденія. Дѣйствительно, Мурашова и Кауфмана давно уже въ край не было и Потановскія идеи о покровительствѣ туземцами въ обществѣ преобладали. Александръ рѣшился отправиться къ пресвященному.

Городскую кафедру занималъ тогда Игнатій, бывшій викаріемъ литовскаго митрополита Іосифа Симанко. Это былъ маститый старецъ, съ бѣлыми, какъ лунъ, волосами и бородой, крикливыми голосомъ и дрожащими отъ старости руками. Онъ, говорили, былъ богатъ, но память измѣняла ему, такъ что послужники его частенько прибирали за нимъ кредитные билеты, которые онъ разговаривалъ по столамъ и ящикамъ и забывалъ. Онъ любилъ пожить, поѣсть, но въ обращеніи съ людьми былъ грубъ и отличался индифферентизмомъ къ интересамъ русскаго населенія.

Въ одно пасмурное утро, съ какой-то неясной тревогой въ душѣ, бѣдный Василій Степановичъ отправился въ епископскій дворецъ, и, придя въ пріемную, просилъ послужника доложить о немъ его пресвященству.

— Подождите, отвѣчалъ покровительственно молодой, франтоватый послужникъ.

Другихъ посетителей никого не было, и потому пришлось ждать долго. Наконецъ, около полудня, пресвященный изволилъ выйти съ посохомъ въ рукѣ, и, остановившись посреди комнаты, спросилъ: «что ты?»

Подойдя подъ благословеніе, Александронъ объяснилъ пладыкъ свое положеніе и тѣ препятствія, которыя встрѣчалъ при отысканіи мѣста, просилъ его предстательства объ опредѣленіи куда нибудь на службу, при чемъ представилъ и нѣсь выданные ему отъ военнаго начальства бумаги и аттестаты о знаніяхъ и поведеніи.

Объясненія Александрона архіерей выслушала молча, нахмуривъ брови, и изрѣдка, какъ будто въ истеричнѣн, постукивая объ полъ посохомъ. Потомъ посмотрѣлъ документы, и, позирающа ихъ, сказала: «документы твои ничего не значать: ты могъ быть прежде хорошъ, а теперь худъ, и наоборотъ, прежде могъ быть худъ, а теперь хорошъ. Я, какъ лицо духовное, могу ходатайствовать только о тѣхъ лицахъ, которыя мнѣ лично извѣстны, а тебя я не знаю. Иди къ губернатору и проси его!»

Александронъ отпичалъ, что онъ былъ уже нѣсколько разъ и у губернатора, и у другихъ властныхъ лицъ, но безъ сильнаго заступничества у нихъ нельзя получить мѣста.

— Ну, такъ что же я могу для тебя сдѣлать? возразилъ съ горячіестью Игнатій:—хочешь въ монахи—я зриму.

— Не имѣю призванія, святаго отецъ, отпичалъ Александронъ, и, извинясь за причиненное безпокойствіе, вышелъ изъ пріемной.

Онъ сходилъ уже съ высокаго крыльца архіерейскаго палатца, какъ вдругъ громкій голосъ послушника остановилъ его и пригласилъ опять къ преосвященному.

Сердце ученично билось у бѣднаго просителя, когда онъ снова входилъ въ пріемную залу; ему казалось, что вотъ, наконецъ, счастье улыбнется, онъ получитъ мѣсто и будетъ имѣть кусокъ настоящаго хлѣба.

Суровый архіерей стоялъ на томъ же мѣстѣ, опираясь на посохъ и усиленно моргая бровями. При приближеніи къ нему Александрона, онъ быстро протянулъ правую руку и, подавая нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ, сказалъ ему: «вотъ, па!.. чѣмъ могу, тѣмъ помогаю».

Несчастный Александронъ совершенно растерялся и нѣсколько времени не находилъ словъ для отпича. Эта милостыня, грубая, унижающая и оскорбляющая человѣческое достоинство, принижала его окончательно, и онъ, снхозъ слезы, едва могъ выговорить, что онъ принимаетъ не за подаяніемъ, но чтобы получить право на заработокъ куска хлѣба, въ чемъ ему, какъ русскому, нѣтъ отказывать.

— А когда такъ — пскаричалъ Игнатій, обращаясь къ послуш-

нику ниъ себя отъ гнѣва и стуча, что есть силы, посохомъ объ полѣ:—гони его нонь!.. нонь!.. нонь!..

Александровъ бросился къ дверямъ, а вслѣдъ ему летѣли посланціи гнѣвнаго архіерея: «гони же его!.. Если бы былъ бѣдѣнь, то взялъ бы... а то видно, что...»

Нужно ли говорить, что только благодаря снисхожденію послушниковъ, съ которыми онъ до выхода архіерея долго бесѣдовалъ и успѣлъ расположить ихъ къ себѣ, онъ не былъ снущенъ съ лѣстницы, по которой еще такъ недавно вела его надежда на благодѣтельное представительство нашихъ духовныхъ интересовъ въ краѣ.

Подобный пріемъ такъ попліялъ на нервную систему Александра, что онъ долгое время послѣ того не могъ видѣть равнодушно ни архіереевъ, ни священниковъ, ни монаховъ.

Какъ опредѣляли въ учебныя заведенія.

Въ 1824 году, въ залѣ Академіи Художествъ проходилъ экзаменъ желающимъ поступить въ академію, въ присутствіи президента Александра Николаевича Оленина. Собрались болѣе 100 лицъ, а вакансій было только 50. Не прошло и получаса, какъ комплектъ воспитанниковъ, экзаменовавшихся поочереды, былъ набранъ, и экзаменъ прерванъ возгласомъ: «довольно, нужное число воспитанниковъ принято!» Такимъ образомъ, пачатый экзаменъ нѣсколькими молодыми людьми былъ прерванъ. Находящаяся съ однимъ изъ нихъ, Д. А. Ивановой, тетка, камеръ-юнгфера двора Ея Величества Екатерина Ивановна Зибздкина обратилась съ жалобою къ президенту Оленину на перерывъ экзамена. Алексѣй Николаевичъ, знавшій лично г-жу Зибздкину, извинился передъ нею, и сказалъ:

— Успокойтесь, пожалуйста, Екатерина Ивановна, племянникъ вашъ будетъ принятъ. Неудобно ли вамъ пріѣхать.—Онъ подишулъ ей кресло.

— Да какъ же? вѣдь комплектъ уже полонъ?—попыталась расходинная тетюшка, усаживаясь въ креслѣ.

— А вотъ какъ,—улыбнулся президентъ академіи,—я имѣю право принять одного сверхъ комплекта, по баллотировкѣ.

Засимъ онъ приказалъ всѣхъ непринятыхъ въ академію молодыхъ людей поставить въ ряды и сталъ вызывать поочереды. Вы-

зываетъ опускалъ руку въ урну съ билетами, брать одинъ билетъ и подавалъ президенту. Вызванъ былъ въ свою очередь и Ивановъ, который тоже вынулъ билетъ и подалъ его Оленину. Алексѣй Николаевичъ развернулъ его и возгласилъ: «Счастливецъ! вынулъ приемный билетъ. Поздравляю». И онъ взялъ его за руку и отвелъ къ принятымъ по экзамену товарищамъ. Возвратясь на мѣсто, онъ обратился къ Зибѣдиной съ вопросомъ:

— Довольны ли вы, Екатерина Ивановна?

— Еще бы не быть довольной, батюшка, Алексѣй Николаевичъ, вѣдь вы ошасталили мальчика на всю жизнь. Теперь я въ долгу передъ вами. Прощайте.

И Оленинъ всталъ, проводилъ ее нѣсколько шаговъ и почти-тельно раскланялся.

Какъ опредѣлялись на должности.

Въ февралѣ 1862 года, на смотрителя одного изъ с.-петербургскихъ провіантскихъ магазиновъ Иванова былъ присланъ директору провіантскаго департамента анонимный доносъ, что у него въ кассѣ не хватаетъ казенной суммы. Тотчасъ была назначена экстренная ревизія. Но генералъ-маіоръ Шилинъ, произведя поѣмку книгъ и денежныхъ суммъ, нашелъ все въ порядкѣ и деньги въ наличности. Но докладъ объ этомъ директору департамента генералу Данзасу, послѣдній побудилъ спросъ: «какъ же такъ! мнѣ положительно извѣстно, что у него пропали деньги». «Точно такъ, отвѣчалъ генералъ Шилинъ, у Иванова ушла жена и унесла собственныхъ его 10.000 р.».

— А вотъ что! — поклонились директоръ и, подумавъ, прибавилъ: — во всякомъ случаѣ, кто не умѣетъ беречь свои деньги, тому нельзя вѣрить казенныхъ.

И Ивановъ былъ отрѣшенъ отъ должности.

Прошло два года сличкомъ, на всѣ просьбы безпричинно отрѣшеннаго смотрителя о назначеніи его на другую какую-либо должность, онъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «подождите, откроется вакансія, помѣстимъ!» Но вакансія открывалась и замищалась, а онъ оставался въ пріятномъ ожиданіи слѣдующей вакансіи. Пришлось обратиться къ протекціи. Ивановъ былъ хорошо знакомъ съ

игуменомъ Александро-Пелеской киновіи отцомъ Анолинаріемъ, имѣвшимъ доступъ къ военному министру. Черезъ него была подана министру докладная записка. Черезъ недѣлю отецъ Анолинарій пріѣзжаетъ къ Иванову и съ неудовольствіемъ сталъ выговаривать:

— Помилуйте, вы просите опредѣлить васъ, жалуетесь, что напрасно лишены мѣста, тогда какъ васъ по суду устранили отъ должности. Странно, почему вы меня не предупредили объ этомъ?

— Какъ по суду? да я не только что подѣ судомъ, но и подѣ сѣдствіемъ не былъ...

— Я не знаю, но мнѣ министръ сказалъ и даже отозвать объ этомъ Данзаса показывать. Потѣжайте и разузнайте сами.

Отправился Ивановъ въ канцелярію министра и дѣйствительно, тамъ показали ему донесеніе Данзаса о бытности его подѣ судомъ. Потѣжалъ онъ въ провіантскій департаментъ и попросилъ справку. Оказалось, что поводомъ къ подобному донесенію былъ все тотъ же анонимный доносъ, гдѣ говорилось, что полиція возбудила дѣло о преданіи Иванова суду.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ Ивановъ правителя канцеляріи Еропкина: какой же отвѣтъ мнѣ дать господину военному министру, онъ приказалъ донести ему объ оказавшемся.

— Подождите немного, я доложу объ этомъ директору, отиѣчалъ Еропкинъ и пошелъ къ генералу Данзасу.

Возвратясь отъ него, онъ сказалъ, что генераль-провіантмейстеръ желаетъ самъ спросить его, куда онъ желалъ бы поступить на службу? Въ это время вошелъ въ канцелярію камеръ-юнкеръ Мамоновъ-Макшеевъ и пожелалъ видѣть генераль-провіантмейстера. Доложили генералу Данзасу, и гг. Ивановъ и Мамоновъ-Макшеевъ были введены къ нему въ кабинетъ.

— Что вамъ угодно? обратился къ послѣднему генераль Данзасъ, любезно пожимая ему руку.

— Я мѣтю передать письмо вашему превосходительству, отиѣчалъ, почтительно кланяясь камеръ-юнкеръ, и подавъ письмо.

— А, воскликнулъ генераль-провіантмейстеръ, прочитавъ письмо, очень радъ сдѣлать угодное книгши. Какое же вамъ угодно мѣсто? И, не дожидаясь отвѣта, съ улыбкою прибавилъ: у меня есть вакансія оберъ-провіантмейстера въ Ренсѣль, хотите? я васъ назначу.

— Очень благодаренъ, ваше превосходительство, отиѣчалъ, низко кланяясь, Мамоновъ-Макшеевъ.

— Такъ кланяйтесь княгинѣ и скажите, что на дняхъ же приказъ о насъ будетъ отданъ.

Аудіенція камеръ-юнкера окончилась и настала очередь Иванова.

— Какое вы желали бы имѣть мѣсто, г. Ивановъ, спросилъ важно Данзасъ.

— Оберъ-провантисмейстера, ваше превосходительство.

— Но это мѣсто генеральское, вы не имѣете на него права.

— Если наше превосходительство рискнули дать такое мѣсто совсемъ незнакомому съ провантской частью господину, то почему же не можетъ быть дано такое мѣсто и мнѣ, хорошо знакомому съ дѣлами?

— Но вы, я думаю, будете согласны съ тѣмъ, что человѣкъ иногда бываетъ не въ правѣ отказать въ просьбѣ?

— Знаю, ваше превосходительство, но допускаю это только въ частныхъ дѣлахъ.

— Я насъ назначу смотрителемъ въ Ригу.

— Благодарю покорно, ваше превосходительство, не желаю.

— Это отчего?

— По многимъ причинамъ.

— Напрямъ?

— Во-первыхъ потому, что я заслужилъ большаго вниманія начальства, ибо, находясь во все время осады и бомбардированія крѣпости Свеаборга, при всеобщемъ пожарѣ, я сберегъ все внутреннее мнѣ казенное имущество и, бывъ при томъ раненъ, никакой награды не получалъ, тогда какъ Гельсингфорскій смотритель, не бывшій ни въ дѣлѣ, ни въ опасности, получилъ орденъ Анны 2 степени съ мечами. Во-вторыхъ, при заготовленіи фуража въ Финляндіи, сдѣлавъ казны сбереженій болѣе 60 тысячъ рублей. Въ-третьихъ, лишивъ мѣста смотрителя безъ всякой причины и два сдѣланныхъ года бѣдствуя, не получая никакого содержанія. Въ-четвертыхъ, обнесши предъ военнымъ министромъ въ бытность подъ судомъ...

— Достаточно! перебилъ его Данзасъ, такъ вотъ вы на чемъ основываете наше требованіе... не будетъ вамъ ничего!.. и стукнулъ кулакомъ по столу.

— Посмотримъ, ваше превосходительство, а можетъ быть будетъ, отвѣтилъ Ивановъ, и вышелъ изъ кабинета, несъ исполнованный.

— Куда вы? встрѣтилъ его правитель канцеляріи Ерошкинъ.

— Пойду къ военному министру и расскажу ему все, а если не приметъ, шашину.

— Успокойтесь, пожалуйста, подите сюда, и онъ ввелъ Иванова въ канцелярію, посидите здѣсь. Вы видѣли, генераль разгорячился, но онъ отходчивъ, и все можетъ устроиться.

Немного погодя, пошелъ онъ съ бумагами къ Дашасу и, возвратясь, объявилъ, Иванову, что онъ можетъ спокойно отправляться домой, назначеніе на должность будетъ сдѣлано.

— А какой отиѣтъ мнѣ дать министру, спросилъ его Ивановъ.

— Никакого. Побѣжайте домой и ждите приказа.

На другой день, въ 7 часовъ утра, курьеръ провіантскаго департамента доставилъ Иванову приказъ объ отозваніи нижегородскаго оберъ-провіантмейстера Ком., по дѣламъ службы, въ С.-Петербургъ, и назначеніи на его мѣсто Иванова, и приглашеніе прибыть въ канцелярію департамента къ 10 часамъ утра.

— Ну, что, довольны? спросилъ Иванова, при входѣ въ канцелярію, полковникъ Еронкинъ.

— Еще бы не быть довольнымъ! отиѣчалъ Ивановъ, въ два то года не мало пострадался и наголодался.

— Такъ вотъ не угодно ли вамъ получить подорожную и провозны на 6 лошадей съ посылками 600 рублей.

— Этого мало.

— Какъ мало?

— Въдѣ я два съ лишнимъ года не получалъ содержанія, проѣлся и задолжалъ, мнѣ не выѣхать.

Еронкинъ отправился къ Дашасу и, возвратясь, сказалъ:

— Генераль-провіантмейстеръ приказалъ еще выдать вамъ 250 рублей изъ компанійныхъ суммъ.

— Этого мало, отиѣчалъ хладнокровно Ивановъ, не выѣду.

Еронкинъ опять пошелъ къ директору и, вернувшись отъ него, приказалъ позвать эскектора.

— Есть у васъ остаточныя деньги отъ канцелярскихъ расходовъ, спросилъ онъ тотчасъ явившагося эскектора.

— Есть немного.

— Сколько?

— 180 рублей.

— Принесите! теперь, надѣюсь, будетъ довольно? спросилъ онъ, краснѣя отъ гнѣва, Ивановъ.

Новый оберъ-провіантмейстеръ взялъ счета и сталъ считать передъ нимъ. Вотъ столько то слѣдуетъ мнѣ за два года и два

мѣсяца жалованья, столько то столовыхъ, столько то квартирныхъ, а вы даёте только 1030 рублей. Съ ними я не выйду.

Еропкинь третій разъ отправился къ начальству и, вылетѣвъ оттуда бѣжкой, потребовалъ смотрителя дома.

— Есть у насъ экономія отъ фуража курьерскихъ лошадей? спросилъ онъ смотрителя и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ: подите принесите что у насъ есть.

Смотритель принесъ 125 рублей.

— Получите, сказалъ Еропкинь Иванову, и побѣжайте къ мѣсту новаго служенія, безотлагательно. Генераль-провіантмейстеръ, чтобы не задерживать насъ, избавляетъ насъ отъ труда представляться его превосходительству при отъѣздѣ.

— Покорнѣйше благодарю, отвѣчалъ Ивановъ, и, откланявшись, отправился.

Но событіе это, вѣроятно, сдѣлалось извѣстнымъ военному министру, такъ какъ нескорѣ послѣ того генераль Данзасъ былъ назначенъ членомъ генераль-аудиторіата, а полковникъ Еропкинь отчисленъ отъ должности, съ зачисленіемъ состоять по арміи.

«Блудный Булавинъ».

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, у одного офицера казачьяго полка, квартировавшаго въ Виленской губерніи, жилъ въ услуженіи нѣкто Пьякевичъ, молодой человекъ лѣтъ 25-ти, средняго роста, плотный, хорошо сложенный и красивый собою. Откуда онъ родомъ, какого знанія — никто не зналъ, но онъ выдавалъ себя за уроженца Донецкой области, дворянина, выѣхавшаго изъ края вслѣдствіе дурно сложившихся обстоятельствъ и вынужденнаго идти въ услуженіе за неимѣніемъ другого мѣста. Офицеръ былъ доволенъ своимъ дрибантомъ, такъ какъ онъ исполнялъ свои обязанности добросовѣстно и нелѣ себя хорошо. Онъ давалъ ему платё съ своего плеча, платилъ изрядное жалованье и разрѣшалъ въ свободное время погулять... Пьякевичъ пользовался добротой офицера и позволялъ себѣ, выходя гулять, надѣвать шинель съ юнкерскими погонами.

Прошло нѣкоторое время, и казачій полкъ долженъ былъ возвратиться на Донъ, на льготу. Офицеръ хотѣлъ взять Пьякевича

съ собою, но онъ ѣхать съ нимъ не пожелалъ и просилъ рекомендовать его на службу кому-нибудь изъ мѣстныхъ жителей.

Въ это время виленискимъ генералъ-губернаторомъ былъ Потаповъ, бывшій наказный атаманъ войска донскаго. Онъ зналъ лично офицера, у котораго служилъ Илькеничъ. При представленіи ему предъ отъѣздомъ на Донъ офицера, сей послѣдній былъ приглашенъ къ нему на обѣдъ, во время котораго онъ разсказалъ о затруднительномъ положеніи своего драбанта, передалъ генералу сочиненную имъ сказку о его донскомъ происхожденіи, успѣлъ заинтересовать сочувствовавшаго всѣмъ донцамъ старика, и просилъ дать своему протѣжѣ какую-нибудь службу.

Генералъ Потаповъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ религіозный, добрый и покровительствовать своимъ любилъ. Онъ велѣлъ прислать къ нему этого, какъ онъ тогда выразился, «блуднаго Булавина», и Илькеничъ предсталъ предъ его грозными очами на утро, въ своемъ конкерекомъ мундирчикѣ.

Генералъ-губернаторъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, обласкалъ «блуднаго Булавина», говорилъ съ нимъ на «вы» и, въ концѣ концовъ, предложилъ ему поступить на службу въ виленискую полицію. Илькеничъ, конечно, принявъ это предложеніе съ радостію и по-польски «спалъ до ногъ» и поцѣловалъ у генерала рукавъ мундира. Это такъ понравилось представителю власти, что онъ тотчасъ же написалъ полиціймейстеру, полковнику Федорову, записку слѣдующаго содержанія: «прошу принять конкера Илькенича въ свое распоряженіе», и вручилъ ее, для передачи по принадлежности, Илькеничу.

Нужно-ли говорить, какую сенсацию произвела эта записка въ полиціи. Полиціймейстеръ, старый служака изъ николаевцевъ, не зналъ, какое мѣсто предложить генералъ-губернаторскому протѣжѣ. Послѣ долгаго размышленія, онъ остановился на должности чиновника особыхъ порученій, и «блудный Булавинъ» занялъ эту должность, съ содержаніемъ 1.500 р. въ годъ.

Илькеничъ оказался чиновникомъ съѣздящимъ и распорядительнымъ. Не прошло и года, какъ его назначили частнымъ приставомъ одного изъ Виленискихъ уѣздовъ. Тутъ онъ выказалъ удивительныя способности, въ особенности по разыску пропавшъ и преступниковъ. Приказы по полиціи выполнялись изыясненіемъ ему благодарности начальства за его полезную и усѣбную дѣятельность. Но не въ одной только службѣ везло ему, финансы его на-

ходилась уже въ блестящемъ состояніи, и, въ довершеніе благъ, онъ питалъ себя надеждой завестись своей семьей: одна изъ дочерей полиціймейстера была равнодушна къ «молодому частному», объясненіе послѣдовало и былъ уже назначенъ день обрученія, но «моментъ выпалъ» — и счастье принесло несчастье...

Энергическій частный приставъ, принявъ въ прописку паспортъ какого-то свря, замѣтилъ въ немъ что-то подозрительное, и потъ, чтобы убѣдиться въ благонадежности лица, которому принадлежалъ паспортъ, онъ отправился вечеромъ къ нему на квартиру, въ сопровожденіи полицейскихъ и казаковъ.

Предположенія его увѣщались успѣхомъ — онъ не только что арестовалъ нѣсколькихъ бѣглецовъ, занимавшихся фабрикаціей фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, но успѣлъ захватить и самую фабрику.

О подвигѣ его заговорилъ Вилья, и генералъ-губернаторъ, по докладѣ ему объ этомъ полиціймейстера, приказалъ представить Илькенича къ награждѣнію орденомъ.

Награда эта и погубила «блуднаго Булавина». Губернское правленіе потребовало формулярный списокъ и другія бумаги о происхожденіи и службѣ Илькенича, но бумагъ о немъ никакихъ въ полиційскомъ управленіи не было, кромѣ упомянутой выше записки генералъ-губернатора. Задумался Илькеничъ, и какъ ни вертѣлся — пришлось прибѣгнуть къ помощи писмонодителя. Въ интимной бесѣдѣ съ нимъ, онъ разсказалъ ему, что онъ не дворянинъ и не казакъ донской, а мѣщанинъ Минской губерціи, Ильчевскій; былъ отданъ въ рекруты и во время польскаго возстанія бѣжалъ. Слѣдовательно, какія же могли быть бумаги у дезертира? Писмонодитель, подумавъ, посоветовалъ Илькеничу бѣжать, — опять бѣжать, и онъ бѣжалъ, но бѣжалъ основательно, т. е. испросивъ себя увольненіе въ 28-дневный отпускъ для отысканія документовъ, и съ дороги прислалъ прошеніе объ увольненіи въ отставку. Его уволили — и онъ какъ будто канулъ въ поду... ни слуху, ни духу о немъ послѣ въ Вильнѣ не было, но «блуднаго Булавина» вспоминаютъ и до нынѣ, такъ какъ исторія его вносѣдствіи сдѣлалась народнымъ достоинствомъ.

Но кто поручится, что этотъ дикой проходимецъ не пристроился въ послѣдствіи еще гдѣ нибудь на службу?

Одинъ изъ «отцовъ-командировъ».

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ фельдъегерскій корпусъ справлялъ праздникъ угодинки, покровителя учрежденія. Всѣ служащіе, какъ офицерскіе, такъ и подъ-офицерскіе чины, по обычаю, декорировались и прибрелись, т. е. надѣли новые мундиры, «каналерію» и всю присвоенную имъ по положенію амуницію. Отслужили обѣдню и молебствъ, и весь корпусъ служащихъ направился въ залъ, гдѣ приготовленъ былъ въ складчину роскошный завтракъ. Старые, сѣдые служаки мѣшались съ молодыми товарищами и, разговаривая на группы, вели оживленную бесѣду.

— Что-жъ это не ѣдетъ нашъ «отецъ-командиръ»? уже адмиральскій часъ наступилъ, пора бы и «праздничной» попробовать, говорилъ старый майоръ, обращаясь къ группѣ товарищей.

— Иѣмецъ — всегда иѣмецъ, резонировалъ безусый прапорщикъ, а генералъ иѣмецъ — это допонецъ иѣмецъ... онъ не упуститъ случая, чтобы не дать почувствовать своего авторитета... Вотъ подите-жъ, почти часъ какъ весь корпусъ собрался, а его нѣтъ еще!...

— Подождите, господа, отзывался высокій съ лысиной капитанъ, можетъ быть онъ самъ поѣхалъ по начальству, и пріѣдетъ, какъ въ прошломъ году, съ какими нибудь почетнымъ гостемъ!...

— Я думаю даже — ввернулъ свое слово молоденькій подъ-офицеръ-иѣмчикъ: — что нашъ досточтимый Карлъ Карловичъ приѣзжетъ намъ напраздникъ какую нибудь милость, напримеръ: иѣскольکو сотенъ рубликовъ въ награду.

— Держи, братъ, карманъ, захохоталъ майоръ, онъ о себѣ только думаетъ, какъ бы самому словить что нибудь, а о насъ заботится очень мало.

— Да оставьте вы о немъ говорить, братцы, воскликнулъ капитанъ, вы взгляните на закуску — какая прелесть! Татары поганая готовить умѣютъ... на померанцоную посмотрите, такъ даже во рту сохнеть!...

— А, Боже мой!... да чтоже это, господа, вы не обратите вниманія, вдругъ загорячился старшій офицеръ: закуска — какъ закуска, а допонецъ-кюммель нѣтъ!... иѣдь нашъ «отецъ-командиръ» ничего другого не пьетъ!...

И нѣтъ засуетились, отыскивали татарина-распорядителя и командировали его за кюммелемъ. Между тѣмъ со двора дали знать, что командиръ пріѣхалъ. Старшіе офицеры пошли встрѣчать,

младшіе поправляли свои усы и шевелюры и выравнивались въ шеренги по сторонамъ стола,

Черезъ нѣсколько минутъ въ залъ вошелъ приземистый, широкоплечій, полный генералъ; его мясстое, одутловатое, чисто выбритое лицо, запыленное отъ жиру, стрые безжизненные глаза, коротко остриженные волосы и щетинообразные торчкомъ торчащіе усы, его вросшая въ плечи огромная голова, нахмуренно-сонливый видъ и постоянное конвульсивное подергиваніе верхней губы, его раскпдистая поштенная походка, его мануская савонитость и ежеминутное избрасываніе плечь — производили при встрѣчѣ съ нимъ самое тяжелое, непріятное впечатленіе. Это былъ типъ выслужившаго солдата николаевскихъ временъ, уснащенный высокобѣриемъ и фанфаронствомъ современнаго прусскаго юнкера. Онъ вошелъ, какъ-то подпрыгивая, стремительно пробѣжалъ залъ и, остановившись посреди ея, обвелъ глазами команду.

— Здравствуйте, проговорилъ медленно, поднимая плечи, генералъ.

— Здравія желаю, ваше пр—но! отиѣтила громко команда.

— А вы еще не пьяны? задалъ вопросъ, становясь въ позу, генералъ.

Отиѣта никакого не послѣдовало. Команда какъ будто отиѣтила: такъ неожиданно поразила ее подобный вопросъ.

Генералъ между тѣмъ, потряхивая эполетами, эстетически наслаждался произведеннымъ имъ эффектомъ и, вскинувъ на нось переносъ, продолжалъ:

— А между вами есть подлецы!..

Ронотъ неудовольствія пробѣжалъ по рядамъ людей, собравшихся жирно отпраздновать день своего патрона. Но никто не сдѣлалъ ни одного возраженія, — такъ странно и свирѣло было красное, какъ свѣкла, лицо начальника. Они только переглядывались, какъ бы лица въ средѣ своей свѣзачака.

Генералъ, между тѣмъ, пронолся два раза назадъ и впередъ по комнатѣ, и молча щипалъ свой коротко остриженный щетинопестый усъ. Онъ видимо что то обдумывалъ.

— Ваше пр—но, вдругъ окликнулъ его выступившій изъ рядовъ молодой человекъ, мы не знаемъ, о комъ вы изволите говорить, и если есть среди насъ такой человекъ, то намъ нужно знать его, и тогда мы обсудимъ, что съ нимъ нужно сдѣлать. Не будете ли такъ добры назвать намъ этого человека?

— А, милостивый государь!... вы смѣете предлагать мнѣ подобные вопросы!.. я не хочу называть именъ!.. но я сказалъ, и повторю еще разъ: между нами есть подлецы!.. для насъ должно быть довольно этого... узнать о комъ я говорю—ваше дѣло.

— Но позвольте, ваше пр—во, хоть какоенибудь указаніе... дайте какойнибудь ключъ... какъ же иначе узнать?..

— Вы очень хорошо знаете, о комъ я говорю, называть я никого не хочу, но долженъ сказать, что съ подлецами я служить не намеренъ... слышите!.. я надеюсь, что вы поймете, что намъ нужно сдѣлать... А вы, молодой человекъ, обратился онъ къ говорившему, для нашей службы не годитесь.

Команда стояла какъ пораженный громомъ, и другого смѣльчака отыскать ему не удалось.

— А есть у васъ кюммеръ? обратился генералъ къ стоявшему неподалеку офицеру, дайте мнѣ рюмку, я выпью.

— Сейчасъ принесутъ, ваше пр—во.

— Вотъ, видите ли, вы и праздника своего устроить какъ слѣдуетъ не могли!.. Впрочемъ, дайте мнѣ красного вина.

И генералъ выпилъ рюмку вина. Потомъ, обращаясь къ командѣ, сказалъ:

— Пейте и вы... но смотрите, чтобы до пьяна не напиваться!.. Прощайте!

Его провожали съ поднятыми надъ его головою кулаками, но онъ шель не оглядываясь, и уѣхалъ, не отдавъ даже прощальнаго поклона.

Команда заговорила:

— Вотъ такъ хамъ!

— Вотъ такъ поздравлялъ съ праздникомъ!

— Вотъ такъ милость привезъ!

— Онъ не хочетъ служить съ нами, такъ пусть убирается къ дьяволу.

— Эхъ, да бросьте, господа, обращается къ товарищамъ съ просьбой старший служака: утро вечера мудренѣе, завтра обсудимъ это дѣло, а нынче пить будемъ, и гулять будемъ, а смерти придетъ, умирать будемъ...

— Какое тутъ гулянье, когда рюмка подки становится въ горлѣ коломъ, ворчитъ капитанъ съ лясною.

— А ты палей другую побольше, да и осадн первую пониже, а потомъ палей третью еще побольше и осадн вторую еще пониже, смотришь всѣ три и пройти...

И товарищи выпили, но праздникъ былъ отравленъ: никто не зналъ, кого разувѣтъ командиръ, бросая имъ позорную кличку, и поэтому каждый торопился закусить и уйти скорѣй домой, проклиная въ душѣ непанистнаго вѣнца, избранинаго день ихъ храброго праздника для ихъ оскорбленія и униженія.

На утро выяснилось, что никакихъ данныхъ къ сдѣланному командиромъ предположенію нѣтъ, и генералъ только могъ сказать въ свое оправданіе, что «онъ такъ думалъ».

Наши администраторы.

Въ ноябрѣ 1872 года, въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ признали необходимымъ назначить экспедицію для покоренія Хины. Въ видахъ обсужденія и разрѣшенія вытекавшихъ изъ того весьма сложныхъ вопросовъ организаціи и движенія экспедиціоннаго корпуса, были приглашены въ С.-Петербургъ нѣкоторые главные начальники округовъ, и въ томъ числѣ генералы Константинъ Петровичъ Фонъ-Кауфманъ и Александръ Львовичъ Потаповъ. Какъ извѣстно, лица эти не питали другъ къ другу личныхъ симпатій, и потому взгляды ихъ на дѣла оказывались почти всегда крайне противоположными, что, конечно, не могло не вліять на неудовлетворительное разрѣшеніе дѣла. Но пріѣздъ въ Петербургъ, они остановились: одинъ на Большой Морской, въ домѣ Козлова, другой на Малой Морской, въ домѣ князя Шерботова. Казалось бы, такъ близко и для личныхъ конференцій удобно, но не тутъ то было: по личнымъ взглядамъ на дѣло они оставались: одинъ въ Вильно другой въ Ташкентѣ. На одномъ изъ экстренныхъ засѣданій у военнаго министра, рѣшено было послать нѣсколько маршевыхъ батальоновъ въ Туркестанъ изъ войскъ виленскаго округа, съ тѣмъ, чтобы въ батальоны эти не были назначаемы поляки. Рѣшеніе въ деталяхъ предоставлялось разработать по возникшему согласенію командующихъ войсками Туркестанскаго и Виленскаго округовъ. Генералъ Фонъ-Кауфманъ изложилъ свои соображенія по сему предмету въ особомъ отзывѣ и послалъ ихъ на заключеніе генерала Потапова съ состоявшимъ при немъ для порученій чиновникомъ Петромъ Ивановичемъ Вигляискимъ, съ тѣмъ, чтобы онъ попросилъ Александра Львовича дать это заключеніе безотлагательно, и, если возможно, то чрезъ него же.

Вигилинскій прѣѣхалъ къ Потапову въ то время, когда онъ принималъ просятелей. Представляя ему и заявляя, что онъ прислалъ генераломъ Фонъ-Кауфманомъ съ бумагами, получилъ отвѣтъ: «подождите»!

Окончивъ прѣѣзъ, и Потаповъ ушелъ въ кабинетъ. Проходить часъ, и два, а Вигилинскаго къ нему не приглашаютъ. Тотъ проситъ адъютанта доложить о себѣ, предполагая, что генералъ забылъ о немъ, и получаетъ тотъ же отвѣтъ: «подождите»! Подождать еще нѣсколько времени, Вигилинскій опять проситъ адъютанта напомнить о немъ генералъ-губернатору. Выходитъ генералъ Потаповъ и спрашиваетъ: «что вамъ угодно?»

— Я прислалъ къ вашему превосходительству генераломъ Кауфманомъ, отвѣчалъ Вигилинскій, представить вамъ вотъ это соображеніе по дѣлу о маршевыхъ батальонахъ, и проситъ вашего по нимъ заключенія, и если возможно, то теперь же.

— Мнѣ теперь некогда.

— Дѣло экстренное, ваше превосходительство, тѣмъ болѣе, что ваше заключеніе должно быть завтра же доложено военному министру.

— Вы можете устроить съ нашимъ Кауфманомъ какіе хотите походы, отвѣчалъ сердито Потаповъ, но я для насъ не имѣю право нарушать порядокъ своихъ занятій... Дайте сюда бумаги, отвѣтъ пришло.

По отвѣта до самаго выѣзда Константина Петровича въ Туркестанъ онъ такъ и не прислалъ; войска же въ походъ были назначены по распоряженію Главнаго Штаба.

Ретивый инспекторъ.

Въ 1877 году, во время Восточной войны, генералъ-маіору Устругову предписано было произвести инспекторскій смотръ конскому запасу дѣйствующей арміи, стоявшему тогда въ городѣ Александріи. Генералъ этотъ имѣлъ репутацію человека строгаго, ставившаго каждое лѣшко въ строку. Прибывъ въ Александрію, онъ на другой же день назначилъ смотръ. Вывели лошадей, вывели солдаты-конюхи, генералъ идетъ по рядамъ и спрашиваетъ:

— Сколько ты дашь въ день стѣла лошади? обращается онъ къ первому конюху.

— Двадцать фунтовъ, ваше превосходительство.

— А ты? переходить генералъ къ другому.

— Полпуда, ваше превосходительство.

— Это что за безпорядки! вскричалъ генералъ. Начальникъ запаса, пожалуйста сюда! обратился онъ къ полковнику Соломкѣ, что это такое у насъ творится: одинъ конюхъ даетъ лошади двадцать фунтовъ сѣна къ день, а другой—полпуда.

— Да итъ, это одно и тоже, ваше превосходительство, отбѣчаетъ начальникъ запаса.

— Отчего же вы не научили людей отбѣчать начальству одно и тоже?... а?..

И найдя тому, онъ началъ ее наяривать, то понимая, то понимая голосъ. Начальникъ запаса, приложивъ руку къ козырьку, стоять, тинулся и молчалъ. Види, что его распекація произвела ожидаемое дѣйствіе, т. е. нагнала страхъ, генералъ смягчился, и произвелъ смотръ весьма снисходительно.

СУВОРОВЪ ВЪ ССЫЛКЪ.

АЛЕКСАНДРЪ Васильевичъ Суворовъ.—легендарный русскій герой. Имя его, какъ имя другого легендарнаго нашего героя Петра Великаго, до сихъ поръ живетъ въ пѣсняхъ, преданьяхъ и сказаньяхъ народа не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ.

Онъ прослужилъ солдатомъ слишкомъ десять лѣтъ, постепенно прошелъ всѣ низшія званія: капрала, унтеръ-офицера и сержанта, и достигъ до самыхъ высшихъ степеней служебныхъ отличій, почета и уваженія. Его обширный умъ, гениальныя способности, любовь къ военному дѣлу и знаніе людей доставляли ему побѣды и надъ ветеранами Фридриха Великаго, и надъ безчисленными турецкими и татарскими ордами, и надъ кичливыми польскими хоругвями и надъ считавшимися ненужными французскими легіонами. Равнины Пруссіи, лѣса и болота Польши и Волини, берега Дуная, Рымника и Прута, горы и огни Тавриды, скалы Финлидіи, твердыни Измаила и Праги, поля Италіи, ледяные хребты и пропасти Альповъ видѣли у себя нашего полководца во главѣ предводимаго имъ воинства, и слава его, съ каждымъ новымъ подвигомъ, распространялась и росла.

При маломъ ростѣ, сухощавый, нѣсколько сторбленный, имѣлъ онъ видъ дряхлый; на головѣ его, рано посѣдѣвшей, осталось лишь нѣсколько клоковъ бѣлыхъ волосъ, собранныхъ впереди локономъ; лицо было въ морщинахъ, но выраженіе лица оживлялось умнымъ проникательнымъ взглядомъ, маленькіе глаза его сверкали огнемъ энергіи; онъ сохранялъ до старости необычайную бодрость тѣлесную и душевную, бойко тѣшилъ верховъ, шутя прыгалъ и бѣгалъ, въ по-

ходъ не зналъ экипажа. Появленіе этого старика передъ войсками, нѣсколько сломъ его, какая нибудь шутка, приводили солдатъ въ неизменный восторгъ. Узнавъ солдатскій бытъ, по преміи своей продолжительной службы въ нижнемъ званіи, до самыхъ мелочей, онъ заботился о солдатѣ, входить въ его нужды, зорко слѣдить, чтобы все, слѣдующее солдату по положенію, доходило до него полнотѣю, а при случаѣ и баловалъ своихъ grenadiers, какъ дѣтей своихъ. Вотъ за что и любили его солдаты, не смотря на строгость и тягости тогдашней службы.

Не жалея солдатъ его любили и крестьяне. Изъ значительныхъ помѣщиков¹⁾, онъ прилагалъ все заботы о поднятіи благосостоянія крестьянъ. Изъ собственноручныхъ его приказовъ и инструкцій управляющимъ видно, что онъ уничтожилъ въ своихъ помѣстьяхъ всякіе поборы съ крестьянъ натурою, т. е. холстами, птицею и пр., заботился о бѣдныхъ, о дѣтяхъ, о здоровьи крестьянъ и способѣхъ ихъ довольствія дѣломъ и собою, уничтожилъ рекрутскую повинность въ натурѣ, приказавъ нанимать за своихъ крестьянъ охотниковъ на сторону, для чего назначилъ съ своей стороны часть денегъ изъ слѣдующихъ ему оброковъ. Всю его дѣятельность по улучшенію крестьянскаго хозяйства, народному образованію и развитію въ крестьянахъ нравственности проникнута высокой гуманностью и обрисовывается его, какъ одного изъ передовыхъ людей своего вѣка.

«Въ толпѣ царедворцевъ—говорить одинъ изъ нашихъ почтенныхъ исторіографовъ:—въ советѣ царей, на развалинахъ Измаила и Праги, на берегахъ Требии, на льдахъ Санъ-Готарда, въ улусть нагайскомъ, на бивакѣ, въ сельскомъ уединеніи, Суворовъ вездѣ былъ симобитный, панзятинный, странный, великій»...

И этотъ великій Суворовъ не избѣжалъ жестокаго жребія: почти два года онъ находился въ немилости, въ опалѣ, въ ссылкѣ, подъ надзоромъ полиціи.

Причины немилости заключались въ слѣдующемъ.

Въ 1796 году, Императрица Екатерина II, познавъ, рившись посылать русскія войска на помощь Австріи, поручила начальство надъ ними Суворову. Старикъ фельдмаршалъ, сѣдмелый честолюбивецъ,

¹⁾ Въ Московской губерніи, Владимирскомъ, Костромскомъ, Пензенскомъ и Новгородскомъ помѣстничествахъ, по свѣдѣніямъ на 1786 годъ, было у него 2626 душъ въ Кобринскомъ имѣніи 7.000 душъ, дѣшинныхъ дохода до 80 тыс. руб. въ годъ.

рвался похвртаться силами съ генеральнымъ «мальчишкой», который, по его словамъ, «тагалъ широко», и котораго «унять было уже пора». Пользуясь довѣренностью императрицы, онъ былъ близокъ къ желанной цѣли, находясь во главѣ 80-ти тысячной арміи, формировавшейся тогда на границахъ Новороссійскаго края.

Восшествіе на престолъ императора Павла измѣнило иностранную нашу политику: готовая къ походу армія остановлена была на мѣстѣ. Повелѣніе это глубоко огорчило маститаго воина, онъ не переставалъ оплакивать кончину великой Екатерины, говоря пѣснью: «безъ матушки царицы не видать бы мнѣ Кинбурга, Рымника, Памвала и Варшавы», и постоянно былъ не въ духѣ.

Преобразование по военной части, принятая тотчасъ по воцареніи Павла I и имѣвшая цѣлью видоизмѣнить всю вышность русскаго войска на манеръ прусскій, вышла, какъ извѣстно, изъ фельдмаршала Суворова открытаго и неосторожнаго порицателя. Онъ говорилъ: «русскіе прусскихъ всегда били, что же тутъ перенять... я лучше прусскаго покойнаго короля, я, милостію Божіею, баталій не проигрывалъ... Солдаты не носели, унылы, разномыслучны, шашъ уменьшаютъ въ $\frac{3}{4}$, и такъ на неприятеля выѣсто 40—30 пересты... Я пахарь въ Кобринѣ лучше нежели только инспекторъ, каковымъ я былъ подполковникомъ»... Получивъ въ войска палочки для образцовъ и мѣры солдатскихъ косъ и булавъ, Суворовъ отозвался: «пудра не порошокъ, булавы не пушки, коса не тесакъ, я не нѣмецъ—природный русакъ»¹⁾.

Слова эти доходили до государя; пришлось не мало людей недоброжелательныхъ, которые обрадовались случаю погубить «упрямаго чудака»—и дѣйствовали не безъ успѣха.

Императоръ Павелъ разбирался на то, что фельдмаршалъ медлитъ пришеденіемъ въ исполненіе нѣкоторыхъ новыхъ его постановленій. Желая уничтожить существованіи при генералахъ многочисленныя свиты, отыскавши множество офицеровъ изъ строя, государь опредѣлялъ число лицъ для штаба каждаго начальника, а всѣхъ излишнихъ затѣмъ повелѣлъ возратить немедленно въ полки. Относительно производства офицеровъ, ихъ переименованій, отпусковъ, увольненій, были изданы новыя правила. Выѣстъ съ тѣмъ непременно употреблять военныхъ чиновъ на частныя работы, по домаш-

¹⁾ Писемъ и записокъ Суворова, 2, 8, 12-го января 1797 года.

нимъ дѣлать или въ курьерскія должности ¹⁾). Между тѣмъ отъ Суворова былъ присланъ въ Петербургъ адъютантъ съ одними партикулярными письмами, уполенъ имъ въ отпускъ офицеръ безъ высочайшаго соизволенія и, наконецъ, присланъ офицеръ курьеромъ. Было ли это ослушаніемъ, или при тогдашнихъ путяхъ сообщенія Суворовъ не могъ получить своевременно сказанныхъ повелѣній — положительныхъ данныхъ не имѣется. Но при всемъ томъ нельзя отвергать послѣдняго, такъ какъ въ высочайшемъ рескриптѣ по поводу присылки курьеромъ капитана Мерлина сдѣлана оговорка слѣдующаго содержания: «заключая по присланному отъ насъ донесенію, что вы не получали еще повелѣній нашихъ». Во всякомъ случаѣ престарѣлому фельдмаршалу было объявлено монаршее неодушительное. Выговоры объявлены въ высочайшихъ приказахъ 15-го и 23-го января 1797 года, а послѣдъ за симъ, 27 января, фельдмаршалу повѣлено явиться въ Петербургъ и быть «безъ команды».

«Упрямый чудакъ» въ Петербургъ не поѣхалъ, но послалъ 3-го февраля прошеніе объ увольненіи въ отставку ²⁾. Изъ письма къ фельдмаршалу графа Ростопчина, отъ 14-го февраля, видно, что желаніе его было императоромъ предупреждено: Суворовъ отставленъ отъ службы 6-го февраля ³⁾.

Графъ Д. А. Милосинъ, въ статьѣ своей «Суворовъ», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 года, говоритъ: «въроятно, крохъ сего прошенія (т. е. отъ 3-го февраля) было еще и другое, оставшееся неизвѣстнымъ, ибо въ высочайшемъ приказѣ, отданномъ при паролѣ 6-го февраля 1797 года, изображено такъ: «Фельдмаршала графа Суворова отнесся къ его императорскому величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, то ему дѣлать нечего; за подобный отзывъ отставляется отъ службы».

Вотъ все, что извѣстно по официальнымъ документамъ о про-

¹⁾ Высочайшія повелѣнія, 20, 22 и 26-го ноября 1797 года (Полное Собр. Зак., т. XXIV). Рескрипты, 2, 14 и 23-го января 1797 года.

²⁾ Въ прошеніи этомъ писалъ онъ: Мои многія раны и увѣчья убѣждаютъ Ваше Имп. Вел. неслыханнѣйше просить для исправленія отодни въ день ослабѣвающихъ моихъ силъ о Всемилостивѣйшемъ увольненіи меня въ мои админіа Кобринскія деревни на сей текущій годъ.

³⁾ Ростопчинъ писалъ: Государь императоръ, получивъ донесеніе нашего сіятельства, отъ 3-го февраля, соизволилъ указать мнѣ до-ставить къ свѣдѣнію вашему, что желаніе наше предупреждено было, и что мы оставлены еще 6-го февраля».

стуниках великаго полководца, навлекшихъ на него царскую опалу и долговременную ссылку.

Между тѣмъ, по частнымъ свѣдѣнiямъ, за нимъ былъ грѣшнѣе иного рода, простить который Павелъ, при вступленiи на престолъ, не хотѣлъ.

Н. Н. Григоровичъ, въ статьѣ «Канцлеръ князь Безбородко», напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» 1877 года, привелъ нѣкоторые доказательства въ пользу предположенiя, что императрица Екатерина II оставила особый манифестъ въ родѣ духовнаго завѣщанiя, подписанный важнѣйшими государственными людьми, въ томъ числѣ Суворовымъ и Румянцевымъ-Задунайскимъ, о назначенiи наследникомъ престола не Павла Петровича, а любимаго ея внука, Александра Павловича, и что документъ этотъ, по указанiю Безбородки, сожженъ Павломъ въ день смерти матери. «Неясность къ первому, говоритъ Григоровичъ,—и вѣстная кончина второго точно, какъ онъ узналъ о вѣстности на престолъ Павла, произошли будто бы именно послѣдствiе этого».

О времени и мѣстѣ, откуда Суворовъ былъ отправленъ въ ссылку, біографы его повѣствуютъ различно.

М. Д. Хмыровъ, въ статьѣ «Послѣднее четырехлѣтiе жизни Суворова», говоритъ, что фельдмаршалъ, узнавъ о своемъ увольненiи, выѣхалъ изъ Москвы, гдѣ располагалъ основаться въ домикѣ, унаследованномъ имъ послѣ родителей и находившемся на большой Никитской, въ приходѣ церкви Θεодора Студита. Но не тутъ то было. Частный приставъ, явивъ къ отставному фельдмаршалу, объявилъ ему, что, по случаю приближающейся коронаціи императора Павла, мѣстѣ пожеланiе лично проводить его до погородскаго помятiя.

— Сколько ямъ назначено времени для приведенiя въ порядокъ дѣлъ? спросилъ Суворовъ.

— 4 часа, отвѣчалъ приставъ.

— Слишкомъ много милости, продолжалъ фельдмаршалъ, для Суворова довольно одного часа.

Затѣмъ, нехотѣвъ отложить подлинную къ крыльцу дорожную карету, бодрый старикъ потребовалъ экипажъ, «въ какомъ ѣздить ко двору Екатерины или въ армію», и частный приставъ, волей-неволей, долженъ былъ въ тряской кибиткѣ проскакать съ Суворовымъ болѣе 500 верстъ ¹⁾).

¹⁾ Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Витыиисъ-Каменскаго, т. III, стр. 838—839.

Между тѣмъ графъ Д. А. Милютинъ, въ упомянутой выше статьѣ «Суворовъ», рассказываетъ, что отставленный отъ службы фельдмаршалъ, въ мартѣ 1797 года, перѣхалъ изъ Тульчина, гдѣ стояла его дивизія, въ свое Кобринское имѣніе, но 23-го апрѣля прибылъ туда изъ Петербурга нарочный съ высочайшимъ повелѣніемъ опальному отправиться на жительство въ Полгородское его имѣніе, село Кончанское. Съ этимъ посланнымъ Суворовъ и отправился въ путь по назначенію 25-го апрѣля.

Село Кончанское—родовое имѣніе Суворовыхъ, находится въ самой глуши Полгородской губерніи, въ сѣверо-восточной части Боровицкаго уѣзда, въ Соинскомъ погостѣ ¹⁾. По описи Кончанскаго, произведенной въ 1784 году, значилось въ немъ: домъ господскій, двухэтажный, ветхій, въ немъ имѣется 10 покоевъ; при немъ кухня, баня, погребу, каретный сарай и конюшни. Господскій домъ былъ настолько ветхъ, что знаменитый изгнанникъ въ немъ жить не могъ, а занялъ простую крестьянскую избу, перетахъ въ 3—4 отъ Кончанскаго, близъ церкви, гдѣ и жилъ зимою, а лѣтомъ уходилъ на близъ лежащую гору Дубиху, и тамъ, среди старинныхъ дубовъ и вѣзовъ, уединился въ простой 2-хъ-этажной избѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ, по одной въ каждомъ этажѣ ²⁾. Вблизи этой избы, на горѣ, подъ сѣмью устроена была печка, гдѣ неизмѣнный слуга Суворова, Прохоръ, награжденный впоследствии отъ австрійскаго императора за заботы о здоровьи фельдмаршала медалью, грѣлъ для него мѣдный чайникъ и приготавлилъ чай. За горой, въ нѣсколькихъ шагахъ, вырытъ былъ колодезь, оттуда доставляли Суворову холодную воду для частыхъ его ваннъ. Далѣе шли липовыя и березовыя аллеи насажденнаго имъ сада, и въ саду церковь — прибѣжище въ часы душевныхъ мукъ и скорби. Изба была меблиро-

¹⁾ Въ 1761 г., полгородскія вотчины, Соинская и Кричинская, гдѣ находится село Кончанское, принадлежали императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Послѣ ея смерти, они пожалованы гофмейстеру Антону Карловичу Воронцову, урожденному Скавирскому, который продалъ ихъ генералъ-поручику Н. Н. Шуманову, а сей послѣдній — В. И. Суворову, отцу фельдмаршала.

²⁾ Дубиха, самая возвышенная мѣстность близъ села Кончанскаго, доселѣ хранила хижину отшельника, описанную въ концѣ и окруженную старыми сѣмью — смѣлѣйшими занятій и думъ герой. Чтоже касается большаго дома, то онъ покомѣ фельдмаршала сломанъ и на мѣстѣ его выстроена другая на бревенъ, затопленныхъ по приказу его великаго дѣда еще въ 1769 году.

вапа просто: кровать, столъ и нѣсколько стульевъ изъ слонаго дерева, диванъ, портретъ Петра Великаго, бюстъ Екатерины II, нѣсколько портретовъ семейныхъ и книги. Вотъ та обстановка, среди которой проводилъ невольный отшельникъ все время своего заточенія.

Поселясь въ Кончанскомъ, Суворовъ, всегда нѣрный себѣ, не мѣнялъ прежняго образа жизни, не имѣлъ ни одного зеркала въ домѣ, спать на сѣнѣ, вставалъ въ 2 часа полуночи, оказывался лѣтомъ и зимой водою со льдомъ, потогъ пилъ чай, причѣмъ заказывалъ повару обѣдъ въ 4—5 блюдъ, за который садился въ 8 часовъ утра и былъ его не иначе, какъ въ четырехъ пяти маленькихъ горшечкахъ. Послѣ обѣда отдыхалъ, въ 4 часа снова пилъ чай и въ 10 часовъ дожидая сна. Въ зимніе дни фельдмаршалъ ходилъ съ открытой головою, но субботахъ считалъ долгомъ париться въ жарко натопленной банѣ. Досулъ свой побѣдителя Турціи и Польши находилъ тѣмъ, что устранивалъ ссудьбы и присутствовалъ при вѣчаніяхъ, примирялъ ссорившіеся семьи, участвовалъ въ крестьянскихъ работахъ, игралъ съ деревенскими мальчишками въ бабки, а въ праздники читалъ въ церкви апостолъ, пѣлъ съ дьячкомъ на клирѣ и звонилъ въ колокола.

Самъ онъ писалъ о себѣ къ своему племяннику, графу Д. П. Хвостову: «служу Богу небесному и вѣренъ Богу земному»... (отъ 27-го іюля 1797 г.), или: «бойскъ здѣсь нѣтъ, обращеніе мое доѣ трети съ дворянами. Государскіе дни знаны были разъ пять-шесть ихъ не торжествовать я считалъ за грѣхъ. Незваные по дружбѣ въ другіе праздники и дни были у меня къ службѣ божіей и одному обѣду, разъ до восьми человекъ, отъ трехъ до подюжинны. Самъ я былъ въ гостяхъ менѣе 10 разъ; прочее время провождать я въ глубокомъ уединеніи самъ-другъ, самъ-третей со священникомъ»... (отъ 18-го декабря 1797 г.).

Судя по изложенному выше, можно было бы думать, что опальному фельдмаршалу и въ ссылки жилось хорошо: любимый и уважаемый сосѣдями, онъ подитъ съ ними хлѣбъ-соль; обладая большими пожитками и хорошимъ здоровьемъ, благоденствуетъ и заботится о благоденствіи другихъ; веселый, среди народа, какъ прежде, онъ шутитъ, смѣется и чуждитъ. Но въ дѣйствительности положенію престарѣлаго героя было крайне непріятно и тяжело. Онъ находился подъ полицейскимъ надзоромъ весьма строгимъ, въ особенности, когда былъ присланъ нарочно для этого особый чиновникъ

Николенъ ¹⁾). Изъ документовъ, извлеченныхъ въ послѣднее время изъ архивовъ и переданныхъ въ мое распоряженіе редакціей «Историческаго Вѣстника», мы узнаемъ, что гениальный полководецъ, любимый сынъ победы, надежда и гордость отечества, третировался въ деревнѣ приставами, какъ уголовный преступникъ. Обстоятельно это такъ его огорчило, что онъ особымъ письмомъ къ государю просилъ о дозволеніи удалиться въ Нилуу Пустынь, чтобы тамъ окончить свои дни, но отвѣта не получилъ.

Первоначально надзоръ за Суворовымъ порученъ былъ боровичскому городничему, премьеръ-маіору Алексѣю Львовичу Вындомскому, который и долженъ былъ находиться безотлучно при Суворовѣ въ Кончанскомъ ²⁾, при чемъ ему было предписано наблюдать, чтобы Суворовъ нигуда не отлучался и обо всемъ замѣченномъ доносить.

Изъ донесенія Вындомскаго, отъ 14-го іюля 1797 года, видно, что Суворовъ по перѣздѣ въ деревню немогалъ, но нѣсколько подкрѣпился прѣздавъ къ нему на нѣсколько недѣль дѣтей его, графини Наталіи Александровны Зубовой и графа Аркадія Александровича.

¹⁾ Походомъ къ усиленію надзора за Суворовымъ, нужно думать, послужило слѣдующее обстоятельство. Однажды въ Кончанское прибылъ курьеръ съ рескриптомъ отъ императора, встать Суворова парящимся на полкѣ и немедленно былъ принятъ въ той же банѣ. Прочитавъ на конвертѣ надпись: «генералъ-фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому», Суворовъ хладнокровно возвратилъ конвертъ курьеру и сказалъ: «это не ко мнѣ: фельдмаршалъ при арміи, а я въ деревнѣ». Удивленный курьеръ напрасно старался утѣрить Суворова въ дѣйствительномъ назначеніи конверта и, порочиво пропотѣвъ въ банѣ, возвратился въ Петербургъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ прѣхалъ. Императоръ не обнаружилъ досады на эту продолку стараго героя и только желѣлъ усилить за нимъ надзоръ (М. Д. Хмыровъ, въ статьѣ: «Послѣднее четырехлѣтіе жизни Суворова»).

²⁾ Доставленъ Суворовъ къ Кончанское коллежскимъ ассесоромъ Юріемъ Николенымъ, въ предписаніи которому было сказано: «по высочайшему повелѣнію ѣхать намъ въ Бобринѣ или другое мѣстопребываніе фельдмаршала Суворова, оттуда принести его въ боровицкія его деревни, гдѣ я препоручить городничему Вындомскому; въ случаѣ же надобности требовать помощи отъ всякаго начальства». (Райпортъ погородскаго губернатора къ князю Куркину, отъ 17-го іюня 1797 г.).

21-го іюля Выдужскій донесъ: «г. фельдмаршалъ Суворовъ на сихъ дняхъ въ слабомъ здоровьѣ и весьма скуцаетъ, что состоящій домъ въ селѣ его Кончанскомъ весьма ветхъ и не только въ зиму, но и осень пережить въ слабомъ его здоровьѣ вовсе нельзя и желать переѣхать въ сорока пяти верстахъ состоящее свойственницы его Ольги Александровны Жеребцовой, село Рониное. Приѣхавшаго въ свитѣ графини Наталіи Александровны Зубовой майора Сіона его сіятельство отпразднать въ польскія его деревни для полученія всѣхъ брилліантовыхъ вещей тамъ хранящихся у подполковника Корицкаго ¹⁾, и какъ таковыхъ вещей по цѣнѣ можетъ быть сличкомъ на триста тысячъ рублей, то по привозѣ сюда имѣть ли мнѣ въ своемъ смотрѣніи и гдѣ хранить оныя, ибо при жизни его сіятельства въ Кончанскѣ, какъ въ самомъ дѣлѣномъ и опасномъ мѣстѣ, крайне опасно. Прибывшіе сюда евреи требовали у меня позволенія видѣть его сіятельство и объясниться съ нимъ въ поставленномъ провіантѣ изъ польскихъ его сіятельства деревень въ Варшавскую провіантскую комисію и имѣть расчетъ, но я тѣхъ евреевъ допустить къ его сіятельству не осмѣлился».

По донесеніи объ этомъ до свѣдѣній императора Павла, 31-го іюля 1797 года, послѣдовало повелѣніе: «дозволить графу Суворову переѣхать въ село Рониное и брилліантовые вещи ему оставшіе при себѣ; но при томъ надлежащее наблюденіе имѣть какъ за образомъ его жизни, такъ равно и за поведеніемъ».

¹⁾ Н. Рыбкинъ, въ книгѣ «Генералиссимусъ Суворовъ, жизнь его въ своихъ потчинахъ и хозяйственная дѣятельность», говоритъ, что переѣздъ Суворова въ село Кончанское, въ 1797 году, исполненъ былъ вдругъ, такъ что фельдмаршалъ, какъ слѣдуетъ, не могъ собраться въ дорогу и многихъ вещей съ собой изъ Кобрина не взялъ. У подполковника Корицкаго, по сообщенному Рыбкинымъ регистру, оставлены были слѣдующія вещи: оловеть брилліантовый, жезлъ фельдмаршальскій, ивренскій крестъ и афида, портретъ римскаго императора, брилліантовый бантъ къ шляпѣ, перо къ каскѣ, большая шапка и малая шапка, табакерка съ портретомъ Александра Македонскаго, табакерка съ повелѣмъ ея величества, табакерка съ повелѣмъ римскаго императора, табакерка съ гербомъ польской короны, крестъ шейный и афида Александра Иенскаго, тоже два креста 1-й степени, крестъ шейный св. Анны, тоже два креста 1-й степени, Чернаго Ордена 1-й степени крестъ, Краснаго Ордена 1-й степени два креста, крестъ св. Георгія 2-й степени, перстень золотой отъ ея величества безъ камней, трость камышовая съ золотымъ набалдашникомъ.

24-го июля, Суворовъ, находя крайне неудобнымъ жить въ старомъ домѣ въ Кончанскомъ, выѣхалъ въ другую свою усадьбу, отстоявшую въ 45 перстахъ, въ с. Каменнѣ, гдѣ жилье считалось болѣе помѣстительнымъ, но мѣстность ему показалась хуже, нежели въ Кончанскомъ, и онъ возвратился въ послѣднее 26-го июля.

Вындомскій, донося объ этомъ, присовокупилъ, что Суворовъ въ проѣздѣ туда заѣзжалъ въ г-жѣ Микишиной. Велѣдъ за тѣмъ (отъ 4-го августа) онъ извѣдомилъ, что, «графъ на сихъ дняхъ выѣзжалъ къ сестрѣ въ семи перстахъ, Пелагеѣ Луначиной, гдѣ отбѣдалъ и возвратился домой. Болѣе же ничего не замѣтилъ».

Между тѣмъ новгородскимъ губернаторомъ было получено 3-го августа высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержания: «Г. статскій дѣйствительный совѣтникъ Митусовъ! Имѣете смотрѣніе, что бы исключенный изъ службы майоръ Антипъ, Грессеръ и ротмистръ князь Четвертинскій и подобныя ему свиты Суворова ¹⁾ не имѣли никакого сношенія и свѣдѣнія съ живущимъ въ Новгородской губерніи бывшимъ фельдмаршаломъ графомъ Суворовымъ ²⁾. Писать!».

Губернаторъ, въ виду такого повелѣнія и донесенія Вындомскаго, обращается къ генералъ-прокурору князю Куракину съ вопросомъ: «можно ли графу ѣздить въ гости»? На что получается отвѣтъ отъ 17-го августа: «Его императорское величество высочайше повелѣтъ соизволять: разѣзды по гостямъ графу Суворову запретить».

12-го августа, городничій доноситъ, что Суворовъ «ни съ кѣмъ изъ свиты его свиданія не имѣлъ, кромѣ майора Сіона, отправленнаго въ Кобринъ за брилліантовыми вещами, а развѣ не случаются ли оныя посредствомъ переноски живущей теперь у него дочери, которой писемъ онъ свидѣтельствовать не смѣетъ, а въ доказательство сего сомнительства» Вындомскій представилъ перехваченныя

¹⁾ Всѣ чины штаба Суворова, до 20 человекъ, при исключеніи фельдмаршала изъ службы, одновременно съ нимъ также были отставлены.

²⁾ Извѣстно, Императоръ Павелъ, называя Суворова бывшимъ фельдмаршаломъ, не считалъ его состоящимъ въ этомъ званіи, что и могло подать поводу старому воину, при пріемѣ въ банѣ посланнаго къ нему курьера съ конвертомъ на имя фельдмаршала, не принять этого конверта.

съ почты и распечатанными имъ письма, посланные камердинеромъ Супорова къ графу Зубову и графу Хвостову ¹⁾).

Въ отвѣтъ на это Митусовъ предписалъ: перехватывать на почтѣ и доставлять къ нему всѣ письма какъ къ графу, такъ и къ его дочери и ко всѣмъ его людямъ. Когда же придетъ Сіонъ, то не дозволять ему нѣтъ свиданія съ Супоровымъ, а только допустить отдать брилліантовые венцы.

22-го августа, прибылъ въ Кончанское «одинъ изъ свиты Супорова», ротмистръ Навловскій, и просилъ Выдомжескаго допустить его къ фельдмаршалу.

Городничій объявилъ, что безъ разрѣшенія губернатора допустить его къ графу не можетъ. При этомъ отобралъ у него находиншіяся при немъ бумаги и, запечатывая ихъ, сказалъ, что за полученіемъ дозволенія ему придется ѣхать въ Новгородъ.

Навловскій догадался.

— Стало быть, я подъ присмотромъ? Не поѣду. Вы сего сдѣлать не можете.

Городничій предъявилъ ему высочайшее повелѣніе.

— Я не могу ѣхать, я боленъ, развѣ связать велите...

Городничій взялъ у него шапку и въ сопровожденіи сержанта и караульнаго отправилъ Навловскаго къ губернатору, при донесеніи, въ которомъ назвалъ его бывшимъ секретаремъ и клевретомъ Супорова.

Митусовъ отправилъ Навловскаго и отобранныя у него бумаги въ Петербургъ ²⁾. На допросъ въ Тайной экспедиціи Навловскій по-

¹⁾ Камердинеръ Прохоръ Ивановичъ, отъ 11-го августа, писалъ первому, что съ графа выскочилъ канна 8.000 рублей по провинцѣскимъ расчетамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и казна должна была графу по прованту же до 12.000 рублей, второму: «графъ ни Боченалъ, ни Корюданъ, ни Нарбегъ. Алексѣй Львовичъ Выдомжескій, административный городничій, по Архарову приказанію, при его особѣ; судите же мучительно судьба въ невинности его. Чѣмъ ему ѣхать въ Петербургъ, лучше бы отпустили въ чужія края. Еще извѣстно ли вамъ, присланы были отъ Николая Алексѣевича подковника Дьякова два жиды приказники продрядчика Эммануэля, якобы изъ Кобринскихъ деревень поставили въ коммисію провинцѣ, которая нѣмѣ позвращается назадъ, и для полученія изъ оной проситъ отъ графа 20.500 рублей.

²⁾ Докосеніе отъ 23-го августа, гдѣ, между прочимъ, Митусовъ писалъ: такъ какъ многіе собираются ѣхать къ графу, то куда

казалъ: въ службу вступилъ въ 1792 г., кадетомъ, въ 1794 г. переименованъ въ поручики, и съ рекомендаціей отъ Михаила Васильевича Кахонскаго къ гр. Суворову, прибылъ къ нему въ Петербургъ, въ 1796 г. съ графомъ прѣхалъ въ Тулячинъ и произведенъ въ ротмистры Таврическаго конно-егерскаго полка. Когда графъ Суворовъ былъ уволенъ отъ службы, Палонскій поѣхалъ въ Кобринъ, гдѣ графъ подарилъ ему 50 дунгъ; нескорѣ потомъ, по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ арестованъ въ числѣ 18-ти офицеровъ содѣйниками Николенинъ и отвезенъ въ кіевскую крѣпость, черезъ два мѣсяца его вывели съ другими освободили и уволили, съ позволеніемъ жить гдѣ кто пожелаетъ. Палонскій поѣхалъ въ пожалованную ему графомъ деревню, и по хозяйственнымъ дѣламъ имѣя надобность видѣть графа, поѣхалъ къ нему, гдѣ и былъ арестованъ и высланъ подъ карауломъ въ Петербургъ.

По докладѣ объ этомъ Императору Павлу, 28-го августа, послѣдовала резолюція: «Палонскаго выпустить, дать ему поможь въ исправленіи его нуждъ по деревнямъ. Перенеску графини Зубовой и ея людей не свидѣтельствувать. Сіону быть при графѣ Суворовѣ, яко воспитателю его сына, не поздравить, но другимъ никому къ графу прѣздъ не дозволить».

25-го августа, городничій доносилъ: «Ничего не случилось, кромѣ разгнѣва, состоящаго въ томъ, что графъ племянницу свою, которая прѣехала изъ Петербурга съ его дочерью, дѣвицу Енпраксію Равенскую, выдаетъ въ замужество за Бородинскаго помѣщика, капитанъ-лейтенанта Александра Румянцова, и даетъ въ приданое изъ своего имѣнія сто дунгъ, но съ тѣмъ, чтобы жить ему Румянцову, въ домѣ его сіятельства; а отъ 1-го сентября повторилъ: «Суворовъ ожидаетъ разрѣшенія о дозволеніи будущему мужу его племянницы жить съ нимъ».

По дошедшіи о семъ до свѣдѣній государя, 26-го сентября, послѣдовала резолюція: «Сватѣба сія не должна быть запрещена, рапортъ и пребываніе ихъ при графѣ».

По полицейскій надзоръ или не исполнѣ удовлетворялъ требованія, или его признали нужнымъ усилить, только князь Курякинъ, собравъ справки о разныхъ сосѣдяхъ графа Суворова и избравъ

ихъ отправлять и откуда брать прогонны». Изъ этого можно заключить, что тюремщики Суворова смотрѣли на него, какъ на опаснаго заговорщика.

одного из них, помещика, отставного коллежского секретника Феоктиста Афонасьевича Долгого-Сабурова, имѣвшего въ 50-ти перстахъ отъ Боровичей 300 душъ крестьянъ, предложилъ ему имѣть секретный пріемъ за Суворовымъ. На это достойный помещикъ, имѣющій отъ 14-го августа, отбывать генераль-прокурору, что по слабости здоровья, давнишнему чахоткою изнуреннаго, онъ не въ состояніи исполнить возложеннаго на него порученія, а что это правда — подтвердить и губернатору.

Императоръ Павелъ, по выслушаніи объ этомъ доклада, 4-го сентября, повелѣлъ: «Надзирать за графомъ Суворовымъ поручить г. Николаеву, который за нимъ былъ отправленъ, предписывая ему надзирать сіе чинить наизусть».

Николева командировали въ Боровичи, куда онъ и прибылъ 22-го сентября.

Въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ». 1862 года, кн. IV напечатана «Секретная инструкция отправленному по Высочайшему повелѣнію въ Боровичи коллежскому ассессору Николаеву для надзиранія за Суворовымъ» ¹⁾. По

¹⁾ Инструкция эта слѣдующаго содержанія: «По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, опредѣляется генералъ-фельдмаршалъ графъ А. В. Суворовъ-Рымникскій на житье въ деревняхъ его, состоящихъ въ Новгородской губерніи, въ Боровичскомъ уѣздѣ. На каковой конецъ, изслѣдствіе Его Императорскаго Величества соизволеніи, и имѣето на отправленъ въ оный городъ Боровичи, и жить тамъ для надзиранія объ образѣ его жизни, поведеніи и вообще всякаго рода поступкахъ, о коихъ извѣдомлять меня еженеделѣнно, со всякою подробностію. Правила при семъ надзираніи предписываются намъ слѣдующія: 1) Сколько возможно скрывать отъ него самого и его окружающихъ, что предметъ пребыванія нашего тамъ есть порученное намъ надзираніе, а также не давать знать о томъ никому, отнюди никакой догадки собственными своими дѣлами, извѣстными якобы по судебнымъ мѣстамъ, или каковыми-либо торговлямъ, или посторонними препорученіями. 2) Всенерно стараться издѣть, отъ кого будетъ онъ имѣть посѣщеній, съ какими намереніемъ, въ чемъ онъ съ посѣщателями, или порознь, будетъ упражняться, какіе разговоры произнесены будутъ, и по произойдетъ ли каковыхъ-либо расчлѣнокъ, отъ кого, куда, чрезъ кого, когда и зачѣмъ? Исключеннымъ же изъ службы майора Антипу и Грессеру, ротмистру князю Четвертинскому и подполковнику снату графа Суворова спомоще и свиданіе запрещается, кромѣ майора Стопа, при слѣдствіи его находящагося. 3) О письменномъ его самомъ и находящихся при немъ произведеніяхъ наблюдать намъ

инструкция эта Высочайше утверждена не была. Николай при отъезде просил инструкций. Князь А. Б. Куракин поручил Александру Семеновичу Макарову «изготовить надлежащую инструкцию» и повеление о командировке Николая записать въ списокъ секретныхъ указовъ. Инструкция была поднесена на монаршее позръ-
26-го сентября, при чемъ испрашивалось повелѣніе: оставаться ли

строжайше, въ чемъ оно состоитъ будетъ, черезъ кого именно и гдѣ, а особливо имѣть въ неуслышной бдительности переписку писемъ, въ домъ его присылаемыхъ, какими-бы то путями не было. Для лучшаго въ семъ случаѣ успѣха предписано отъ начальства, съ одной стороны, почтмейстеру Боровичской почтовой конторы изъ дому его приносимымъ и по почтѣ приходившимъ въ ту контору, въ домъ къ нему слѣдующимъ, письма присылать, черезъ городничаго, къ намъ, а съ другой — тамошнему немскому исправнику, въ небытность нашу въ отъѣздѣ, наблюдать и напѣщать застѣ, чрезъ того же городничаго, какъ о письмахъ, съ нарочными присылаемыхъ и отсылаемыхъ, такъ и о посѣщеніяхъ и упражненіяхъ, для чего и нужно напередъ свидѣться намъ съ исправникомъ лично и объясниться обо всемъ. Вы же, получивъ извѣстія, должны стараться достигнуть о томъ ближайшихъ свѣдѣній, и все доставить ко мнѣ въ означенное объ извѣдомленіяхъ время. Изъ сего исключается переписка дочери его и ея приближенныхъ, которой, по Высочайшему повелѣнію, есть свобода. 4) Если же бы мы, противу всякаго чаянія и ожиданія, примѣтили и подлинно удостовѣрились хотя о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, наше замѣчаніе заслуживающихъ, и подобныя возбуждающихъ слухи, дѣяніяхъ, перепискахъ, разсказахъ и постороннихъ прѣздахъ, то, не теряя времени, присылать ко мнѣ извѣдомленіе съ нарочнымъ, или со штафетою, и объяснить тотъ случай, или приключеніе, съ такой подробностью и доводами, чтобы никакого уже тутъ не было сомнѣнія и затруднительности. 5) А дабы преподать намъ и способъ къ самому точному сего предписанія исполненію, то поручено отъ меня боровичскому городничему дѣлать намъ всевозможнымъ пособіемъ таимъ, гдѣ намъ настоятъ, будетъ невозможность и препоны къ исправленію повелѣннаго. 6) Впрочемъ, будучи мы съ нѣкотораго времени ему самому знакомымъ, должны стараться всевозможнымъ образомъ сохранить къ нему должное почтеніе, и не подать ни малѣйшаго повода ни ему, ни приближеннымъ его, или домашнимъ людямъ, къ неудовольствію, по нѣче оказывать ласку и доброхотство. А потому, когда бы онъ, графъ Суворовъ, вознамѣрился куда-нибудь побѣхать въ гости, или на посѣщеніе кого-либо, то представить ему учтивымъ образомъ что, по теперешнему положенію его, того дѣлать не можно; если же бы онъ оказалъ тутъ свое усиліе, то объяснить ему о семъ Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, и потому отказать на отрѣзъ, и мнѣ извѣдомить.

Вындожскому при Суворовѣ. Императоръ Павелъ повелѣть соизволяти: «Бороничскому городничему остаться при его должности, а смотрѣніе за графомъ Суворовымъ имѣть коллежскому ассессору Николеву, которому особой инструкціи не давать, а предписать ему, чтобы онъ извѣдомлялъ о всѣхъ дѣйствіяхъ и упражненіяхъ графа Суворова».

22-го сентября, Вындожскій сдѣлалъ последнее донесеніе: «Вчера нѣхотѣть Красовскій, управляющій имѣніями Суворова, принесть брилліантовые перцы и оброку 3.000 р. и отдалъ графу, и отпранилъ обратно въ экономію. Графини Зубова, графскій сынъ Суворовъ, дѣвица Раенская и майора Сіона жена вчера отпранились въ Петербургъ. Здоровье графа въ прежнемъ положеніи, но самъ графъ говоритъ, что слабъ». Выѣзеть съ тѣмъ Вындожскій представлялъ присланное на имя графа Суворова письмо майора Антинга изъ Петербурга.

Огъ того же 22-го сентября, сдѣлалъ свое первое донесеніе и Николевъ. Отпранилъ о прѣѣздѣ своемъ въ Кончанское 20-го сентября и выѣздѣ дѣтей Суворова со свитою въ Петербургъ. 21-го сентября, въ ночь, онъ описалъ образъ жизни и встрѣчу съ Суворовымъ слѣдующими словами: «Графа нашелъ въ возможномъ, по лѣтамъ его, здоровѣ, ежедневныя его упражненія суть слѣдующія: встаетъ до свѣта часа за два, напиившись чаю, обмывается холодною водою, но разсвѣтъ ходитъ въ церковь къ заутренѣ и не выходя слушаетъ обѣдню, самъ поетъ и читаетъ; опять обмывается, обѣдаетъ въ 7 часовъ, ложится спать, обмывается, слушаетъ вечерню, умывается раза три и ложится спать. Скоромнаго не ѣстъ, по весь день бываетъ одинъ, и по большей части безъ рубашки, разговаривая съ своими людьми; одежда его въ будни каміфасный камзолчикъ, одна нога въ сапогъ, другая въ туфлѣ, въ высокотожественныя дни — фельдмаршальскій безъ шитья мундиръ и ордена, въ воскресные и праздничные дни — военная егерская куртка и каска.

«По свиданіи со мною, встрѣтилъ меня печальнымъ видомъ, спрашивая: «откуда я прѣѣхалъ»? Я сказалъ, что прѣѣздомъ въ Тихининъ заѣхалъ, на что онъ мнѣ сказалъ: «я слышалъ, что ты пожалованъ чиномъ, правда и служба большая, все служилъ, выслужилъ... улыбаясь повторилъ: продолжай эдакъ поступать, еще награждать». Я въ отвѣтъ ему сказалъ, что исполнять пою монаршую первѣйшій долгъ всякаго вѣрноподданнаго; онъ на сіе мнѣ отвѣ-

чалъ: «я бы сего не сдѣлалъ, а сказалъ бы больнымъ». Но какъ я ему сказалъ, что крайне удивляюсь, слыша отъ него такіе со-
сѣды, то и замолчалъ, и я тотчасъ вышелъ вонъ. На другой день,
даже до сегодня уже гораздо нашелъ его снисходительнѣе и лас-
ковѣе, а по причинѣ графинина отъѣзда много плакалъ и доказы-
вался больнымъ, признавая въ себѣ по многихъ членахъ признаки
паралича, но ни мною, и никѣмъ здѣсь оныя не видимы и не при-
мѣчены. Шляхтичъ Красовскій сей день въ Кобринѣ отирались,
осмотрѣвъ и съ графомъ не виданнымъ».

Въ заключеніи Николень поѣхтовалъ: «Позвольте, ваше сія-
тельство, объяснить невозможность въ здѣшнемъ мѣстѣ имѣть за
графомъ надлежащій присмотръ, послѣку живнеть онъ одинъ въ избѣ,
удаленной отъ селенія, подлѣ церкви, гдѣ приставнику помѣстителю
негдѣ, домъ же его такъ негдѣ, что осенью и зимой нельзя въ
немъ жить, несчастно окруженъ бываетъ своими людьми, изъ коихъ
самые ближайшіе: камердинеръ и два солдата отставныхъ, люди
непокорливые и нестрезные и имѣютъ въ повелѣніи своемъ тысячу
душъ корей, изъ коихъ весьма малое число по-русски худо разу-
мѣютъ, а посему почти возможности нѣтъ усмотрѣть, чтобъ онъ не
могъ тайно отправить отъ себя кого съ письмами, или для другого
чего, также и на оныя отвѣты получить, а по неимѣнію здѣсь
никакой команды объ могущихъ случившихся каковыхъ происше-
ствіяхъ доносений доставлять не съ кѣмъ и не начѣмъ. А посему
непокорнѣйше прошу ваше сіятельство оказать милость въ раз-
сужденіе вышеписанныхъ обстоятельствъ снабдить меня вашимъ по-
вѣщеніемъ, или для личнаго объясненія позволить мнѣ быть въ
Петербургѣ, дабы въ невыполненіи порученнаго мнѣ не отвѣтство-
вать».

Въ свою очередь, и Суворовъ, озабоченный прѣздомъ Николева
и опасаясь еще большихъ стѣсненій, 20-го же сентября, рѣшился
обратиться къ императору Павлу съ слѣдующимъ письмомъ:

«Всемилостивый государь!

«Ваше императорское величество съ высокороджественнымъ днемъ
рожденія всеподданнѣйшій поздравляю.

«Сего числа прѣхалъ ко мнѣ коллежскій совѣтникъ Николень.
Великій монархъ! Сжалось: умилосердитесь надъ бѣднымъ старп-
комъ. Простите ежели въ чемъ согрѣшилъ.

«Повертая себя къ освещеннѣйшимъ стопамъ вашего импера-
торскаго величества всеподданнѣйшій.

Г. А. Суворовъ-Рымникскій».

«20-го сентября 1797 года
«Боровичскія деревни».

По докладѣ этого письма, 28-го сентября, императору Павлу, государи повелѣли «оставить безъ отвѣта».

10-го октября, князь Курakinъ докладывалъ государю о донесеніи Николаева, но прямодушный Павелъ не согласился на предложенныя мѣры, повелѣвъ: «растолковать Николаеву, что онъ опредѣляется къ графу Суворову для надзора за нимъ непримѣтными образомъ, слѣдовательно, снъ намѣренія нмъ смотрѣть г. Николаева остановить». Выѣстъ съ тѣмъ докладывались присланныя губернаторомъ, полученныя съ почты письма на имя Суворова и камердинера его Прохора Иванова отъ Сіона о дѣлахъ вотчинныхъ. Вѣрно: возвратить ихъ Суворову.

Такими образомъ, стремленія надсмотрщиковъ съузнить до крайнихъ предѣловъ и безъ того тѣсный кругъ свободы опального фельд-маршала были парализованы. Рѣшеніе ихъ сжѣнилось полнѣйшей индифферентностью. Ежедневныя донесенія Николаева приняли стертинную форму: «графъ здоровъ, утѣшенія все тѣ же». Изрѣдка они иллюстрировались дополненіями: «графъ груститъ, не имѣя извѣстій отъ дочери», или: «получа отъ дочери письмо, крайне былъ обрадованъ».

Дни Суворова потекли спокойно; уединенный отъ всего, что человеку дорого и мило, онъ велъ жизнь отшельника; изба и церковь, и изрѣдка деревня, дворовые люди и крестьяне, коровы, язвыкъ которыхъ онъ сталъ изучать, занятія ему и дворъ, и общество, и сниту, и, наконецъ, обаяніе власти. Человѣкъ, по одному слову котораго шли въ огонь и умирали тысячи людей, теперь былъ одинъ, заброшенный въ лѣсную глушь Прионскаго, сосредоточенный въ самомъ себѣ, и только въ самомъ себѣ почерпавшій силы на дальнѣйшую борьбу съ несчастіемъ, которое не могло его сокрушить.

5-го октября, Суворовъ сильно ушибся, пабѣжавъ ночью на лежачую собаку, а въ декабрь у него болѣли ноги. Доктора не приглашали.

7-го октября, было получено съ почты на имя Суворова письмо изъ Пенны отъ барона Карачая, которымъ онъ просилъ извѣдомленія о здоронѣй фельдмаршала. Письмо это представлено государю, и, по его повелѣнію, переписка съ Карачаемъ прекращена.

15-го ноября, въ избѣ, гдѣ жилъ Суворовъ, учинился пожаръ, отъ сдѣланнаго въ стѣнахъ очага, но скоро потушенъ. Избу поправили, и Суворовъ остался въ ней.

Въ образѣ жизни его перемѣнъ почти не было. Все, что Николай считалъ нужнымъ довести до свѣдѣнія правительства, заключалось въ слѣдующемъ: «теперь, ежедневно поутру и послѣ обѣда пость духовные концерты, въ праздники бѣлье мундира не нѣтъ, а бываетъ въ обыкновенномъ своемъ бѣломъ камифасномъ камзолникѣ, съ орденомъ св. Анны на шеѣ». О характерѣ Суворова Николай сообщалъ: «графъ ежедневно становится сердитѣе и не проходитъ почти ни одного дня, чтобы кого изъ людей своихъ не побилъ, даже и въ самый день праздника Рождества Христова, за обѣдней, при шеѣхъ дворцовому своему далъ пощечину. На меня (Николая), разсердился крайне за то, что я разговорился съ нимъ, ошибкою сказать ему «вы», а не «ваше сіятельство»¹⁾.

Понимая его съ вѣщимихъ міромъ ограничилъсь посылкою въ ноябрѣ дворцоваго въ Петербургъ. По докладу о семъ Государю, приказано «взять выpravку: къ кому и зачѣмъ прѣѣхалъ». Оказалось, что дворецкій прѣѣзжалъ къ графу Зубову по дѣлу о изъясненіи въ казну денегъ.

Попытался было Николай занести опять рѣчь о трудности надзора. «Здѣсь, доносилъ онъ, отъ 4-го октября, князю Куракину:— между его людьми идетъ слухъ, что онъ собирается уѣхать въ Петербургъ, а какъ я и прежде доносилъ вашему сіятельству, что графъ живетъ одинъ въ отдаленной отъ селенія избѣ, почему и не трудно ему сіе исполнить, равно и тайно кого съ письмами отправить, а посему несокорѣйше прошу ваше сіятельство снабдить меня на сей случай вашимъ приказаніемъ, дабы мнѣ за сіе не отвѣтствовать. Отъ меня же бурмистру здѣшнему настрожайше подтверждено, чтобы онъ какъ лошадей, такъ и людей, не сказавъ мнѣ, не давалъ». Но доносеніе это осталось безъ отвѣта.

¹⁾ Исчисленія отъ 7-го октября, 10-го ноября, 28-го декабря 1797 года и 11-го января 1798 года.

Въ октябрь, прїѣзжалъ къ Сунорову изъ Москвы гонецъ съ письмомъ отъ жены его, графини Варвары Ивановны, въ которомъ она просила объ уплатѣ за нее долга 22.000 руб. и назначеніи ей содержанія, такъ какъ она не имѣла болѣе возможности жить у брата своего, князя Прозоровскаго ¹⁾. Известно, что Суноровъ жилъ въ большихъ неладахъ съ женой и даже неоднократно возбуждалъ дѣло о разводѣ съ ней, обвиняя въ нарушеніи супружеской вѣрности, и потому гонецъ былъ отправленъ обратно съ словеснымъ отъ графа отвѣтомъ, что «онъ самъ долженъ, а посему и не можетъ ей помочь, а впродъ будетъ стараться». Письмо это представлено Николемъ

¹⁾ Письмо это слѣдующаго содержанія: «Милостивый государь мой, графъ Александръ Васильевичъ. Крайность моя принудила беспокоить васъ моею просьбою; тридцать лѣтъ и ничѣмъ шестъ по безпокойству, воспитанная нашего сына въ страхахъ Божіихъ, внушала ему почтеніе, повиновеніе, послушаніе, привязанность и всѣ сердечныя чувства, которыми онъ обязанъ къ родителямъ, надѣясь, что Богъ стоиъ милосердъ, преклонитъ наше къ добру расположенное сердце къ нашему рожденію; мы, видя дѣтей, да и дѣтей нашихъ, вспомните и несчастную ихъ мать, въ какомъ она недостаткѣ, получая въ разные годы и разную малую пенсію, воспитывала сына, вошла въ долгъ до 22.000 рублей, объ которыхъ прошу сдѣлать милость заплатить. Не имѣю дому, экипажу, услуги и къ тому принадлежащее къ домашней моей генеральной надобности, живу у брата и у благодѣтеля и отца моего, который подкрѣпляетъ мою жизнь своими благотѣлїями и добродѣтелями. Но уже, милостивый государь мой, пора мнѣ его оставить отъ оной тягости съ покоемъ, ибо онъ человѣкъ долженъ, хотя и я и вижу отъ него не имѣю никакого противнаго, однако, чувствую сама какою долгъ имѣть на себя. А государю императору угодно, чтобы всѣ долги платили, то братъ мой и продастъ свой домъ, и такъ разсудя милостиво при дряхлости и старости, какою мнѣ прискорбно, не имѣвъ себя пристанища вѣрнаго и скитаться по чужимъ угламъ; пойдите, милостивый государь мой, въ мое состояніе, не оставьте мою просьбу, снабдите мнѣмъ вышесказаннымъ моимъ прошеніемъ. Еще скажу вамъ, милостивый государь, развѣжите мою душу, прикажите дочери нашей жени несчастную мать знать, какъ Богомъ уаконоено, въ чемъ надѣюсь, что великодушно поступите во всея моего прошенія, о чемъ я теснѣе проше прошу васъ, милостивый государь мой, оставъ въ надеждѣ неоставленія твоей ко мнѣ милости.

«Милостивый государь мой, непокорная жена ваша графиня
«Варвара Сунорова Рязанская.

«Октября 1-го дня
«1797 года.

вымъ князю Куракину, при докладѣ, что приказъ челоѣку сказанъ черезъ графскаго камердинера, а челоѣкъ графа не подаетъ ¹⁾).

По докладѣ объ этомъ государю, послѣдовало повелѣніе: «сообщить графинѣ Суворовой, что она можетъ требовать съ мужа по законамъ». Графиня отвѣчала князю Куракину, что она не знаетъ куда подать прошеніе, что нужды ея состоятъ не въ одномъ долгѣ 22.000 р., но и въ томъ, что она не имѣетъ собственнаго дома и ничего потребнаго для содержанія себя и что, наконецъ, она была бы совершенно счастлива и благоденственно проводила бы остатки дней своихъ, если бы могла жить въ домѣ своего мужа съ 8.000 рублей годоваго дохода. Императоръ Павелъ потребовалъ справку объ имѣніяхъ графа Суворова. По доставленіи графомъ Д. П. Хвостовымъ свѣдѣнія ²⁾, 26-го ноября высочайше повелѣно объявить Суворову, чтобы онъ исполнилъ желаніе его жены.

Повелѣніе это сообщено Суворову Николаевымъ 6-го января 1798 года, и онъ тотчасъ вручилъ ему, для отсылки къ графу Н. А. Zubovu, записку слѣдующаго содержанія: «Г. колл. ассесоръ Ю. А. Николаевъ, чрезъ князя Куракина, мнѣ высочайшую волю объявляя, по силѣ сего графинѣ В. П. прикажите отдать для пребыванія домъ и ежегодно отпускать ей по 8.000 рублей, примите ваши мѣры съ Д. П. Хвостовымъ. Я вѣдаю, что г. В. много должна, мнѣ сіе постороннѣе».

Между тѣмъ политическія событія въ Европѣ шли своимъ чередомъ и день ото дня становились серьезнѣе. Французы, отторгнувъ у Австрій Индерланды и Италію, присоединенныя по Кампо-Формійскому договору къ Франціи, проникли въ Германію и, не дожидаясь окончанія конгресса въ Раштадтѣ, положили руку на Римъ и Швейцарію. Успѣхи эти заставили императора Павла склониться къ мысли о заключеніи союза для борьбы съ Франціей. Пока разсуждалась и оуспѣшлялась, въ формѣ договоровъ, задуман-

¹⁾ Донесеніе отъ 14-го октября.

²⁾ По сему свѣдѣнію у Суворова находилось: имѣній родовыхъ 2080 душъ, пожалованныхъ 7000 душъ, всего 9080 душъ, оброку съ нихъ 60,000 рублей, каменный домъ въ Москвѣ стоитъ 12,000 р. Пожалованныхъ алмазныхъ вещей на 100,000 рублей. Долгу на графѣ Суворовѣ въ Воспитательномъ Домѣ 10,000 рублей, графу Анраксину 2,000 рублей, князю Шаховскому 1,000 рублей, Обріазову 3,300 рублей, всего 17,200 рублей. Графинѣ Суворовой выдавалось ежегодно по 8,000 рублей. Предназначено въ подарки: графу Zubovu 60,000 рублей, Арсеньевой—30,000 рублей.

ная идея, государь внезапно пожелалъ увидѣть необходимаго дотола пожда и пригласить его на службу.

12-го февраля 1798 года, генералъ-прокурору князю Куракину данъ указъ слѣдующаго содержанія: «Генералъ-фельдмаршалу графу Суворову-Рыминскому всея имперіи вѣстно дозволя приѣхать въ Петербургъ, находясь пребываніе коллежскаго ассессора Николаева въ Боровницкихъ деревняхъ не нужнымъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. Императоръ».

14-го февраля, приѣхалъ въ Кончанское флигель-адъютантъ, полковникъ князь Горчаковъ, съ высочайшимъ повелѣніемъ Суворову быть въ Петербургѣ.

Престарѣлый фельдмаршалъ не только не обрадовался полученому отъ государя приглашенію, но даже отказывался ѣхать въ Петербургъ, отговариваясь старостью и плохимъ здоровьемъ. Лишь послѣ долгихъ и настоятельныхъ убѣжденій князя Горчакова, старикъ отпирался въ путь на своихъ лошадей и ѣхалъ не торопясь, какъ говорится, на долгихъ. Императоръ между тѣмъ нетерпѣливо ожидалъ съ нимъ свиданія и по нѣскольку разъ въ день присылалъ узнавать: не приѣхалъ ли Суворовъ?

Принятый Павломъ, но приѣхавъ въ Петербургъ, въ кабинетъ, Суворовъ находился тамъ съ глазу съ государемъ болѣе часа. Государь остался недоуменъ свиданіемъ, какъ оказалось впоследствии изъ собственныхъ его словъ князю Горчакову. Онъ говорилъ Суворову о заслугахъ, которыя онъ можетъ оказать еще отечеству и ему, и наводилъ его на то, чтобы онъ попросился въ службу, а Суворовъ начинаетъ разсказывать про штурмъ Измаила. Государь слушаетъ и снова наводитъ рѣчь на свое, а Суворовъ разсуждаетъ о Прагѣ, или объ Очаковѣ. Приглашенный къ разводу, Суворовъ оказывалъ явное невниманіе: то отворачивался отъ проходившихъ изводовъ, то шутилъ надъ окружающими, и, наконецъ, сказавшись больнымъ, уѣхалъ, не дождавшись конца развода.

Государь посылаетъ князя Горчакова узнать: что значить все это? Суворовъ отвѣчаетъ: «инспекторомъ я былъ въ генералъ-майорскомъ чинѣ, а теперь уже поздно опять идти въ инспекторы. Пусть сдѣлаютъ меня главнокомандующимъ, да дадутъ мнѣ прежній мой штабъ, да развяжутъ мнѣ руки, чтобы я могъ производить въ чины, не спрашиваясь, тогда пожалуй пойду на службу. А не то лучше назадъ, въ деревню, я старъ и дряхлъ, хочу въ монахи»... Князь Горчаковъ не могъ доложить этихъ словъ государю и передать, что

Суворовъ былъ очень смущенъ въ присутствіи его величества и крайне сожалѣлъ о своемъ неопытнѣи.

Проживъ въ Петербургѣ около трехъ недѣль, знаменитый полководецъ бывалъ у высочайшаго стола, бывалъ на разводахъ, но чудилъ попрежнему и въ службу не просился. Императоръ обращался за объясненіями къ князю Горчакову, тотъ ѣздилъ къ Суворову и приносилъ государю отбитыя своего собственнаго вымысла.

Наконецъ, однажды въ разговорѣ съ государемъ, Суворовъ прямо попросилъ, чтобы его отпустили въ деревню, на отдыхъ, и государь съ видимымъ неудовольствіемъ отпустилъ его ¹⁾).

«Упрямый чудакъ» переехалъ въ свое негостепріимное Кончанское, гдѣ и жилъ до февраля 1799 года, когда, по настоянію англійскаго и австрійскаго дворовъ, императоръ Павелъ снова вызвалъ его въ Петербургъ и поставилъ во главѣ побѣдоносныхъ войскъ, предназначенныхъ «спасать народы и царей».

¹⁾ «Суворовъ», ст. гр. Д. А. Милютинъ «Русскій Вѣстникъ» 1856 года, книга 6.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

и

ОБЕРЪ-ВАГЕНМЕЙСТЕРЪ СОЛОМКА.

КОНЧИВЪ борьбу съ Наполеономъ и умиротворивъ Европу, императоръ Александръ I позывалъ наѣзженіе ближе ознакомиться съ внутренней жизнью, нуждами и потребностями своего народа, и съ этой цѣлью неоднократно предпринималъ путешествія по имперіи. Такимъ образомъ, въ 1817 году, совершилъ онъ поѣздку по центральной Россіи; въ 1819 году, въ Петрозаводскъ и Архангельскъ, а оттуда въ Торнео и Финляндію; въ 1820 году, государь снова путешествовалъ по Россіи, и затѣмъ отправился въ Варшаву; въ 1822 году, обозрѣвалъ Неконовскую и Витебскую губерніи и былъ въ Вильнѣ; въ 1824 году, посѣтилъ губерніи: Неконовскую, Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, проѣхалъ въ Пензу, обозрѣлъ Оренбургскій край, Екатеринбургъ, Вятку, Вологду и Новгородъ; въ 1825 году, навѣстилъ Ригу и Ревель, и незадолго передъ кончиной осыпавшись своими посѣщеніемъ землю войска Донскаго и Крымъ.

Въ путешествіяхъ государю сопутствовали постоянно: генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій, лейбъ-медикъ баронетъ Вилліе и полковникъ А. Д. Соломка, иногда—баронъ П. П. Дибичъ и другія лица.

Авасіей Даниловичъ Соломка поступилъ на службу въ главный штабъ его императорскаго величества въ 1815 году, а въ 1818 году былъ назначенъ на должность оберъ-вагенмейстера, и въ этомъ званіи

неизмѣнно сопровождалъ государя во всѣхъ его путешествіяхъ, какъ по Россіи, такъ и за границую. Это былъ честный, прямой и преданный слуга, находившійся постоянно при особѣ царя и готовый, по его мановенію, идти въ огонь и воду. Императоръ Александръ I высоко цѣнилъ подобную преданность и, съ своей стороны, оказывалъ ему полное довѣріе и дружбу. Какъ близкому лицу, онъ поручалъ ему принимать подаваемые на высочайшее имя прошенія, вести ихъ подробный журналъ и лично докладывать по нимъ. Наибольше же рельефное значеніе приобрѣтала служба Аванасія Даниловича во время путешествій государя.

Постари путешествіе государя составляло эпоху для народа. Объявленное заблаговременно, оно дѣлалось извѣстнымъ въ отдаленныхъ уголкахъ назначенной къ обзорѣ мѣстности и волновало ихъ. По всему пути, гдѣ долженъ былъ прѣхать государь, собиравшись массы городского и сельскаго люда, въ особенности много стекалось народу въ мѣстѣ остановокъ царя для отдыха или дневокъ. Одни приходили взглянуть на батюшку царя, пожелать ему всякаго счастія и благословить на дальнѣйшій путь; другіе же шли повергнуть къ стопамъ монарха просьбу о защитѣ или помощи, похвалить свои кручины и нужды.

Съ этими то кручинами и нуждами приходилось вѣдаться доверенному оберъ-камермейстеру и немало было ему съ ними дѣла. Императоръ Александръ I придавалъ особенное значеніе личному обращенію къ нему подданныхъ съ прошеніями, вытекаль въ сущность ихъ и старался, по возможности, удовлетворить ихъ. Онъ желалъ, чтобы прошенія принимались вслѣдъ, во всякое время и отъ всѣхъ, безъ различія пола, возраста и состоянія. Если государственные дѣла мѣшали ему заняться пріемомъ прошеній самому, то онъ поручалъ это Аванасію Даниловичу, приказавъ ему разъ навсегда: подаваемые прошенія при пріемѣ прочитывать и, если окажется нужнымъ, то тутъ же, на мѣстѣ, и дополнять ихъ опросомъ и объясненіями просятелей. Затѣмъ онъ долженъ былъ занести ихъ въ журналъ и непремѣнно въ тотъ же день повергнуть на монаршее воззрѣніе. По полученіи же резолюціи тотчасъ сдѣлать исполненіе. Замедленій государь не допускалъ. Онъ самъ занимался неустанно, прочитывая нужныя бумаги или доклады даже во время пути, въ коляскѣ. Резолюціи его по дѣламъ, зависѣвшимъ отъ непосредственнаго монаршаго благоусмотрѣнія или милости, въ тотъ же день сообщались просятелямъ. По дѣламъ же, требовавшимъ справокъ или

заклученій начальствующих лицъ и правительственныхъ учреждений, писалось подлежащимъ властямъ, съ обязательствомъ доставить по нимъ неполнительное донесеніе въ наикратчайшій срокъ (обыкновенно двухнедѣльный или мѣсячный). За неисполненіемъ этого государь наблюдалъ лично, просмотрѣвая въ журналѣ отѣтки о времени исполненія предписаній, — и горе тому, кто осмѣлился бы стать между просителями и царемъ, хотя бы даже неумышленно. Нижеслѣдующій случай, происшедшій съ Аонасіемъ Даниловичемъ, во время путешествія государя по сѣверу Россіи, можетъ служить яснымъ доказательствомъ тому, что малѣйшее уклоненіе отъ динныхъ царемъ инструкцій не проходило даромъ: виновный наказывался болѣе, чѣмъ строго.

Побѣды царскіи обыкновенно слѣдовали такимъ порядкомъ. Впередъ коляска государя, затѣмъ экипажъ оберъ-камермейстера, далѣе коляски свиты, лейбъ-медика и другихъ лицъ. Почью же впереди ѣхалъ экипажъ оберъ-камермейстера, съ козакѣмъ Оичаровымъ на козлахъ, вѣдшимъ въ рукахъ особый освѣтительный аппаратъ, и за нимъ уже коляска государева и свитскіе экипажи.

Побѣдка на сѣверѣ Россіи продолжалась съ 4-го іюля по 25-е августа. Въ Петропавловскѣ, по рописанію, назначена была дневка. Прибыли туда въ сырую, ненастную погоду. Громадная толпа народа, въ надеждѣ увидѣть императора, не смотря на проливной дождь, стояла подъ окнами дома, гдѣ онъ остановился, и ждала его появленія. Пока государь переедѣвался, Аонасій Даниловичъ, по его порученію, приступилъ къ приему отъ просителей прошеній. Мѣстныя власти, желая услужить царскому приближенному, распорядились доставлять ему подъ ноги нѣсколько досокъ, и хлопотунгъ оберъ-камермейстеръ, стоя на нихъ, опрашивалъ просителей и записывалъ ихъ отвѣты въ памятную книжку. Государь, подойдя къ окну, замѣтилъ, что уполномоченное имъ для принятія прошеній лицо стоитъ на дерзновенномъ помостѣ, а окружающіе его просители вынуты въ грязь. Это ему не понравилось; онъ отошелъ отъ окна и въ полдень прошоясь нѣсколько разъ по комнатѣ, но никакихъ замѣчаній не сдѣлалъ. Подойдя же черезъ нѣсколько минутъ снова къ окну, онъ увидѣлъ, что Аонасій Даниловичъ прекратилъ приемъ прошеній, не обративъ вниманія на то, что недалеко отъ него стоялъ какой-то не то большой, не то сильно изможденный бѣднякъ, явно имѣвшій нужду въ помощи. Это окончательно разгнѣвало государя, и онъ приказалъ позвать къ себѣ своего довереннаго слугу.

— Скажите мнѣ, пожалуйста,—встрѣтилъ Александръ Павловичъ явившагося къ нему оберъ-камермейстера:—зачѣмъ я ластъ возжу съ собою... ¹⁾ какъ куклу, или для исполненія моихъ приказаній?

Полковникъ Соломка, не зная причинъ гнѣва государя, оторопѣлъ и ничего не могъ отвѣтить.

— Что вы,—горячился между тѣмъ государь:—принимая прошенія, оказываете свои личныя милости, или служите мнѣ и исполняете мою волю? Вы позволяли себѣ потребовать подъ ноги подстилку, чтобы стоять съ удобствомъ и комфортомъ, а люди, пришедшіе ко мнѣ съ просьбами, должны вязнуть въ грязь! Вы такъ высоко себя поставили, что, вамъ кажется, иначе и быть не должно, тогда какъ вамъ безъизвѣстно, что мое расположеніе одинаково ко всѣмъ, какъ къ людямъ, близко стоящимъ ко мнѣ, такъ и къ тѣмъ, которые понѣ тамъ вязнуть въ грязь. Вы знаете, что мои иерноподданные одинаково близки моему сердцу.

— Виноватъ, ваше императорское величество, что я позволилъ себѣ стать на доски,—отвѣчалъ, собравшись съ мыслями, Аванасій Даниловичъ:—по моему приказанію не было, чтобы устроить для меня какія либо удобства; это не что иное, какъ простая любезность со стороны здѣшнихъ властей.

— А что это за личность, стоявшая въ числѣ просятелей, бѣдная, бѣдно одѣтая, съ большими, кудрявыми, черными волосами? Вы не могли не замѣтить ее; это, судя по наружности, шавѣрно, одинъ изъ наиболѣе нуждающихся. Можете вы доложить мнѣ, кто это и въ чемъ заключается его просьба?

— Государь, этого человѣка я замѣтилъ, но кто онъ такой и въ чемъ заключается его просьба, я сказать не могу, такъ какъ онъ ко мнѣ не подходилъ и просьбъ никакихъ не заявлялъ.

— Да! мы стояли на подмосткахъ! Вамъ трудно было сойдти въ грязь къ нуждающимся, чтобы опросить ихъ и доложить мнѣ объ ихъ нуждахъ!—вѣдь такихъ, можетъ быть, много... Извольте сейчасъ-же отираться, собрать самыя подробныя свѣдѣнія объ этомъ человѣкѣ и немедленно донести мнѣ.

Но «человѣка этого» уже не было, онъ куда то улетучился, и Аванасій Даниловичъ долженъ былъ ограничиться собраніемъ о немъ свѣдѣній у мѣстныхъ властей. Оказалось, что это дѣйствительно

¹⁾ Лица, на которыхъ государь гнѣвался, онъ говорилъ уже не «ты», а «вы».

несчастный человекъ. Жилъ онъ неподалеку отъ города, въ своей усадьбѣ, въ полномъ достаткѣ, былъ женатъ и имѣлъ пятерыхъ дѣтей. Но нѣсколько времени тому назадъ у него случился пожаръ, усадьба и все имущество сгорѣли. Но что всего ужаснѣе—во время пожара погибла его жена и трое дѣтей. Спасли только двухъ малолѣтकों, которыхъ и приняли у себя добрые люди. Утраты эти такъ подѣйствовали на несчастнаго, что онъ впалъ въ болѣзненное состояніе, близкое къ умопомѣнательству, но помощи ни отъ кого принять не хотѣлъ. Подобныя свѣдѣнія ошеломили почтеннаго оберъ-вагенмейстера, и, пока онъ составлялъ неподдѣльный докладъ о несчастномъ, государь присылалъ за нимъ три раза.

— Читайте! — сказалъ императоръ, когда Аванасій Даниловичъ представилъ ему докладъ.

— Не могу, государь, — отпѣчалъ трепещущій докладчикъ:—я такъ потрясенъ...

— Читайте! — повторилъ Александръ Павловичъ болѣе строго.

Бѣдный оберъ-вагенмейстеръ окончательно потерялся. У него дрожали руки и рябило въ глазахъ, онъ чувствовалъ, что слезы сдавили ему горло, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ выговорить ни одного слова.

— Читайте! я вамъ говорю! — повысилъ между тѣмъ голосъ разгнѣванный монархъ, и въ словахъ его звучала нота раздраженія.

Запинаясь и съ разстановками, чуть слышно, едва-едва могъ прочитать Аванасій Даниловичъ царю докладъ о несчастномъ больномъ, сознавая себя въ десять разъ несчастнѣе его.

— Ну, что вы мнѣ на это скажете? — спросилъ его немного успокоившійся тѣмъ временемъ царь.

— Виновать, ваше императорское величество.

— Виноваты, а онъ-то чѣмъ виноваты, что вы не исполняете моихъ приказаній! — вынулъ возразилъ Александръ Павловичъ и, взявъ перо, положилъ на докладъ резолюцію: «назначить доктора для попеченія о больномъ, дѣтей его помѣстить въ учебныя заведенія и содержать отца до выздоровленія, а дѣтей—до поступленія на службу на счетъ собственныхъ моихъ суммъ. На постройку же усадьбы и обзаведеніе -- выдать изъ того же источника пособіе, въ размѣръ стоимости сгорѣвшаго имуществъ».

— А васъ я больше видѣть не могу, — присвокупилъ государь, отдавая Аванасію Даниловичу резолюцію свою для исполненія.

императоромъ, стоять два молодыхъ челоѣка въ крестьянскихъ армякахъ, несѣма подержанныхъ, и въ изношенныхъ лаптяхъ. Въ рукахъ у нихъ была палки, за плечами—котомки. Предполагая, что юнѣши эти ищутъ какую либо просьбу къ царю, онъ подошелъ къ нимъ и сталъ разспрашивать: кто они и зачѣмъ тутъ находятся. Молодые люди, снявъ шапки и вѣжливо поклонившись Аванасію Даниловичу, отвѣчали, что они—старшіе сыновья сосланнаго императоромъ Наполея въ Сибирь Василія Пассека—Леонидъ и Діомидъ Пассеки, узнавъ о пробахъ царя, пришли изъ Сибири вѣжкомъ просить помилованія и пощады своему старику-отцу и ждутъ случая подать просьбу государю лично.

— Отчего вы не подошли ко мнѣ, когда я принималъ прошенія отъ другихъ?—спросилъ Соломка.

— Намъ отецъ приказалъ подать прошеніе лично государю, и мы не смѣли преступить его волю, хотя и знали, что вы принимаете прошенія.

— Государь теперь отдыхаетъ, и потому подать ему прошенія теперь невозможно,—отвѣчалъ Аванасій Даниловичъ:—но если вы непременно желаете подать ему прошеніе лично, то всего лучше было бы, если бы вы отпраивались на слѣдующую станцію; тамъ государь будетъ обѣдать и, по всей вѣроятности, приметъ ваше прошеніе.

— Но какъ мы отпраивмся, когда у насъ ни копѣйки нѣтъ денегъ? Мы и то уже нѣсколько дней пробиваемся по крестьянамъ.

Оберъ-вагенмейстеръ вынулъ изъ кармана бумажникъ и, доставъ оттуда бѣлую ассигнацію, далъ имъ, сказавъ, чтобъ они отпраивлялись немедленно и были на слѣдующей станціи къ часу дня непременно.

Черезъ нѣсколько времени Аванасій Даниловичъ увидѣлъ ихъ идущими верхомъ на одной лошади и подзывать къ себѣ.

— Что это вы чудите, господа?—спрашиваетъ ихъ оберъ-вагенмейстеръ.

— Ни чуть ни чудимъ, отвѣчаютъ они, лошади всѣ забраны подъ царскій поѣздъ, и намъ едва-едва удалось раздобыться вотъ этой клячей у крестьянина, за которую мы и заплатили ему вашу бѣлую ассигнацію.

— Да вѣдь вы на ней, пожалуй, опоздаете.

— Что же дѣлать!.. вѣжкомъ идти и все-же не успѣть, а на лошади, все-таки, какъ-нибудь доберемся.

— Ну, поѣзжайте съ Богомъ!

На утро царскій поѣздъ обогналъ ихъ на дорогѣ. Государь на нихъ пріѣхавшіе отдать имъ поклонъ и внимательно осмотрѣлъ. На станціи, по времѣ стола, Александръ Павловичъ замѣтилъ, что къ окнамъ столовой комнаты подходили нѣсколько разъ и робко заглядывали въ окна какіе-то крестьяне. Всмотрѣвшись въ нихъ, онъ обратился къ полковнику Соломкѣ и сказалъ:—«Да это, кажется, наши конные скны, которые даяеча утромъ гарцовали по дорогѣ на одной лошади... Выйди къ нимъ, Аванасій Даниловичъ, и спроси ихъ, что имъ нужно?»

Оберъ-вагенмейстеръ разсказалъ государю, кто они и какъ онъ распорядился доставить ихъ сюда.

— Дѣло!—сказалъ государь:—ну, поди, позови ихъ ко мнѣ!

Полковникъ Соломка повелъ юношей. Они бросились къ ногамъ монарха, обняли ихъ руками и, не отнимая прильнувшихъ къ нимъ головъ, съ рыданіями вопили:—Милосердія, государь, милосердія!.. одного только милосердія, государь, къ безвинно пострадавшему старику и его несчастнымъ дѣтямъ!

Картина вышла поразительная. Александръ Павловичъ даже прослезился.

— Встаньте, встаньте!—говорилъ онъ имъ. И сдѣлаю все отъ меня зависящее, но мнѣ надо разобрать дѣло.

Юноши встали.

— Возвратитесь къ отцу, — продолжалъ разстроганный царь:— и скажите ему, что я разсмотрю его дѣло самъ. Въ милостяхъ моихъ онъ сомнѣваться не можетъ... ну, а васъ за то, что вы такъ усердно исполняли отцовскую волю, я не хочу помѣстить въ учебныя заведенія; повидавшись съ отцомъ, пріѣзжайте въ Петербургъ, — и, обратившись къ Аванасію Даниловичу, добавилъ: выдать имъ прогонъ на пріѣздъ къ отцу и оттуда въ Петербургъ.

Въ тотъ же день полетѣлъ фельдъегерь съ запросомъ о старикѣ Пассекѣ и, по полученіи отвѣта и разсмотрѣніи дѣла, императоръ повелѣлъ возвратить ему дворянство, а также отобранное у него въ казну имѣніе и дозволить ему возвратиться въ Россію. Сыновей его, Леонида и Діоніа, принять въ учебныя заведенія, куда окажутся способны, и воспитать на казенный счетъ. Дѣтей же, рожденныхъ въ Сибири, считать принадлежащими къ дворянскому сословію.

Въ сороковыхъ годахъ «конные скны» пріѣзжали къ Аванасію

Даниловичу благодарить его за все сдѣланное для нихъ на станціи подъ Екатеринбургъ; но это уже были не крестьянскіе парни, въ рваныхъ шинулахъ, а блестящіе представители тогдашняго молодого поколѣнія: одинъ (Леоидъ) морякъ, капитанъ, а другой (Дюмидъ) храбрѣйшій генералъ, въ скорости затѣмъ такъ героически погибшій на Кавказѣ.

Измѣнительныя цифры.

Императоръ Александръ I, отъѣзжая однажды для путешествія по Россіи, посѣтилъ Александро-Невскую лавру, поклонился монахамъ угодника Божія и зашелъ къ схимнику спросить на предстоящій путь благословеніе. Бѣда съ монахомъ царя была довольно продолжительна, онъ искалъ у него утѣшенія и надежды и, какъ казалось, не напрасно: царь вышелъ успокоенный и довольный. Провожая государя, схимникъ благословилъ его и сказалъ: «и посла мируи ангела кротости». Александръ Павловичъ, недоумѣвая, что значатъ слова эти, изгламулъ на него вопросительно. Схимникъ повторилъ сказанное имъ и вновь благословилъ царя. Царь уѣхалъ, но пожелалъ, чтобы монастырское начальство разъяснило ему значеніе словъ этихъ. Долго искали разгадки, но, наконецъ, нашли. Въ славянскомъ языкѣ цифры нѣтъ, онѣ изображаются буквами. Обращая буквы сказаннаго схимникомъ изреченія въ цифры получается:

и	и	о	с	л	а	м	і	р	о	в	и	а	и
8,	80,	70,	200,	30,	1,	40,	10,	100,	70,	2,	8,	1,	50,
г	с	л	а	к	р	о	т	о	с	т	и		
3,	5,	30,	1,	20,	100,	70,	300,	70,	200,	300,	8	—1777, т. е.	

годъ рожденія императора Александра Благословеннаго.

Замѣчательно также и нижеслѣдующее совпаденіе цифръ при сложении годовъ, мѣсяцевъ и числа рожденія, вступленія и кончины Александра Павловича.

Онъ родился 1777 г. декабря 12, вступилъ на престолъ 1801 г. марта 12, скончался 1825 г. ноября 19 дня.

Если цифры эти поставить вертикально, то итогъ цифръ, полученныхъ отъ сложенія годовъ, дастъ число лѣтъ жизни, а итогъ цифръ, полученныхъ отъ сложенія мѣсяцевъ и числа, дастъ число лѣтъ царствованія. Именно:

	годы	мѣсяцы	числа	исчисляя вертикально			
	годы	мѣсяцы	числа	годы	мѣсяцы	числа.	
Родился . . .	1777	декабря или 12-й	12	1	1	1	
				7		2	2
				7			
Вступилъ на престолъ . .	1801	марта или 3-й	12	1	3	1	
				8			2
				0			
Скончался . .	1825	ноября или 11-й	19	1	1	1	
				8			
				2		1	9
				48	24		
				число	годы цар-		
				лѣтъ	ствованія.		
				жизни			

Императоръ Николай I и генераль Пенхержевскій.

Въ «Разсказахъ бабушки» А. Я. Бутковской, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1884 годъ, переданы нѣкоторыя черты изъ жизни императора Николая I, между прочимъ, сообщены разсказы о выговорѣ, сдѣланномъ государемъ на манерахъ генералу Пенхержевскому и послѣдовавшемъ вслѣдъ затѣмъ, когда генераль оказался пенниоватымъ, извиненіи.

Случай этотъ разсказанъ чрезвычайно отвѣченно, сказано и не полно, даже года, когда это случилось не указано. А такъ какъ подобная черта изъ жизни покойнаго государя имѣетъ обрисовывать его рыцарскій характеръ, то я и приведу о ней болѣе полный и достовѣрный разсказъ.

Это было въ августъ 1836 года. На манерахъ войскъ, собранныхъ при Красномъ селѣ, которыми распоряжался самъ государь,

генералу Пенхерженскому, командовавшему 2-ю легкою кавалерійскою дивизією, было послано приказаніе, при взятіи штурмомъ двухъ деревень передъ Краснымъ селомъ, обсканить артиллерійскую батарею, сдѣлать кавалерійскую атаку на противника. Но маневръ этотъ не удался: генераль не исполнилъ его въ точности.

По окончаніи маневровъ, государь созвалъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ частей и, благодаря ихъ за усильныя дѣйствія, тутъ же при себѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ сдѣлалъ выговоръ Пенхерженскому.

— Ты своего дѣла не знаешь! Тебѣ надо вернуться въ школу, закончилъ свою рѣчь разгнѣванный императоръ.

Трудно оправдываться передъ царемъ, но труднѣе вынести такой строгій выговоръ, въ особенности, когда не чувствуешь себя виновнымъ, и генераль Пенхерженскій рѣшился отбить государю, что онъ никакъ не уклонился отъ данныхъ инструкцій не сдѣлалъ, и что атаку произвелъ во всей точности, какъ его величеству угодно было приказать ему чрезъ одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ.

Еще пуще разгнѣвался царь.

— Генераль жметъ! воскликнулъ онъ, обращаясь къ стоявшимъ вокругъ генераламъ. — Отъ меня такихъ приказаній отдано не было... А если вы, господа, и получите когда нибудь подобное... приказаніе, то, не дѣйствуя, помяните съ мной адъютантомъ, который привезетъ намъ его, своего адъютанта ко мнѣ, чтобы увѣриться, точно-ли я далъ такое распоряженіе.

Государь былъ разсерженъ до такой степени, что Пенхерженскому досталось такъ, какъ не досталось еще ни одному прапорщику. Это чрезвычайно огорчило и самого Пенхерженскаго и старика генералъ-адъютанта Вистрома, командованнаго войсками, за отсутствіемъ великаго князя Михаила Павловича, и знавшаго, что Пенхерженскій не виноватъ.

Вечеромъ на Дудергоффъ былъ «чай».

Всѣ начальники находились въ сборѣ, но Вистромъ не пріѣхалъ. Государь крайне удивился, не видя «старика командира».

— А гдѣ же Карлъ Ивановичъ? спросилъ онъ дежурнаго генерала.

Тотъ отвѣчалъ императору, что генераль не могъ пріѣхать по тому, что разстроилъ утреннимъ прошеніемъ.

— Что такое?... Отчего? изумился Николай Павловичъ.

Дежурный генераль замаялся, видимо затрудняясь отвѣтить.

— Говори правду! возмущенная голосъ истерично сказала государь.

Въ это время изъ толпы окружавшихъ царя военачальниковъ выдѣлился любимый его флигель-адъютантъ князь Радзинскій, подошелъ къ государю и объявилъ себя виновнымъ въ томъ, что онъ утѣмъ лѣтѣрною передалъ генералу Пенхержевскому приказаніе его величества. Государь былъ скученъ цѣлый вечеръ.

На другой день, въ 9 часовъ утра, приказано было собраться всѣмъ генераламъ (въ томъ числѣ и Пенхержевскому) передъ палаткой Его Величества. Всѣ ждали новой грозы, и даже самые близкіе къ особѣ государя не знали чѣмъ она разразится, недоумѣніе и боязнь ясно выражались на ихъ лицахъ.

По вѣстѣ въ назначенный часъ, государь вышелъ изъ палатки и, поздоровавшись съ собравшимися генералитетомъ, обратился къ нему съ рѣчью.

— Господа, я сорокъ лѣтъ живу на свѣтѣ и до сихъ поръ не могу отучить себя отъ непростительной горячности. Трудите всего намъ владѣть собой, когда мы не въ спокойномъ духѣ. Генералъ Пенхержевскій,—обратился онъ къ стоявшему впереди генералу,—я радъ, что могу при всѣхъ генералахъ, въ присутствіи тѣхъ, которые были свидѣтелями вчерашней моей ссоры съ вами, просить у васъ прощенья... Извинитесь... я былъ неостороженъ, и потому прошу васъ, генералъ, простить меня и сказать при всѣхъ, что вы прощаете меня.

Генералъ Пенхержевскій бросился обнимать колѣна великодушнаго монарха; государь поднялъ и поцѣловалъ его. Присутствующіе были растроганы до того, что нѣкоторые прослезились.

Императоръ Николай I и пами.

Императоръ Николай съ особенной заботливостію относился къ развитію въ средѣ войскъ образованія и при каждомъ удобномъ случаѣ провѣрялъ лично степень этого развитія. Хорошіе результаты его всегда радовали, напротивъ, при каждомъ признакѣ равнодушія или безпечности лицъ, коимъ вѣбрилось образованіе юношества онъ издѣскивалъ строго.

Всѣ военно-учебныя заведенія, находящіеся въ С.-Петербургѣ, лѣтомъ 1852 года стояли лагеремъ въ Петергофѣ. Въ іюль мѣсяцъ приказано было произвести воспитанниками практическую съемку различныхъ мѣстностей Петергофа. Руководителями работъ назначенъ

каждая из васъ должна занять, даются не по уму и таланту, но только по скромности, по знаниямъ и женской добродѣтели. Не пишите же лишь случая блистать, но старайтесь исполнять строго ваши обязанности, и благословеніе Божіе будетъ надъ вами. Прощайте! прощайте! Молитвы мои да сопровождаютъ васъ». Подписано: «Александра», 3 марта 1836 года.

Письмо это вполне обрисовываетъ характеръ и доброту души достойной супруги императора Николая Павловича и служить самымъ нагляднымъ доказательствомъ тѣхъ материнскихъ отношеній, которыя существовали между русской царицей и дѣтьми ея подданными.

Николай I въ 5 московской гимназіи.

Въ 1833 году, въ бытность свою въ Москвѣ, императоръ Николай I посетилъ 5-ю гимназію, нагналъ ее въ отличномъ состояніи и благодарилъ какъ директора Оленина, такъ и все прочее начальство ея. Въ особенности ему понравилось, что нѣсколько воспитанниковъ, обученные находившимся въ гимназіи сыномъ А. Х. Бенкендорфа, прошли мимо государя церемониальнымъ маршемъ и съдѣлали руками прикрито ружейные присѣмы «на плечо» и «на караулъ». Онъ подошелъ къ себѣ командира этого дѣтскаго отряда и похлопалъ его. Для дальнѣйшихъ упражненій воспитанниковъ въ ружейныхъ присѣмахъ, государь приказалъ достать изъ кадетскаго корпуса деревянныя ружья, а лучшихъ — перевести въ новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ, тогда только что устроенный.

Затѣмъ, Николай Павловичъ, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, войдя въ залу, расположился посрединѣ и сталъ играть съ воспитанниками. Онъ разстегнулъ куртку и, взявъ нѣсколько мальчиковъ въ распростертыя руки, началъ возиться съ ними; масса дѣтей бросилась къ нему — всякому хотѣлось хотя дотронуться до государя, и они принялись тереть его. Государь сѣлъ на полъ, бралъ дѣтей десятками и клалъ рядомъ съ собою. Воспитанники лѣзли на государя все больше и больше и, наконецъ, совѣтъ пошлѣли на полъ. Долго возился съ ними развеселившійся царь и, когда всталъ на ноги, у него не оказалось ни одной пуговицы на

сюртукъ, — воспитанники ухитрились во время игры обрѣзать ихъ.

— Ахъ, мальчуганы! — засмѣялся государь: — что это вы надѣлали?

— Это на память о васъ, ваше императорское величество, — отвѣчали тѣснившіеся вокругъ его воспитанники.

— Но какъ же я теперь доѣду домой?

— Какъ нибудь доѣдете!.. завернитесь въ шинель, — весело смѣялись воспитанники, цѣлуя его руки.

— Ну, хорошо! — сказали, прощаясь, государь: — только смотрите, будьте молодцами, и я буду любить васъ.

— Постараемся, — кричали воспитанники ему вслѣдъ: — прощайте, ваше величество, не забывайте насъ!...

Декабристъ Тизенгаузенъ.

Во время политическихъ волненій въ Австріи, въ 1848—1849 годахъ, дежурный штабъ-офицеръ управленія кіевскаго генераль-губернатора, майоръ Михаилъ Дмитриевичъ Поздняковъ, по распоряженію генераль-адъютанта Библикова, неоднократно былъ командированъ по дѣламъ службы на австрійскую границу.

Въ одну изъ такихъ командировокъ, городничій представилъ ему заарестованнаго имъ страннаго арестанта. Это былъ приличный на видъ старикъ, съ длинною, сѣдою бородою и отпущенными чуть не до плечъ волосами, въ пенснэ, и ветхомъ крестьянскомъ армякѣ, въ карманѣ котораго найдена книга на англійскомъ языкѣ: «Король Лиръ» Шекспира. Человѣкъ этотъ не имѣлъ никакого вида и, при допросѣ, назвался бредягой, ненормальнымъ родителемъ.

На всѣ просьбы майора Поздняка открыть свое знаніе и положеніе, старикъ отвѣчалъ отказомъ и просилъ, въ видѣ особой милости, отправить его въ Кіевъ, къ генераль-губернатору, которому онъ откровенъ, кто онъ такой и съ какими намѣреніями сюда прибылъ.

Послѣ разрѣшенія, дежурный штабъ-офицеръ доставилъ старика въ Кіевъ и представилъ генераль-адъютанту Библикову.

— Кте вы такой? — обратился къ старику съ вопросомъ генераль-губернаторъ,

— Простите, ваше высокопревосходительство, если я вамъ не

Київъ и жилъ на средства Бибикова въ скромной квартирѣ надъ Дибромъ, никому неизвѣстный, даже полиціи, которой было сообщено, что ему дозволяется жить, не объявляя своего имени.

Освобожденіе же прочихъ декабристовъ послѣдовало уже по вступленіи на престолъ императора Александра II, именно въ 1856 году, по время его коронаціи.

Митрополитъ Филаретъ и ротмистръ Соломка.

Лѣтомъ 1856 года, Москва готовилась къ коронаціи. Гостей навѣзало со всѣхъ концовъ свѣта. Гвардія прибывала частями. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ съ дамами, 5-го іюля, въ день св. Сергія, поѣхали осмотрѣть Троицко-Сергіевскую лавру. Пожелавъ послѣ литургіи отслужить молебенъ, они обратились къ очередному іеромонаху. Лаврская братія по случаю праздника разрѣшила вино и елей, но очередной іеромонахъ оказался слабѣ другихъ и, обращаясь къ офицерамъ, требовалъ то покупки свѣчей, то покупки смолы св. Сергія. Ротмистръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, Соломка, не могъ стерпѣть подобнаго обращенія и обратился съ жалобою къ митрополиту Филарету. Тотъ выслушалъ его и сурово отиѣтилъ ему: «какой же ты христіанинъ, когда не можешь простить ближнему твоему... Ступай!»

Великій князь Михаилъ Павловичъ и отставной солдатъ.

Въ сороковыхъ годахъ, жилъ въ Петербургѣ именитый купецъ Василій Григорьевичъ Жуковъ, производившій обширную торговлю табакомъ и извѣстный своею добротою ко всѣмъ, кто поступалъ къ нему въ услуженіе или на работу. Онъ былъ городскимъ головой и содержалъ хоръ отличныхъ ибсѣльниковъ, извѣстныхъ всему Петербургу. Прусскій король, посѣтившій Петербургъ, по случаю открытія Александровской колонны, и пожелавшій послушать ибсѣльниковъ Жукова, пришелъ отъ нихъ въ восхищеніе и подарилъ Жукову великолѣпную брилліантовую табакерку. Василій Григорьевичъ любилъ нашихъ солдатъ и выходившихъ въ отставку принималъ къ

себѣ на фабрику, платилъ имъ хорошее жалованье, часто разговаривалъ съ ними и награждалъ. Однажды, великій князь Михаилъ Павловичъ, любившій изъ свободное отъ службы время побалагурить съ солдатами, проходя по лагерю подъ Краснымъ Селомъ, встрѣтилъ стараго солдата, подлежащаго увольненію изъ отставку, остановилъ его и разговаривалъ съ нимъ.

— Ну, что, братъ, пора намъ съ тобой и на покой! — сказалъ ему великій князь весьма серьезно.

— Да, ваше высочество, приходитъ время къ отставкѣ, — отвѣчалъ солдатъ также серьезно.

— Куда же пойдешь?

— Еще не знаю, ваше высочество.

— Ну, братъ, и мнѣ хочется на покой, да также не знаю, гдѣ бы мѣстечко потѣшѣе найдти; а? какъ ты мнѣ посоветуешь? — продолжалъ пресерьезно Михаилъ Павловичъ.

— Ахъ, ваше высочество, — отвѣчалъ солдатъ, не заппнаясь, съ желаніемъ отъ души всего хорошаго любимому нмъ великому князю: — у купца Жукова жить хорошо; воть бы куда!

— Пожалуй, не приметъ? — засмѣялся великій князь.

— Какъ не принять! — ваше-то высочество! — отвѣчалъ убѣжденно старый воинъ: — перебивающее мѣсто намъ предоставитъ.

— Спасибо за советъ, любезный товарищъ! — смѣялся великій князь, хлопая по плечу солдата: — придется, значить, поклониться Василию Григорьевичу, завтра же увижу его и попрошу.

— Попросите и за меня, ваше высочество, — отвѣчалъ невозмутимо серьезно старикъ.

— Конечно, конечно! — закончилъ великій князь разговоръ: — ужъ если служить, такъ опять вѣстѣ.

И дѣйствительно, солдатъ, по просьбѣ великаго князя, былъ принятъ по выходѣ изъ отставку Жуковымъ и находился у него на службѣ до самой смерти.

Императоръ Николай I и французы.

Въ 1836 году, императоръ Николай I пригласилъ въ Петербургъ знаменитаго французскаго баталиста Ораса Верне, для написанія нѣсколькихъ картинъ изъ нашего военнаго быта. Съ нимъ

писать приехалъ сотрудникъ «Gazette de France», Веймарсъ, напавшій въ газетѣ постоянно на русскихъ, въ особенности за «тирацію поляковъ». Имъ показали лагерь; они были въ свитѣ государя на маневрахъ, видѣли знаменитый Петергофскій праздникъ и, наконецъ, были приглашены въ тѣсный, семейный кружокъ императорской фамилии. Г. Веймарсъ увидѣлъ монарха въ кабинетѣ и въ кругу его семейства, которое онъ любилъ больше чѣмъ съ отеческой нѣжностью. Когда Веймарсъ смотрѣлъ на дѣтскія игры маленькихъ великихъ князей съ своими спертниками, между которыми было нѣсколько мальчиковъ изъ польскихъ фамилій, государь подошелъ къ нему и сказалъ: «vous voyez bien que je ne mange pas les polonais» (вы видите, что я не ѣмъ поляковъ).

Кадеты въ Александріи.

Императоръ Николай очень любилъ молодежь, воспитывавшуюся въ кадетскихъ корпусахъ. Всегда и вездѣ онъ отличалъ кадетовъ и старался приблизить ихъ къ себѣ и своему семейству.

Въ 1843 году іюля 22-го, онъ праздновалъ день именинъ сестры своей, великой герцогини Саксенъ-Веймарской, Маріи Павловны, въ Александріи; близъ Петергофа. На праздникъ приглашены были близкіе царю люди, тѣсный кружокъ друзей, дипломатическій корпусъ и избранныя особы первыхъ классовъ.

Кадеты стояли лагеремъ подъ Петергофомъ. Государю угодно было пригласить ихъ на праздникъ. Гонимъ полетѣлъ, и чрезъ нѣсколько времени извѣстное число кадетовъ, въ большинствѣ случаевъ вынужденные, появились въ саду Александріи.

— А! вотъ и дѣти,—сказалъ Николай Павловичъ и сошелъ къ нимъ съ террасы. Поздоровавшись съ ними, онъ спросилъ ихъ: «знаютъ ли они какой нынѣ день?»

— Знаемъ, ваше императорское величество,—отвѣчали кадеты.

— Какой?

— День тезоименитства сестры вашего величества, великой герцогини Саксенъ-Веймарской, Маріи Павловны, съ чѣмъ и имѣемъ счастье поздравить,—отвѣчали кадеты.

— Благодарю васъ дѣти,—и государь поклонился.

— Васъ благодарятъ, государь, что вспомнили объ насъ,—закричали кадеты.

Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ стоялъ на эстрадѣ. Императоръ позвалъ его къ себѣ и, когда онъ подошелъ, сказалъ ему:—что же ты не поздоровался съ кадетами?

Великій князь поздоровался, и на поздравленіе кадетовъ поклонился.

— Кланяйся ниже!—сказалъ ему государь:—твоимъ будущимъ слугамъ можешь поклониться въ поясъ.

И наслѣдникъ цесаревичъ поклонился въ поясъ.

Затѣмъ императоръ принялъ за руки двухъ младшихъ дочерей своихъ, великихъ княжъ, Ольгу Николаевну и Александру Николаевну, и приказалъ имъ поблагодарить кадетовъ за поздравленіе съ именинницей.

Великія княжны сдѣлали реверансъ.

— Развѣ такъ кланяются русскимъ дворянамъ,—сказалъ государь и, положивъ имъ руки на плечи, заставилъ ихъ поклониться до пояса.

Разрѣшивъ кадетамъ «вольнѣ», императоръ пошелъ изъ нихъ кружокъ и сталъ заставлятъ ихъ играть.—Берите примѣръ съ меня, смотрите, я упаду сейчасъ на землю,—и, сказавъ это, государь сдѣлалъ движеніе, какъ будто хочетъ опрокинуться назадъ. Кадеты бросились къ нему, подхватили его на руки и съ крикомъ: ура! стали качать.

Послѣ троекратнаго поднятія, Николай Павловичъ сказалъ:—ну, дѣти, довольно! спасибо вамъ!

— Ради стараться!—и ура! снова огласило садъ.

Въ это время французскій посланникъ, сойдя съ эстрады, подошелъ къ государю и выразилъ ему свое безпокойство о томъ, что онъ чуть было не упалъ, еслибъ кадеты его не поддерживали.

— Вы не знаете моихъ дворянъ; это вѣдь все дворяне,—отвѣчалъ съ гордостью государь:—они никогда не дадутъ упасть не только мнѣ, но даже никому изъ членовъ моего дома.

Великій князь Михаилъ Павловичъ въ новгородскихъ поселеніяхъ.

Въ сороковыхъ годахъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, ежегодно весною или въ началѣ лѣта, пріѣзжалъ въ новгородскій округъ.

пахатныхъ солдатъ для смотровъ расположенныхъ тамъ гвардейскихъ частей. Въ одинъ изъ таковыхъ прїѣздовъ, Его Высочество прїѣхалъ въ мѣсто квартированія лейбъ-гвардіи Уланскаго полка довольно поздно и остановился для ночлега въ устроенномъ для прїѣзда высочайшихъ особъ домикѣ. Отходя ко сну, Михаилъ Павловичъ, запирая дверь на ключъ, попернулъ его такъ неловко, что сломалъ бородку ключа и остался въ спальнѣ запертымъ. На утро дали знать капитану Иванову, заѣдывавшему военнорабочими командами. Пока онъ явился со слесаремъ и вынималъ изъ двери замокъ, прошло около часу и Великій Князь не могъ вовремя выѣхать къ собранію полку на смотръ. Когда дверь была открыта, онъ вышелъ къ собравшемуся въ залѣ начальству и гнѣвно сказалъ начальнику округа.

— Хороши у насъ замки!

— Замокъ былъ хорошій, ваше императорское высочество, отвѣчалъ начальникъ округа, но и хорошій замокъ можетъ сломаться.

— Да я ишь и не вижу, разсѣялся Великій Князь, но я ждалъ бы знать, что съ нимъ сдѣлалъ бы Аракчеевъ — и онъ указалъ на Иванова, — если бы онъ его, какъ меня, посадилъ подъ арестъ на цѣлую ночь?

Борщовъ и медвѣжонокъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, адъютантъ конно-піонернаго дивизіона, поручикъ Борщовъ, находясь на завтракѣ у одного изъ извѣстныхъ охотниковъ-магнатовъ, получилъ отъ него въ подарокъ только что привезеннаго съ охоты маленькаго медвѣженка, оставшагося послѣ убитой медвѣдицы. Возвращаясь домой изъ собственныхъ саяхъ, онъ посадилъ медвѣжонка рядомъ съ собою и придерживалъ его рукой. На поворотѣ съ Пенскаго на Владимірскую, его повстрѣчалъ великій князь Михаилъ Павловичъ.

— Стой! закричалъ ему гнѣвно великій князь, что это такое?

— Мишка, медвѣжонокъ, ваше императорское высочество, отвѣчалъ выскочившій изъ саяхъ и подбѣжавшій къ великому князю поручикъ.

— Мишка! медвѣжонокъ! передразнилъ его великій князь, это я вижу. Но для чего ты разбѣгаешься съ нимъ? Что ты фокусникъ,

или содержатель. зѣвница, что ли? Развѣ это прилично офицеру? на гауптвахту!

И бѣдный поручикъ съ медвѣжонкомъ очутился на гауптвахтѣ. На другой день великій князь приказалъ Борцова освободить. Но когда приказаніе было получено, на гауптвахтѣ возникъ вопросъ: что дѣлать съ медвѣжонкомъ — выпустить его или оставить, такъ какъ о немъ изъ приказаній ничего не говорилось. Кончилось тѣмъ, что офицера выпустили, а медвѣжонка оставили. Доложили великому князю, и онъ, погрозивъ пальцемъ, разсѣялся: это все проказы Борцова. Отдать ему моего тѣзку, съ тѣмъ, чтобы онъ о себѣ житей-бытьи житей при случаѣ рапортовалъ.

И потомъ, истрѣчая Борцова, великій князь нѣсколько разъ спрашивалъ его: «Ну, что, какъ поживаетъ мой тѣзка?»

закъ: солдаты за побѣги, нищіе, бродяги, членовредители, а съ отъѣною смертною казни и всѣ преступники, освобожденные отъ смерти. Въ текущемъ столѣтіи Сибирь приобретаетъ значеніе главнаго ссыльнаго мѣста, и только въ 1867—1869 годахъ были произведены нѣкоторыя реформы въ системѣ тюремъ и ссылки. Каторжныя работы въ крѣпостяхъ уничтожены, и воинскіе чины, при-суждаемые къ каторжнымъ работамъ, сконцентрированы въ двухъ пунктахъ: въ Усть-Каменогорскѣ и Тобольскѣ, а изъ числа лицъ гражданскаго вѣдомства повелѣно отправлять въ Восточную Сибирь, для обращенія на существующія тамъ каторжныя работы, только тѣхъ преступниковъ, которые содержатся въ тюрьмахъ Сибири и Зауральской части Пермской и Оренбургской губерній, а изъ Россіи—женщинъ и женатыхъ преступниковъ, за которыми послѣдуютъ семейства. Всѣхъ же прочихъ преступниковъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ, предписано размѣщать въ особо учрежденныхъ для того центральныхъ тюрьмахъ: Новообирогатѣвской и Новооблагородской (Харьковской губерніи), Симбирской, Виленской и другихъ.

«Вѣчно горькій міръ есть адъ», говоритъ Данте (Рай XVII, 121). «Какъ вѣщественная смерть уничтожаетъ наше земное существованіе, такъ смерть нравственная лишаетъ насъ яснаго сознанія свободнаго проявленія нашей воли, а потому нравственная смерть не много лучше самой смерти вѣщественной», поясняетъ ученый толкователь Данте—Штрекфусъ. Слѣдовательно, ссыльно-каторжные, какъ лишенные права свободнаго проявленія своей воли,—ничто иное, какъ нравственные жертвенцы, а пребываніе ихъ въ каторгѣ, представляющее, конечно, горькій міръ, можетъ быть названо адомъ.

«Сравнительный методъ одинаково полезенъ и необходимъ, какъ въ анатоміи отдѣльнаго челоѣка, такъ и въ социальной наукѣ, которую можно назвать анатоміею общества», восклицаетъ Писаревъ въ одной изъ статей своихъ. Но для опредѣленія значенія каторги, трудно найти въ жизни вѣрное сравненіе, такъ какъ каторга по своей цѣли и назначенію—каратъ и карать отверженцевъ и отщепенцевъ общества, карать въ квадратъ и кубъ, карать сторицею, карать, наконецъ, безъ мѣры и конца,—можетъ быть сравнена только съ адомъ.

Адъ имѣетъ своихъ вѣснопѣвцевъ. Гомеръ, Виргилій, Данте сходили въ преисподнюю земли и обезсмертили ее въ своихъ поэтическихъ описаніяхъ. Сибирскіе рудники хотя также видѣли въ своихъ вѣдрахъ поэтовъ и писателей, но до С. В. Максимова воспѣты не

были. Въ нашей литературѣ нѣтъ ничего, на что можно было бы указать и сказать: вотъ наша пренесодняя. «Мертвый домъ» Достоевскаго — частица каторги, это, дѣйствительно, мертвый домъ, преддверіе ада, и только...

Но передъ нами лежитъ разсказъ С. В. Максимова о посѣщеніи имъ одного изъ Перяинскихъ серебряныхъ рудниковъ (Зерептуйскаго). Вотъ какъ онъ описываетъ каторгу.

«Мы у подошвы горы, которая отлого взбирается въ высь и тамъ, гдѣ-то не на виду у насъ сливается съ другими горами, а можетъ быть и съ цѣлою грядою горъ. Гора наша, по наружному виду, ни чѣмъ не отличается отъ окрестныхъ: тѣже голыши и камни, обитая скудною растительностію въ живое время, тоже обиліе жоу и по мѣстамъ примѣчательно ничтожное количество снѣгу, когда все крутомъ завалено имъ. Разница одна: у нашей горы, позади насъ, и въ недалекомъ разстояніи, раскинулось, довольно большое селеніе со старыми глиняными домами, разбросанными въ безпорядкѣ и доказывающими наружнымъ видомъ своимъ, что хозяева ихъ самые бѣдные и несчастные люди во всемъ сибѣ: нѣтъ ни одного дома, который говорилъ бы даже о кое-какомъ достаткѣ.

«Селеніе это казенное и приписано къ руднику; въ горѣ нашей находится самый рудникъ серебряный, давно уже существующій, какъ сказано выше.

«Прямо передъ нами бревенчатый сарайчикъ, по мѣстамъ обитый досками и однимъ краемъ своимъ вплотную прижатый къ горѣ у самой подошвы ея. Досчатая дверь вводитъ насъ въ этотъ темный и натапливаемый домикъ; здѣсь предлагаютъ намъ снять шубу на томъ основаніи, что безъ нея будетъ свободнѣе ходить по руднику, гдѣ, говорятъ, теплѣе, чѣмъ въ этомъ домикѣ, тепло какъ въ банѣ. Но, помня, что на дворѣ снѣгомъ 30° мороза, мы не рѣшаемся разстаться съ шубой (въ чемъ, однако, пришлось намъ потомъ раскаяться). Намъ надѣваютъ на шею, на длинной перевязи, плоскій фонарь съ зажженой свѣчей, и мы направляемся въ то чистилище, о которомъ съ самаго дѣтства слышали такъ много страшнаго. Вотъ за этой-то новою дверью (и опять досчатою) — думалось намъ на тотъ разъ — тѣ каторжныя норы, гдѣ мучилось столько несчастныхъ и погнбло въ нихъ безъ глѣда и воспоминаній. За ней-то, за дверью этой, одинъ изъ тѣхъ рудниковъ, о которыхъ ходятъ по всей Россіи такіе мрачные и страшные разсказы. И теперь мы съ трудомъ отдѣлываемся отъ непріятнаго чувства боязни,

безосознательного страха и тоски, до такой степени преодолимых, что были моменты, когда были готовы оставить наше намѣреніе и вернуться назадъ изъ опасенія не подвергать себя крупнымъ и тяжелымъ впечатлѣніямъ; потребовалось энергическое усиліе воли, чтобы направиться дальнѣе за эту таинственную дверь, и, разрѣшившись идти впередъ, мы принудили себя безропотно подчиниться пропоятыямъ, но непріятное чувство душевной тяжести и безотчетнаго сердечнаго трепета насъ не покидаютъ. Отворилась дверь, — словно въ адъ, и истинное подобіе его предстало намъ тотчасъ же, какъ только глаза наши встрѣтили за дверью непроглядный, мертвенный сумракъ; къ тому же по нѣсколькимъ ступенямъ мы опустились внизъ, на нѣсколько аршинъ ниже подошвы горы. Высокая гора, всею массою, всею громадою своею стояла теперь надъ нами, усиливая тяжесть нашихъ впечатлѣній. Мы — въ горѣ, подъ землей, словомъ — мы въ рудникѣ.

«Самымъ рѣзкій, крайній переходъ отъ дневнаго свѣта прируднической свѣтлицы — передній во мракъ самаго подземелья, не позволялъ глазамъ нашимъ что либо видѣть, что либо понять изъ всего того, что творится передъ нами, сзади насъ, по бокамъ. Мы слышимъ голоса, но они кажутся намъ такими глухими и робкими, что какъ будто они, какъ и нашъ голосъ, выходятъ изъ сдавленной и патруженной груди. Гдѣ-то впереди, какъ волчи глаза, мелькаютъ огоньки, но свѣтъ ихъ, поглощаемый густотой окрестнаго мрака, до того слабъ, что кажется особеннымъ, рудниковымъ. Висящій на груди у насъ фонарь намъ дѣлаетъ не больше того: свѣтъ его чуть брезжится, ударяетъ въ спинку проводниковъ, освѣщая дѣтри заплата на полушубкахъ. При поворотахъ въ сторону, свѣтъ салыной свѣчки успѣваетъ обнаружить въ себѣ присутствіе силы на столько, что мы различаемъ досчатые стѣны, мокрая, сырая, и такіа же доски на верху, на потолокъ. И когда глазъ успѣлъ привыкнуть, мы, что называется — оглядѣлись: предъ нами и позади насъ оказался несомнѣнный корридоръ, такой же точно, какъ и тѣ, до которыхъ такіе охотники петербургскіе домовладѣльцы и архитекторы, показывающіе этия безгласіе своей изобрѣтательности и несостоятельность своей науки; этотъ корридоръ намѣревался доказывать противное. Онъ былъ такой же узкій и теплый, и въ такомъ же прямомъ направленіи тянется куда то вдаль. Мы идемъ ни ниже, ни выше, идемъ также свободно и теперь, какъ шли сначала, и идемъ какъ будто уже много сажень, не одинъ десятокъ сажень

и — останавливаемся. Передъ нами третья дверь и обитый досками корридоръ кончился.

«— Что это значитъ?

«— Корридоръ (отвѣчаютъ намъ), — тунель этотъ называется штольней. Та часть штольни, которую мы прошли и которая сверху, снизу и съ боковъ забрана досками, уже выработана и къ дѣлу не годится. Рабочіе въ ней только для того, чтобы положить досчатые заплаты тамъ, гдѣ старыя доски прогнули до слезъ. Разработывается вотъ эта...

«Отворили дверь—и мы снова погрузились во мракъ, который кажется намъ еще гуще и непрогляднѣе. Мы съ трудомъ передвигаемъ ноги, которые на каждомъ шагѣ встрѣчаютъ какія-то рытвины, какіе-то камни, и между ними, по самой серединѣ дороги нашей, тянется цѣлый жолобъ. По бокамъ, въ стѣнахъ каменныхъ глыбъ; наверху, на потолкѣ, такіе же голые, неправильной формы, обитые камнѣи: и тѣ, и другіе на ощупь холодны, сыры, слизисты, фонарная свѣча на большей части изъ нихъ освѣщаетъ ржавчину, окиси. Ощущенія становятся еще тяжелѣе: каменные груды начинаютъ давить насъ нравственно всей тягостью внѣшняго вида своего, и мы снова съ трудомъ владеемъ собою при объясненіяхъ.

«— Это известнякъ и глинистый сланецъ—подпороды; а вотъ и самая порода—наше богатство; изъ нея то мы добываемъ достославное серебро, которое и въ нашихъ рукахъ стало въ рѣдкость, какъ говорятъ, рѣдко оно и у васъ въ Россіи.

«Черезъ груды этихъ подпородъ и между глыбами породы пробираемся мы дальше, начинаемъ примѣтно уставать, намъ становится не только жарко, но даже душно. Духота, наполняющая на этотъ разъ штольню, напоминаетъ намъ ту насыщенную влагой атмосферу бани, когда разрядился паръ, въ обиліи сорвавшійся съ камней. Въ духотѣ этой (думалось и выговорилось нами) — одинъ изъ видовъ каторги и духота эта, между прочимъ, полагалась одною изъ мѣръ наказанія нѣкогда работавшимъ здѣсь преступникамъ: духота эта едва выносима.

«— Отворите дверь! закричалъ одинъ изъ проводниковъ въ отвѣтъ на замѣчаніе наше.

«Крѣпкая струя морознаго воздуха мгновенно и съ неудержимой силой ворвалась въ штольню и выхватила, и унесла впередъ въ широкое отверстіе шахты весь тотъ удушливый и гнилой воздухъ, который до этой поры тяготилъ насъ. Пока задняя входная дверь

стояла открытою, мы съ трудомъ удерживали на головахъ шапки: до того была сильна тяга воздуха, которая, нѣтъ для насъ значеніе сквознаго вѣтра, становилось уже изнѣпиемъ, и дѣлалась опасною для здоровья. Пока мы подвигались дальше, въ штольнѣ опять накопилось достаточно теплоты, чтобы снова жаловаться на жѣбу.

«Въ одномъ мѣстѣ, нѣтъ отъ насъ, изъ штольни потянулся глухой и тупой, безъ пролета, корридоръ, никуда не выходящій, и, въ отличіе отъ штольни, на горномъ языкѣ извѣстный подъ именемъ лихтлога. Свѣтъ фонаря освѣтилъ намъ его начало и изнылъ въ той густотѣ мрака, которую не разрѣшалъ ниразу лучъ солнечнаго свѣта, и съ которою ведетъ по временамъ борьбу свѣтъ шестериковыхъ саленныхъ свѣчей въ фонаряхъ рабочихъ.

«Войти въ лихтлогъ мы не рѣшились и не пошли туда по той простой причинѣ, что лихтлогъ—таже штольня только поперечная, боковая, безъ выхода: боковая оттого, что увела се туда серебряная жила, ударившаяся въ бокъ отъ основной, давшей направленіе штольнѣ, а безъ выхода лихтлогъ потому, что на тупомъ концѣ его оборнулась надежда на добычу, серебра стало меньше; и дальнѣйшая работа не обѣщала возврата затраченныхъ силъ и капитала. Штольня повела насъ дальше и прямо, одинъ лихтлогъ остался въ сторонѣ на право; другой—на лѣво.

«Каменные груды съ боковъ и надъ ними, неукрѣпленные искусствомъ и сдерживаемыя только силою взаимнаго тяготѣнія и упора,—грозятъ опасностью. Вода, въ избыткѣ просачивающаяся между камнями, усиливаетъ представленіе этой опасности для насъ, непривычныхъ, безспальныхъ схватить всѣ подробности дѣла и на тотъ разъ понять всю систему предосторожностей. Мы радуемся за каждый шагъ, который завоевываемъ при выходѣ изъ штольни и неосознанно вздрагиваемъ, въ боязни за себя, когда слышимъ предостереженіе провожатыхъ спрятаться на бокъ, гдѣ нибудь около стѣнки въ первое попавшееся углубленіе въ ней. Примѣръ тому видимъ на вѣтхъ нашихъ спутникахъ, и, спрятавшись какъ умѣли и успѣли, мы вздрагиваемъ во второй разъ отъ сильнаго удара, который глухимъ и тупымъ раскатомъ потрясъ всю штольню и исчезъ безъ эха и отголоска.

«— Что это такое?

«— Забой дѣлали! взрывъ произведенъ.

«Ощущаемъ пороховой запахъ, видимъ впереди себя новую вспышку и тотчасъ новый глухой стукъ взрыва, и снова ощущаемъ

запахъ пороха. Идемъ къ тому мѣсту и видимъ, или, лучше, слѣпо различаемъ на полу какія-то дыры, видимъ буравы въ рукахъ рабочихъ, намъ объясняютъ:

— Буравъ вертитъ въ землѣ скважину, и оттого скважинѣ этой даемъ названіе буровой. Она заряжается порохомъ; порохъ рветъ часть грунта, выхватываетъ тѣ камни, которые мѣшаютъ намъ прокладывать жолобъ. Жолобъ этотъ по срединѣ пола штольни надобенъ намъ для стока воды. Вода одолеваетъ наши работы безгранично; оставить ее на собственнѣйшій произволъ и не выводить вонъ — значитъ поступиться нѣмъ рудникомъ: вода зальетъ его, какъ залила уже нѣтъ разработанные и покинутые или по полѣ начальства, или потому, что они уже и сами по себѣ перестали служить свою полезную службу.

— Жолоба для стока воды мы закрываемъ досками, чтобы легче ходить и работать; жолобъ облегчитъ работы въ забояхъ; полъ облегчитъ перевозку руды изъ тачкахъ по штольнѣ до шахты.

— Но гдѣ же каторга, гдѣ тѣ работы, которыми мы привыкли считать самыми тяжелыми, называть каторжными?

— Такихъ работъ нѣтъ въ рудникахъ. Здѣсь мы даемъ молотокъ и ломъ. Молоткомъ рабочій обиваетъ породу, освобождаетъ ее отъ сопровождающихъ ненужныхъ намъ подпородъ; ломомъ вынимаемъ ту глыбу, которую намъ нужно и которую указываютъ и объясняютъ знающій дѣло распорядитель работы. Глыба эта подается на ломъ, когда молотъ съумѣлъ хорошо распорядиться около нея. Вынутая изъ своего мѣста, она кладется на носилки или въ тачку и рабочій несетъ одинъ или несетъ съ товарищемъ къ бадью, спущенной на дно широчайшей трубы, идущей отъ вершины горы до самой подонныя ея и называемой шахтой. Когда рабочій опростаетъ свою пошу, то кричитъ наверхъ; бадью верхніе рабочіе поднимаютъ поротомъ на самый верхъ горы. Тамъ опоражниваютъ бадью, складывая руду на носилки. Тачекъ рабочіе не любятъ и предпочитаютъ имъ носилки, всегда предполагающіе товарища, когда и трудъ раздѣлится и есть съ кѣмъ перекинуться разговоромъ. Добытую породу спускаютъ верхніе рабочіе въ указанное мѣсто въ кучу, изъ которой она уже поступаетъ для сортировки въ такъ называемую рудораздѣльную сибланцу. Выйдемъ черезъ шахту наверхъ, я вамъ и это все покажу.

И вотъ, до насъ начинаютъ добираться лучи дневнаго свѣта, надвигаются сперху. Свѣтъ нашего фонаря блекнетъ, мы стоимъ подѣ

крутой деревянной лестницей; мы взбираемся по этой отвѣсно поставленной лестницѣ, съ широко-разставленными приступками, съ обязательно необходимыми перилами. Лестница плотно приделана желѣзными закрѣпами къ каменной стѣнѣ шахты. Съ трудомъ и надавливая грудь, при помощи перилъ, поднимаемся мы наверхъ и съ трудомъ переносимъ дыханіе, очутившись на первой площадкѣ. Площадка эта однимъ краемъ опять уходитъ въ сырой и непроглядно-мрачный лихтоль, идущій параллельно нижней штольнѣ и составляющій въ рудникѣ какъ бы второй этажъ его. Другой конецъ площадки обрывается въ ту огромную яму, которая прорыта до самой подошвы горы до дна той штольни, въ которой мы были, и освѣщается такой же широкой, какъ нижняя яма, трубой, составляющей ея продолженіе и выходящей на верхушку горы. Отдохнувши, усиливаемъ вторую лестницу, такую же отвѣсную и крутую, такую же неподатливую, съ такими же крѣпко захватанными перилами — снова устаемъ до изнеможенія и съ радостію узнаемъ на второй площадкѣ, что конецъ мученія близокъ. Узнаемъ здѣсь, что Зерентуйская шахта, которая кажется намъ теперь глубокимъ и широкимъ колодеземъ, имѣетъ глубины 24 сажени: первая лестница 11 сажень, вторая 13; что бременчатый сарай надъ шахтой-колодеземъ сооруженъ уже на крайней вершинѣ горы, что вся зерентуйская штольня длиною въ 160 сажень, но что дѣлаютъ новую — «Надежду», которая будетъ еще больше, еще длиннѣе, но въ другомъ мѣстѣ.

«Отрадно было, по выходѣ изъ шахты, взглянуть на свѣтъ Божій; весело было вдохнуть свѣжимъ, хотя на этотъ разъ и крѣпко-морознымъ воздухомъ, и еще краше и веселѣе глядѣли теперь на насъ со всѣхъ сторонъ окрестныя валуны — эти застывшія морскія волны и еще сумрачнѣе, тяжелѣе и каторжнѣе показались намъ вся темная масса подземелья — штольня, лихтольготъ и тяжелый полуракъ шахты.

«Цѣлыми десятками лѣтъ, не одной тысячею преступныхъ и непроступныхъ рукъ, рыла въ эти каторжныя подземелья, и рудникъ, освѣщенный десятками тысячъ рублей, неизмѣримо высоко поднимается въ цѣль отъ того множества слезъ и стоновъ, которые вызваны были среди сумрачныхъ каменныхъ стѣнъ на тяжелой, опасной работѣ, и которые шифрованы были тѣмъ же бездушнымъ стѣннамъ и тѣмъ же безгласнымъ и холоднымъ камнямъ. Черезъ чистую и свѣжую ключевую воду проходить все то золото, кото-

рыми покупаются цѣлый сибирь, и только въ немногихъ мѣстахъ въ ключевой водѣ этой прижиливаются и мутять, и темнятъ эту воду горькія слезы несчастныхъ; но все серебро, накопившееся въ недрахъ земныхъ, добытое въ сибирскихъ рудникахъ, прошло черезъ горькія и также ключемъ бьющія слезы несчастныхъ. И сколько смертей, нежданнхъ, негданныхъ, наводнялось тамъ, въ этихъ темныхъ, и сырыхъ подземельяхъ, на терпѣливую, замѣчательно выносливую и крѣпкую натуру русскаго человѣка, хотя на этотъ разъ и обездоленную крутымъ житейскимъ переломомъ и крѣпкихъ, большою частію непредвидѣнныхъ несчастіемъ.

«Каторжная жизнь рудниковаго рабочаго, пишетъ далѣе С. В. Максимовъ, не только потому, что она безплатная, обязательная, казенная, но и потому, что подвергается случайностямъ, недалека отъ несчастій и граничитъ съ печальною, скоронестижною смертію.

«Диркой бьетъ»—кладеть на смерть и убивать рабочаго при бьетромъ печальною варваръ бурной снѣжины, сопровождаемомъ изобѣжными камнями, осколки которыхъ брызжутъ по сторонамъ съ быстротой и силой. Эта опасность для неопытныхъ рабочихъ на каждомъ шагѣ, потому что на каждомъ шагѣ эти бурныя снѣжины, и потому, что при снѣжныхъ работахъ на каждый шагъ не нападенъ осторожности и ослѣдки, если и та и другая не обратилась въ привычку.

«Горой давить» рудниковаго рабочаго тоже оплошность, тоже неумысли, а часто и невозможность сподхватиться во время,—именно въ то время, когда онъ сдѣлалъ подработку молоткомъ своимъ подъ породу, и отломится отъ нея плохо слиннился или хорошо отбитыя груды известняка или глинистаго сланца. Горой этой и убивать, и давить до смерти...

«Новичокъ арстантъ, приходищій на крайнюю каторжную работу—на карибскіе золотыя промыслы—назначается обыкновенно хвосты убирать. Хвостами называются тѣ пустыя, ненужные пески, которые остаются на разрьѣхъ промыски золота и отъ которыхъ золото уже отдѣлено: подѣ, унося пески, какъ вещество легчайшее, и не сдвинувъ съ крупинками золота—веществомъ тяжелѣйшимъ, оставила ихъ остывшими на днѣ промыскаго жолоба. Уборка хвостовъ или пустыхъ песковъ—работа каторжная и потому, что требуетъ усиленныхъ уроковъ и нѣкоторой неспѣшности, чтобы принять съ дороги старую ненужную дрянъ и дать мѣсто новой драгоцѣнности и потому хвостовая работа тяжела главнымъ обра-

этомъ тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ и не даетъ того, чѣмъ красна всякая работа. Она мало питаетъ сознание, что въ трудѣ этомъ заключаются тѣже животворные, осязательные и наглядные результаты, какъ и во всякомъ другомъ трудѣ рукъ существа разумнаго и мыслящаго. Этотъ трудъ на хлѣбахъ какъ будто даже бесполезно истрачиваетъ физическія силы и безъ того значительно истощивши ихъ, во всякомъ случаѣ, нисколько не укрѣпляетъ духъ, не поддерживаетъ жизни его. Понять цѣлыя дни съ ранняго утра до поздняго вечера пустыя пески, носить ихъ по заказу, на урокъ, въ виду наказанія за неисполненіе полной задачи и безъ всякаго существеннаго и нравственнаго вознагражденія на случай честнаго исполненія долга и обязанности: дѣло равносильное и равноправное древнему монастырскому наказанію — толочь въ ступѣ воду. Сверхъ того сознание, что вся эта работа направлена ни ближе, ни дальше, какъ къ безцѣльному сооруженію на крутыхъ рѣчныхъ берегахъ помыхъ береговъ, цѣлыхъ горъ песчаныхъ, такъ называемыхъ отваловъ, сознание это безпрестанно мучитъ и терзаетъ несчастныхъ арстантовъ, твердо убѣжденныхъ и сознательно убѣждаемыхъ въ томъ, что исполняютъ они тѣ самую работу, которая по всѣмъ правамъ принадлежитъ воламъ, лошадямъ, животнымъ...

«Соленаренная каторга вся тяжела; тяжка она больше всего для организма, которому представляются многотрудныя задачи, особенно въ сибирскихъ заподахъ, построенныхъ на старомъ образцѣ: черно и грязно, старо и грубо. Прежде, когда гнали человѣческою силою разсолъ изъ соляныхъ источниковъ по жолобьямъ и поднимали бадьями въ бунфы посредствомъ насосовъ—соленаренная каторга была настоящая, тяжелѣе и мрачнѣе всѣхъ. Смыльные качали насосы на нысокихъ каланчахъ иногда при 30° морозу, одѣтыми въ казенную рвань; насосы были переносной формы, какъ на простыхъ баркахъ, однако требовали, при каждомъ движеніи, силы и поклона всѣмъ тѣломъ почти до земли. Разсолъ долженъ былъ пробѣгать по жолобьямъ безпрерывно; платье на рабочихъ сначала мокло отъ брызговъ, потомъ замерзало. Рабочій, отбывъ свою сѣтну, все стоя на ногахъ, дѣлательнѣе поспѣвалъ на каторгѣ. Тяжелая качалка такъ утомляла тронхъ людей, обязанныхъ урокомъ слыше ста раскатыиваній, что они часто падали на мѣсть въ безпамятствѣ отъ крайняго истощенія силъ. Журавцы были замѣнены ручными насосами въ 1836 г.; къ насосамъ, для большаго облегченія работы, придѣланы мятинки,—стало легче: балансеръ мятинки стали потягивать отъ

себя уже меньшее количество рукъ съ наименьшими усиліями; люди могли это дѣлать, сидя въ особо прилаженныхъ бестѣдкахъ. Затѣмъ постарались (1838 г.) къ насосамъ прииспособить лошадиную силу и дѣй лошади стали дѣлать то, что прежде производили двѣнадцать человѣкъ. Но и послѣ такихъ приспособленій для каторжныхъ осталось довольно мѣста, чтобы видѣть ясно, что силъ ихъ не надать и не цѣнять, о человѣческомъ достоинствѣ ихъ не заботятся и ихъ тѣло почитаютъ не выше лѣсной гнилушки. Жаръ, который скопляется въ томъ сараѣ, гдѣ варится соль, въ громадномъ черпѣ или сковородѣ, становится во время горячихъ и снѣжныхъ работъ до того тяжелымъ и невыносимымъ, что арестанты принуждены скидывать съ себя все платье и работать голыми до обильнаго пота. Но и при этихъ условіяхъ духота и жаръ до того несодвинимы, что каждый рабочій обязанъ выбѣгать изъ варницы въ бревенчатую холодную пристройку, плохо изоленную и безъ печки, гдѣ такимъ образомъ ожидаетъ мокрое и потное тѣло рабочаго снѣжіи, морозный, удивной температуры, воздухъ. Многія варницы отъ неправильнаго устройства пролетомъ накопляютъ такой дымъ, что рабочіе, для поправленія огня, не могли и по землѣ ползать. Въ истинное время они задыхались; на лучшій конецъ добивались безвременнаго страданія и боли глазъ, и до потери аппетита. Малѣйшій порѣзъ какогонибудь члена, на разрывающихъ соляныхъ парахъ варницы, производилъ опасныя жгучія раны. Присоединяя къ немъ неизбежную простуду, при быстрой и крайней перемѣнѣ температуръ, мы встрѣчаемъ тотъ положительный фактъ, что рѣдкій рабочій выдерживаетъ больше двухъ мѣсяцевъ: многіе уходятъ въ госпиталь, всегда наполненный больными ревматизмомъ, тифомъ, потерю аппетита, но еще большее число рабочихъ, неуспѣвшихъ заболѣть или поправившихся отъ болѣзни уходятъ въ лѣсъ и въ бѣга при первомъ благоприятномъ случаѣ, на какіе особенно щедръ и богатъ Иркутскій солончаренный заводъ или такъ называемое Иркутское Усоліе...

На шихануренныхъ заводахъ степень каторжной тяжести видоизмѣняется, значеніе каторги своеобразнѣе. Тамъ круглый годъ тяжело жиганамъ, обязаннымъ подкладывать дрова въ печь и, стало быть, цѣлыя сутки стоять у огня въ тѣсномъ подвалѣ, среди нестерпимой духоты, около удлиннаго печнаго жара. Здѣсь значеніе каторги сходствуетъ съ тѣмъ, которое даетъ соляная варница и получаетъ разительное подобіе, когда припомнимъ то обстоятельство, что каторжный рабочій—не полноцѣнный; по отношенію къ нему

нѣтъ уже никакихъ уступокъ ни вынужденныхъ, ни естественныхъ; возвышенной плаги онъ не потребуешь, отъ тяжелой работы не откажется и не посмѣетъ занять открыто и гласно всѣ тѣ права, о которыхъ негда готовъ напомянуть свободный человѣкъ, вольный рабочій, старожилъ — сибирякъ крестьянинъ. Зимой, по время холодовъ, заводская иннокуренная каторга, всей своей тяжестью, налагается на заторжиковъ, обязанныхъ чистить казаны, промывать въ нихъ прилипшее къ стѣнкамъ этого огромнаго ящика тѣсто, когда намоченныя руки избивать ѣдкимъ, невыносимымъ ознобомъ, когда рабочій, отъ пребыванія въ пару, постепенно охлаждаемомъ, успѣваетъ даже закуржанѣть, т. е. покрыться инеемъ до подобія пушистой птицы. Последствія избытка прачахъ и даже дознаны на практикѣ: это постоянное дрожь по всему тѣлу, отсутствіе аппетита и лихорадка, которую сначала больные презираютъ, а оттого игнорируютъ въ тѣло глубоко и близятъ последнее къ гробовой доскѣ. Перѣдко накрывала послѣднихъ рабочихъ, опущенныхъ въ лари, гдѣ бродила брага, прежде чѣмъ выходила оттуда весь углеродный газъ, накопившійся во время броженія браги: рабочіе эти тамъ задыхались и ихъ на другой день выносили оттуда уже мертвыми холодными трупами»...

А вотъ и очеркъ одной изъ тюремъ, гдѣ помѣщаются каторжные (Нижнекарійской). Снаружи казарма ветхая, рѣшетки ржавыя, крыльцо погнившее, крыша полинялая, но за то все остальное, обрядовое, въ совершенномъ порядкѣ и надлежащей форменности. Внутренность казармы... Впрочемъ, мы предоставимъ разсказать это самому автору.

«Передъ нами отворилась дверь, говоритъ г. Максимовъ, и словно изъ погреба, въ которомъ застоялась нѣсколько лѣтъ вода и не было сдѣлано отдушинъ, насъ обвила струя промерзлаго, спершагося гнилаго воздуха, теплаго, правда, но едва выносимаго для дыханія. Мы съ трудомъ переносили послѣднее, съ трудомъ могли опохмиться и придти въ себя, чтобы видѣть, какъ суетливо и торопливо соскочили съ паръ всѣ закопанные ноги и тотчасъ же, тутъ подѣтъ, вытянулись въ струнку, руки по швамъ, по-солдатски. Многие были въ заплатанныхъ полушубкахъ въ накидку, на сколько успѣли; большая часть просто въ рубашкахъ, которыя когда-то были бѣлыя, но теперь были грязны до невозможности. Мы все это видѣли, видѣли на этотъ разъ большую казарму, въ среднѣй которой въ два ряда положены были деревянные нары; тѣ же нары обходили

кругомъ, около стѣпъ казармы. Видъ извѣстный, неизбѣжный по вѣсѣхъ мѣстахъ, гдѣ держатъ людей для казенной надобности въ артели, въ ротяхъ, въ батальонахъ. На нарахъ налягали кос-какѣ лоскутья, рвань, тоненькіе какъ блинъ матрацы, пзмызганные за долгій срокъ полушубки, и вся эта ничтожная, неимѣющая никакой цѣны и достоинства собственность людей, лишенныхъ добраго имени, лишенныхъ той же собственности. Вопиющая, кричащая бѣдность и нагота кругомъ насъ, бѣдность и несчастіе, которыя въ добавокъ еще замкнуты въ гнилое жилище, окружены гнилымъ воздухомъ, дышать отравой его до цыгги, ступаютъ босыми ногами съ жестокими нарѣ на грязный, холодный и мокрый полъ. Нечистота пола презношла всякое итроятіе: на немъ нальца на два (буквально) накинѣло какой-то злобонной слизи, по которой скользя наши ноги, не разъ ходило сильное властью и средствами начальство,—и не замѣтило, а если и замѣтило — то напѣрное забыло. Половина смрада въ казармѣ конилась на полу и наполнила потомъ всю се до самаго потолка, который также оказался неспособнымъ отира- лать свою трудную службу. Отворялись и форточки—и не помогали дѣлу ни мало; тонятся и уродливыя огромныя печи и оказываются безсильными. И вся сила спасенія не въ планочкахъ, которыя мы, набалованные поваркой, охотно приближаемъ ко всякому мѣсту, ко- торое сквозить, свиститъ и просвѣчиваетъ, не въ загрузочкѣ мѣсть, которыя пробѣгали до того, что заразились гноемъ и сочатся гни- лой, порченной кровью: вся сила,—въ коренной перетрускѣ стараго и въ рѣшительномъ созданіи новаго ¹⁾»...

Наконецъ, представимъ и портреты нѣкоторыхъ, выслужившихъ срокъ, смыслонаторжныхъ:

«— Иванушко, подико сюда! кричить приставъ промысла встрѣч- ному. Изъ воротъ госѣднго дома вынестъ человекъ въ рваной шап- чонкѣ, съ всклокоченной рѣденкой бородежкой. Шея его была голая;

¹⁾ Иѣтомъ 1857 г. въ тюрьмахъ карибскихъ гнѣздилась поваль- ная и смертная цынга. Люди заболѣвали отъ великихъ усиленныхъ работъ ради историческихъ ста пудовъ золота, когда всѣ смыльные каторжные сгруппированы были адѣсь и размѣщены въ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ. Въ результатъ было то, что свыше тысячи человекъ умерло, да въ архивахъ осталось свидѣ- тельство мѣстнаго лекаря, гдѣ онъ писалъ, что причина тому болѣе всего обветшалость острожныхъ вѣданій, въ особенности же зави- сящая отъ того сырость внутри оныхъ...

армячником совсѣмъ слѣзъ съ плечъ, и даже рубаха подъ нимъ была рваная. На ноги этого человѣка я уже и рѣшности не имѣлъ посмотрѣть. Иванушку всего подергивало, голова не твердо держалась на плечахъ; онъ то приклонить ее къ правому плечу, то быстро отдернуть къ лѣвому. Лѣвое плечо ходило ходить, и самого Иванушку какъ будто всего ведаютъ судороги, какъ будто чувствуетъ онъ, что шею его конечности не на своихъ мѣстахъ и онъ употребляетъ теперь шею усилія, чтобы вправить ихъ кости въ чашки, въ надлежащія и пристойныя мѣста. Видно, тяжело Иванушкѣ носить свою головушку, да и съ остальнымъ тѣломъ мудро сему ладить, а повиديوму онъ не тяготится этой работой; на дворѣ слишкомъ тридцать градусовъ мороза, а у него оба плеча буквально голы.

— Гдѣ ты былъ? ласково спрашивать его пристава.

— Снѣжку отгребать: покормили за то! отвѣчалъ Иванушко и брызгалъ. Голова какъ будто еще сильнѣе заходила на плечахъ. Лѣвое плечо такъ и приподнималъ онъ до самыхъ ушей.

— А кто ты такой? продолжалъ разспрашивать пристава.

— Я—Божій человѣкъ! гнусливо растянулъ старичокъ.

— Какъ прозываешься-то?

— Поселенцемъ вѣлить знаться.

— Откуда ты родомъ?

— Съ Вятки родомъ.

— За что присланъ-то сюда?

— Я и самъ не знаю. Мнѣ бы ужъ дохой идти надо. На рѣдину пора... Тамъ у меня тятка съ маткой остались.

— Да вѣдь ужъ нельзя тебѣ позираться-то...

— Можно, говорить вонъ тамъ.

Иванушко указалъ рукой на тюрьму.

— Надо, слышишь, только бумагу такую достать; безъ бумаги-де не пропустить и назадъ вернуть. Дай ты мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Россію уйти, сколько прошу!.. (и въ послѣднихъ словахъ послышался упрекъ).

— Всякій разъ обращается онъ ко мнѣ съ этой просьбой!—объяснилъ потомъ пристава, когда оставили Иванушку.

— А вотъ и другой экземпляръ ссыльно-каторжнаго, говорилъ тотъ же карійскій пристава, указывая на высокаго старика, сѣдого какъ лунь, тщательно выбритаго и чистенько одѣтаго. Старикъ приковалъ мое вниманіе, продолжаетъ г. Максимовъ, необыкновенно правильными чертами лица, въ глазахъ его еще было много жизни

и во всѣхъ чертахъ лица много мягкости и ничего злодѣйскаго ни во взглядѣ, ни въ улыбкѣ; даже и верхняя челюсть не была развита въ ущербъ остальнымъ частямъ лица. Глядяли онъ бодро, честно и открыто, шель смѣло и увѣренно. Сложенъ онъ былъ превосходно и даже той сутуловости, которая характеризуетъ всякаго ссыльнаго, битаго кнута, и даже той запуганности, которая заставляетъ прятать взоръ куда-нибудь въ сторону, въ уголъ, мы въ немъ не замѣтили. Наконецъ, той робости, которая велитъ скидывать шапку всякому истрѣчному (что такъ любили и привыкли дѣлать всѣ, просидѣвшіе долгое время въ каторжной тюрьмѣ)—въ старикѣ нашемъ также замѣтно не было. Внѣшній видъ расположилъ меня въ его пользу и я готовъ былъ усумниться въ подлинности и вѣроятіи рекомендаціи пристава; но послѣдній настаивалъ на своемъ:

— Три года въ Акатуѣ на цѣпи сидѣлъ.

И самъ старикъ рассказывалъ потомъ:

— Въ Калугѣ, на родинѣ, почту мы ограбили и почтальона съ ящичкомъ убили.

И откуда онъ взялъ столько хладнокровія, чтобы совершенно спокойно выговорить эти послѣдніе слова изъ разсказа своего.

— А за что тебя на цѣпь посадили?—спрашивалъ приставъ.

— Самы знаете, ваше благородіе!—отвѣчалъ старикъ: и мягкая, кроткая улыбка пробѣжала по лицу его. Улыбка эта, можетъ быть, въ то время меня обманула, продолжаетъ г. Максимовъ, но я и теперь за нее. Далеко ходить въ оправданіе ея; но лицо старика при дальнѣйшихъ разспросахъ оставалось невозмутимо спокойнымъ. Думалъ ли онъ на тотъ разъ, что передъ прямымъ, непосредственнымъ своимъ начальникомъ скрываться нечего: онъ все знаетъ. Или сообразилъ онъ, что нѣтъ грѣха сознаться въ томъ преступленіи, которому минула законная давность и тяжесть котораго давно уже искуплена цѣлью и одиночнымъ заключеніемъ, сосредоточивающимъ всѣ помыслы въ самомъ себѣ,—старикъ обо всемъ этомъ вслухъ не сознался, но повѣдалъ другое:

— На цѣпи я сидѣлъ за то, что изъ тюрьмы бѣжалъ, на дорогѣ бурятскую юрту ограбилъ и одного брата моего задушилъ.

И опять хладнокровный тонъ въ показаніи, какъ будто въ свидѣтельство того, что старикъ теперь не боится за себя. Знать, «умывали бурку крутыя горки».

— Взялъ я его къ себѣ въ водовозы, и не нахваляюсь стара-

нѣмъ и усердіемъ; запиваетъ иногда, но очень рѣдко — говоритъ пристава. У нашего начальника жила въ кормилницахъ женщина, сосланная сюда за убійство собственнаго ребенка, и исполняла свою обязанность съ такой любовью, что иная мать не прилагаетъ столько вѣжливости и ласки къ собственному дѣтищу. Мы объясняли это порывами раскаявшейся натуры, жаждавшей искусственной, подогрѣтою любовью замѣть кровавый грѣхъ ужаснаго преступленія, — но баба эта насъ обманула. Теперь она осталась нянькою при многихъ дѣтяхъ и ноть уже четвертый годъ такая же неустанная, безсонная, честная и вѣрная работница.

«Третій, Моктевъ, и также случайно попавшій на глаза, былъ именно изъ тѣхъ боязливыхъ и робкихъ, которые привыкли прятать свой взглядъ, привыкли быть замкнутыми и неоткровенными на любой изъ вызововъ вашихъ. Смыслный этотъ писалъ, напр. стихи, и одно время исполнялъ даже обязанности полковаго пѣны: написалъ по заказу начальства пѣсню на отправленіе первой экспедиціи, снаряженной для завоеванія Амура. Моктевъ пришелъ въ Нерчинскіе заводы по дѣлу объ ограбленіи и умерщвленіи какого-то купца, гдѣ-то въ стѣнныхъ губерніяхъ, и принесъ съ собою рекомендательныя письма. Но письмами этимъ онъ оказался виновнымъ только въ томъ, что былъ при убійствѣ свидѣтелемъ, но не участникомъ. Письма говорили, между прочимъ, и то, что онъ, посягающее знаніе купеческаго сына или брата, велъ въ тоже время и жизнь, приличную этому знанію, т. е. ничего не дѣлалъ, кромѣ кутежей, ничего не видѣлъ, кромѣ трактировъ и погребовъ. Онъ жилъ такимъ образомъ долго и весело, пока не истощились отцовскія деньги. Недостатокъ денегъ вывелъ его изъ трактира въ кабаки. Въ кабаки онъ попалъ на развеселыхъ товарищей, которые образопали шайку, имѣвшую намѣреніемъ поправить свои обстоятельства и подластиться пропойную жизнь на чужія средства. Средствомъ для этого друзья придумали грабежъ на большой дорогѣ. Желая ограничиться грабежемъ, они сгоряча и въ противоборствѣ совершили убійство, но безъ участія Моктева, хотя и въ его присутствіи. Какъ соучастникъ и другъ убійцы, не давшій во время звать начальству о преступленіи, онъ отъ товарищества судомъ выдѣленъ не былъ, и вмѣстѣ съ ними попалъ на каторгу. Сюда, когда онъ освободился изъ тюрьмы, богатые родные присылали ему деньги. На деньги, при посредствѣ промысловаго начальства, вознаградившаго его тѣмъ снѣхожденіемъ и участіемъ, которыхъ не получилъ онъ отъ судей, Мо-

Мокшенъ успѣлъ затѣять кое-какую торговлю. Торговалъ онъ удачно и деньги наживать началъ, да вдругъ вспомнилъ о своемъ бездольѣ и роднитѣ—и запялъ. Запой сокрушилъ всѣ его средства; новыя присылки денежной помощи шли въ кабакъ. Сколько не валили потовъ щибля въ болото: гати не сдѣлали, разъ прососавшаяся вода по знакомому ложу смыкала всѣ преграды. На время (и только на время) приостановилась была вода на мельницѣ, не рвала гати и обтикала по ней прямое и надежное русло туда куда надо: Мокшенъ полюбилъ вольную казачку, полюбился и ей—и женился, торговля опять пошла на ладъ; колеса на мельницѣ запертълись; мука была и покупателей было довольно, да вдругъ загулъ, и опять прорвало плотины. Суетилась жена, хлопотали сосѣди, суетились и хитатели много и долго, а добились одного только, что больной сталъ пить не загулами, а запоємъ, что какъ извѣстно, и безнадежно и неизлечимо. Сталъ Мокшенъ человѣкомъ убитымъ и потеряннымъ и скрежещеть теперь зубами на свою шаль и дурь; и жену любить. Всѣми сосѣдями былъ бы любимъ за кроткій податливый нравъ, да слабость свалила и не позволяеть встать на ноги. Мокшенъ теперь на все рукой махнулъ.

«Ничего съ нимъ не подѣлаешь,—говорила жена его: самый безпутный человѣкъ! Мѣenni писать нуцо прежняго началъ, станеть тебѣ читать какую,—слезой прошибеть. Лучше бы ужъ въ гробъ скорѣе ложился да гробовой доской накрывался. Вотъ и вчера пьянехонекъ домой пришелъ и завтра такой же будетъ».

Маколей въ одной изъ своихъ статей говоритъ: «Дантовская поэзія своею картинностью превосходить все что когда-нибудь было написано. Впечатлѣніе, производимое ею, напоминаетъ впечатлѣнія, которыя мы чувствуемъ, смотря на произведенія живописи или рѣзца». Если подѣ сущностію поэзія, какъ полагають знаменитый ученый, историкъ и поэтъ Англін, понимать только искусство употреблять слова въ такомъ видѣ, который производить съ помощію словъ то, что живописецъ производитъ съ помощію красокъ, то въ описаніи каторги С. В. Максимова нельзя не видѣть высоко-поэтическаго, художественнаго очерка. Это описаніе своей жизненностію, своею поражающею оригинальностью, своею безотрадной правдой превосходить даже мрачныя картины дантовскаго ада. Это не плязівія, не миражъ, обманывающіе органы зрѣнія, не театральныя сцены, унылающія воображеніе; это—жизнь со всѣми ея страстями, жизнь безрадостная, безнадежная, свитая изъ зла и горести, ползущая, пресмыкаю-

шая какъ гадина и возбуждающая въ душѣ отвращеніе до *non plus ultra*; это—схидна ядовитая и безпощадная; это, наконецъ, сама Медуза, смертельно поражающая всю нервную систему, Медуза живая, во всемъ своемъ грозномъ величіи, съ выющими и шипящими горгонами на головѣ... Читая очеркъ Максимона, вы видите передъ собою и чуть не осязаете это чудовище, называемое каторгой, видите, какъ оно постепенно и безъ всякой пользы для дѣла и для самихъ ссыльно-каторжныхъ истощаетъ и истощаетъ до изнеможенія физическія ихъ силы, губитъ жизнь духа, развиваетъ и поддерживаетъ съ заботливостью, достойною лучинныхъ цѣпей, заразительныя и непозлечимыя между ними болѣзни, дѣлаетъ людей пидотами, моноханами, существами дряхлыми и ни къ чему неспособными, живыми мертвецами и скелетами до времени—и ужасъ охватываетъ ваши члены, волосъ становится дыбомъ, окончности кощениютъ и языкъ непольно лепечетъ стихи Данта:

«Почто нанѣ гріхъ караетъ насъ такъ строго?»..

По свидѣніямъ, сообщаемымъ г. Максимовымъ, въ теченіе тридцати восьми лѣтъ (съ 1823 по 1861 г.) въ Сибирь изъ Россіи ушло всего обоего пола лицъ 289,514, сосланныхъ по судебнымъ приговорамъ и административнымъ порядкомъ, не считая принедевшихъ по волѣ женъ и дѣтей. Въ этомъ числѣ сослано въ каторжныя работы 39,601 мужч. и 4330 женщ. и на поселеніе 207,604 мужч. и 37,179 женщ. Цифра не маленькая, надъ которой нельзя не призадуматься.

Хотя учрежденіемъ внутри Россіи центральныхъ тюремъ для содержанія нѣкоторой части преступниковъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, и положенъ краеугольный камень основанія новой тюремной системы, но какъ старый порядокъ ссылки на каторгу въ Сибирь, такъ и вновь усовершенныя на западѣ системы тюремнаго заключенія, не удовлетворяють раціональнымъ потребностямъ современнаго, гуманнаго взгляда на содержаніе подлѣ стражей людей, признанныхъ судомъ преступными.

Существующія въ настоящеемъ видѣ каторжныя работы—наслѣдіе добраго стараго времени, когда каторга считалась продолженіемъ нещаднаго битія кнутомъ и заорленія щекъ. Сибирь, какъ ссыльное мѣсто, обречена была прикрывать грѣхи Россіи. Она залита слезами, оглушена стономъ и уныніемъ отверженныхъ и отщепенцевъ общества. Каторга по своему значенію даже не кара, не наказаніе, не возмездіе, го нѣчто болѣе... Это—пытка, и пытка тѣмъ болѣе

страшная и мучительная, что она продолжается не день, не два, не три, не годы, десятки лѣтъ и даже безсрочно. Это—ничто иное, какъ безконечная нравственная истерика, дыба безъ отдыха, медленный огонекъ безъ предѣла и конца. Каторга противна не только человечеству, но даже самому принципу кары и возмездія. Окончательное уничтоженіе ея будетъ принято съ поосторожностью всѣми здравомыслящими людьми и займетъ, безъ сомнѣнія, видное мѣсто на страницахъ современной исторіи.

Но высказываясь за окончательное уничтоженіе традиціонныхъ каторжныхъ работъ, мы не можемъ не коснуться и новыхъ тюремныхъ системъ. За границей существуютъ дѣй системы заключенія: кельйная и, такъ называемая, молчанія.

Въ началѣ настоящаго столѣтія, въ видахъ предупрежденія развитія преступленій, исправленія преступниковъ и устраненія рецидивизма, кинкеры-филантропы изобрѣли кельйную систему заключенія. Въ основаніе этой системы легла та мысль, что преступникъ, заключенный въ приличной, опрятной и чистой комнатѣ, снабженной всѣмъ нужнымъ, и, слѣдовательно, изолированный отъ всякихъ вредныхъ вліяній со стороны другихъ преступниковъ, не можетъ не исправиться, такъ какъ вся его обстановка должна располагать его къ размышленіямъ и раскаянію. Но эта система оказалась хорошею только въ теоріи. Принятая первоначально въ Обернскою тюрьму въ Америкѣ, она дала страшные результаты. Большая часть преступниковъ въ самое короткое время погибла. Одни впади въ идиотизмъ, другіе сошли съ ума, третьи умерли. Изъ числа всѣхъ заключенныхъ въ этой тюрьмѣ испытаніе вынесли только 26 человекъ. Тюремное начальство, боясь ответственности за такіе неутѣшительные результаты, освободило всѣхъ заключенныхъ, вынесенныхъ пробныя эксперименты, но изъ числа освобожденныхъ 26 человекъ—14 въ самомъ непродолжительномъ времени вновь попали подъ судъ и были приговорены къ заключенію въ той же тюрьмѣ за повторенныя преступленія. Другія тюрьмы въ Америкѣ, гдѣ производились подобныя опыты, дали почти такіе же результаты: въ Нью-Джерси, напр. десять человекъ умерли однимъ вѣдѣмъ за другимъ. Принятіе этой системы (съ допущеніемъ, впрочемъ, работъ), во Франціи пошло къ болѣе худшимъ результатамъ—къ разнیتی между преступниками самоубійства. Въ одномъ 1866 году насчитывалось до 46 самоубійствъ, происшедшихъ, по преимуществу, въ кельяхъ. Вторая система (молчанія) выродилась изъ первой. Преступники находятся на

работах и на прогулках вить, но имъ предписывается сохранять повсюду безусловное молчаніе. Но смотря на то, что тюремныя начальство были принимаемы всѣ зависящія отъ него мѣры къ развитію этой системы, она не пустила корней во Франціи: правительству вынуждено было заявить, что оно отказывается отъ этой системы. Система молчанія на сколько педѣла, на столько и чудовищна. Для того, чтобы припала молчанія были выполняемы во Франціи, въ 1864 году, 18713 преступниковъ перенесли изъ тюремъ 59841 наказаніе, въ томъ числѣ были 10604 случая заключенія въ карцеръ, и это одно наказаніе составило 94563 дня, т. е. почти по 10 дней карцера на каждого преступника. Приведенныя нами статистическія данныя сами собою краснорѣчиво говорятъ о достоинствѣ системы молчанія и не требуютъ никакихъ комментариевъ.

Безъ сомнѣнія, тюрьмы, построенныя по новѣйшей системѣ, какъ заданія для помѣщенія отверженцевъ и отщепенцевъ общества, наиболѣе соответствуютъ идеѣ гуманности, нежели тѣ постройки, которыя такъ характеристично и вѣрно описаны г. Максимовымъ, но какъ учрежденія, какъ системы для содержанія подъ стражей людей, признанныхъ судомъ преступными, они стоятъ на ряду съ самыми традиционными каторжными работами въ Сибири, если еще не ниже ихъ. Какъ тѣ, такъ и другія—плоды долготѣннхъ измышлений криминалистики, основанной исключительно на принципахъ возмездія и утѣшенія, съ тою только разницею, что каторга изобрѣтена тогда, когда работали застѣночки, снѣрѣстновалъ кнутъ и производилась церемонія торжественнаго и неспароднаго заоренія нектъ; а системы заключенія—келейная и молчанія—дѣло филазтропій XIX вѣка, который работу застѣника, снѣсть бича и келейно нектъ воспроизводить изъ другой болѣе изысканной формы, но безъ всякой поцѣды и снѣсхожденія, казнить съ соблюденіемъ приличій, но въ высшей степени мучительно и жестоко.

Намъ кажется, что прежде нежели остановиться окончательно на одной изъ системъ содержанія подъ стражей отверженцевъ и отщепенцевъ общества, нужно пересмотрѣть и согласить съ духомъ нашего уголовнаго судопроизводства и самое уложеніе о наказаніяхъ, идунуть въ него, такъ сказать, душу безсмертную. Хотя современное уголовное право и успело выдѣлать болѣе гуманный взглядъ на преступленія, нежели это было прежде, но основныя начала его ничѣмъ не отличаются отъ началъ уголовного права древнихъ народовъ. Это—сочетаніе принциповъ кары, возмездія, абстрактной спра-

ведливости и устрашения. При такомъ характерѣ уголовныхъ кодексовъ вообще въ Европѣ караются одни преступленія, на источники же происхожденія преступленій, на тѣ неблагопріятныя условія нравственнаго, социальнаго и экономическаго положенія человека, которыя имѣютъ подавляющее вліяніе на продолженіе его личной воли, не обращается никакого вниманія, вслѣдствіе чего и самыя средства къ излеченію общественныхъ болѣзней и лѣтъ найдены быть не могутъ. Исходя изъ глубы вѣковъ, мы видимъ, что первобытный человѣкъ, въ дѣлѣ расправы за обиды и оскорбленія, руководился только чувствомъ мести. Древніе греки считали мечь наслажденіемъ боговъ. Первые законодатели народовъ узаконили мечь: Моисей определялъ въ видѣ возмездія: душу за душу, око за око, зубъ за зубъ ¹⁾. Солонъ предписалъ выкалывать оба глаза тому, кто выколетъ глазъ у криваго. Вотъ начало тѣхъ принциповъ, которыми руководствуется и до нынѣ уголовное право. Хотя съ развитіемъ человеческихъ общинъ и государствъ, область уголовного права и отдѣляется отъ области права войны, регулируются правила и цѣлая система, казнь безъ различія запрещается, но основными принципами уголовного права, до нашихъ временъ остаются принципы возмездія, абстрактной справедливости и устрашенія. Народы руководятся этими принципами съ безастѣнчивостью, доходящею до погрѣшій понятій о существованіи самого уголовного права. Такъ, напримѣръ, римскія власти тиранить и казнить христіанъ. Монголы воздвигаютъ пирамиды изъ человѣческихъ головъ; турки толкутъ въ ступахъ и сжигаютъ на козлѣ десятки тысячъ людей; свитая инквизиціи пытаетъ и сожигаетъ на кострѣ безчисленное количество жертвъ для примѣра; малороссіане производятъ Уманьскую рѣзню; революціи гильотинируютъ, а реставраціи производятъ бѣлый терроръ. Наконецъ, на нашихъ глазахъ представители коммуны и Макъ-Магонъ, каждый въ свою очередь, совершаютъ кровавыя вакханаліи, и массы народа погибаютъ во имя принципа возмездія и устрашенія. Человѣческій разумъ не можетъ отрѣшиться отъ этой безчеловѣчной идеи. Въ Римѣ, во время императора Нерона, рабъ, жетя за обезчещенную жену, убилъ своего господина; судъ, чтобы навести ужасъ на всѣхъ рабовъ, приговорилъ къ смерти, вмѣстѣ съ убійцею, четверста другихъ рабовъ, жившихъ подъ одной съ нимъ кровлею. Катерина Медичи производила Варфоломеевскую ночь. У насъ переходитъ въ легенду

¹⁾ Кн. Исход. XXI, 23.

нѣтъ уже никакихъ уступокъ ни вынужденныхъ, ни естественныхъ; возвышенной плаги онъ не потребуешь, отъ тяжелой работы не откажется и не посмѣетъ занять открыто и гласно всѣ тѣ права, о которыхъ всегда готовъ напомнить свободный челоѣкъ, вольный рабочій, старожилъ — сибирскій крестьянинъ. Зимой, по время холодовъ, заводская иннокуренная каторга, всей своей тяжестью, налегаетъ на заторжиковъ, обязанныхъ чистить казenni, промывать въ нихъ прилипшее къ стѣнкамъ этого огромнаго ящика тѣсто, когда намотенныя руки знобить ѣдкимъ, невыносимымъ ознобомъ, когда рабочій, отъ пребыванія въ пару, постепенно охлаждаемомъ, успѣваетъ даже закуржаниваться, т. е. покрыться инеемъ до подобія пушистой птицы. Последствія извѣстны прачамъ и даже дознавамъ на практикѣ: это постоянная дрожь по всему тѣлу, отсутствіе аппетита и лихорадка, которую сначала больные презираютъ, а оттого игнорируютъ въ тѣло глубоко и близятъ последнее къ гробовой доскѣ. Перѣдко накрывала послѣднихъ рабочихъ, опущенныхъ въ лари, гдѣ бродила брѣга, прежде чѣмъ выходила оттуда нескъ углеродный газъ, накопившійся во время броженія брѣги: рабочіе эти тамъ задыхались и ихъ на другой день выносили оттуда уже мертвыми холодными трупами»...

А вотъ и очеркъ одной изъ тюремъ, гдѣ помѣщаются каторжные (Нижекарійской). Снаружи казарма петхая, рѣшетки рѣзаная, крыльцо погнившее, крыша полнылая, но за то все остальное, обрѣдое, въ совершенномъ порядкѣ и надлежащей форменности. Внутренность казармы... Впрочемъ, мы предоставимъ разсказать это самому автору.

«Передъ нами отворилась дверь, говоритъ г. Максимовъ, и словно изъ погреба, въ которомъ застоялся нѣсколько лѣтъ вода и не было сдѣлано отдушника, насъ обвила струя промерзлага, снѣрнаго гнилага воздуха, теплага, правда, но едва выносимаго для дыханія. Мы съ трудомъ переносили послѣднее, съ трудомъ могли опохмиться и придти въ себя, чтобы видѣть, какъ суетливо и торопливо соскочили съ паръ неѣ закопанные ноги и тотчасъ же, тутъ подѣтъ, вытянулись въ струнку, руки по швамъ, по-солдатски. Многіе были въ заплатанныхъ полушубкахъ въ накидку, на сколько успѣли; большая часть прямо въ рубашкахъ, которыя когда-то были бѣлыя, но теперь были грязны до невозможности. Мы все это видѣли, видѣли на этотъ разъ большую казарму, въ среднѣй которой въ два ряда положены были деревянные пары; тѣ же пары обходили

кругомъ, около стѣнъ казармы. Видъ извѣстный, неизбывный во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ держать людей для казенной надобности въ артели, въ ротахъ, въ батальонахъ. На нарахъ валялись кое-какіе доскутыя, рваныя, тоненькіе какъ блины матрацы, измязганные за долгій срокъ полушубки, и вся эта ничтожная, несмытѣнная никакой цѣны и достоинства собственности людей, лишенныхъ добраго имени, лишенныхъ той же собственности. Вопиющая, кричащая бѣдность и нагота кругомъ насъ, бѣдность и несчастье, которыя въ добавокъ еще замкнуты въ гнилое жилище, окружены гнилымъ воздухомъ, дышать отравой его до цыгги, ступаютъ босыми ногами съ жесткихъ наръ на грязный, холодный и мокрый полъ. Печистота пола превзошла всякое вѣроятіе: на немъ пальца на два (буквально) накинцѣло какой-то злобонной слизи, по которой скользили наши ноги, не разъ ходило сильное пластью и средствами начальство, — и не замѣтило, а если и замѣтило — то напѣрное забыло. Половина сирада въ казармѣ копилась на полу и наполняла потомъ всю се до самаго потолка, который также оказался неспособнымъ отпирать свою трудную службу. Отворялись и форточки — и не помогали дѣлу ни мало; топятся въ уродливыя огромныя печи и оказываются безсильными. И вся сила спасенія не въ планочкахъ, которыя мы, набалованные повадкой, охотно приближаемъ ко всякому мѣсту, которое сквозить, свиститъ и просвѣчиваетъ, не въ загрузонкѣ мѣстѣ, которыя пробѣляли до того, что заразились гноемъ и гочатся гнилой, порченной кровью: вся сила, — въ коренной перетрускѣ стараго и въ рѣшительномъ созданіи новаго ¹⁾...

Наконецъ, представимъ и портреты нѣкоторыхъ, выслужившихъ срокъ, ссыльнокаторжныхъ:

« — Иванушко, подико сюда! кричитъ пристава промысла встрѣчному. Изъ воротъ сосѣдняго дома вышелъ человѣкъ въ рваной шапочкѣ, съ всклокоченной рѣденькой бородежкой. Шея его была голая;

¹⁾ Иѣтомъ 1857 г. въ тюрьмахъ карибскихъ гнѣздилась повальная и смертная цынга. Люди заболѣвали отъ великихъ усиленныхъ работъ ради историческихъ ста пудовъ золота, когда всѣ ссыльные каторжные сгруппированы были здѣсь и размѣщены въ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ. Въ результатъ было то, что свыше тысячи человѣкъ умерло, да въ архивахъ осталось свидѣтельство мѣстнаго лекаря, гдѣ онъ писалъ, что причина тому болѣно всего обветшалость острожныхъ вѣданій, въ особенности же зависающая отъ того сырость внутри оныхъ...

ариячником совсѣмъ слѣзъ съ плечъ, и даже рубаха подъ нимъ была рваная. На ноги этого человѣка я уже и рѣшности не имѣлъ посмотрѣть. Иванушку всего подергивало, голова не твердо держалась на плечахъ; онъ то приклонитъ ее къ правому плечу, то быстро отдернетъ къ лѣвому. Лѣвое плечо ходуномъ ходитъ, и самого Иванушку какъ будто всего ведутъ судороги, какъ будто чувствуетъ онъ, что нѣтъ его конечности не на своихъ мѣстахъ и онъ употребляетъ теперь всѣ усилія, чтобы выправить ихъ кости въ чанки, въ надлежащія и пристойныя мѣста. Видно, тяжело Иванушкѣ носить свою головушку, да и съ остальнымъ тѣломъ мудрено ему ладить, а повидному онъ не тяготится этой работой; на дворѣ слишкомъ тридцать градусовъ мороза, а у него оба плеча буквально голы.

«— Гдѣ ты былъ? ласково спрашиваетъ его приставъ.

«— Снѣжку отгребалъ: покормили за то! отвѣчалъ Иванушко и брызгалъ. Голова какъ будто еще сильнѣе заходила на плечахъ. Лѣвое плечо такъ и приподняло онъ до самыхъ ушей.

«— А кто ты такой? продолжалъ разспрашивать приставъ.

«— Я—Божій человѣкъ! гнусливо растянулъ старичокъ.

«— Какъ прозываешься-то?

«— Поселенцемъ нельзя знаться.

«— Откуда ты родомъ?

«— Съ Вятки родомъ.

«— За что присланъ-то сюда?

«— Я и самъ не знаю. Миѣ бы ужъ домой идти надо. На родину пора... Тамъ у меня тятка съ маткой остались.

«— Да итѣдъ ужъ нельзя тебѣ позираться-то...

«— Можно, гонорять вонъ тамъ.

Иванушко указалъ рукой на тюрьму.

«— Надо, слышишь, только бумагу такую достать; безъ бумаги-де не пропустятъ и назадъ вернуть. Дай ты миѣ такую бумагу, чтобы миѣ въ Россію уйти, сколько прошу!.. (и въ послѣднихъ словахъ послышался упрекъ).

«— Всякій разъ обращается онъ ко миѣ съ этой просьбой!— объяснилъ потомъ приставъ, когда оставили Иванушку.

«— А вотъ и другой экземпляръ ссыльно-каторжнаго, гоноритъ тотъ же карійскій приставъ, указывая на высокаго старика, сѣдого какъ лунь, тщательно выбритаго и чистенько одѣтаго. Старикъ приковалъ мое вниманіе, продолжаятъ г. Максимовъ, необыкновенно правильными чертами лица, въ глазахъ его еще было много жизни

и во всѣхъ чертахъ лица много мягкости и ничего злодѣйскаго ни во взглядѣ, ни въ улыбкѣ; даже и верхняя челюсть не была развита въ ущербъ остальнымъ частямъ лица. Глядѣлъ онъ бодро, честно и открыто, шелъ смѣло и увѣренно. Сложень онъ былъ превосходно и даже той сутуловости, которая характеризуетъ всякаго ссыльнаго, битаго кнута, и даже той запуганности, которая заставляетъ прятать взоръ куда-нибудь въ сторону, въ уголь, мы въ немъ не замѣтили. Наконецъ, той робости, которая велитъ скидывать шапку всякому встрѣчному (что такъ любить и привыкли дѣлать всѣ, просидѣвшіе долгое время въ каторжной тюрьмѣ)—въ старикѣ нашемъ также замѣтно не было. Внѣшній видъ располагалъ меня въ его пользу и я готовъ былъ усумниться въ подлинности и вѣроятіи рекомендаціи пристава; но послѣдній вставалъ на своемъ:

«— Три года въ Акатуѣ на цѣпи сидѣлъ.

И самъ старикъ разсказывалъ потомъ:

«— Въ Калугѣ, на родинѣ, почту мы ограбили и почтальона съ ящикомъ убили.

«И откуда онъ взялъ столько хладнокровія, чтобы совершенно спокойно выговорить эти послѣднія слова изъ разсказа своего.

«— А за что тебя на цѣпь посадили?—спрашивалъ приставъ.

«— Самъ знаете, ваше благородіе!—отвѣчалъ старикъ: и мягкая, кроткая улыбка пробѣжала по лицу его. Улыбка эта, можетъ быть, въ то время меня обманула, продолжаетъ г. Максимовъ, но я и теперь за нее. Далеко ходить въ оправданіе ея; но лицо старика при дальнѣйшихъ разспросахъ оставалось невозмутимо спокойнымъ. Думалъ ли онъ на тотъ разъ, что передъ нимъ, непосредственнымъ своимъ начальникомъ скрываться нечего: онъ все знаетъ. Или сообразилъ онъ, что нѣтъ грѣха сознаться въ томъ преступленіи, которому минула законная давность и тяжести котораго давно уже искуплена цѣпью и одиночнымъ заключеніемъ, сосредоточивающимъ всѣ помыслы въ самомъ себѣ,—старикъ обо всемъ этомъ вслухъ не сознался, но повѣдалъ другое:

«— На цѣпи я сидѣлъ за то, что изъ тюрьмы бѣжалъ, на дорогѣ бурятскую юрту ограбилъ и одного братскаго задушилъ.

«И опять хладнокровный тошъ въ показаніи, какъ будто въ свѣдѣтельство того, что старикъ теперь не бонится за себя. Знать «умывали бурку крутыя горки».

«— Взялъ я его къ себѣ въ подовозы, и не нахваляюсь стара-

вѣсть и усердіемъ; заливаетъ слюда, но очень рѣдко — говоритъ пристава. У нашего начальника жила въ кормилницахъ женщина, сосланная сюда за убійство собственнаго ребенка, и исполняла свою обязанность съ такой любовью, что иная мать не предлагаетъ столько нѣжности и ласки къ собственному дѣтищу. Мы объяснили это порывами раскаявшейся натуры, жаждавшей искусственной, подогрѣтою любовью замѣть кровавый грѣхъ ужаснаго преступленія, — но баба эта насъ обманула. Теперь она осталась нянькою при многихъ дѣтихъ, и вотъ уже четвертый годъ такая же неустанная, безсонная, честная и пѣжная работница.

«Третій, Мокѣевъ, и также случайно попавшій на глаза, былъ именно изъ тѣхъ боязливыхъ и робкихъ, которые привыкли прятать свой взглядъ, привыкли быть замкнутыми и неоткровенными на любой изъ вызововъ нашихъ. Ссылный этотъ писалъ, напр. стихи, и одно время исполнялъ даже обязанности полковаго пинты: написалъ по заказу начальства пѣсню на отправленіе первой экспедиціи, снаряженной для завоеванія Амура. Мокѣевъ пришелъ въ Нерчинскіе заводы по дѣлу объ ограбленіи и умышленномъ каюго-то купца, гдѣ-то въ степныхъ губерніяхъ, и принесъ съ собою рекомендательныя письма. Но письмами этимъ онъ оказался виновнымъ только въ томъ, что былъ при убійствѣ свидѣтелемъ, но не участникомъ. Письма говорили, между прочимъ, и то, что онъ, посягавшее званіе кунеческаго сына или брата, вѣлъ въ тоже время и жизнь, приличную этому званію, т. е. ничего не дѣлалъ, кромѣ кутежей, ничего не видѣлъ, кромѣ трактировъ и погребовъ. Онъ жилъ такимъ образомъ долго и весело, пока не истощились отцовскія деньги. Недостатокъ денегъ вывелъ его изъ трактира въ кабаки. Въ кабаки онъ попалъ на развеселыхъ товарищей, которые образумили шайку, имѣвшую намѣреніемъ поправить свои обстоятельства и поделастить пропойную жизнь на чужія средства. Средствомъ для этого друзья придумали грабежъ на большой дорогѣ. Желая ограничиться грабежемъ, они сгоряча и въ противоборствѣ совершили убійство, но безъ участія Мокѣева, хотя и въ его присутствіи. Какъ соучастникъ и другъ убійцы, не давшій во время званія начальству о преступленіи, онъ отъ товарищества судомъ выдѣленъ не былъ, и вмѣстѣ съ ними попалъ на каторгу. Сюда, когда онъ освободился изъ тюрьмы, богатые родные присылали ему деньги. На деньги, при посредствѣ промысловаго начальства, вознаградившаго его тѣмъ снисхожденіемъ и участіемъ, которыхъ не получалъ онъ отъ судей, Мо-

Мокшень успѣлъ затѣять кое-какую торговлю. Торговалъ онъ удачно и деньги наживать началъ, да вдругъ вспомнилъ о своемъ бездольѣ и роднѣ—и заплакъ. Запой сокрушилъ все его средству; новыя присылки денежной помощи шли въ кабакъ. Сколько не валили потожи щибия въ болото: гати не сдѣлали, разъ прососавшаяся пода по знакомому ложу смывала все преграды. На время (и только на время) приостановилась было пода на мельницѣ, не рвала гати и обѣщала по ней прямое и надежное русло туда куда надо: Мокшень полюбилъ вольную казачку, полюбился и ей—и женился, торговля опять пошла на ладъ; колеса на мельницѣ запертылись; мука была и покупателей было довольно, да вдругъ загулъ, и опять прорвало плотину. Суежилась жена, хлопотали сосѣди, суежились и хватали много и долго, а добились одного только, что больной сталъ пить не загулами, а запоємъ, что какъ извѣстно, и безнадежно и неизлечимо. Сталъ Мокшень человѣкомъ убитымъ и потерпѣвшимъ и скрежетать теперь зубами на свою шаль и дурь; и жену любить. Истѣмъ сосѣдями былъ бы любимъ за кроткій податливый нравъ, да слабости спалила и не позволяеть встать на ноги. Мокшень теперь на все рукой махнулъ.

«— Ничего съ нимъ не подѣлаешь—говорила жена его: самый безпутный человѣкъ! Истѣмъ писать нуже прежнего началъ, станеть тебѣ читать какую,—слезой прошибеть. Лучше бы ужъ въ гробъ скорѣ ложился да гробомъ доской накрывался. Вотъ и вчера пьянехонскъ домоу пришелъ и завтра такой же будетъ».

Маколей въ одной изъ своихъ статей говоритъ: «Дантовскій поэзія своею картинностью превосходить все что когда-нибудь было написано. Впечатлѣніе, производимое ею, напоминаетъ впечатлѣнія, которыя мы чувствуемъ, смотря на произведенія живописи или рѣзца». Если подѣ сущностію поэзіи, какъ полагають знаменитый ученый, историкъ и поэтъ Англіи, понимать только искусство употреблеть слова въ такомъ видѣ, который производитъ съ помощью словъ то, что живописецъ производитъ съ помощью красокъ, то въ описаніи каторги С. В. Максимова нельзя не видѣть высоко-поэтическаго, художественнаго очерка. Это описаніе своей жизненностію, своей поражающею оригинальнію, своей безотраднѣй правдой превосходить даже мрачныя картины дантовскаго ада. Это не плагиатъ, не мимазъ, обманывающіе органы зрѣнія, не театральныя сцены, увлекающія воображеніе; это—жизнь со всеми ея страстями, жизнь безрадостная, безнадежная, сбитая изъ ада и горести, ползущая, пресмыкаю-

шая как гадина и возбуждающая въ душѣ отвращеніе до *poe plus ultra*; это—схидна ядовитая и безыгодная; это, наконецъ, сама Медуза, смертельно поражающая всю нервную систему, Медуза живая, во всемъ своемъ грозномъ величьи, съ вьющимися и шипящими торганами на головѣ... Читая очеркъ Максимовъ, вы видите передъ собой и чуть не осязаете это чудовище, называемое каторгой, видите, какъ оно постепенно и безъ всякой пользы для дѣла и для самихъ ссыльно-каторжныхъ истязаетъ и истощаетъ до изнеможенія физическія ихъ силы, губитъ жизнь духа, развиваетъ и поддерживаетъ съ заботливостью, достойною лучшихъ цѣлей, заразительный и неизлечимый между ними болѣзнь, дѣлаетъ людей идиотами, мономанами, существами дряхлыми и ни къ чему неспособными, живыми жертвцами и скелетами во времени—и ужасъ охватываетъ наши члены, полость становится дыбомъ, оконечности коченьютъ и языкъ невольно лепечетъ стихи Данта:

«Почто намъ грѣхъ караетъ насъ такъ строго?»..

Но свидѣнія, сообщаемыя г. Максимовымъ, въ теченіе тридцати лѣтъ (съ 1823 по 1861 г.) въ Сибирь изъ Россіи ушло всего обоего пола лишь 289,514, сосланныхъ по судебнымъ приговорамъ и административнымъ порядкомъ, не считая принемихъ по полѣ женъ и дѣтей. Въ этомъ числѣ сослано въ каторжныя работы 39,601 мужч. и 4330 женщ. и на поселеніе 207,604 мужч. и 37,179 женщ. Цифра не маленькая, надъ которой нельзя не призадуматься.

Хотя учрежденіемъ внутри Россіи центральныхъ тюремъ для содержанія нѣкоторой части преступниковъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, и положенъ краеугольный камень основанія новой тюремной системы, но какъ старый порядокъ ссылки на каторгу въ Сибирь, такъ и вновь усвоенныя на западѣ системы тюремнаго заключенія, не удовлетворяютъ рациональнымъ потребностямъ современнаго, гуманнаго взгляда на содержаніе подѣ стражей людей, признанныхъ судомъ преступными.

Существующія въ настоящеемъ видѣ каторжныя работы—наслѣдіе добраго стараго времени, когда каторга считалась продолженіемъ нещаднаго битія кутомъ и заорденія шекъ. Сибирь, какъ ссыльное мѣсто, обречена была прикрывать грѣхи Россіи. Она залита слезами, оглушена стономъ и устыла костями отверженныхъ и отщепенцевъ общества. Каторга по своему значенію даже не кара, не наказаніе, не возмездіе, го нѣчто большее... Это—пытка, и пытка тѣмъ болѣе

страшная и мучительная, что она продолжается не день, не два, не три, не годы, десятки летъ и даже безсрочно. Это—ничто иное, какъ безконечная нравственная истерика, дыба безъ отдыха, медленный огонькъ безъ предѣла и конца. Каторга противна не только человечеству, но даже самому принципу кары и возмездія. Окончательное уничтоженіе ея будетъ принято съ постороннихъ неими здравомыслящими людьми и займетъ, безъ сомнѣнія, видное мѣсто на страницахъ современной исторіи.

Но высказываясь за окончательное уничтоженіе традиціонныхъ каторжныхъ работъ, мы не можемъ не коснуться и новыхъ тюремныхъ системъ. За границей существуютъ двѣ системы заключенія: келейная и, такъ называемая, молчанія.

Въ началѣ настоящаго столѣтія, въ видахъ предупрежденія развитія преступленій, исправленія преступниковъ и устраненія рецидивизма, квакеры-филантропы изобрѣли келейную систему заключенія. Въ основаніе этой системы легла та мысль, что преступникъ, заключенный въ приличной, опрятной и чистой комнатѣ, снабженной всѣмъ нужнымъ, и, слѣдовательно, изолированный отъ всякихъ вредныхъ вліяній со стороны другихъ преступниковъ, не можетъ не исправиться, такъ какъ вся его обстановка должна располагать его къ размышленіямъ и раскаянію. Но эта система оказалась хорошею только въ теоріи. Примѣненная первоначально въ Обернесской тюрьмѣ въ Америкѣ, она дала странные результаты. Большая часть преступниковъ въ самое короткое время погибла. Одни понали въ идиотизмъ, другіе сошли съ ума, третьи умерли. Изъ числа всѣхъ заключенныхъ въ этой тюрьмѣ исптаніе вынесли только 26 человекъ. Тюремное начальство, боясь ответственности за такіе неутѣшительные результаты, освободило всѣхъ заключенныхъ, вынесшихъ пробное эксперименты, но изъ числа освобожденныхъ 26 человекъ—14 въ самомъ непродолжительномъ времени вновь попали подъ судъ и были приговорены къ заключенію въ той же тюрьмѣ за повторенныя преступленія. Другія тюрьмы въ Америкѣ, гдѣ производились подобныя опыты, дали почти такіе же результаты: въ Нью-Джерси, напр. десять человекъ умерли одинъ вслѣдъ за другимъ. Примѣненіе этой системы (съ допущеніемъ, впрочемъ, работъ), во Франціи повело къ болѣе худшимъ результатамъ—къ разлитію между преступниками самоубійства. Въ одномъ 1866 году насчитывалось до 46 самоубійствъ, происшедшихъ, по преимуществу, въ кельяхъ. Вторая система (молчанія) выродилась изъ первой. Преступники переходятъ на

работах и на прогулках нибыть, но имъ предписывается сохранять повсемѣстно безусловное молчаніе. Но смотря на то, что тюремнымъ начальствомъ были принимаемы всѣ зависящія отъ него мѣры къ развитію этой системы, она не пустила корни во Франціи: правительство вынуждено было заявить, что оно отказывается отъ этой системы. Система молчанія на сколько нехороша, на столько и чудовищна. Для того, чтобы правила молчанія были выполняемы во Франціи, въ 1864 году, 18713 преступниковъ перенесли изъ тюремъ 59841 наказаніе, изъ томъ числа были 10604 случая заключенія въ карцеръ, и это одно наказаніе составило 94563 дня, т. е. почти по 10 дней карцера на каждого преступника. Приведенныя нами статистическія данныя сами собою краснорѣчиво говорятъ о достоинствахъ системы молчанія и не требуютъ никакихъ комментариевъ.

Безъ сомнѣнія, тюрьмы, построенныя по повѣрной системѣ, какъ заданія для помѣщенія отверженцевъ и отщепенцевъ общества, наиболѣе соотвѣтствуютъ идеѣ гуманности, нежели тѣ постройки, которыя такъ характерно и вѣрно описаны г. Максимовымъ, но какъ учрежденія, какъ системы для содержанія подъ стражею людей, признанныхъ судомъ преступными, они стоятъ на ряду съ нашими традиционными каторжными работами въ Сибирь, если еще не ниже ихъ. Какъ тѣ, такъ и другія—плоды долголѣтнихъ измышлений криминалистики, основанной исключительно на принципѣ возмездія и утраты, съ тою только разницею, что каторга изобрѣтена тогда, когда работали застѣнокъ, смирнѣе всего кнутъ и производилась церемонія торжественнаго и всенароднаго заорленія нескъ; а системы заключенія—келійная и молчанія—дѣло филантропіи XIX вѣка, который работу застѣнка, снести бича и келійно нескъ воспроизводитъ въ другой болѣе изысканной формѣ, но безъ всякой пощады и снисхожденія, казнить съ соблюденіемъ приличій, но въ высшей степени мучительно и жестоко.

Намъ кажется, что прежде нежели остановиться окончательно на одной изъ системъ содержанія подъ стражею отверженцевъ и отщепенцевъ общества, нужно пересмотрѣть и согласить съ духомъ новаго уголовного судопроизводства и самое уложеніе о наказаніяхъ, вдунуть въ него, такъ сказать, душу безсмертную. Хотя современное уголовное право и успело имѣть болѣе гуманный изгладъ на преступленія, нежели это было прежде, но основныя начала его ничѣмъ не отличаются отъ началъ уголовного права древнихъ народовъ. Это—сочетаніе принциповъ кары, возмездія, абстрактной сира-

ведливости и устрашения. При такомъ характерѣ уголовныхъ кодексовъ вообще въ Европѣ караются одни преступленія, на источники же происхожденія преступленій, на тѣ неблагоприятныя условія нравственнаго, социальнаго и экономическаго положенія челоѣка, которыя имѣютъ подавляющее вліяніе на проявленіе его личной воли, не обращается никакого вниманія, вслѣдствіе чего и самыя средства къ излеченію общественныхъ болѣзней и язвъ найдены быть не могутъ. Исходя изъ глубь вѣковъ, мы видимъ, что первобытный челоѣкъ, въ дѣлѣ расправы за обиды и оскорбленія, руководился только чувствомъ мести. Древніе греки считали месть наслажденіемъ боговъ. Первые законодатели народовъ узаконили месть: Моисей опредѣлялъ въ видѣ возмездія: душу за душу, око за око, зубъ за зубъ ¹⁾. Солонъ предписалъ выкалывать оба глаза тому, кто выколетъ глазъ у криваго. Вотъ начало тѣхъ принциповъ, которыми руководствуется и до нынѣ уголовное право. Хотя съ развитіемъ челоѣческихъ общинъ и государствъ, область уголовного права и отдѣляется отъ области права войны, регулируются правила и цѣлыя системы, казни безъ различія запрещаются, но основными принципами уголовного права, до нашихъ временъ остаются принципы возмездія, абстрактной справедливости и устрашенія. Народы руководятся этими принципами съ беззастѣнчивостью, доходящею до погрѣшнн понятій о существованіи самого уголовного права. Такъ, наиримѣръ, римскія имперіи тиранить и казнить христіанъ. Монголы воздвигаютъ пирамиды изъ челоѣческихъ головъ; турки толкутъ въ ступахъ и сажаютъ на колъ десятки тысячъ людей; снѣтая инквизиція пытаетъ и сожигаетъ на костре безчисленное количество жертвъ для примѣра; малороссіане производятъ Уманскую рѣзню; революція гильотинируетъ, а реставрація производитъ бѣлый терроръ. Наконецъ, на нашихъ глазахъ представители коммуны и Макъ-Магонъ, каждый въ свою очередь, совершаютъ кровавыя вакханаліи, и массы народа погибаютъ по нмъ принципамъ возмездія и устрашенія. Челоѣческій разумъ не можетъ отрѣшиться отъ этой безчелоѣчной идеи. Въ Римѣ, во время императора Нерона, рабъ, жетя за обезцѣнную жену, убилъ своего господина; судъ, чтобы нанести ужасъ на вѣхъ рабовъ, приговорилъ къ смерти, имѣть съ убійцею, четьреста другихъ рабовъ, жившихъ подъ одной съ нимъ кровлею. Катерина Медичи производитъ Варфоломеевскую ночь. У насъ переходитъ въ легенду

¹⁾ Кн. Исход. XXI, 23.

зомъ тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ и не даетъ того, чѣмъ красна всякая работа. Она мало питаетъ сознаше, что въ трудѣ этомъ заключаются тѣже животворные, осязательные и наглядные результаты, какъ и во всякомъ другомъ трудѣ рукъ существа разумнаго и мыслящаго. Этотъ трудъ на хлѣбахъ какъ будто даже бесполезно истрачиваетъ физическія силы и безъ того значительно истощенныя и, во всякомъ случаѣ, нисколько не укрѣпляетъ духъ, не поддерживаетъ жизни его. Понять цѣлыя дни съ ранняго утра до поздняго вечера пустыя пески, носить ихъ по заказу, на урокъ, въ виду наказанія за неисполненіе полной задачи и безъ всякаго существеннаго и нравственнаго вознагражденія на случай честнаго исполненія долга и обязанности: дѣло равносильное и равноправное древнему монастырскому наказанію—толочь въ ступѣ воду. Сверхъ того сознаше, что вся эта работа направлена ни ближе, ни дальше, какъ къ безцѣльному сооруженію на крутыхъ рѣчныхъ берегахъ новыхъ береговъ, цѣлыхъ горъ песчаныхъ, такъ называемыхъ отваловъ, сознаше это безпрестанно мучить и терзаетъ несчастныхъ арестантовъ, твердо убѣжденныхъ и сознательно убѣждаемыхъ въ томъ, что исполняютъ они тѣ самыя работы, которые по вѣстѣмъ принятымъ принадлежатъ полямъ, лѣсамъ, животнымъ...

«Соленаренная каторга вся тяжела; тяжка она больше всего для организма, которому представляются многотрудныя задачи, особенно въ сибирскихъ заподахъ, построенныхъ на старомъ образцѣ: черно и грязно, старо и грубо. Прежде, когда гнали человѣческою силою разсолъ изъ соляныхъ источниковъ по жолобьямъ и поднимали бадьями въ бунфы посредствомъ насосовъ,—соленаренная каторга была настоящая, тяжелѣе и мрачнѣе всѣхъ. Смыльные качали насосы на мысокнхъ калянцахъ иногда при 30° морозу, одѣтыми въ казенную рвань; насосы были переносной формы, какъ на простыхъ баркахъ, однако требовали, при каждомъ движеніи, силы и поклона всѣмъ тѣломъ почти до земли. Разсолъ долженъ былъ пробѣгать по жолобьямъ безпрерывно; плато на рабочихъ сначала мокро отъ брызговъ, потомъ замерзало. Рабочій, отбывъ свою смѣну, все стоя на ногахъ, дѣлательнѣе помышлялъ на каторгѣ. Тяжелая качалка такъ утомляла тронхъ людей, обязанныхъ урокомъ слыше ста раскатываній, что они часто падали на мѣстѣ въ безпамятствѣ отъ крайняго истощенія силъ. Журавцы были замѣнены ручными насосами въ 1836 г.; къ насосамъ, для большаго облегченія работы, придѣланы маятники,—стало легче: балансеръ маятника стали поталкивать отъ

себя уже меньшее количество рукъ съ наименьшими усилиями; люди могли это дѣлать, сидя въ особо прилаженныхъ бесѣдкахъ. Затѣмъ постарались (1838 г.) къ насосамъ прииспособить лошадиную силу и двѣ лошади стали дѣлать то, что прежде производили двѣнадцать человекъ. Но и послѣ такихъ приспособленій для каторжныхъ осталось довольно мѣста, чтобы видѣть ясно, что силъ ихъ не падать и не цѣнять, о человѣческомъ достоинствѣ ихъ не заботятся и ихъ тѣло почитаютъ не выше тѣсной гнилунки. Жаръ, который скопляется въ томъ сараѣ, гдѣ варится соль, въ громадномъ чернѣ или сковородѣ, становится во время горячихъ и сибирскихъ работъ до того тяжелымъ и невыносимымъ, что арестанты принуждены скидывать съ себя все платье и работать голыми до обильнаго пота. Но и при этихъ условіяхъ духота и жаръ до того неодолимы, что каждый рабочій обязанъ выбѣгать изъ варницы въ брешчатую холодную пристройку, плохо изоленную и безъ печки, гдѣ такимъ образомъ ожидаетъ мокрое и потное тѣло рабочаго сибирѣй, морозный, уличной температуры, воздухъ. Многія варницы отъ неправильнаго устройства пролетомъ накопили такой дымъ, что рабочіе, для поправленія огня, не могли и по землѣ ползти. Въ истряное время они задыхались; на лучшій конецъ добивались безпрережнаго страданія и боли глазъ, и до потери аппетита. Малѣйшій порѣзъ какогонибудь члена, на разрывающихся соляныхъ паркахъ варницы, производилъ опасныя жгучія раны. Присоединя къ нимъ неизбежную простуду, при быстрой и крайней перемѣнѣ температуръ, мы встрѣчаемъ тотъ положительный фактъ, что рѣдкій рабочій выдерживаетъ больше двухъ мѣсяцевъ: многіе уходятъ въ госпиталь, всегда наполненный больными ревматизмомъ, тифомъ, потерю аппетита, но еще большее число рабочихъ, неуспѣвшихъ заболѣть или поправившихся отъ болѣзни уходятъ въ тѣсноту и въ бѣгу при первомъ благопріятномъ случаѣ, на какіе особенно щедръ и богатъ Иркутскій солоняренный заводъ или такъ называемое Иркутское Усоліе...

На винокуренныхъ заводахъ степень каторжной тяжести подвизмѣняется, значеніе каторги своеобразнѣе. Тамъ круглый годъ тяжело жгала намъ, обязаннымъ подкладывать дрова въ печь и, стало бытъ, цѣлыя сутки стоять у огня въ тѣснотѣ подпалъ, среди нестерпимой духоты, около удлиннаго печнаго жара. Здѣсь значеніе каторги сходствуешь съ тѣмъ, которое даетъ соляная варница и получается разительное подобіе, когда припомнимъ то обстоятельство, что каторжный рабочій—не вольнонаемный; по отношенію къ нему

ить уже никаких уступок ни вынужденных, ни естественных; пышущей пылью плуги он не потребует, от тяжелой работы не откажется и не помыслит занять открыто и гласно всё тѣ права, о которыхъ всегда готовъ напомнить свободный человѣкъ, волиный работникъ, старожилъ — сибирякъ крестьянинъ. Зимой, во время холодовъ, заводская винокуренная каторга, всей своей тяжестью, налегаетъ на заторщиконъ, обязанныхъ чистить кланни, промывать въ нихъ прилипшее къ стѣнкамъ этого огромнаго ящика тѣсто, когда намоченныя руки избивать бѣднѣе, невыносимымъ озлобонъ, когда работникъ, отъ пребыванія въ пару, постепенно охлаждаемомъ, успѣваетъ даже закуржавѣть, т. е. покрыться инеемъ до подобія пушистой птицы. Последствія извѣстны врачамъ и даже дознавамъ на практикѣ: это постоянная дрожь во всемъ тѣлѣ, отсутствіе аппетита и лихорадка, которую сначала больные презираютъ, а оттого прогнать въ тѣло глубоко и близить последнее къ гробовой доскѣ. Нерѣдко накрывала послѣднія работныхъ, опущенныхъ въ яри, гдѣ бродила брѣга, прежде чѣмъ выходилъ оттуда весь углеродный газъ, накопившійся во время броженія брѣги: работніе эти тамъ задыхались и ихъ на другой день выносили оттуда уже мертвыми холодными трупами»...

А вотъ и очеркъ одной изъ тюремъ, гдѣ помѣщаются каторжные (Нижекарійской). Снаружи казарма петхая, рѣшетки ржавыя, крыльцо погнившее, крыша полинялая, но за то все остальное, обрядовое, въ совершенной порядкѣ и надлежащей форменности. Внутренность казармы... Впрочемъ, мы предоставимъ разсказать это самому автору.

«Передъ нами отворилась дверь, говоритъ г. Макенжонъ, и словно изъ погребѣ, въ которомъ застоилась нѣсколько лѣтъ вода и не было сдѣлано отдушинъ, насъ облегла струя промерзлаго, едринагося гнилаго воздуха, теплаго, правда, но едва выносимаго для дыханія. Мы съ трудомъ переносили послѣднее, съ трудомъ могли опомниться и придти въ себя, чтобы видѣть, какъ суетливо и торопливо соскочили съ паръ нѣе законныя ноги и тотчасъ же, тутъ подѣтъ, вытянулись въ струнку, руки по швамъ, по-солдатски. Многие были въ заплатанныхъ полушубкахъ въ накидку, на сколько успѣли; большая часть просто въ рубашкахъ, которыя когда-то были бѣлыя, но теперь были грязны до невозможности. Мы все это видѣли, видѣли на этотъ разъ большую казарму, въ срединѣ которой въ два ряда положены были деревянные нары; тѣ же нары обходили

кругомъ, около стѣнъ казармы. Видъ извѣстный, неизбѣжный во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ держать людей для казенной надобности въ артели, въ ротахъ, въ батальонахъ. На нарахъ валялись кос-какіе доскутыя, рваныя, тоненькіе какъ блины матрацы, пизмыганые за долгій срокъ полушубки, и вся эта ничтожная, исхищющая никакой цѣны и достоинства собственности людей, лишенныхъ добраго имени, лишенныхъ той же собственности. Вопиющая, кричащая бѣдность и нагота кругомъ насъ, бѣдность и несчастіе, которыя въдобавокъ еще замкнуты въ гнилое жилище, окружены гнилымъ воздухомъ, дышать отравой его до цыгги, ступаютъ босыми ногами съ жесткихъ наръ на грязный, холодный и мокрый полъ. Нечистота пола превзошла всякое вѣроятіе: на немъ пальца на два (буквально) накинѣло какой-то злобонной слизи, по которой скользя наши ноги, не разъ ходило сильное властью и средствами начальство, — и не замѣтило, а если и замѣтило — то наифирное забыло. Половина сырда въ казармѣ конилась на полу и наполнила потомъ всю се до самаго потолка, который также оказался неспособнымъ отирать свою трудную службу. Отворялись и форточки — и не помогали дѣлу ни мало; топяся и уродливыя огромныя печи и оказываются безсильными. И вся сила спасенія не въ планочкахъ, которыя мы, набалованные повадкой, охотно приближаемъ ко всякому мѣсту, которое сквозить, свиститъ и просвѣчиваетъ, не въ загроутовкѣ мѣстъ, которыя пробѣлѣли до того, что заризались гноемъ и сочатся гнилой, порченной кровью: вся сила, — въ коренной переструктурѣ стараго и въ рѣшительномъ созданіи новаго ¹⁾»...

Наконецъ, представимъ и портреты нѣкоторыхъ, выслужившихъ срокъ, ссыльнокааторжныхъ:

«— Иванушко, подико сюда! кричить приставъ промысла истрѣчному. Изъ воротъ сосѣдняго дома вышелъ человѣкъ въ рваной шапочкѣ, съ всклокоченной рѣденькой бороденкой. Шелъ его была голая;

¹⁾ Лѣтомъ 1857 г. въ тюрьмахъ карибскихъ гнѣздилась повальная и смертная цынга. Люди заболѣвали отъ великихъ усиленныхъ работъ ради историческихъ ста пудовъ золота, когда всѣ ссыльные каторжные сгруппированы были вдѣсь и размѣщены въ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ. Въ результатъ было то, что свыше тысячи человѣкъ умерло, да въ архивахъ осталось свѣдѣтельство мѣстнаго лекаря, гдѣ онъ писалъ, что причина тому болѣе всего обветшалость острожныхъ зданій, въ особенности же заи-
саящая отъ того сырость внутри оныхъ...

армячником сошесть слъзъ съ плечъ, и даже рубаха подъ нимъ была рваная. На ноги этого челоука я уже и рѣшимости не имѣлъ посмотрѣть. Иванушку всего подергивало, голова не твердо держалась на плечахъ; онъ то приклонитъ ее къ правому плечу, то быстро отдернетъ къ лѣвому. Лѣвое плечо ходуномъ ходитъ, и самого Иванушку какъ будто всего ведутъ судороги, какъ будто чувствуетъ онъ, что всѣ его конечности не на своихъ мѣстахъ и онъ употребляетъ теперь всѣ усилія, чтобы вправить ихъ кости въ чашки, въ надлежащія и пристойныя мѣста. Видно, тяжело Иванушкѣ носить свою головушку, да и съ остальнымъ тѣломъ мудрено ему ладить, а повидимому онъ не тяготится этой работой; на дворѣ слишкомъ тридцать градусомъ мороза, а у него оба плеча буквально голы.

— Гдѣ ты былъ? ласково спрашиваетъ его пристава.

— Сѣтку отгребалъ: покормили за то! отвѣчалъ Иванушко и брызгалъ. Голова какъ будто еще сильнѣе заходила на плечахъ. Лѣвое плечо такъ и приподняло онъ до самыхъ ушей.

— А кто ты такой? продолжаетъ разспрашивать пристава.

— Я—Божій челоукъ! тускло растянулъ старичокъ.

— Какъ прозывается-то?

— Поселенцевъ не вѣтъ знать.

— Откуда ты родомъ?

— Съ Вятки родомъ.

— За что присланъ-то сюда?

— Я и самъ не знаю. Мнѣ бы ужъ домой идти надо. На родину пора... Тамъ у меня тятка съ маткой остались.

— Да вѣдь ужъ нельзя тебѣ возвращаться-то...

— Можно, говорить вонъ тамъ.

Иванушко указалъ рукой на тюрьму.

— Надо, слышишь, только бумагу такую достать; безъ бумаги-де не пропустить и назадъ вернуть. Дай ты мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Россію уйти, сколько прошу!.. (и въ послѣднихъ словахъ послышались упреки).

— Всякій разъ обращается онъ ко мнѣ съ этой просьбой!—объяснилъ потомъ пристава, когда оставили Иванушку.

— А вотъ и другой экземпляръ ссыльно-каторжаного, говоритъ тотъ же карійскій пристава, указывая на высокаго старика, сѣдого какъ луна, тщательно выбритаго и чистенько одѣтаго. Старикъ приковалъ мое вниманіе, продолжаетъ г. Максимовъ, избыточною правильными чертами лица, въ глазахъ его еще было много жизни

и во всѣхъ чертахъ лица много мягкости и ничего злодѣйскаго ни во взглядѣ, ни въ улыбкѣ; даже и верхняя челюсть не была развита въ ущербъ остальнымъ частямъ лица. Глядя на оного бодро, честно и открыто, шель смѣло и увѣренно. Сложенъ онъ былъ превосходно и даже той сутуловости, которая характеризуетъ всякаго ссыльнаго, битаго кнутомъ, и даже той запуганности, которая заставляетъ прятать взоръ куда-нибудь въ сторону, въ уголь, мы въ немъ не замѣтили. Наконецъ, той робости, которая велитъ скидывать шапку всякому встрѣчному (что такъ любятъ и привыкли дѣлать всѣ, просидѣвшіе долгое время въ каторжной тюрьмѣ)—въ старикѣ нашего также замѣтно не было. Вѣншій видъ расположилъ меня въ его пользу и я готовъ былъ усумниться въ подлинности и вѣроятіи рекомендаціи пристава; но послѣдній дастанвалъ на своемъ:

«— Три года въ Акатуѣ на цѣпи сидѣлъ.

И самъ старикъ рассказывалъ потомъ:

«— Въ Казуѣ, на родинѣ, почту мы ограбили и почтальона съ ящикомъ убили.

«И откуда онъ взялъ столько хладнокровія, чтобы совершенно спокойно выговорить эти послѣднія слова изъ разсказа своего.

«— А за что тебя на цѣпь посадили?—спрашивалъ приставъ.

«— Самъ знаете, ваше благородіе!—отвѣчалъ старикъ: и мягкая, кроткая улыбка пробѣжала по лицу его. Улыбка эта, можетъ быть, въ то время меня обманула, продолжаетъ г. Максимовъ, но я и теперь за нее. Далеко ходить въ оправданіе ея; но лицо старика при дѣлѣвшихъ разспросахъ оставалось невозмутимо спокойнымъ. Думалъ ли онъ на тотъ разъ, что передъ прямыми, непосредственными своимъ начальникомъ скрываться нечего: онъ все знаетъ. Или сообразилъ онъ, что нѣтъ грѣха сознаться въ томъ преступленіи, которому минула законная давность и тяжести котораго давно уже искуплена цѣпью и одиночнымъ заключеніемъ, средоточивающимъ въ себя помыслы въ самомъ себѣ,—старикъ обо всемъ этомъ вслухъ не сознался, но повѣдалъ другое:

«— На цѣпи я сидѣлъ за то, что изъ тюрьмы бѣжалъ, на дорогѣ бурятскую юрту ограбилъ и одного братскаго задушилъ.

«И опять хладнокровный тонъ въ показаніи, какъ будто въ свидѣтельство того, что старикъ теперь не боится за себя. Знать «умывали бурку крутыя горки».

«— Взялъ я его къ себѣ въ подовозы, и не нахваляюсь стара-

вѣмъ и усердіемъ; запиваетъ иногда, но очень рѣдко — говоритъ приставъ. У нашего начальника жила въ кормилицахъ женщина, сосланная сюда за убійство собственнаго ребенка, и исполняла свою обязанность съ такой любовью, что иная мать не прилагаетъ столько вѣжливости и ласки къ собственному дѣтищу. Мы объяснили это порывами раскаявшейся натуры, жаждавшей искусственной, подогрѣтою любовью замѣть кровавый грѣхъ ужаснаго преступленія, — но баба эта насъ обманула. Теперь она осталась нянькою при многихъ дѣтяхъ и вотъ уже четвертый годъ такая же неустанная, безсонная, честная и пѣтшая работница.

«Третій, Мокѣевъ, и также случайно попавшій на глаза, былъ именно изъ тѣхъ боязливыхъ и робкихъ, которые привыкли прятать свой взглядъ, привыкли быть замкнутыми и неоткровенными на любой изъ вызововъ нашихъ. Смыслный этотъ писалъ, напр. стихи, и одно время исполнялъ даже обязанности полковаго пѣнны: написалъ по заказу начальства пѣсню на отправленіе первой экспедиціи, снаряженной для завоеванія Амура. Мокѣевъ пришелъ въ Нерчинскіе заводы по дѣлу объ ограбленіи и умерщвленіи какого-то купца, гдѣ-то въ стѣнныхъ губерніяхъ, и принесъ съ собою рекомендательныя письма. Но письмами этимъ онъ оказался виновнымъ только въ томъ, что былъ при убійствѣ свидѣтелемъ, но не участникомъ. Письма говорили, между прочимъ, и то, что онъ, посягавшее знаніе куческаго сына или брата, вѣлъ въ тоже время и жизнь, приличную этому знанію, т. е. ничего не дѣлалъ, кромѣ кутежей, ничего не видѣлъ, кромѣ трактировъ и погребовъ. Онъ жилъ такими образомъ долго и весело, пока не истощились отцовскія деньги. Недостатокъ денегъ вывелъ его изъ трактира въ кабакъ. Въ кабакѣ онъ попалъ на развеселыхъ товарищей, которые образумили шайку, имѣвшую намѣреніемъ поправить свои обстоятельства и поделастить пропойную жизнь на чужія средства. Средствами для этого друзья придумали грабѣжъ на большой дорогѣ. Желая ограничиться грабѣжемъ, они сгоряча и въ противоборствѣ совершили убійство, но безъ участія Мокѣева, хотя и въ его присутствіи. Какъ соучастникъ и другъ убійцы, не давшій во время звать начальству о преступленіи, онъ отъ товарищества судомъ выдѣленъ не былъ, и вмѣстѣ съ ними попалъ на каторгу. Сюда, когда онъ освободился изъ тюрьмы, богатые родные присылали ему деньги. На деньги, при посредствѣ промысловаго начальства, вознаградившаго его тѣмъ снисхожденіемъ и участіемъ, которыхъ не получилъ онъ отъ судей, Мо-

късь успѣлъ затѣять кос-какук торговлю. Торговалъ онъ удачно и деньги наживать началъ, да вдругъ вспомнилъ о своемъ бездольѣ и родитѣхъ—и запялъ. Запой сокрушилъ всѣ его средетна; новыя присылки денежной помощи шли въ кабакъ. Сколько не валили пототъ щибня въ болото: гати не сдѣлали, разъ прососавшаяся вода по знакомому ложу смывала всѣ преграды. На время (и только на время) приостановилась была вода на мельницѣ, не рвала гати и обѣщала по ней прямое и надежное русло туда куда надо: Мокшень полюбилъ возную казачку, полюбился и ей—и женился, торговля опять пошла на ладъ; колеса на мельницѣ запертылись; мука была и покупателей было довольно, да вдругъ загулъ, и опять прорвало плотину. Суетилась жена, хлопотали сосѣди, суетились и хватили много и долго, а добился одного только, что больной сталъ пить не загулами, а запоємъ, что какъ извѣстно, и безнадежно и неизлечимо. Сталъ Мокшень человѣкомъ убитымъ и потеряннымъ и скрежетать теперь зубами на свою шаль и дурь; и жгуче любить. Истѣмъ сосѣдями былъ бы любимъ за кроткій податливый нравъ, да слабость свалила и не позволяеть встать на ноги. Мокшень теперь на все рукой махнулъ.

«— Ничего съ нимъ не подѣлаешь,—говорила жена его: самый безпутный человѣкъ! Ибени писать нище прежняго началъ, станеть тебѣ читать какую,—слезой прошибеть. Лучше бы ужъ въ гробъ скорѣе дожился да гробовой доской накрывался. Вотъ и вчера плехомекъ джойи пришелъ и запря такой же будетъ».

Маколей въ одной изъ своихъ статей говоритъ: «Дантовская поэзія своею картинностью превосходить все что когда-нибудь было написано. Впечатлѣніе, производимое ею, напоминаетъ впечатлѣнія, которыя мы чувствуемъ, смотря на произведенія живописи или рѣзца». Если подѣ сущностію поэзіи, какъ полагають знаменитый ученый, историкъ и поэтъ Англіи, понимать только искусство употреблеть слова въ такомъ видѣ, который производить съ помощью словъ то, что живописецъ производитъ съ помощью красокъ, то въ описаніи каторги С. В. Макевича нельзя не видѣть высоко-поэтическаго, художественнаго очерка. Это описаніе своей жизненностію, своей поражающею оригинальнію, своей безотраднѣйшей правдой превосходить даже мрачныя картины дантовскаго ада. Это не плаксія, не миражъ, обманывающіе органы зрѣнія, не театральныя сцены, увлекающія воображеніе; это—жизнь со всеми ея страстями, жизнь безрадостная, безнадежная, свитая изъ зла и горести, ползущая, пресыщающая

шая какъ гадина и возбуждающая въ душѣ отвращеніе до *pes plus ultra*; это—схидна ядовитая и безпощадная; это, наконецъ, сама Медуза, смертельно поражающая всю нервную систему, Медуза живая, во всемъ своемъ грозномъ величіи, съ вьющимися и шипящими горгонами на головѣ... Читая очеркъ Максимона, вы видите передъ собой и чуть не осязаете это чудовище, называемое каторгой, видите, какъ оно постепенно и безъ всякой пользы для дѣла и для самихъ ссыльно-каторжныхъ истязаетъ и истощаетъ до изнеможенія физическія ихъ силы, губитъ жизнь духа, развиваетъ и поддерживаетъ съ зоботливостью, достойною лучшихъ цѣлей, заразителный и неизлечимый между ними болѣзнь, дѣлаетъ людей идіотами, мономавами, существами дряхлыми и ни къ чему неспособными, живыми мертвецами и скелетами до времени—и ужасъ охватываетъ ваши члены, полость становится дыбомъ, оконечности коченьютъ и языкъ невольно лепечетъ стихи Данта:

«Почто намъ грѣхъ караетъ насъ такъ строго?»..

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Максимовымъ, въ теченіе тридцати восьми лѣтъ (съ 1823 по 1861 г.) въ Сибирь изъ Россіи ушло всего обоего пола лицъ 289,514, сосланныхъ по судебнымъ приговорамъ и административнымъ порядкомъ, не считая пришедшихъ по волѣ женъ и дѣтей. Въ этомъ числѣ сослано въ каторжныя работы 39,601 мужч. и 4330 женщ. и на поселеніе 207,604 мужч. и 37,179 женщ. Цифра не маленькая, надъ которой нельзя не призадуматься.

Хотя учрежденіемъ внутри Россіи центральныхъ тюремъ для содержанія нѣкоторой части преступниковъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, и положенъ краеугольный камень основанія новой тюремной системы, но какъ старый порядокъ ссылки на каторгу въ Сибирь, такъ и нынѣ усвоенный на западѣ системы тюремнаго заключенія, не удовлетворяютъ рациональнымъ потребностямъ современнаго, гуманнаго взгляда на содержаніе подѣ стражей людей, признанныхъ судомъ преступными.

Существующія въ настоящемъ видѣ каторжныя работы—наслѣдіе добраго стараго времени, когда каторга считалась продолженіемъ нещаднаго битія кутомъ и заорленія щекъ. Сибирь, какъ ссыльное мѣсто, обречена была прикрывать грѣхи Россіи. Она залита слезами, оглушена стономъ и уныніемъ костью отверженныхъ и отщепенцевъ общества. Каторга по своему значенію даже не кара, не наказаніе, не возмездіе, го нѣчто большее... Это—пытка, и пытка тѣмъ болѣе

страшная и мучительная, что она продолжалась не день, но два, не три, но годы, десятки лѣтъ и даже безсрочно. Это—ничто иное, какъ безконечная нравственная истерика, дыба безъ отдыха, медленный огонекъ безъ предѣла и конца. Каторга противна не только человечеству, но даже самому принципу кары и возмездія. Окончательное уничтоженіе ея будетъ принято съ восторгомъ всѣми здравомыслящими людьми и займетъ, безъ сомнѣнія, видное мѣсто на страницахъ современной исторіи.

Но высказываясь за окончательное уничтоженіе традиціонныхъ каторжныхъ работъ, мы не можемъ не коснуться и новыхъ тюремныхъ системъ. За границей существуютъ дѣй системы заключенія: кельйная и, такъ называемая, молчанія.

Въ началѣ настоящаго столѣтія, въ видахъ предупрежденія развитія преступленій, исправленія преступниковъ и устраниенія рецидивизма, кинкеры-филантропы изобрѣли кельйную систему заключенія. Въ основаніе этой системы легла та мысль, что преступникъ, заключенный въ приличной, опрятной и чистой комнатѣ, снабженной всѣмъ нужнымъ, и, слѣдовательно, изолированный отъ всякихъ предвѣстныхъ вліяній со стороны другихъ преступниковъ, не можетъ не исправиться, такъ какъ вся его обстановка должна располагать его къ размышленіямъ и раскаянію. Но эта система оказалась хорошею только въ теоріи. Прихвощенная первоначально въ Обернскую тюрьму въ Америкѣ, она дала страшные результаты. Большая часть преступниковъ въ самое короткое время погибла. Одни впади въ идиотизмъ, другіе сошли съ ума, третьи умерли. Изъ числа всѣхъ заключенныхъ въ этой тюрьмѣ испытаніе вынесли только 26 человекъ. Тюремное начальство, боясь ответственности за такіе неутѣшительные результаты, освободило всѣхъ заключенныхъ, вынесенныхъ пробнымъ экспериментомъ, но изъ числа освобожденныхъ 26 человекъ—14 въ самомъ непродолжительномъ времени вновь попали подъ судъ и были приговорены къ заключенію въ той же тюрьмѣ за повторенныя преступленія. Другія тюрьмы въ Америкѣ, гдѣ производились подобныя опыты, дали почти такіе же результаты: въ Нью-Джерси, напр. десять человекъ умерли одинъ слѣдуя за другимъ. Примѣненіе этой системы (съ допущеніемъ, впрочемъ, работъ), во Франціи повело къ болѣе худшимъ результатамъ—къ разнیتی между преступниками самоубійства. Въ одномъ 1866 году насчитывалось до 46 самоубійствъ, происшедшихъ, по преимуществу, въ кельяхъ. Вторая система (молчанія) выродилась изъ первой. Преступники находятся на

работах и на прогулках имѣть, но имъ предписывается сохранять повсемѣстно безусловное молчаніе. Но смотря на то, что тюремнымъ начальствомъ были принимаемы всѣ записки отъ него и тѣмъ къ развитію этой системы, она не пустила корни во Францію: правительство было вынуждено было заявить, что оно отказывается отъ этой системы. Система молчанія на сколько нехороша, на столько и чудовищна. Для того, чтобы правила молчанія были выполняемы во Франціи, въ 1864 году, 18713 преступниковъ перенесли въ тюрьмы 59841 наказание, въ томъ числѣ были 10604 случая заключенія въ карцеръ, и это одно наказаніе составило 94563 дня, т. е. почти по 10 дней карцера на каждого преступника. Приведенная нами статистическія данныя сами собою краснорѣчиво говорятъ о достоинствѣ системы молчанія и не требуютъ никакихъ комментариевъ.

Безъ сомнѣнія, тюрьмы, построенныя по помѣщеніи системъ, какъ заданія для помѣщенія отверженцевъ и отщепенцевъ общества, наиболѣе соответствуютъ идеѣ гуманности, нежели тѣ постройки, которыя такъ характеристично и вѣрно описаны г. Максимовымъ, по какъ учрежденія, какъ системы для содержанія подѣ стражемъ людей, признанныхъ судомъ преступными, они стоятъ на ряду съ нашими традиционными каторжными работами въ Сибирь, если еще не ниже ихъ. Какъ тѣ, такъ и другія—плоды долголѣтнихъ измышлений криминалистики, основанной исключительно на принципѣ возмездія и устрашенія, съ тою только разницею, что каторга изобрѣтена тогда, когда работали застѣжки, смирительно пали и производились церемоніи торжественнаго и публичнаго заорленія нечести; а системы заключенія—калейки и молчанія—дѣло филантропіи XIX вѣка, который работу застѣжки, смирять бича и клеймо нечести воспроизводитъ въ другой болѣе изысканной формѣ, но безъ всякой пощады и снисхожденія, казнить съ соблюденіемъ приличій, но въ высшей степени мучительно и жестоко.

Намъ кажется, что прежде нежели остановиться окончательно на одной изъ системъ содержанія подѣ стражемъ отверженцевъ и отщепенцевъ общества, нужно пересмотрѣть и согласить съ духомъ новаго уголовного судопроизводства и самое уложеніе о наказаніяхъ, придать въ него, такъ сказать, душу безсмертную. Хотя современное уголовное право и усвоило намъ болѣе гуманный взглядъ на преступленія, нежели это было прежде, но основныя начала его ничѣмъ не отличаются отъ началъ уголовного права древнихъ народовъ. Это—сочетаніе принциповъ кары, возмездія, абстрактной спра-

ведливости и устрашения. При такомъ характерѣ уголовныхъ кодексовъ вообще въ Европѣ караются одни преступленія, на источники же происхожденія преступленій, на тѣ неблагоприятныя условія нравственнаго, социальнаго и экономическаго положенія человека, которыя имѣютъ подавляющее вліяніе на проявленіе его личной воли, не обращается никакого вниманія, бездѣлствіе чего и самыя средства къ излеченію общественныхъ болѣзней и извѣстны найдены быть не могутъ. Исходи въ глубь вѣковъ, мы видимъ, что первобытный человѣкъ, въ дѣлѣ расправы за обиды и оскорбленія, руководился только чувствомъ мести. Древніе греки считали мечь наслажденіемъ боговъ. Первые законодатели народовъ узаконили мечь: Моисей опредѣлялъ въ видѣ возмездія: душу за душу, око за око, зубъ за зубъ ¹⁾. Солоны предписалъ выкалывать оба глаза тому, кто выколеть глаза у криваго. Вотъ начало тѣхъ принциповъ, которыми руководствуется и до нынѣ уголовное право. Хотя съ развитіемъ человѣческихъ общинъ и государствъ, область уголовного права и отдѣляется отъ области права войны, регулируются правила и цѣлыя системы, казни безъ различія запрещается, но основными принципами уголовного права, до нашихъ временъ остаются принципы возмездія, абстрактной справедливости и устрашенія. Народы руководятся этими принципами съ безастычностью, доходящею до погрѣшій понятій о существованіи самого уголовного права. Такъ, напримѣръ, римскія власти тиранить и казнить христіанъ. Монголы воздвигаютъ пирамиды изъ человѣческихъ головъ; турки толкутъ въ ступахъ и сажаютъ на колъ десятки тысячъ людей; святая инквизиція пытаетъ и сожигаетъ на кострѣ безчисленное количество жертвъ для примѣра; малороссіане производятъ Уманскую рѣзню; революція гильотинируетъ, а реставрація производитъ бѣлый терроръ. Наконецъ, на нашихъ глазахъ представители коммуны и Макъ-Магонъ, каждый въ свою очередь, совершаютъ кровавыя вакханаліи, и массы народа погибаютъ по нѣмъ принципамъ возмездія и устрашенія. Человѣческій разумъ не можетъ отрѣшиться отъ этой безчеловѣчной идеи. Въ Римѣ, во время императора Нерона, рабъ, жетя за обезцвѣченную жену, убилъ своего господина; судъ, чтобы нанести ужасъ на пѣлыхъ рабовъ, приговорилъ къ смерти, вмѣстѣ съ убійцею, четверטה другихъ рабовъ, жившихъ подъ одной съ нимъ кровлею. Катерина Медичи воспроизводитъ Варфоломеевскую ночь. У насъ переходитъ въ легенду

¹⁾ Кн. Исход. XXI, 23.

судъ Шемаки. Никто—ни сумасшедшій, ни идіотъ, не избавлялся отъ уголовного наказанія. Кредиторъ имѣлъ право продать своего должника въ кабалу, или вырѣзать изъ его тѣла нѣсколько кусковъ мяса. Смертная казнь опредѣлялась за такія преступленія, которыя нынѣ преслѣдуются слабо; напр., во Франціи: за покупку опиуму и пороху больше, чѣмъ нужно въ домѣ, за соупутствованіе порачъ, за провозъ табаку и ситцевъ посредствомъ контрабанды; въ Англіи: за воровство въ лавкѣ на 5 шиллинговъ, за воровство писемъ или за воровство на мануфактурахъ льна. И не только люди, но даже животныя и даже неодушевленные предметы несли уголовную отвѣтственность. Судьи присуждали: лошади, если она убила человека—къ погнѣбію; свиньи, если она пожрала ребенка—къ сожженію; дереву, если оно во время бури или вѣтра дало или убивало человека или животное—къ сожженію. Погнѣбіе ученые мыслители и философы идутъ по стопамъ криминалистовъ каменнаго, желѣзнаго и бронзоваго вѣковъ. Такъ, ученый Силвела проводитъ идею, что смертная казнь должна существовать вслѣдствіе взаимнаго нравственнаго обязательства людей, на основаніи котораго нѣтъ нарушающіе законы справедливости соглашаются на самоуничтоженіе. Аббегъ за принципъ смертную казнь во имя примиренія преступника съ небомъ. Жозефъ де-Местръ, Доназо Кортезъ, Луи Велло и др. и; возглашаютъ законы Ману. По ихъ мнѣнію, кровь очищаетъ и удобряетъ землю, топоръ палача и плаха составляютъ великіе акты справедливости, гильотина нужна для примѣра, для развитія нравственности и огражденія общества. Ученіе Канта пропондуетъ воздаяніе зломъ за зло—какъ идею, присущую человѣку, категорическій императивъ. Философія Гегеля признаетъ зпеными трахотоміи, трехчленнымъ діалектическимъ развитіемъ идеи: право, нарушеніе права—преступленіе; и отрицаніе преступленія и примиреніе съ правомъ—наказаніе. Англійскій криминалистъ Стифенъ полагаетъ даже, что самое умомѣстительство не должно служить поводомъ къ отклоненію мнѣнія.

Такимъ образомъ уголовное право подѣ дѣвленіемъ подобныхъ рутинныхъ взглядовъ переживало различныя фазисы своего развитія,—и если, съ теченіемъ времени, гуманныя идеи и проникли въ уголовные кодексы Европы; если смертная казнь не назначается болѣе за кражу въ лавкѣ на 5 шиллинговъ или съ фабрики нѣсколькихъ фунтовъ льна, а въ нѣкоторыхъ государствахъ и совсѣмъ отмѣнена; если наказаніе животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ уничто-

жено; если къ принципу абстрактной справедливости присоединился новый—исправление преступника посредствомъ работъ, то и за всѣмъ тѣмъ, уголовное право не могло не отстать отъ поступательнаго движенія современнаго общества на пути прогресса и цивилизаціи.

Безъ сомнѣнія, владычество грозной Немезиды рано или поздно должно кончиться, и современнымъ криминалистамъ предстоитъ великая задача—примирить гуманныя требованія современнаго общества съ суровыми тенденціями уголовного права,—изыскать мѣры, которыя могли бы вести не только къ изолированію лицъ, признаваемыхъ судомъ преступными, безъ обремененія ихъ участи и къ уничтоженію рецидивизма, но и къ уменьшенію числа преступленій въ народѣ, дѣйствуя преимущественно на причины преступленій, какъ корень всему существующему въ мірѣ злу.

Переходя къ устройству нашихъ центральныхъ тюремъ, нельзя не замѣтить, что мы привыкли все перенимать и во всемъ подражать западу, ловить, по знаменитому выраженію М. Н. Каткова, хвостикъ мыслей. Неужели и въ тюремномъ дѣлѣ мы должны также пересаживать на нашу почву то, что не припало, не принялось на западѣ. Тюрьмы, не говоря уже о ихъ значеніи какъ учрежденій для содержанія преступниковъ, требуютъ много денегъ для ихъ возведенія и приспособленія. Это—игрушки дорогія. Постройка Мазаской тюрьмы въ Парижѣ обоилась въ 5 милліоновъ франковъ. Мы еще не такъ богаты, чтобы бросать милліоны рублей на одни эксперименты, бросать съ увѣренностью, что эксперименты эти ни къ чему, кромѣ траты денегъ, не поведутъ. Тюремъ у насъ, слава Богу, и безъ того довольно. Есть тюрьмы гражданскія, есть тюрьмы военныя, есть тюрьмы морскія; есть тюрьмы губернскія, уѣздныя и этапныя; есть тюрьмы центральныя, постоянныя и временныя; есть тюрьмы исправительныя, смирительныя и для несправныхъ должниковъ; есть тюрьмы подлѣдственныя, пересыльныя и крѣпостныя... На недостатокъ тюремъ мы пожаловаться не можемъ, хотя, говоря откровенно, было бы ни сколько не хуже, если бы число тюремъ не увеличилось, а уменьшилось. Мы думаемъ, что было бы исполнѣе рачительно, еслибъ вопросъ объ организаціи тюремъ былъ подвергнутъ всестороннему обсужденію при посредствѣ людей свѣдущихъ; еслибъ подумали наконецъ и надъ тѣмъ, какъ бы освободиться совсѣмъ отъ тюремъ. Денре, въ изданномъ имъ въ 1868 года сочиненіи «De l'abolition de l'emprisonnement», говорить, что обходиться безъ тюремъ не только можно, но даже должно,

если исходною точкою пенальной системы признать не одно только желаніе общества, во чтобы то ни стало, и какъ бы то ни было, отдѣлываться отъ преступниковъ, но заботиться и о дѣйствительномъ ихъ исправленіи и о противодѣйствіи тѣмъ печальнымъ результатамъ современной криминалистики, которые главнѣйшимъ образомъ обуславливаютъ явленія рецидивизма въ преступленіяхъ. Знаменитый докторъ правъ рекомендуетъ трудъ внѣ тюрьмы, рачіональную организацію исправительно-земледѣльческихъ колоній. Мы, съ своей стороны, укажемъ на организуемые военнымъ министерствомъ изъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ рабочія бригады, которыя исполнѣе соответствуютъ своей цѣли; укажемъ на работы арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства на курско-харьковской желѣзной дорогѣ въ 1868 году, гдѣ роты эти работали безъ конвоя, за круговымъ поручительствомъ, и побѣговъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, не было; укажемъ, наконецъ, на предложеніе бывшаго генералъ-губернатора Восточной Сибири, генерала Спелльникова, сибирскимъ золотопромышленникамъ принимать для работъ на приискахъ ссыльныхъ. Все это, взятое вмѣстѣ, можетъ дать результаты болѣе блестящія, нежели думаютъ приверженцы *statu quo*. Конечно, современнымъ криминалистамъ и специалистамъ тюремнаго дѣла необходимо поработать надъ этими вопросомъ, но работа эта должна удовлетворить самое громадное самолюбіе, такъ какъ она, въ случаѣ успѣха, открыла бы новую эпоху въ исторіи развитія человѣчества.

РЕЗОЛЮЦІИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

ИМПЕРАТОРЪ Александръ II обращалъ, какъ извѣстно, особенное вниманіе на устройство вооруженныхъ силъ имперіи, любилъ военное дѣло и прилагалъ всевозможныя понесенія къ улучшенію быта какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Онъ хорошо изучилъ организацію, числительный составъ и хозяйство войскъ. Онъ въ совершенствѣ зналъ хрештику полковъ, время ихъ основанія, въ какихъ войнахъ они участвовали, въ какихъ сраженіяхъ отличались и чѣмъ награждены. Онъ обладалъ отличной памятью и безошибочно перечислялъ: какія части войскъ имѣють георгіевскія знамена, владимірскія ленты, серебряныя трубы, петлицы, знаки за отличія. При прочтеніи докладовъ, онъ указывалъ иногда на такія частности дѣла, которыя ускользали отъ вниманія ихъ составителей-спеціалистовъ. Я могу привести нѣсколько примѣровъ подобныхъ указаній, но въ настоящемъ случаѣ ограничусь пока однимъ, именно замѣчаніями государя на доклад военного министра, генералъ-адъютанта Сухозанета, отъ 23-го іюля 1857 года, о знаменахъ гвардейскихъ и гренадерскихъ полковъ.

Генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, какъ извѣстно, грамотностію не отличался. Нѣкоторые его резолюціи сдѣлались общезвѣстными, даже болѣе извѣстными, чѣмъ знаменитыя резолюціи графа Аракчеева. Напримѣръ, такія, буквально списанныя нами съ подлинниковъ, резолюціи: «Сумняваюсь чтооъ полковникъ II. ободванилъ сіе дѣло кюлю» (сомнѣваюсь, чтобы полковникъ II. ободванилъ сіе дѣло къ іюлю), или: «Несънабобныхъ многа хто пладитъ лѣкаря, али чястыи, пада разьобратца» (неспособныхъ много, кто

плодотворны: лекаря, или части, надо разобратъся), — могутъ служить краснорѣчивымъ тому доказательствомъ. Въ его докладахъ государю, конечно, проходили и неясности, и неясности изложенья. Императоръ Александръ строго относился ко всѣмъ подобнымъ недомолвкамъ и дѣлалъ замѣчанія, негоднымъ лестныя для составителей такихъ докладовъ.

Послѣ Крымской войны гвардейскіе и грендерскіе полки, имѣніе (съ резервными) по шести баталіоновъ, должны были состоять въ трехъ баталіонномъ составѣ (въ томъ числѣ 3-й баталіонъ резервный). Возбудился вопросъ: какъ поступить со знаменами упраздняемыхъ баталіоновъ?

Генералъ Сухозанетъ излагалъ въ докладѣ: «Постановленіе знаменъ упраздняемыхъ полковъ третьихъ баталіоновъ полковъ лейбъ-гвардіи въ тѣхъ дворцахъ, гдѣ нынѣ стоятъ знамена оставшихся первыхъ и вторыхъ баталіоновъ тѣхъ же полковъ, было бы неудобно, потому что первые знамена (т. е. третьихъ баталіоновъ) принадлежатъ частямъ, которыя не будутъ уже существовать». Государь противъ этого пункта написалъ: «Совершенный вздоръ, ибо третьи баталіоны не упраздняются, а только отпускаются на мирное время и переименовываются въ третьи резервные баталіоны по примѣру 4-хъ резервныхъ баталіоновъ, коихъ знамена стояли во дворцахъ».

Далѣе Сухозанетъ говорилъ: «Предполагаемая замѣна знаменъ первыхъ и вторыхъ баталіоновъ гвардейскихъ полковъ, если оныя приняты въ петкость, знаменами пятыхъ и шестыхъ баталіоновъ въ полкахъ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ, Семеновскомъ, Измайловскомъ, Московскомъ, Гренадерскомъ и Литовскомъ, была бы излишнею, потому что означенные баталіоны всѣ получили новыя знамена». Государь отмѣтилъ: «Никогда объ этомъ и рѣчи не было».

Такимъ образомъ, весь докладъ оказывается непереносимымъ замѣтками: «они не упраздняются», «все это вздорныя разсужденія», «это одно справедливо» и проч. Наконецъ, самая резолюція его величества, помѣченная 26-го іюля 1857 года, гласила такъ: «Вздорный докладъ. Исполнить — какъ показано въ концѣ». Въ концѣ же доклада государемъ собственноручно начертано слѣдующее:

«Въ полкахъ лейбъ-гвардіи:

«Гатчинскомъ,

«Павловскомъ,

«Финляндскомъ,

«Волынскомъ,

«Гренадерскихъ:

«Императора Австрійскаго,

«Короля Фридриха Вильгельма III.

«Въ 1-ые и 2-ые и въ 3-ьи резервные баталіоны передать знамена, имѣвшіяся въ резервныхъ баталіонахъ сихъ полковъ 4-хъ, 5-хъ и 6-хъ, съ перемѣною только скобъ.

«Старыя знамена гвардейскихъ полковъ перенести съ почестью въ полковыя церкви, гренадерскихъ полковъ знамена сдать въ С.-Петербургскій арсеналъ.

«Во всѣхъ прочихъ полкахъ гвардіи знамена бывшихъ резервныхъ баталіоновъ 4-хъ, 5-хъ и 6-хъ перевести съ почестями изъ дворцовъ на храненіе въ полковыя церкви.

«Въ Гренадерскомъ корпусѣ знамена 3-хъ баталіоновъ, переименованныхъ въ 3-ьи резервные, сдать въ арсеналъ, гдѣ будетъ храниться оружіе для сихъ резервныхъ баталіоновъ. Прочихъ резервныхъ баталіоновъ, нынѣ вовсе упраздненныхъ, сдать на храненіе въ С.-Петербургскій арсеналъ. 26-го іюля 1857 года».

По разумности и ясности изложенія, это—дѣйствительно царская резолюція.

Генераль Клугинъ.

3-го декабря 1868 года, помощникъ начальника главнаго штаба, генераль-майоръ Клугинъ подавъ по командѣ рапортъ слѣдующаго содержанія: «Сегодня, въ 8^{3/4} часа утра, идя по Невскому проспекту въ пальто, я встрѣтилъ оберъ-офицера, который не отдалъ мнѣ установленной чести. Спросивъ этого офицера, на основаніи § 19

дисциплинарнаго устава, о причинѣ, по которой онъ не отдастъ чести генераламъ, я получилъ отвѣтъ отъ шедшаго возлѣ него штабъ-офицера, что я имѣлъ честь обратиться съ вопросомъ къ его высочеству. Считаю долгомъ донести объ этомъ вашему сіятельству».

Когда донесено было объ этомъ до свѣдѣнія государя, императоръ Александръ II отозвался: «По уставу онъ долженъ былъ сдѣлать замѣчаніе офицеру, не отдавшему чести, но я не понимаю, какъ это — генералъ служить въ Петербургѣ и не знаетъ монѣхъ дѣтей».

— Ваше величество, онъ близорукъ.

— А, тогда дѣло другого рода,—засмѣялся государь:—тогда я не вправѣ на него сердиться, дисциплину поддерживать нужно.

Генераль Рамзай.

Генераль-маіоръ баронъ Рамзай (впослѣдствіи генераль-адъютантъ, командиръ гренадерскаго корпуса) во время командованія гренадерскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Новгородѣ, чрезвычайно строго относился къ солдатамъ и жестоко наказывалъ ихъ во время учений. Въ зимнее время полкъ учился въ манежѣ кадетскаго корпуса, куда приводили на ученіе и кадетовъ. Однажды, во время совмѣстнаго ученія въ манежѣ какой-то роты полка и кадетовъ, когда баронъ Рамзай немилосердно бичевалъ солдатъ, въ манежъ пріѣхалъ директоръ кадетскаго корпуса, генераль-маіоръ Бородинъ. Увидавъ истязанія солдатъ, онъ подошелъ къ себѣ барона и передъ фронтомъ сказалъ ему: «ваше превосходительство, я предоставилъ въ ваше распоряженіе манежъ для обученія солдатъ, а не для варварскихъ экзекуцій надъ ними, вредно вліяющихъ на воображеніе монѣхъ кадетовъ. Не угодно ли вамъ ваши экзекуціи производить въ казармахъ, иначе я вамъ не могу предоставить пользоваться манежемъ».

Съ этого времени экзекуціи въ манежѣ болѣе не повторялись. Барону Рамзаю кадеты дали прозваніе «генераль Крамсай», которое и сохранилось за нимъ на всю жизнь.

Графъ М. Ю. Вѣльгорскій.

6 апрѣля 1835 года, графъ Матвій Юрьевичъ Вѣльгорскій назначенъ италейстеромъ двора ея императорскаго высочества, великой княжны Маріи Николаевны, и пошелъ по какому походу. Въ великую субботу, у всенощной во дворцѣ, прикладываваясь къ плащаницѣ, графъ уронилъ нечаянно съ одной ноги башмакъ и за тѣснотой не могъ его поднять. Государь замѣтилъ это и, подозвавъ графа, сказалъ ему: «*Mais, mon cher comte, pour que vous ne perdiez pas une autre fois vos souliers, je vous donne les bottes*», (любезный графъ, чтобы вы въ другой разъ не теряли башмаковъ, я даю вамъ сапоги).

Генералъ Бурмейстеръ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, кронштадтскимъ комендантомъ состоялъ генералъ-лейтенантъ Бурмейстеръ. Это былъ делкатный, добрый и любимый всѣми подчиненными начальникъ. Но у него была своя слабость—мунтровать молодыхъ офицеровъ въ отношеніи знанія караульной службы, для чего онъ ихъ держалъ по нѣлымъ часамъ въ манежѣ, производилъ разводы и заставляя ихъ по нѣскольку разъ подходить къ нему съ рапортомъ.—«Не такъ, отстань», «рапортуйте снова», «вы салютовать не умѣете», «потъ какъ надо!»—распекалъ ихъ генералъ и только послѣ нѣсколькихъ пріемовъ отпускалъ разводить. Молодые моряки, выходящіе въ караулы съ своими экипажами, зная слабость генерала, нарочно школьничали и выводили его изъ терпѣнія.

Какъ-то былъ назначенъ разводить въ высочайшемъ присутствіи. Генералъ Бурмейстеръ, зная, что императоръ Николай I строго относился къ строевой службѣ, и будучи не увѣренъ въ знаніи флотскими экипажами караульной службы, началъ производить каждый день ренетивъ разводу.

Лейтенантъ Лазаревъ-Станицинъ, бывшій въ образцовомъ полку и знавшій службу хорошо, былъ назначенъ командиромъ 1-го взвода. Ему генералъ сталъ объяснять, какъ надо вести взводъ, что ему скомандовать, и закончить словами: «Когда вы доведете взводъ до конца манежа, поверните и остановите его противъ пещки, по ва-

нему взводу будутъ строятся другіе взводы». Лазаревъ, какъ образцовый офицеръ, все это зналъ, но, желая подшутить надъ генераломъ, привелъ взводъ, остановилъ его и, не повертывая, направился къ генералу и обратился къ нему съ вопросомъ.

— Ваше превосходительство, вы изволили приказать остановить взводъ въ концѣ маневра?

— Да!

— Вы изволили приказать повернуть его?

— Да!

— Вы изволили приказать поставить его противъ печки?

— Да! ну, что же?—и генералъ начиналъ видимо волноваться.

— Но я, ваше превосходительство, не знаю: остановить ли взводъ противъ самой заслонки печки, или же нѣсколько продвинувшись?

— А! какого это офицера вы назначили въ первый взводъ,—обратился комендантъ къ командиру экипажа:—онъ ничего не знаетъ. Стыднѣе его сейчасъ же!

Лазареву это и было нужно; онъ унесъ куда-то къ знакомымъ, и на ренетіи не участвовалъ. Когда же командиръ экипажа объяснилъ генералу шутку лейтенанта, онъ призналъ его къ себѣ, извинился и сказалъ: «отчего вы не сказали мнѣ, что вы—образцовый», тогда бы я васъ не муштровалъ».

Не смотря на то, что при императорѣ Николаѣ во всѣхъ сучопутныхъ войскахъ строго наблюдалось, чтобы стрижка волосъ какъ у офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ была короткая, моряки носили и височки, и алякоки, а нѣкоторые даже позволяли себѣ запускать и затылки. Въ 1-мъ флотскомъ экипажѣ наиболѣе длинными волосами отличался мичманъ Выгодчиковъ. Генералъ Бурмейстеръ неоднократно замѣчалъ ему о неумѣстности ношенія длинныхъ волосъ, и мичманъ постоянно обѣщалъ остричься, но не стригся и являлся каждый разъ еще съ болѣе отросшими волосами. Комендантъ, выведенный изъ терпѣнія, однажды передъ разводомъ замѣтилъ ему о длиннотѣ волосъ, предупредилъ его, что, если онъ осмѣлится явиться въ слѣдующій разъ съ такими же волосами, то онъ велитъ цирюльнику остричь его передъ фронтомъ на барабанъ. Всѣ знали, что Бурмейстеръ шутить не любитъ и, если что скажетъ, то исполнить. Но какъ же было всеобщее удивленіе, когда Выгодчиковъ явился на слѣдующій разводъ съ такими же длинными волосами. Были въ развѣдѣ офи-

перы ждали сивастакля, и онъ состоялся, но совершенно въ другомъ родѣ.

— Честъ нѣтъ явиться!—рапортуетъ генералу мичманъ самымъ серьезнымъ образомъ.

— Вижу, — перебиваетъ его генералъ: — что вы сибѣте честъ явиться, но въ какомъ видѣ? Третьяго дня я приказалъ вамъ остричься, а вы осыпаетесь явиться еще съ болѣе длинными полосами. Да я васъ не только остригу здѣсь сейчасъ, но еще на три дня на гаунтвахту посажу.

— И остригся, ваше превосходительство, — отвѣчаетъ кротко мичманъ.

— Да какъ вы остриглись! Развѣ такъ стригутся? — горячится генералъ: — смотрите, у васъ полосы лежатъ на воротникѣ мундира.

— Короче нельзя остричься, ваше превосходительство, — отвѣчаетъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ мичманъ.

— Какъ нельзя? — спрашиваетъ генералъ: — я вамъ сейчасъ докажу, что можно.

— Нельзя, ваше превосходительство, — повторяетъ болѣе оживленно мичманъ и, пародируя генерала, гоноритъ: — я вамъ сейчасъ докажу, что нельзя.

Генералъ въ изумленіи отступаетъ на шагъ и, скрестивъ на груди руки, принимаетъ грозную позу оскорбленнаго начальника.

Мичманъ, между тѣмъ, истороняно вкладываетъ полусаблю въ ножны, растегиваетъ у кнпера чешую и, снявъ лѣвой рукой кнперъ, въ то же мгновеніе правой сдернулъ съ головы парика. Изумленному взору генерала предсталъ совершенно голый черепъ, такъ какъ мичманъ не выстригъ, но выбрилъ себѣ голову бритвой.

— Короче остричься нельзя, ваше превосходительство, — протопорилъ почтительно мичманъ. — Что же касается парика, то я его надѣлъ, чтобы не простудить головы. Шнъе большой морозъ!

Вѣсъ захохотали. Генералъ только развелъ руками.

— Вѣсто я отъ васъ ждалъ, — протопорилъ онъ сѣмься: — но этого никакъ не ожидалъ. Видите, да смотрите, въ сажомъ дѣлѣ не простудитесь!

Гвардейцы въ Калиштѣ.

Въ августѣ 1835 года, проеходили въ Калиштѣ маневры, въ которыхъ участвовала гвардія. Конная часть отпиралась походными порядкомъ, а пѣхотныя отнесли на корабляхъ. Тѣ и другія вступили въ одинъ день. Гвардейскіе офицеры, принадлежавшіе къ богатымъ семействамъ, заняли лучшую въ городѣ гостиницу, и завтраки, обѣды, угощенія, попойки и кутежи шли своими чередомъ ежедневно. О расходахъ не было рѣчи. Всякій думалъ только объ одномъ, чтобы не погрязнуть имени русскаго. Требования вина и разныхъ гастрономическихъ деликатесовъ были такъ велики, что иѣмцы, содержатель гостиницы, первоначально запелъ было счета для своихъ постоянцевъ и гостей, а потомъ сбился и махнулъ на все рукой, исполнилъ капризы своихъ почитателей, ничего не записывая.

Кончались маневры, назначенъ былъ день выступленія войскъ изъ Россіи, иѣмцы загоревались: они не знали, съ кого сколько нужно было получить ему денегъ. Нѣкоторые офицеры, узнавъ о его сокрушеніяхъ, нарочно начали надъ нимъ подшучивать, говоря ему, что онъ ничего не получитъ, такъ какъ у него никакихъ доказательствъ о томъ, кто и что забралъ, не имеется. Иѣмцы заболѣли. Въ день выступленія войскъ, офицеры явились въ гостиницу послѣдній завтракъ, окончивъ который потребовали, чтобы хозяинъ подалъ имъ счетъ за все время нахожденія ихъ въ его гостиницѣ.

Выходить полудоброй хозяинъ и обьявляеть, что онъ никакихъ счетовъ не велъ, а потому и не знаетъ, сколько ему слѣдуетъ получить съ нихъ.

— Ну, и прекрасно, Карлъ Ивановичъ, — смѣются офицеры: — мы поступили точно такъ же, какъ наши отцы въ 1813 году, когда русскіе шли вѣстать съ ними противъ французовъ. Они тогда съ русскихъ денегъ не брали. Очень намъ благодарны за это! Но позвольте намъ съ нами по этому случаю возмутиться. Дайте шанпанскаго.

Иѣмцы, потянувъ голову, вынесли и, спустя нѣсколько времени, вернувшись съ большимъ подносомъ, уставленнымъ бокалами съ виномъ. Офицеры окружили его, выпили за его здоровье и, поблагодаривъ его за особенное его довѣріе къ русскимъ, пожелали съ нимъ расчитаться. — Вы, Карлъ Ивановичъ, не знаете, сколько

съ насъ сдѣлаетъ получить, а мы не знаемъ, сколько нужно намъ заплатить. Познать же намъ отдать, сколько мы можемъ. — И молодежь стала класть на подносы, который держалъ трактирщикъ, золото: кто горсть, кто дѣй, кто три... Подносъ сталъ наполняться, вотъ онъ ужъ полный, трактирщикъ не можетъ держать его, становится на одно колено, а молодежь, а за ней и усадебники все бросаютъ и бросаютъ монету. Золото сыплется уже съ подноса на полъ, а офицеры все сыплютъ. Наконецъ, нѣмцы не въ силахъ держать подносы, опускаютъ его на полъ, а самъ наклоняется надъ нимъ и плачетъ.

— Довольны ли вы, Карлъ Ивановичъ? — спрашиваютъ его офицеры. Но бѣдный нѣмецъ ничего не могъ отвѣтить и только шептаетъ: *so mein Gott! o mein Gott!* нашъ великій король и тотъ не имѣетъ столько золота!

Нилусъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Москвѣ проживалъ извѣстный картежный игрокъ Нилусъ. Приобрѣтъ покушкою старинный домъ свѣтлѣйшаго князя Салтыкова на Мясницкой улицѣ, онъ поставилъ его на широкую ногу, завелъ тысячныхъ лошадей, англійскіе экипажи и гружонъ, давалъ роскошныя завтраки, обѣды и вечера, стараясь привлечь на нихъ высшее общество, и вообще изощрился дѣлать все то, чѣмъ можно было обратить на себя всеобщее вниманіе.

Однажды явился онъ къ митрополиту Филарету и, послѣ обычныхъ привѣтствій, попросилъ у него благословенія на отлитіе тысяче-пудоваго колокола для какого-то монастыря. Владыка посмотрѣлъ на него внимательно и спросилъ его:

— Что вы желаете: сдѣлать-ли доброе дѣло, или только похвонить?

— Конечно, сдѣлать доброе дѣло, отвѣчалъ развѣсно Нилусъ.

— Въ такомъ случаѣ, проговорилъ кротко, но внушительно снѣгителъ, лучше пожертвовать рублей тысячу бѣднымъ, нежели тратить десятки тысячъ на колоколы: добро нужно дѣлать, какъ завѣщала Спаситель, чтобы шуйца не знала, что творитъ десница.

Нилусъ вполне согласился съ мнѣніемъ архимастыря, и предоставилъ въ его распоряженіе для раздачи бѣднымъ тысячу рублей.

Окончить дни свои, цѣнецъ,
Ты въ лучшій міръ переселился,
И жизни праведной вѣнецъ
Тебѣ воздастъ благій Творецъ.
Кому усердно ты молился.

• •

Оплаканный своей семьею,
Землѣ холодной преданъ ты,
Но старца съ пылкою душою
И поэтически младою
Забуду-ли когда черты?

• •

Ты твердый памятникъ оставилъ,
Себя потомству закрѣпилъ,
Вѣдѣ гражданно-честныхъ правилъ,
Ты музъ и Аполлона славилъ,
И слово русское любилъ.

• •

Ночей же въ миръ и покой!..
Теперь блаженъ ты!.. но кому,
Какого смертнаго уму.
Постичь блаженство не вѣрное!
Поэтъ, миръ праху твоему!

Стихи, конечно, вполне достойны почившаго поэта. Но они, къ сожалѣнію, должны были остаться въ портфель автора, такъ какъ графъ Хвостовъ вовсе не умираетъ. Это была чья-то злая шутка.

Вскорѣ послѣ того Комарскій встрѣтился съ графомъ Хвостовымъ на вечерѣ у извѣстнаго Александра Семеновича Шинкина и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Вы, графъ, скуны въ отношеніи: «Библіотеки для чтенія» обратился Комарскій къ графу Хвостову, мы давно уже не имѣли удовольствія видѣть въ ней ваше имя.

— Кто-жъ виноватъ, отбивалъ съ добродушной улыбкой почитѣльнѣйшій Дмитрій Ивановичъ, я имъ посылаю исправно, да они не печатаютъ... А развѣ вы тамъ чтонибудь помѣщаете?

— Ничего, графъ, рѣшительно ничего.

— Въ какіе же журналы вы посылаете свои стихи?

— Я ихъ не пишу.

— Какъ не пишете!.. мы говорили, что вы написали даже стихи на мою кончину...

— Да, графъ, написалъ, но стихи эти я нигде не посылать... и молодой человекъ, переконфузясь, не зная, что отвѣчать, не зная, какъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія.

Прозвонила долгая пауза.

— Бываете-ли вы у Греча? заговорилъ графъ Хвостовъ, чтобы прервать молчаніе.

— Бываю, графъ, только рѣдко, потому что четверги его не всегда несны.

— Пріѣзжайте ко мнѣ!.. у меня среды... и хотя на нихъ собирается не такое множество людей, какъ у Греча по четвергамъ, но не жалею того все люди умные и лучшіе наши литераторы!.. Пріѣзжайте и сравните наши вечера!.. Статьи, я имѣю къ вамъ и просьбу... Данно я занимаюсь составленіемъ—не біографіи нашихъ словесниковъ, non, c'est un non qui demande trop d'étende—а такъ сказать «словаря любителей русской словесности».

— Но, позвольте, графъ, позразилъ Комовскій, послѣдній трудъ требуетъ еще болѣе обширности... Кто у насъ не любитель?..

— Иская, чтобы нѣкоторые добрые люди помогали мнѣ, отвѣчалъ Дмитрій Ивановичъ, я попрошу и васъ принести мнѣ двѣ статьи въ будущую среду. Напишите біографію вамъ и вашего брата ¹⁾... Вы вкратцѣ изложите о нашей молодости, о воспитаніи и вашей прикосновенности къ литературѣ—и будетъ прекрасно, и я вамъ буду очень благодаренъ.

Комовскій отвѣчалъ молчаливымъ наклоненіемъ головы и разговоръ прекратился. Но быть ему у Хвостова не пришлось, такъ какъ онъ скоропостижно заболѣлъ и дѣйствительно умеръ.

У Николая Ивановича Греча, какъ извѣстно, были, такъ называемые, «четверги». По словамъ Комовскаго, это было мѣсто личныхъ литературно-ученыхъ пререканій и критическихъ турнировъ, гдѣ пріѣзжѣ пѣвцы и музыканты появлялись рекламироваться. Иногда дѣти хозяина и близкіе знакомые устраивали домашніе спектакли и исполняли легкія пьески довольно удачно. Николай Ивановичъ старался казаться безразнымъ и остроумнымъ хозяиномъ и, дѣйствительно, шутки и веселіе его были иногда остроумны и забавны, но болѣею остроту его имѣли непозволительную вульгарность и тяжеловѣсность. Ф. В. Булгаринъ занималъ гостей болѣе разска-

¹⁾ Братъ его Василій Дмитріевичъ Комовскій редактировалъ тогда «Академическія вѣдомости».

зани о своей дерзкой жизни, но той живости, веселости и ума, о которых тогда кричали все, въ его разговорахъ не проявлялось. Рѣчь его была неправильна и неблагозвучна, въ особенности ему не давались длинные періоды, на которыхъ онъ постоянно спотыкался, такъ что казалось даже страннымъ, какъ это человекъ, такъ прекрасно, плавно и гладко излагающій свои мысли на бумагѣ, въ обществѣ не умѣетъ говорить. «Инцидентный литераторъ», какъ называли въ шутку Воейкова, издававшего «Литературныя прибавленія» къ «Русскому Инвалиду», производилъ своей вышнностью и рѣчью самое неспріятное впечатлѣніе. Этотъ неуклюжій, нахальный и грубый человекъ старался казаться авторитетнымъ, говорилъ отрывисто и рѣзко, такъ что рѣчь его напоминала собою рубку стѣлкою капусты. Вообще литературныя стычки и споры на «гречневыхъ четвергахъ», какъ называли четверги Греча его антагонисты, отличались особенной безцеремонностью и безалаберностью, переходили въ личности и кончались часто ссорами, хотя въ общей оживленности отказать имъ было нельзя: ихъ находили неспріятными, но посѣщали.

Съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ Комовскій познакомился лѣтомъ 1836 года, встрѣтившись случайно въ купальнѣ. Они оба любили воду и купались ежедневно. Однажды Пушкинъ подошелъ къ Комовскому и, пожавъ ему руку, сказалъ: «благодарю васъ за письмо, очень радъ! очень радъ!»

— Какое письмо? Я не посылалъ къ вамъ письма, отвѣчалъ изумленный Александръ Дмитріевичъ, не зная о какомъ письмѣ говорилъ Пушкинъ.

— Полно, полно скрывать и скромничать, улыбался Пушкинъ, я по глазамъ вижу, что анонимъ разгаданъ. Это вы прислали мнѣ свои стихи: очень милы, очень милы...

— Послушайте, Александръ Сергѣевичъ, прерывалъ его Комовскій, если-бы дѣйствительно письмо со стихами было отъ меня, то ваша похвала, ваше одобреніе заставили бы мое самолюбіе признаться, но я, какъ ни желаю нравиться вамъ своими сочиненіями, не смѣю изъять на себя того, что не мое.

— Да кто же другой? Видъ вы знаете стихи?

— Нишу... И кто же, скажите, прошеда шесть лѣтъ въ стѣнахъ лицей, имѣя предшественниками Пушкина, Дельвига и др., но соблазните ихъ примѣрами?

— А вы изъ лицей?.. значить, мы съ вами вышли въ-подъ

одной кричи! Дайте-же руку, теперь мы съ вами совершенно въ другихъ отношеніяхъ. Я и не знаю, что вы лицейскій!.. Пожалуйте ко мнѣ, ко мнѣ на цѣлый вечеръ, да заберите-ко съ собой пукъ своихъ стиховъ, мы съ вами кое о чемъ потолкуемъ.

Комовскій далъ слово быть, но, по обстоятельствамъ, не могъ сдержать его, а по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ поэтъ скончался.

О графѣ Михаилѣ Юрьевичѣ Вельгорскомъ Комовскій отзывался такъ: по свойствамъ души своей это былъ скорѣе поэтъ, нежели вельможа, но барское тщеславіе и великосвѣтская жизнь подавляли въ немъ художника. Онъ отличался свѣтской любезностью и обходительностью и въ сущности былъ добрый человѣкъ, съ нѣжною артистическою душой и большими музыкальными способностями, но все это утопало въ морѣ своеобразнаго диллентантства, и, потому, никакого серьезнаго слѣда по себѣ не оставило. Въ матеріальной его обстановкѣ постоянно царилъ лирическій безпорядокъ, а разсѣянность и забывчивость его причиняли ему не мало хлопотъ. Но все это, однако, не мѣшало ему принадлежать къ масонской ложѣ и быть даже ея секретаремъ. Александръ Дмитріевичъ, разбирая его бібліотеку, нашелъ почти цѣлый шкапъ, наполненный сочиненіями масоновъ, сочиненіями о масонахъ или о масонскихъ сектахъ, а также много тетрадей, рукописей, патентовъ, аттестатовъ, рапортовъ и другихъ бумагъ, касавшихся участія графа въ дѣлахъ масонскихъ ложъ.

Назначеніе въ 1836 году государственнымъ секретаремъ барона М. А. Корфа произвело большую сенсацію въ высшихъ сферахъ. Старики не особенно радушно встрѣтили назначеніе новаго молодого руководителя. Но любезность и предупредительность барона сглаживало поначалу первоначальное нерасположеніе и примирило его съ большею частію антагонистовъ. Будучи самъ лиценстомъ, онъ составилъ о лиценстахъ самое своеобразное понятіе. «Всѣ они—говорилъ онъ—или очень хороши, или очень худы, а середины у нихъ нѣтъ».

Предѣдатель Государственнаго Совѣта Н. Н. Новосильцевъ, въ 1836 году, возведенъ въ графское достоинство. Никто не посмѣлъ отказать въ умѣ сему государственному мужу — отозвался о немъ Комовскій,—но кто не зналъ его какъ безприветвеннаго чловѣка. Кто не былъ свидѣтелемъ его явныхъ волокитствъ въ Лѣтнемъ саду и на другихъ публичныхъ гуляньяхъ. Имя домъ близъ Лѣтняго сада, онъ, по обыкновенію, ежедневно гулялъ въ немъ, и большей частію—en grande société des dames. Убѣленный сѣдинами маститый

старецъ открыто соперничалъ съ молодыми новѣсами въ дѣлѣ волонтерства. Конечно, подобныя ухаживанія не могли не влиять общественнаго житія, — отъ перваго государственнаго мужа требовали прихитровъ болѣе соответственнаго его положенію поведенія, но вспоминая, что лучшіе годы жизни онъ провелъ въ Царствѣ Польскомъ, прощали ему старческія увлеченія.

Наибольшей симпатіей публики пользовались молодые члены Государственнаго Совѣта, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій и графъ А. Ѡ. Орловъ. Первый, по словамъ Коновскаго, былъ въ душѣ истинно русскій, а въ наклонностяхъ — совершенный нѣмецъ, преданный Царю и усминовившему его отечеству, и старавшійся доказать свою преданность добросовѣстнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ на него обязанностей. Второй же — съ головы до ногъ русскій человекъ и вѣрный царскій слуга, котораго нѣмцы любили и цѣнили по достоинству. Баварскій король охарактеризовалъ его вполне, называя: «это — настоящій генералъ-аъютантъ Императора всероссійскаго».

Наибольшую же антипатію возбудилъ во всѣхъ слояхъ общества извѣстный членъ государственнаго совѣта князь Рѣпинъ-Волконскій, который за корыстолюбіе и злоупотребленіе довѣріемъ монарха во время своего генералъ-губернаторстванія въ Малороссіи, отставленъ въ 1836 году отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. Казнокрадство и тогда пускало глубокіе корни, но отъ царской кары не спасли ни чины, ни званія, ни положенія, ни связи: императоръ Николай I подавалъ каждому по дѣломъ его.

Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская была крестной матерью Владиміра Дмитріевича. «Это — женщина феноменъ нашего вѣка», сказали про нее Гермогенъ, архимандритъ Московскаго Андроніенскаго монастыря. Дѣйствительно, изъ жизни этой женщины и до сихъ поръ еще многое остается невыясненнымъ. Ея отношенія къ Фотію, архимандриту Юрьевскаго монастыря, ея слѣпыя испостиженныя покорность ему, ея вклады и приношенія на монастырскія нужды изумляли всѣхъ и, конечно, не мало толковъ, укоризнъ и подозрѣній возбуждало въ обществѣ ея загадочное поведеніе Коновскій часто посѣщалъ ее, изучалъ ея образъ жизни и сферу мнропозарѣній, и принималъ къ убѣжденію, что эта женщина — жертва утрупованной религіозности и благочестія. Онъ высоко цѣнилъ ея мужественный характеръ, неуступавшій никакому давленію со стороны принципій свѣта. Онъ говорилъ, что толпа не понимала ее, и

основывала свои сужденія о ея жизни на пошлыхъ слухахъ злорѣчной молвы. Ея дружба, ея покорность, ея безусловное служеніе полъ своего духовнаго пожда зиждились на основахъ вѣры и религіозныхъ убѣжденіяхъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ она воспитывалась въ страхѣ Божіемъ. Ея законоучитель и духовникъ, отецъ Иннокентій, посылалъ въ ея юномъ воспріимчивомъ сердцѣ сѣмена чистаго христіанскаго ученія и заставлялъ ее подлбить уставы церкви и православное богослуженіе. Онъ полъ ея духовное развитіе, полагая стимуломъ жизни подчиненіе несккой человѣческой воли полъ высшаго авторитета, строгаго и безупречнаго. Молодая графиня прикилась къ нему уваженіемъ и любовью, и дорожила его поученіями. Умирая, отецъ Иннокентій заставлялъ ея сохранить на вѣки чистоту души и кротость сердца. Примеромъ же строгаго и безупречнаго жизни поставилъ отца Фотія, бывшаго тогда еще законоучителемъ кадетскаго корпуса, но искорѣ затѣмъ постригшагося въ монахи. Графиня дала обѣтъ исполнить давній ея ея первымъ наставникомъ и духовникомъ заветъ. Не зная Фотія лично, она, по разсказамъ Иннокентія о его жизни, прильнилась къ нему всею силой своей дѣятельной души и пожелала съ нимъ увидѣться. Уединившійся монахъ отвергъ сдѣланное ему предложеніе. Самодовѣе графини было затрунуто, и она задалась цѣлію сломить упорство монаха. После долгихъ исканій и, какъ при содѣйствіи самаго митрополита, ея удалось, наконецъ, унасть къ ногамъ того, кого она давно уже считала своимъ духовнымъ пождемъ. Шли годы, но графиня осталась вѣрна разъ принятому рѣшенію: она отдала монаху свою душу и совѣтъ, и гордилась тѣмъ, что служить ему. Съ мѣнѣемъ свѣта было покончено разъ навсегда: служеніе Богу, при посредствѣ его служителя, и спасеніе души сдѣлалось цѣлію всей ея жизни, и отъ нея уже отклоненій никакихъ не допускалось.

Въ гостиной ея (она жила на Царицыномъ дугу, въ домѣ, принадлежащемъ шлѣтъ принцу Ольденбургскому), собирались представители высшаго петербургскаго общества, но желанными гостями были только лица духовныя, а изъ свѣтскихъ—отличавшіеся преданностью дѣлу благотворенія и религіи. Андрей Николаевичъ Мурановъ, графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ наиболье часто появлялись на ея обѣдахъ, «съ монахами».

Графъ В. Н. Панинъ, тогда еще молодой человекъ, производилъ странное впечатлѣніе своей наружностью. Его сухощавая фигура напоминала—какъ замѣтилъ Комарскій—длинную докладную записку,

нелепо написанную, нелепо сфразированную, но, впрочем, весьма толковую. Он говорил съ разстановкой, обдуманно, умно, ни слова лишняго, ни слова пустого, все гладко, кругло и къ мѣсту. Держалъ онъ солидно и, не смотря на свои молодые годы, смотрѣлъ уже министромъ.

А. И. Муравьевъ старался казаться скромнымъ и глубоко религіознымъ человекомъ. Въ его разговоры касались исключительно дѣлъ церкви, вѣры и благочестія, хотя подъ его религіозными сужденіями нельзя не замѣтить было порой болѣеишей дозы лицемерія и лукавства.

Но самымъ неподходящимъ гостемъ графини былъ, безъ сомнѣнія, молодой жандармскій офицеръ, числившійся при штабѣ адъютантомъ, Казаконъ, юнона лѣтъ 22—23-хъ, довольно высокаго роста, красивый и статный, съ личикомъ персидскаго херувима, завитыми въ кольца усами и грудью колесомъ. Его шпоры были чрезвычайно зночки, сабля то и дѣло брнчала, талія затянута въ ремочку, на головъ, по модѣ, à la кокъ. Онъ пользовался особымъ расположеніемъ графини и выдѣлялъ вещи непослужившія: являлся на обѣды въ сюртукѣ, когда старики были во фракахъ и мундирахъ, вытѣснялся въ разговоры солидныхъ людей и заставлялъ ихъ выслушивать разныя глупости, разсказывая то про балы во дворцѣ, то про заутрени и всенощныя съ приключеніями. Это было enfant terrible, но его невѣжество сносили и терпѣли изъ уваженія къ графинѣ, которая явно оказывала ему какое-то непонятное, исключительное снисхожденіе, изнивала его, какъ она изнивала, увлеченія молодостью лѣтъ.

Изъ лицъ духовныхъ болѣеишимъ авторитетомъ пользовался ректоръ Кіевской духовной академіи, архимандритъ Иннокентій, знаменитый богословъ, авторъ «Святой седмицы» и впоследствии архипастырь Таурическій и Новороссійскій. Встрѣта его заставляла смолчать даже Казакова. Но онъ говорилъ такъ тихо, что за другимъ концомъ стола не всегда возможно было слѣдить за его рѣчью. Росту онъ былъ небольшого и немного сутуловатъ, лицо имѣлъ полное, глаза выразительныя, горѣвшіе внутреннимъ огнемъ. Рѣчь его начиналась протяжнымъ звукомъ, какой обыкновенно слышится въ классахъ, когда спрашиваютъ ученика, была плавная, интуитивная и образная, но въ голосѣ его было что-то непріятное, — онъ говорилъ въ носъ и дѣлалъ удареніе на буквы *с*. Знанія свои онъ выказывалъ охотно и любилъ, чтобы его въ обществѣ слушали вни-

мательно. Большею частью онъ гонорилъ одинъ, изрѣдка прерываемый вопросами графа А. Ѳ. Орлова, который, къ стыду всѣхъ генералъ-адъютантовъ, не зная, что изъ Кіевъ есть Софійскій соборъ.

— Впрочемъ, почему и знать ему, — сказалъ, узнавъ объ этомъ, графъ М. М. Сперанскій, — разпознавъ тамъ не дѣлають.

ПОСЛѢДНЯЯ ЭМИГРАЦІЯ ТАТАРЪ ИЗЪ КРЫМА

ВЪ 1874 ГОДУ.

КРЫМЪ, — эта драгоценная жемчужина изъ коронъ царей русскихъ, какъ называла его императрица Екатерина II, — обязывалъ, бездѣтніе неоднократнаго выселенія изъ него татаръ изъ Турцію. Въ 1871 году, ему грозила опасность потерять и остальное свое татарское населеніе, если-бы правительство принятіемъ нужныхъ мѣръ не предотвратило ся.

Бывшій пономоресійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ (послѣдствіи графъ) Коцебу, 30-го ноября 1873 г., писалъ поспешному министру: «При недавнемъ объясненіи нашему въ Липадіи, по случаю возникшаго между крымскими татарами стремленія къ переселенію за границу, изъ виду ожидаемаго изданія закона о неспособности воинской повинности, генералъ-адъютантъ графъ Шумгауэръ заявилъ мысль свою, что, изъ видахъ успокоенія крымскихъ татаръ и облегченія для нихъ воинской повинности, полезно было-бы привлекаемыхъ на службу татаръ назначать изъ отдѣльных отрядъ, не распредѣляя новобранцевъ по различнымъ частямъ войскъ. Ваше высокопревосходительство исполнили отвѣтить на это, что, при множествѣ у насъ инородческихъ группъ, вводить объясненную мѣру изъ законъ неудобно, но что она можетъ быть приведена изъ дѣйствіе администраціи въ порядкомъ. Вполнѣ сознавая и съ своей стороны неудобство введенія изъ законъ объясненной мѣры, я считаю

обязанностию сообщить лишь нашему высокопревосходительству, что принятие ся было бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ прекращенію возбужденнаго между крымскими татарами броженія. Сколько можно судить по собраннымъ мною въ послѣднее время свѣдѣніямъ, они не страшатся воинской повинности, а опасаются лишь того, чтобы нопобранцы ихъ не разбѣсались по разнымъ мѣстамъ, такъ какъ иначе они стѣснены были бы въ исполненіи духовныхъ требъ и вообще правилъ ихъ вѣры. Посему, и пользуясь тѣмъ, что крымскіе татары съ малолѣтства приобываютъ къ перховой вѣдѣ, я полагаю бы возможнымъ: изъ призванныхъ на службу крымскихъ татаръ образовывать особые эскадроны при полкахъ, входящихъ въ районъ 7-го корпуса, или назначать ихъ группами въ эскадроны тѣхъ же полковъ. Татаръ мужеска пола въ Крыму считается лишь всего около 60,000 душъ, и процентъ нопобранцевъ изъ этого населенія будетъ столь не великъ, что исполненіе объявленной вѣры едва-ли представитъ какія-либо затрудненія. Назначеніе же ихъ именно въ конницу совершенно совпадало бы съ собственнымъ желаніемъ татаръ. Заимъ, если приведенное предложеніе будетъ окончательно одобрено, то я полагаю бы полезнымъ, вѣдѣ за изданіемъ устава о всеобщей воинской повинности, объявить крымскимъ татарамъ о принятой относительно ихъ вѣрѣ. Можно надѣяться, что это успокоитъ все татарское въ Крыму населеніе, предупредитъ ложные толки и слухи, которыми отчасти сѣдуетъ принести возникшее среди его въ послѣднее время движеніе».

Генералъ-адъютантъ (послѣдствіи тоже графъ) Милютинъ, прочитавъ это сообщеніе, отозвался: «Надобно заблаговременно сообразить, какиимъ образомъ осуществить это предложеніе. Для этого необходимо прежде всего имѣть въ виду точную цифру ожидаемаго ежегоднаго контингента съ крымскихъ татаръ». Такиимъ образомъ дѣло отложили въ долгій ящикъ, и оно затянулось до весны.

Между тѣмъ, 1-го января 1874 года, послѣдовалъ указъ о введеніи всеобщей воинской повинности, а вѣдѣ затѣмъ, съ начала весны, въ средѣ крымскихъ татаръ началось движеніе. Въ газетахъ появились корреспонденціи, въ которыхъ сообщалось, что у береговъ Крыма появились турецкіе фелуки, что съ нихъ спускали лодки, на которыхъ турки плаваютъ вдоль береговъ и, подъ видомъ охоты на дельфиновъ, охотятся непрежнему на татаръ, непрежнему смущаютъ ихъ разными побылницами и, смутивъ, перевозятъ ихъ на фелуки, которыя и отвозятъ ихъ въ Турцію. Втеченіе двухъ мѣся-

крымскіе татары будутъ поступать на службу въ особыя части, расположенныя въ Новороссійскомъ краѣ, и на первое время предлагается образовать отдѣльный эскадронъ изъ предѣлахъ Крымскаго полуострова, съ тѣмъ, чтобы они имѣли полную возможность исполнять всѣ правила ихъ вѣры и сохранить образъ жизни, соответственный ихъ религіознымъ требованіямъ. При этомъ итется въ виду даже форму обмундированія эскадрона примѣнить къ національной ихъ одеждѣ. Съ Высочайшаго Государя Императора разрѣшенія, имѣю честь сообщить о семъ нашему высокопревосходительству для объявленія татарскому населенію Крымскаго полуострова».

Государи соизволили одобрить. На запискѣ собственною его величества рукою начертано: «Очень хорошо».

Татарское населеніе Крыма, по способу происхожденія, образу жизни, характеру и языку, раздѣляется на двѣ категоріи, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, а именно: на татаръ-степняковъ и татаръ-горцевъ. Первые—прямые потомки монголовъ, которые происходятъ преимущественно отъ генуэзцевъ и грековъ, принявшихъ мусульманскую религію во времена владычества въ Крыму татаръ. Степняки населяютъ уѣзды Перекопскій и Ениаторійскій и плоскости уѣздовъ Симферопольскаго и Феодосійскаго; горцы же занимаютъ весь Ялтинскій уѣздъ и горныя части уѣздовъ Симферопольскаго и Феодосійскаго. Занятія степняковъ состоятъ въ дѣлобащеніи и скотоводствѣ. Горцы занимаются, болѣею частью, садоводствомъ, огородничествомъ, табаководствомъ и винодѣлѣемъ. Послѣдніе, какъ всѣ вообще ренегаты, отличаются болѣею фанатизмомъ, нежели степняки, и нелюбимы послѣдними, которые зовутъ ихъ «татами» (сокращенно отъ слова «муртатъ», что значитъ: ренегатъ). Поэтому всѣ выселенія татаръ изъ Крыма не были общи. Эмиграція 1860—1863 годовъ коснулась въ болѣе значительной степени татаръ-степняковъ, а переселеніе 1874 года задумано и развилось преимущественно среди татаръ-горцевъ.

17-го марта, князь Семенъ Михайловичъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга. Обѣзжая горныя уѣзды Таурическаго губернія, онъ посѣтилъ всѣ болѣе значительныя татарскія общества, входилъ съ народомъ въ объясненія, выслушивалъ ихъ жалобы, обнадежилъ царскимъ словомъ—и остановилъ переселеніе.

Вотъ, что доносили государю, по возвращеніи въ Петербургъ, князь Воронцовъ 14-го апрѣля 1874 года.

«Нашему императорскому величеству благоугодно было повелѣть

ить: изслѣдовать на мѣстѣ о причинахъ, вызвавшихъ стремленіе крымскихъ татаръ къ выселенію изъ предѣловъ Россіи, собрать свѣдѣнія о томъ, въ чьи руки, на какихъ условіяхъ и за какія цѣны продаютъ татары принадлежащія имъ земли и составить предположеніе о тѣхъ способахъ, какими было бы всего удобнѣе, не прибѣгая къ принудительнымъ мѣрамъ, остановить означенное стремленіе и удержать необходимое для края населеніе.

«По исполненіи такого высочайшаго нашего величества повелѣнія, посѣтивъ населенные татарами Симферопольскій, Феодосійскій, Ялтинскій и Евпаторійскій уѣзды Таурической губерніи, имѣю счастье донести нашему императорскому величеству, что волненіе между татарскими населеніями произошло, главнѣйшимъ образомъ, вслѣдствіе изданія новаго закона, подчиняющаго татаръ отбыванію воинской повинности, отъ которой до сего времени они были свободны.

«Къ этой новой повинности татары отнеслись тѣмъ болѣе не сочувственно, что у нихъ составилось убѣжденіе въ чрезвычайной ея обременительности; такъ, напримѣръ, татары полагали, что всѣ 20-лѣтніе будутъ ежегодно поголовно забираемы въ солдаты, что, кромѣ того, все мужское населеніе до 40-лѣтняго возраста будетъ обязано нести службу и т. п. Причина такого ложнаго пониманія устава о воинской повинности заключалась въ томъ, что уставъ, написанный на чуждомъ для нихъ языкѣ, не былъ своевременно растолкованъ имъ надлежащимъ образомъ административными властями, вслѣдствіе чего толкованіе устава пошло въ руки полуграмотныхъ писарей и разныхъ мелкихъ ходатаевъ, видѣвшихъ въ этомъ случаѣ возможность пожны и дѣйствительно извлеченныхъ изъ населенія болѣе 10,000 рублей за написаніе просьбы о выселеніи. (Противъ этого пункта государь императоръ положилъ резолюцію: «жалательно обнаружить этихъ лицъ»). Съ другой стороны; необященіе татарамъ вмѣстѣ съ обнародованіемъ устава о воинской повинности предположенной относительно нихъ мѣры, состоящей въ томъ, что они будутъ назначаемы въ отдѣльные части, посеяло у татаръ мысль, что призванные изъ нихъ на службу будутъ разбѣяны по разнымъ полкамъ и лишатся возможности исполнять свои религіозные обряды.

«Такимъ образомъ возникшее между татарами стремленіе къ выселенію было, такъ сказать, естественнымъ послѣдствіемъ совокупности изложенныхъ причинъ, неблагоприятно подействовавшихъ на

неловко написанную, неловко сфразированную, но, впрочем, весьма толковую. Онъ горюилъ съ разстановкой, обдуманно, умно, ни слова лишняго, ни слова пустого, все гладко, кругло и къ мѣсту. Держался онъ солидно и, не смотря на свои молодые годы, смотрѣлъ уже министрамъ.

А. П. Муромцевъ старался казаться скромнымъ и глубоко религіознымъ челоукомъ. Всѣ его разговоры касались исключительно дѣлъ церкви, штры и благочестія, хотя подъ его религіозными сужденіями нельзя не замѣтить было порой болыней дозы лицемерія и лукавства.

Но самыми неподходящимъ гостемъ графини былъ, безъ сомнѣнія, молодой жандармскій офицеръ, числившійся при штабѣ адъютантомъ, Казаковъ, монаша лѣтъ 22—23-хъ, довольно высокаго роста, красивый и статный, съ личикомъ пербнаго херувима, завитыми въ кольца усами и грудью колесомъ. Его иноры были чрезвычайно зюнки, сабля то и дѣло брнчала, талія затянута въ рюмочку, на голоуѣ, по жодѣ, а ла коку. Онъ пользовался особымъ расположеніемъ графини и выдѣлывалъ вещи непозволительныя: являлся на обѣды въ сюртукѣ, когда старики были во фракахъ и мундирахъ, вытѣснялся въ разговоры солидныхъ людей и заставлялъ ихъ выслушивать разныя глупости, разсказывая то про балы по дворцѣ, то про заутрени и исповощныя съ приключеніями. Это былъ enfant terrible, но его невѣжество сносили и терпѣли изъ уваженія къ графинѣ, которая явно оказывала ему какое-то непонятное, исключительное снисхожденіе, извиняя его, какъ она называла, увлеченія молодостью лѣтъ.

Изъ лицъ духовныхъ болынимъ авторитетомъ пользовался ректоръ Кіевской духовной академіи, архимандритъ Иннокентій, знаменитый богословъ, авторъ «Святой седмицы» и впоследствии архипастырь Тавричскій и Новороссійскій. Всюда его заставляла смолчать даже Казанова. Но онъ горюилъ такъ тихо, что за другимъ концомъ стола не всегда возможно было слѣдить за его рѣчью. Посту онъ былъ небольшого и немного сутуловатъ, лицо имѣлъ полное, глаза выразительныя, горбашіе внутреннимъ огнемъ. Рѣчь его начиналась протяжнымъ звукомъ, какой обыкновенно слышится въ классахъ, когда спрашиваютъ ученика, была плавна, внушительна и образна, но изъ голоуѣ его было что-то непріятное, — онъ горюилъ изъ носъ и дѣлалъ удареніе на буквы *с*. Знанія свои онъ выказывалъ охотно и любилъ, чтобы его изъ общества слушали вни-

мательно. Большею частью онъ говорилъ одинъ, изрѣдка прерываемый вопросами графа А. Ѳ. Орлова, который, къ стыду всѣхъ генералъ-адъютантовъ, не зналъ, что въ Кіевѣ есть Софійскій соборъ.

— Впрочемъ, почему и знать ему,—сказалъ, узнавъ объ этомъ графъ М. М. Сперанскій,—разнодоить тамъ не дѣлають.

ПОСЛѢДНЯЯ ЭМИГРАЦІЯ ТАТАРЪ ИЗЪ КРЫМА

ВЪ 1874 ГОДУ.

КРЫМЪ, — эта драгоценная жемчужина въ коронѣ царей русскихъ, какъ называла его императрица Екатерина II, — обезлюдѣлъ, послѣдствіе неоднократнаго выселенія изъ него татаръ въ Турцію. Въ 1871 году, ему грозила опасность потерять и остальное свое татарское население, если-бы правительство принятіемъ нужныхъ мѣръ не предотвратило ея.

Бывшій новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ (послѣдствіи графъ) Коцебу, 30-го ноября 1873 г., писалъ военному министру: «При недавнемъ объявленіи намѣсть въ Ливадію, по случаю возникшаго между крымскими татарами стреленія въ переселенію за границу, въ виду ожидаемаго изданія закона о всеобщей воинской повинности, генералъ-адъютантъ графъ Шумлоуэ заявилъ мысль свою, что, въ видахъ успокоенія крымскихъ татаръ и облегченія для нихъ воинской повинности, полезно было-бы привлекаемыхъ на службу татаръ назначать въ отдѣльный отрядъ, не распредѣляя пообращенъ по различнымъ частямъ войскъ. Ваше высочайшее соизволеніе изволило отвѣтить на это, что, при множествѣ у насъ инородческихъ группъ, вводить объявленную мѣру въ законъ неудобно, но что она можетъ быть прирѣдена въ дѣйствіе административными порядкомъ. Исполнѣ сознанія и съ своей стороны неудобство введенія въ законъ объявленной мѣры, я считаю

обязанностию сообщить лишь нашему высокопревосходительству, что принятие ся было бы самым действительнымъ средствомъ къ прекращенію возбужденнаго между крымскими татарами броженія. Сколько можно судить по собраннымъ мною въ послѣднее время свидѣніямъ, они не страшатся поинской повинности, а опасаются лишь того, чтобы понобращны ихъ не разбѣгались по разнымъ мѣстамъ, такъ какъ иначе они стѣснены были бы въ исполненіи духовныхъ требъ и вообще принять ихъ вѣры. Посему, и пользуясь тѣмъ, что крымскіе татары съ малолѣтства приобыкаютъ къ перховой вѣдѣ, я полагаю бы возможнымъ: изъ призывныхъ на службу крымскихъ татаръ образовывать особые эскадроны при полкахъ, входящихъ въ районъ 7-го корпуса, или назначать ихъ группами въ эскадроны тѣхъ же полковъ. Татаръ мужеска пола въ Крыму считается нынѣ всего около 60,000 душъ, и процентъ понобращенъ изъ этого населенія будетъ столь не великъ, что исполненіе объясненной вѣры едва-ли представитъ какія-либо затрудненія. Назначеніе же ихъ именно въ конницу совершенно совпадало бы съ собственнымъ желаніемъ татаръ. Замѣтъ, если приведенное предположеніе будетъ окончательно одобрено, то я полагаю бы полезнымъ, вѣдѣ за изданіемъ устава о всеобщей поинской повинности, объявить крымскимъ татарамъ о принятой относительно ихъ вѣрѣ. Можно надѣяться, что это успокоитъ все татарское въ Крыму населеніе, предупредитъ ложныя толки и слухи, которыми отчасти слѣдуетъ приписать возникшее среди его въ послѣднее время движеніе».

Генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи тоже графъ) Милютинъ, прочитавъ это сообщеніе, отозвался: «Надобно заблаговременно сообразить, какимъ образомъ осуществить это предположеніе. Для этого необходимо прежде всего имѣть въ виду точную цифру ожидаемаго ежегоднаго контингента съ крымскихъ татаръ». Такимъ образомъ дѣло отложили въ долгій ящикъ, и оно затнулось до весны.

Между тѣмъ, 1-го января 1874 года, послѣдовалъ указъ о введеніи всеобщей поинской повинности, а вѣдѣ затѣмъ, съ начала весны, въ средѣ крымскихъ татаръ началось движеніе. Въ газетахъ появились корреспонденціи, въ которыхъ сообщалось, что у береговъ Крыма появились турецкіе фелуки, что съ нихъ спускали лодки, на которыхъ турки плаваютъ вдоль береговъ и, подъ видомъ охоты на дельфиновъ, охотятся попрежнему на татаръ, попрежнему смущаютъ ихъ разными небывальщинами и, смутивъ, перевозятъ ихъ на фелуки, которыя и отвозятъ ихъ въ Турцію. Втеченіе двухъ мѣся-

цель съ южнаго берега вышло до 300 человекъ, изъ которыхъ нѣкоторые ушли съ женами и дѣтьми.

Необходимо припомнить прежнія переселенія татаръ въ Турцію. Ея назве татары эмигрировали изъ Крыма въ 1785—1788 годахъ, въ 1812 году и въ 1860—1863 годахъ. Первое переселеніе обуславливалось волей на то князя Потемкина. Вышло изъ Крыма, по словамъ бывшаго крымскаго судьи Сумарокова, до 300,000 татаръ и Nogai-цевъ. Второе состоялось на основаніи Бухарестскаго мирнаго трактата, согласно которому Россія обязалась не пренятствовать къ переходу изъ области Порты Оттоманской буджакскихъ и адисанскихъ татаръ. Ушло, по официальнымъ источникамъ, 3,199 человекъ. Третье имѣло много причинъ: одни, въ томъ числѣ и официальные донесенія, обвиняли его поведеніемъ татаръ во время крымской кампаніи, когда они не только сочувствовали союзникамъ, но и помогали имъ; другіе—религіознымъ ихъ фанатизмомъ; третьи—подстрекательствомъ турецкихъ эмиссаровъ. Сами же бѣжавшіе обвиняли его обезземленіемъ ихъ, притѣвленіями и обремененіемъ налогами. Не вдаваясь въ изысканіе причинъ послѣдняго переселенія, такъ какъ это выдвинуло бы насъ изъ границъ предпринятой статьи, мы скажемъ только, что въ 1860—1863 годахъ выселилось изъ Крыма, по официальнымъ источникамъ, 192,360 человекъ. Это было какое-то пональное бѣгство. Эмигрировали цѣлыя семьи, поколѣнія и даже орды. Шли всѣ: мужчины, женщины и дѣти, рабѣтники и старики. Нестили сотни ауловъ и деревень. Имущество продавалось за безцѣнокъ или бросалось задаромъ. Народъ бѣжалъ, не зная куда, не зная зачѣмъ, не зная, что ждетъ его въ чужомъ краю, не зная даже, нужно ли кому-нибудь изъ нихъ это бѣгство, но, вѣстакъ, бѣжалъ. Не приостанови правительство выдачу паспортовъ, Крымъ обезлюдовалъ бы совершенно: изъ всего татарскаго населенія въ Крыму осталось менѣе 100,000 человекъ.

Вотъ почему, когда въ 1874 году среди татаръ началось движеніе, и канцелярію таурическаго губернатора стали заплывать прошеніями о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ, правительство изглянуло на эмиграцію татаръ совершенно иначе, чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Военный министръ, 16-го марта 1874 года, писалъ начальнику главнаго штаба: «Государь Императоръ, получивъ извѣстіе, что крымскіе татары, встревоженные новымъ указомъ о воинской повинности, опять намѣреваются покинуть Крымъ, изволилъ признать нужнымъ,

для успокоенія этого населенія, командировать въ Крымъ генераль-адъютанта князя Воронцова ¹⁾, который и отправляется завтра же. Князю Воронцову, между прочимъ, приказано повторить татарамъ отъ Высочайшаго имени то, что уже было имъ объявлено и въ прошломъ году, т. е., что они будутъ отбывать понискую службу не въ разныхъ полкахъ и частяхъ арміи, но будутъ составлять особую часть, на подобіе того, какъ были въ прежнее время лейбъ-гвардіи крымско-татарскій эскадронъ. Часть эта въ мирное время будетъ расположена, по возможности, или въ самомъ Крыму, или вообще въ Новороссійскомъ краѣ.

17-го марта, генераль-адъютантъ Милютинъ представилъ Государю Императору Александру Николаевичу записку слѣдующаго содержанія: «По случаю командировки генераль-адъютанта князя Воронцова въ Крымъ, полагалось бы нынѣ же официально объявить, на какихъ главныхъ основаніяхъ. Вашему Императорскому Величеству угодно установить для крымскихъ татаръ отбываніе на будущее время пониской повинности. Если Ваше Величество соизволите одобрить представляемый при семъ проектъ отношеній къ министру внутреннихъ дѣлъ, то кони съ него будутъ вручены сегодня же князю Воронцову, съ тѣмъ, чтобы одну изъ нихъ онъ могъ немедленно по прибытіи въ Крымъ передать таврическому губернатору».

Въ проектѣ отношенія къ министру внутреннихъ дѣлъ было изложено: «Въ Высочайшемъ указѣ 1-го января сего года правительствующему сенату о введеніи всеобщей пониской повинности, хотя и не сдѣлано исключенія для крымскихъ татаръ собственно по отбыванію этой повинности, но въ отношеніи самаго порядка ея выполненія постоянно имѣлось въ виду установить для нихъ такіа облегченія, которыя соотвѣтствовали бы ихъ образу жизни и понятіямъ, о чести Государю Императору, въ бытности Его Величества въ Лицадіи, благоугодно было лично объявить представителямъ татарскаго населенія Крыма. Въ настоящее время составляется особое по этому предмету положеніе на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

¹⁾ Князя Семена Михайловича, сына фельдмаршала князя Михаила Семёновича Воронцова, бывшаго въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ новороссійскимъ генераль-губернаторомъ и сдѣлавшаго такъ много для развитія благосостоянія крымскихъ татаръ.

крымскіе татары будутъ поступать на службу въ особыя части, расположенныя въ Новороссійскомъ краѣ, и на первое время предлагается образовать отдѣльный эскадронъ въ предѣлахъ Крымскаго полуострова, съ тѣмъ, чтобы они имѣли полную возможность исполнять всѣ правила ихъ вѣры и сохранить образъ жизни, соответственный ихъ религіознымъ требованіямъ. При этомъ имѣется въ виду даже форму обмундированія эскадрона принять къ національной ихъ одеждѣ. Съ Высочайшаго Государя Императора разрѣшенія, имѣю честь сообщить о семъ вашему высокопревосходительству для объявленія татарскому населенію Крымскаго полуострова».

Государь соизволилъ одобрить. На запискѣ собственною его величества рукою начертано: «Очень хорошо».

Татарское населеніе Крыма, по своему происхожденію, образу жизни, характеру и языку, раздѣляется на двѣ категоріи, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, а именно: на татаръ-степняковъ и татаръ-горцевъ. Первые—прямые потомки монголовъ, вторые происходятъ преимущественно отъ генуэзцевъ и грековъ, принявшихъ мусульманскую религію во времена владычества въ Крыму татаръ. Степняки населяютъ уѣзды Перекопскій и Евпаторійскій и плоскости уѣздовъ Симферопольскаго и Феодосійскаго; горы же занимаютъ всѣ Ялтинскій уѣздъ и горныя части уѣздовъ Симферопольскаго и Феодосійскаго. Занятія степняковъ состоятъ въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Горцы занимаются, болѣею частью, садоводствомъ, огородничествомъ, табаководствомъ и винодѣліемъ. Послѣдніе, какъ всѣ вообще ренегаты, отличаются болѣею фанатизмомъ, нежели степняки, и недобрыми послѣдними, которые зовутъ ихъ «татами» (сокращенно отъ слова «мурта», что значить: ренегаты). Поэтому всѣ выселенія татаръ изъ Крыма не были общи. Эмиграція 1860—1863 годовъ коснулась въ наиболѣе значительной степени татаръ-степняковъ, а переселеніе 1874 года задумано и развилось преимущественно среди татаръ-горцевъ.

17-го марта, князь Семенъ Михайловичъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга. Обѣзжая горныя уѣзды Таврической губерніи, онъ постигъ всѣ наиболѣе значительныя татарскія общества, входилъ съ народами въ объясненія, выслушивалъ ихъ жалобы, обнадѣжилъ царскими словами—и остановилъ переселеніе.

Вотъ что доносилъ государю, по возвращеніи въ Петербургъ, князь Воронцовъ 14-го апрѣля 1874 года.

«Вашему императорскому величеству благоугодно было повелѣть

ить: изслѣдовать на мѣстѣ о причинахъ, вызвавшихъ стремленіе крымскихъ татаръ къ выселенію изъ предѣловъ Россіи, собрать свѣдѣнія о томъ, въ чьи руки, на какихъ условіяхъ и за какія цѣны продаютъ татары принадлежащія имъ земли и составить предположеніе о тѣхъ способахъ, какими было бы всего удобнѣе, не прибѣгая къ принудительнымъ мѣрамъ, остановить означенное стремленіе и удержатъ необходимое для края населеніе.

«По исполненіи такого высочайшаго нашего величества повелѣнія, посѣтивъ населенные татарами Симферопольскій, Феодосійскій, Ялтинскій и Евпаторійскій уѣзды Таурической губерніи, имѣю счастье донести вашему императорскому величеству, что исполненіе между татарскими населеніемъ произошло, главнѣйшимъ образомъ, влѣдствіе изданія новаго закона, подчиняющаго татаръ отбыванію воинской повинности, отъ которой до сего времени они были свободны.

«Къ этой новой повинности татары отнеслись тѣмъ болѣе несочувственно, что у нихъ составилось убѣжденіе въ чрезмерной ея обременительности; такъ, напримѣръ, татары полагали, что всѣ 20-лѣтніе будутъ ежегодно поголовно забираемы въ солдаты, что, кромѣ того, все мужское населеніе до 40-лѣтняго возраста будетъ обязано нести службу и т. п. Причина такого ложнаго пониманія устава о воинской повинности заключалась въ томъ, что уставъ, написанный на чуждомъ для нихъ языкѣ, не былъ своевременно растолкованъ имъ надлежащимъ образомъ административными властями, влѣдствіе чего толкованіе устава пошло въ руки полуграмотныхъ писарей и разныхъ мелкихъ ходатасей, видѣвшихъ въ этомъ случаѣ возможность получить и дѣйствительно извлечь изъ населенія болѣе 10,000 рублей за написаніе просьбы о выселеніи. (Противъ этого пункта государь императоръ положилъ резолюцію: «желательно обнаружить этихъ лицъ»). Съ другой стороны; необъясненіе татарамъ имѣть съ обнародованіемъ устава о воинской повинности предположенной относительно нихъ мѣры, состоящей въ томъ, что они будутъ назначаемы въ отдѣльныя части, поселило у татаръ мысль, что призванные изъ нихъ на службу будутъ разбѣяны по разнымъ полкамъ и лишены возможности исполнять свои религіозные обряды.

«Такимъ образомъ возникшее между татарами стремленіе къ выселенію было, такъ сказать, естественнымъ послѣдствіемъ совокупности изложенныхъ причинъ, неблагопріятно подѣйствовавшихъ на

умы населенія; какихъ либо выѣзженныхъ подстрекательствъ къ выселенію мною не замѣчено.

«Но, независимо этой главной причины, существуютъ еще издавна нѣкоторыя побочныя, которыя въ значительной степени поддѣрживали у татаръ разъ возникшее намѣреніе оставить предѣлы Россіи. Все татарское населеніе Крыма можно раздѣлить: на степныхъ татаръ, населяющихъ сѣверные уѣзды губерній, горныхъ судакскихъ и южнобережскихъ. Степные татары, въ значительномъ большинствѣ, не имѣютъ собственныхъ земель. Они живутъ десятинниками на земляхъ помѣщичьихъ и казенныхъ, отдаваемыхъ въ аренду, и терпятъ большія притѣсненія, въ особенности отъ арендаторовъ казенныхъ земель. Экономическое положеніе этихъ татаръ крайне дурно, а пятилѣтній неурожай и падежъ скота привелъ ихъ въ самое бѣдственное положеніе, такъ что выселеніе изъ предѣловъ Россіи представлялось имъ воображенію дѣломъ, могущимъ только улучшить ихъ положеніе. Горные татары, проживающіе въ окрестностяхъ Судака, болѣе обеспечены въ средствахъ къ жизни, но, населяя горныя ущелья и не имѣя, по отсутствію путей сообщенія, сношеній съ другими народностями, они представляются народамъ совершенно неизвѣстными и полудикимъ, въ которомъ сильно развитъ религіозный фанатизмъ. Намѣреніе выселиться они объясняютъ нуждою, непосланною имъ свыше, и никакихъ другихъ мотивовъ къ переселенію не высказываютъ. Что касается татаръ южнобережскихъ, то они пользуются большимъ благосостояніемъ, гораздо развитѣе остальныхъ татаръ, почти все знаютъ русскій языкъ, и между ними были волости, какъ, напримѣръ, Байдарская, изъ которой ни одинъ татаринъ не подавалъ прошенія о дозволеніи выселиться.

«До моего пріѣзда въ Крымъ прошеній о выселеніи было подано губернатору около двухъ тысячъ и во всѣхъ почти прошеніяхъ употреблялась стереотипная фраза: «если со стороны закона нѣтъ къ этому препятствій». Причемъ указывалось на дозволеніе, данное въ 1861 году татарамъ, выселиться изъ предѣловъ Россіи. Если бы съ самаго начала прошенія были вознаграждаемы съ отказомъ въ выдачѣ паспортовъ, какъ это неоднократно συμβѣтовалъ тавричскій муфтіи, то это значительно бы ослабило начавшееся волненіе. Не вознагражденіе же прошеній посеяло у татаръ убѣжденіе въ законности просьбы и надежду на удовлетвореніе оныхъ, что вынуждало и другихъ просить о томъ же, дабы не отстать отъ своихъ едино-

вѣрченъ. Хотя губернаторы, предъ моимъ прїѣздомъ, и предложили циркулярно полицейскимъ управленіямъ объявить по городамъ и волостямъ, что прошенія о выселеніи будутъ оставлены безъ послѣдствій, но татары этого не поняли, объясняя, что если прошенія не возвращены, то, значить, надежда на получение паспортовъ не потеряна.

«Съ моимъ прїѣздомъ въ Крымъ, по высочайшему вашему императорскаго величества повелѣнію, о чемъ татары, къ сожалѣнію, узнали лишь частнымъ путемъ, дальнѣйшая подача прошеній о выселеніи хотя прекратилась, но, тѣмъ не менѣе, я вездѣ встрѣчалъ въ населеніи безпокойство, недоумѣніе, страхъ и рѣшимость настоятельно продолжать домогательство о дозволеніи выселяться за границу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полагали даже, что правительство само желаетъ ухода ихъ на подобіе 1861 года.

«Переданный мною, по высочайшему вашему величества повелѣнію, привѣтъ татарскому населенію и увѣреніе въ неизмѣнной къ нему благосклонности вашей, наравнѣ съ остальными подданными вашего величества, а также всемілостивѣйше дарованная вами облегченія татарамъ по отбыванію воинской повинности, гарантирующія свободу ихъ религіозныхъ вѣрованій, видимо обрадовали и успокоили народъ, вездѣ возносившій теплыя молитвы о здравіи и долголѣтствіи вашего величества.

«Сдѣланныя мною затѣмъ разъясненія сущности новаго устава о воинской повинности и необременительности ея для населенія, а также указанія на обязанности всѣхъ вѣроподданныхъ по отношенію къ престолу и отечеству и на всѣ невыгодныя для благосостоянія татаръ послѣдствія отъ переселенія, окончательно разсѣяли безпокойствія ихъ опасенія и примирили татаръ, исключая населяющихъ Феодосійскій уѣздъ, съ необходимостью отбыванія воинской повинности.

«Смѣю думать, что такое примиреніе совершенно искренно и чистосердечно, такъ какъ желаніе подчиниться новой воинской повинности почти вездѣ, а особенно въ городахъ Бахчисарай и Карасубазаръ, главныхъ центрахъ волненія, было изъявлено населеніемъ добровольно, послѣ долгихъ размышленій и колебаній и безъ малѣйшаго съ моей стороны давленія. (Противъ этого пункта государь изволилъ отмѣтить: «Дай Богъ!»).

«Составленные обществами благодарственные приговоры имѣю счастье повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества.

«Поданные татарами прошенія о дозволеніи выселенія, по моему

распоряженію, позвращены просителямъ на руки, и каждый, получившій обратно свою просьбу, видимо былъ доволенъ такимъ исходомъ дѣла. Вездѣ татарское населеніе принялось за обыкновенныя свои занятія и обработку полей, садовъ и виноградниковъ, такъ что исполненіе между татарами можно считать оконченнымъ и населеніе успокоившимся.

«Что касается татаръ, населяющихъ Теодосійскій уѣздъ и нѣкоторыя смежныя съ нимъ горныя деревни, принадлежащія къ Алутинской волости, Ялтинскаго уѣзда, какъ-то: Туакъ, Искуть и др., то хотя они остались при прежнемъ своемъ намѣреніи помогать выселенія, но едва ли они думаютъ теперь объ этомъ серьезно. Съ одной стороны, примѣръ остальнаго татарскаго населенія, особенно городовъ Бахчисарая и Карасубазара, произвелъ на нихъ, какъ я убѣдился, довольно сильное впечатлѣніе, а, съ другой стороны, возвращеніе прошеній о выселеніи показало имъ бесполезность ихъ домогательства. Подобно прочимъ татарамъ, они также принялись за свои обыкновенныя занятія, и нѣтъ сомнѣнія, что волненіе между ними само собою утихнетъ, если они будутъ оставлены въ покоѣ и дѣло объ ихъ стремленіи къ выселенію будетъ предано забвенію. (Тутъ государь изволилъ написать: «Оно, къ сожалѣнію, не согласуется съ послѣдне-полученными свѣдѣніямъ»).

«Зная довольно близко татарское населеніе, его характеръ и привычки, смѣю выразить предъ вашимъ императорскимъ величествомъ мою увѣренность, что служба въ кавалеріи, и при томъ въ особомъ эскадронѣ, весьма полюбитъ татарамъ, и они съ удовольствіемъ будутъ поступать въ войска, въ особенности, когда на практикѣ убѣдятся въ необременительности этой повинности. Въ настоящемъ случаѣ важны тѣ способы, какими будетъ вводиться между татарами новая повинность; чѣмъ гуманнѣе и примѣнительнѣе къ ихъ нравамъ и обычаямъ будутъ эти способы, тѣмъ прочнѣе и скорѣе привыкнетъ къ татарамъ любовь къ военной службѣ. Сообразно дарованнымъ татарамъ облегченіямъ, казалось бы необходимымъ, для сформированія отдѣльнаго эскадрона изъ татаръ, составить для татарскаго населенія Крыма особые отъ прочаго народонаселенія призывные списки; командованіе же будущимъ эскадронномъ было бы полезно поручить русскому офицеру, не изъ татарскихъ мурзъ, о чемъ всѣ безъ исключенія волости и города просили меня ходатайствовать предъ вашимъ величествомъ, какъ объ особой для нихъ милости. (Государь положилъ резолюцію: «Это довольно любо-

пытный фактъ, который имѣть въ виду при назначеніи).

«Слухи о томъ, что татары распродаютъ свои земли, оказались неосновательными, никто изъ татаръ продажъ не совершалъ.

«Для вящаго успокоенія татарскаго населенія Крыма и для того, чтобы привязать его болѣе прочными узами къ своей родинѣ и протиратить въ будущемъ возможность подвѣній, подобныхъ настоящему, считаю долгомъ повергнуть на всемілостивѣйшее ваше императорскаго величества воззрѣніе нижеслѣдующія предложенія:

«1) Стеннымъ татарамъ отнестись изъ казенныхъ земель надѣлы, если не даромъ, то за умѣренную плату съ разсрочкою платежей на продолжительное время. Въ случаѣ неимѣнія въ достаточномъ количествѣ казенныхъ земель для поселеныхъ надѣловъ, дать имъ, по крайней мѣрѣ, землю для ихъ усадебной оульды. (Резолюція государя: «Передать для соображенія министру государственныхъ имуществъ»).

«2) Горныя поселенія послѣ Судака соединить шоссейными дорогами съ Алуштой, Феодосією и Карасубазаромъ. Означенная мѣстность, изобилующая самыми дѣшвыми въ краѣ виноградниками, производитъ большое количество вина, и удобныя пути сообщенія, подаявъ ей благосостояніе, имѣетъ съ тѣмъ будутъ содѣйствовать смягченію нравовъ горныхъ жителей посредствомъ сближенія ихъ съ другими болѣе цивилизованными народностями. Устройство указанныхъ путей было предложено и частію началось приходить въ исполненіе еще бывшимъ поворосійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Воронцовымъ, но, за выѣздомъ его изъ края, дѣльнѣйшія работы оставлены, а произведенныя заброшены. (Резолюція государя: «Сообразить, какъ сіе исполнить»).

«3) Ускорить окончаніемъ спорныхъ дѣлъ о дѣшныхъ дачахъ, отобранныхъ казною отъ южнобережскихъ татаръ въ 1838 году, съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, противъ незаконнаго закладенія казною энергически протестовалъ бывший генералъ-губернаторъ князь Воронцовъ. (Резолюція государя: «То же»).

«4) Подвергнуть справедливому разсмотрѣнію жалобы татаръ на закладеніе казною принадлежащими имъ землями и домами, а также удовлетворить, если не встрѣтятся особыхъ препятствій, ходатайства нѣкоторыхъ обществъ о разрѣшеніи выкупить у казны отдаваемые въ аренду земли для устраненія разныхъ притѣвленій,

испытываемых татарами отъ арендаторовъ. По этому предмету мнѣ подано нѣсколько просьбъ, которыхъ я не смѣю себя вправить не принять при настоящихъ обстоятельствахъ. (Резолюція государя: «Тоже»).

«5) Отмѣнить существующія стѣсненія въ выдачѣ татарамъ паспортовъ для путешествія въ Мекку и подчинить татарское населеніе въ отношеніи полученія разнаго рода паспортовъ общимъ законамъ, наравнѣ со всѣми русскими подданными. (Резолюція государя: «Тоже»).

«Кромѣ сего, во многихъ мѣстностяхъ Крыма татары заявили мнѣ словесныя жалобы по поводу возбужденнаго бывшимъ губернаторомъ генераломъ Жуковскимъ вопроса о накуфахъ, который сильно тревожить и возмущаетъ какъ населеніе, такъ и магометанское духовенство. Вакуфныя земли и капиталы составились итеченіемъ многихъ лѣтъ изъ пожертвованій по завѣщаніямъ на содержаніе мечетей и духовенства. Населеніе проситъ объ оставленіи этихъ имуществъ и распоряженія ими по прежнему въ веденіи общества. Удовлетвореніе такого ходатайства, въ существѣ своемъ справедливаго, оказало бы благотворное вліяніе на настроеніе умовъ татарскаго населенія. (Резолюція государя: «Тоже»).

«Взаключеніе считаю долгомъ упомянуть, что во всѣхъ постигшихъ мною уѣздахъ Таурической губерніи были распространены слухи о томъ, что на праздникъ Воскресенія Христова татары собираются рѣзать христіанъ. При всей очевидной нелѣпости такихъ слуховъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго основанія и истекавшихъ изъ сомнительныхъ источниковъ, мѣстное начальство, къ сожалѣнію принимало по этому поводу нѣкоторыя мѣры и заводило переписку, что крайне обидѣло и огорчило татарское населеніе. Оно горячо просило меня снять съ него незаслуженное пятно и оправдать его предъ лицомъ нашего императорскаго величества. Я обѣщавъ это, и вѣсть съ тѣмъ осмысливъ отъ августѣйшаго нашего вѣнны высказать татарамъ, что вы—черный государь Россіи, счастливый Крымъ своимъ присутствіемъ, что вамъ нѣвѣстна преданность татарскаго народа и что зналъ честные убѣжденія и правила татаръ, ваше величество ни на минуту не поубѣдите подобной возведенной на нихъ клеветѣ». (Противъ сего пункта государь написалъ: «Нѣтъ»).

Независимо частныхъ резолюцій, на лицевой сторонѣ доклада императоръ Александръ II собственноручно начерталъ: «Сообщить

поэтому министру то, что касается военной части».

Генерал-адъютантъ Милютинъ, получивъ высочайшее повелѣніе. 18-го апрѣля представилъ государю слѣдующія главные основанія отбыванія татарами военной повинности.

Общая численность крымскихъ татаръ простирается до 60,000 душъ мужескаго пола. Съ этого числа, при наборѣ пяти съ половиною человекъ съ тысячи, будетъ причитаться 330 рекрутъ ежегодно, послѣдствіемъ чего, при шестилѣтнемъ срокѣ службы, число крымскихъ татаръ въ войскахъ достигло бы, за исключеніемъ $\frac{1}{2}\%$ убыли, до 1,900 человекъ. Помѣщая весь контингентъ въ особую часть, пришлось бы сформировать особые три кавалерійскіе полка. Но, такъ какъ въ подобномъ увеличеніи кавалеріи въ жарное время надобности не предвидѣтъ, тѣмъ болѣе, что жбра эта потребовала бы новаго расхода до 500,000 р. въ годъ, то и предполагалъ бы: 1) изъ общаго числа новобранцевъ изъ крымскихъ татаръ ежегодно назначать до 150 человекъ, желающихъ служить въ конницѣ на собственномъ конѣ, въ составъ особаго крымскаго эскадрона, нарочно для того формируемаго. 2) Новобранцевъ этихъ содержать въ эскадронѣ до десяти мѣсяцевъ, т. е. съ января по 1-е ноября, отпуская ихъ, послѣ этого, вмѣстѣ съ лошадьми по домамъ. Въ послѣдующіе затѣмъ два года собирать ихъ при эскадронѣ на три лѣтнихъ мѣсяца для занятій. 3) Прослужившихъ такимъ образомъ три года зачислять на остальные 12 лѣтъ въ запасъ, призывая ихъ истеченіе этого времени, два или три раза для занятій при эскадронѣ на срокъ до четырехъ недѣль. 4) Остальныхъ затѣмъ татарскихъ новобранцевъ назначать на службу въ ближайшіе полковые полки на общемъ основаніи. 5) Новобранцы, поступающіе въ крымскій эскадронъ, обязаны являться на собственномъ конѣ и съ собственнымъ сѣдломъ и прочимъ конскимъ уборомъ, но обмундированіе и оружіе имъ выдается отъ казны.

Предположенія эти высочайше одобрены и къ осени 1874 года крымскій эскадронъ учрежденъ. Но подобная жбра, какъ она ни была гуманна и соответственна обстоятельствамъ, къ сожалѣнію, не могла удовлетворить вполне татарскаго населенія. Были дополнены люди зажиточные, которые могли являться на службу съ своимъ конемъ и конскою сбруей. Но бѣдные, подлежащіе отправленію въ войска на общемъ основаніи, конечно, не сочувствовали ей, и глухое броженіе среди татаръ не прекращалось.

Правда, общее выселеніе татаръ изъ Крыма усиліями князя Воронцова было остановлено, но одиночный уходъ молодыхъ татаръ, описанныхъ поступленія въ службу, и побѣги усилились. Въ одномъ официальномъ донесеніи говорилось: «Бѣгство татаръ совершается въ Гурзуфъ, Симеополь, Еникампоръ и Судакъ. Пробираются они по ночамъ, въ одиночку или по нѣскольку человѣкъ, и турецкіе баркасы, плавающие около нашихъ береговъ для ловли дельфиновъ, принимаютъ ихъ и перевозятъ въ Турцію».

Осенью 1874 года, находясь въ Крыму, я былъ въ Гурзуфѣ. Это—татарская деревня, на южномъ берегу Крыма, въ 11-ти верстахъ отъ Ялты и 30-ти отъ Алушты, амфитеатръ скалъ, утесовъ и громадныхъ камней, оторванныхъ вулканическими изверженіями отъ хребта Айялы и разбросанныхъ на большомъ пространствѣ до самаго моря, съ прилѣпившимися къ нимъ татарскими домиками и хижинами. Вотъ выдается въ море и склоняется надъ его волнами высокій коническій утесъ, на которомъ еще видны слѣды старинной крѣпости, обломки стѣнъ и дѣтеницы. Вотъ тихая гурзуфская бухта, закрытая отѣсною скалою Лю-Дага, у подошвы которой тихо плещутся волны и бьются, какъ въ колыбели, прилѣпившіеся въ бухтѣ рыбацкія лодочки съ садками серебряной кефали. Вотъ семья скатившихся въ море, еще во время вулканическаго изверженія, каменныхъ иглъ-пирамидъ, возмывающихся надъ безпредѣльной водной равниной до 170 футовъ. Вотъ сажа беззаботное и игривое какъ дитя, сѣро-синее какъ дымъ, безбрежное Черное море, спокойно катящее свои неполовинскіе валы, подъ яркими горячими лучами полуденнаго солнца, и мѣрными, ровными прибоемъ разстилающее ихъ по берегу, и вотъ вдали на этихъ волнахъ качаются два-три морскихъ судна... Это—турецкія фелюки, охотящіеся въ нашихъ водахъ на дельфиновъ, а при случаѣ забирающія и татаръ.

И видѣлъ, что фелюки эти появлялись, большей частью, на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Порой на нихъ какъ будто появлялись условные знаки: дымъъ рѣзалъ какой-то страшный флагъ, ночью выключались фонарь съ разнообразными огнями. Въ отвѣтъ на эти сигналы на плоскихъ крышахъ, двухъ-трехъ домовъ, какъ говорили, служившихъ притонами для бѣглецовъ, раскидывались простыни, на высотѣхъ горъ зажигались небольшіе костры, въ прибрежныхъ ущельяхъ скалъ раздавались выстрѣлы или протяжный дикій крикъ. Два два мѣся приходилось встрѣтить идущихъ съ горъ чабановъ;

защитныхъ въ свои бараны куртки, съ ножами у пояса и кожаными футлярами съ молитвами изъ корана на перевязи черезъ плечо, въ буйволовыхъ сандаляхъ и острокопечныхъ надвинутыхъ на брови бараньихъ шапкахъ, раза два мнѣ приходилось встрѣтить собравшюся въ дорогу сельскую молодежь, въ сопровожденіи родственниковъ, женщинъ и дѣтей. Съ тѣми и другими шелъ извѣстный хаджа. Я спрашивалъ, кто это? Мнѣ говорили, что это люди, уходящіе на заработки. Между тѣмъ, какъ впоследствии оказывалось, это были бѣглецы, молодежь, уходившая въ Турцію, чтобы не служить въ русскихъ войскахъ.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, втеченіе 1874 года (съ 1-го января по 1-е ноября) бѣжало татаръ: изъ Ялтинскаго уѣзда—мужчинъ 193, женщинъ и дѣтей 32, изъ Симферопольскаго—мужчинъ 78, изъ Осодосійскаго—мужчинъ 80, Перекопскаго—мужчинъ 9 и Ениатюрійскаго—мужчинъ 61, женщина 1, всего 474 человека. Бѣглецы были преимущественно призванного возраста (21 года)

Съ началомъ призыва, перваго призыва въ 1874 году, мнѣ пришлось быть въ ялтинскомъ и симферопольскомъ полиціискихъ присутствіяхъ при вынутіи жеребья на пріемъ въ службу татаръ. Они являлись въ присутствія безъ понужденій, зорко, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣмъ, что происходило въ присутствіяхъ. Подлежавшіе призыву вынимали жеребій или сами лично, или черезъ стариковъ и волостное начальство, безъ всякаго стѣсненія и боязни, за исключеніемъ горныхъ чабановъ, которые со страхомъ и недовѣріемъ подходили къ столу присутствія, понуривъ голову и смотря на всѣхъ изъ-подлобья. При раздѣланіи татаръ для освидѣтельствованія и пріема, нѣкоторые изъ нихъ стѣснялись раздѣваться вслѣдствіе припродженнаго чувства стыдливости, но выказанное ими при этомъ замѣнательство, кромѣ одного случая, въ сопротивленіе властямъ не переходило. Но, за всѣмъ тѣмъ, общій результатъ перваго пріема новобранцевъ изъ татаръ въ 1874 году нельзя назвать благопріятнымъ. Принято на службу во всѣхъ присутствіяхъ Таурической губерніи 203 молодыхъ татарина, не явившихся же къ освидѣтельствованію, по вынужденнымъ младшимъ пумерамъ, было 130 человекъ, т. е. болѣе 68 процентовъ общаго числа поступившихъ на службу. Неявившіеся къ призыву замѣнены другими не были.

Въ 1875 году, уходъ татаръ продолжался, хотя и не въ такихъ, какъ прежде, значительныхъ размѣрахъ. Это вызвало новую коман-

дировку. На этотъ разъ въ Крымъ былъ отправленъ директоръ департамента полиціи исполнительной, тайный совѣтникъ Косаговскій, которому было поручено, независимо отъ мѣръ, необходимыхъ для усиленія надзора за крымскими берегами, найти средства успокотить татарское населеніе. Г. Косаговскій, по возвращеніи въ Петербургъ, могъ предложить только мѣры, которыя слѣдовало бы принять много и много лѣтъ назадъ, а именно: а) постараться привлечь на свою сторону мусульманское духовенство, т. е. не трогать до времени попросъ о накуфныхъ имѣніяхъ; б) порѣшить какъ можно скорѣе попросъ объ отобранныхъ у татаръ земляхъ; в) постановить, что татары, живущіе на помѣщичьихъ земляхъ, могутъ быть удалены не иначе, какъ при существованіи письменныхъ условій; г) издать сборникъ на татарскомъ языкѣ, который ознакомилъ бы татаръ съ ихъ правами и обязанностями и д) устроить пути сообщенія въ горной части Крыма и по берегу моря отъ Судака до Алушты.

Предложенія г. Косаговскаго мѣры оказались буквальныймъ повтореніемъ того, о чемъ ходатайствовалъ князь С. М. Воронцовъ.

Предложеніе г. Косаговскаго передано было на обсужденіе особому учрежденной для того комиссіи, которая полагала, прежде чѣмъ будутъ приняты какія либо другія мѣры, на первый разъ: 1) даровать помилованіе бѣжавшимъ въ Турцію татарамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые бѣжали, уклоняясь отъ воинской повинности, или совершили, помимо побѣга, другое какое нибудь уголовное преступленіе; 2) отменить сборъ на содержаніе крымско-татарскаго эскадрона; 3) воспретить иностраннымъ судамъ производить рыбный и звериный промыслы въ чертѣ нашихъ территоріальныхъ водъ и не дозволить имъ пристапать къ крымскимъ берегамъ для жироупленія и рыболовнаго промысла и 4) учрежденіе крейсеровъ и усиленіе береговой таможенной стражи.

Съ пріѣздомъ государя императора Александра Николаевича въ Крымъ въ 1876 году, именно 30-го августа, крымскимъ татарамъ объявлена монаршая милость о прощеніи тѣхъ бѣжавшихъ въ Турцію татаръ, которые возвратились на родину ко дню объявленія этой милости. Пріиженіе же въ исполненіе прочихъ мѣръ, какъ требующихъ болѣе продолжительныхъ соображеній, отложено.

Затѣмъ наступила восточная война. Татары, сознавая долгъ присяги, прекратили эмиграцію, и теперь число побѣговъ совершенно ничтожно. Но накопившаяся съ годами жалоба и домогательства до сихъ поръ все еще остаются не разрѣшенными.

ТРИ ВСТРѢЧИ.

1.

Встрѣча А. С. Пушкина съ А. А. Бестужевымъ на Кавказѣ.

ПУШКИНЪ, какъ извѣстно, совершилъ въ 1829 году путешестіе въ Арзерумъ, гдѣ находился тогда полка кавказскаго корпуса подъ предводительствомъ графа Паскевича. Проѣхавъ Тифлисъ и углубившись, слѣдуя направленію военной дороги, въ горы, онъ встрѣтилъ тамъ совершенно нечаянно Александра Александровича Бестужева (Марлинскаго) и описалъ эту встрѣчу въ своемъ дневникѣ, изданномъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Путешествіе въ Арзерумъ».

Дневникъ этотъ появился въ первой книжкѣ «Современника» за 1836 годъ, съ большими измѣненіями, такъ, напримѣръ, страницъ о встрѣчѣ Пушкина съ Бестужевымъ и нѣкоторыя другія мѣста были вынуждены изъ дневника, по указанію императора Николая Павловича, прочитывавшаго, какъ извѣстно, всѣ сочиненія поэта прежде появленія ихъ въ свѣтъ. Съ измѣненіями дневникъ вошелъ и въ «Собраніе сочиненій А. С. Пушкина».

Затѣмъ, съ теченіемъ времени, нѣкоторыя исключенныя мѣста возстановлены ¹⁾, но страницъ о встрѣчѣ Пушкина съ Бестужевымъ до настоящаго времени еще не включена: даже въ послѣднемъ изданіи, вышедшемъ подъ редакціей Н. А. Ефремова, ея нѣтъ.

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, т. V, стр. 200, 202, 203, 204.

Такъ какъ все, что ни вышло изъ-подъ пера безсмертнаго поэта, имѣеть для публики большое значеніе, то мы и возстановляемъ эту такъ долго лежавшую подъ спудомъ страничку, подлинность которой несомнѣнна. Копія съ нея снята въ 1835 году поэтомъ Александромъ Дмитриевичемъ Комовскимъ (послѣдствіи сенаторъ и статсъ-секретарь), когда подлинная рукопись Пушкина, по возвращеніи ея отъ императора Николая, съ его пометками, находилась въ канцеляріи шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа. Отъ Комовскаго она и дошла до насъ.

Вотъ какъ описалъ Пушкинъ свою встрѣчу съ А. А. Бестужевыми.

«Я кочевалъ съ утеса на утесъ, ободряя то шпорами въ бока, то глади по шеѣ моего борзата горца. Привыкшіи ко вѣсѣмъ ужасамъ кавказскихъ картинъ, копь мой, пріяда ушамъ и осторожно переступая съ ноги на ногу, морщили свои огненныя поздри. Я завидѣлъ издали всадника въ чудной одеждѣ, онъ летѣлъ и, казалось, падалъ, падалъ со скалы на скалу. Мы поровнялись—то былъ Бестужевъ! Цѣлованья, обниманья, безотвѣтные вопросы и отвѣты не на вопросы были слѣдствіемъ этой неожиданной и пріятной для насъ обоимъ встрѣчи. Мы еще—и въ сотый разъ обнялись, и пошли дѣльные другъ другу вопросы. Бестужевъ разсказывалъ мнѣ о своемъ житіи-бытіи. Я его слушалъ, читая положивъ его жизни въ этихъ слезахъ, которыя нежданно оросили его огненныя очи. Я понималъ, каково его существованіе, я понималъ, что жизнь ему не дороже полунки. Онъ говорилъ мнѣ, что данно уже ничѣ возможности окончить со славою и честью свое онытисенное плаваніе по океану жизни.—«Я жажду вѣтровъ»,—говорилъ онъ:—«я жажду бурь, гдѣ бы могъ явить себя спасителемъ существъ, счастливыхъ божье, чужъ я... О, если бы эта рука когда нибудь могла покрыться кровью прагонъ отечества и смыть печать заблуднаго сердца, я съ радостью, съ благословеніемъ тому, кто мнѣ послалъ бы этотъ случай, принесъ на жертву самого себя, а что мнѣ жизнь теперь!». Онъ не кончилъ еще разсказа, я не успѣлъ еще стрихнуть слезу ребячества, неспосно щекотливую мнѣ глазъ,—какъ всадникъ мой пещезъ. Гляжу, оглядываюсь—нѣтъ его! Въ пятъ прыжковъ конь выпесъ мени на остріе скалы; внизу, въ ужасной глубинѣ, шумитъ рѣка—и въ волнахъ плещется Бестужевъ! Я обмеръ отъ страха. Онъ рухнулся стремглавъ въ чернѣющую бездну, я испугался, а онъ, шалунъ Бестужевъ, онъ махаеъ шапкой и кричитъ:—«не

боюсь, Пушкинъ, я не умру... я живу еще, къ несчастію моему... но вотъ, мой другъ, какъ дорого цѣню ея жизнь!».

Кто не узнаетъ въ этой сценѣ пера Пушкина характера Бестужева!..

II.

Встрѣча И. С. Тургенева съ Д. И. Писаревымъ.

Знаменитый романистъ и даровитый представитель такъ называемой «либеральной критики», не смотря на общность многихъ интересовъ, ихъ сближавшихъ, лично не симпатизировали другъ другу и видѣлись только однажды. Самое свиданіе ихъ, отъ котораго Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ ожидалъ такъ много хорошаго, не только не сблизило ихъ, но, къ величайшему огорченію обоихъ, окончательно разъединило и разсорило на всю жизнь. Вотъ какъ это случилось, по разсказу очевидца встрѣчи, Петра Павловича Суворова, пользовавшагося расположеніемъ обоихъ антагонистовъ.

Въ зиму 1865 года, Тургеневъ достигъ зенита своей извѣстности и славы: романъ «Отцы и дѣти» вышелъ въ свѣтъ и произвелъ въ публикѣ сенсацию. Все заговорило о немъ. Не было ни одного журнала, который не посвятилъ бы его разборъ нѣсколькихъ печатныхъ листовъ. Лучшая рецензія, по широтѣ взгляда и глубинѣ анализа, принадлежала перу Д. И. Писарева, напечатаннаго ее въ журналѣ «Русское Слово» (послѣ «Дѣла»). Авторъ романа не могъ не согласиться съ тѣми выводами, къ которымъ пришелъ, разбирая романъ, талантливый критикъ, и въ разговорѣ съ однимъ изъ видныхъ нашихъ литераторовъ отнесся къ этимъ выводамъ сочувственно, и даже выразилъ желаніе познакомиться съ Дмитріемъ Ивановичемъ лично. Между тѣмъ, тогдашній редакторъ «Русскаго Слова», Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтовъ, давно хотѣлъ запербовать Ивана Сергѣевича въ число своихъ сотрудниковъ, и теперь, услышавъ о сдѣланномъ имъ отзывѣ о рецензіи Писарева и желаніи познакомиться съ нимъ, поручилъ Петру Павловичу Суворову написать къ Тургеневу письмо: не пожелаетъ ли онъ помѣстить въ «Русскомъ Словѣ» приготовляемый имъ въ то время къ печати новый романъ («Дѣла»), причемъ, конечно, на похвалы

и обещанія не скупилась. Но знаменитый романистъ не пошелъ на заброшенную ему удочку: въ самыхъ вѣжливыхъ и деликатныхъ выраженіяхъ, онъ отиѣчалъ, что не успѣлъ еще хорошенько ознакомиться съ журналомъ, редактируемымъ Благосвѣтловымъ, но соображеніемъ, когда хорошенько узнастъ изданіе, не прочь помѣстить въ немъ одно или нѣсколько своихъ произведеній. На этомъ остановились первыя попытки къ сближенію, но редакция «Русскаго Слова» сочла письмо Ивана Сергѣевича за нѣчто для него обязательное.

Прошла зима. Въ февралѣ 1866 года, Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился у Вотикина на Каранной. Въ городѣ распространился слухъ, что онъ привезъ съ собою новый романъ, что онъ прочелъ уже нѣсколько отрывковъ изъ него въ интимномъ кружкѣ друзей и что всѣ слышавшіе его чтеніе восторгаются романомъ. Редакция «Русскаго Слова» встрепетнулась, и Н. Н. Суворовъ получилъ отъ нея порученіе посѣтить Тургенева, страдавшаго тогда подагрой. На утро онъ сѣлъ уже въ кабинетъ больного романиста, принятый имъ весьма предупредительно и радушно. Завязался разговоръ объ идеалахъ общественнаго развитія, и Иванъ Сергѣевичъ высказалъ о Писаревѣ самое лестное мнѣніе.

— Въ то время,—говорилъ онъ, между прочимъ:—когда вся критика обрушилась на меня и бичевала нещадно моихъ злополучныхъ «Отцовъ и дѣтей», Дмитрій Ивановичъ одинъ отнесся къ нимъ совершенно безпристрастно. Какъ критикъ, онъ имѣлъ добросовѣстно обрисовать характеры выведенныхъ въ романѣ лицъ и чрезвычайно остроумно и вѣтко определялъ ихъ значеніе съ точки зрѣнія современнаго общественнаго развитія. Скажу болѣе: онъ служилъ отѣнкой и выдвинулъ на первый планъ такіа черты въ нихъ, которыя я, когда писалъ романъ, сознавалъ какъ бы отвлеченно и смутно, и только, прочитавъ его рецензію, онъ стали для меня определенны и ясны... Не смотря на то, что онъ еще очень молодъ и не чуждъ увлеченій, я его уважаю и буду очень радъ, если мнѣ представится случай познакомиться съ нимъ лично.

— Это не такъ трудно,—отозвался Суворовъ:—если позволите, я привезу его къ вамъ, и вы съ нимъ навѣрно сойдетесь: нашъ строгій рецензентъ—чрезвычайно симпатичная личность и, что всего важнѣе, убѣжденный честный человѣкъ...

— Я въ этомъ не сомѣиваюсь, — улыбнулся Иванъ Сергѣевичъ, и, подумавъ немного, прибавилъ: — итакъ, рѣшено, вы привезете его ко мнѣ!..

— Съ большимъ удовольствіемъ! — отвѣчалъ Петръ Павловичъ, вставая со стула, чтобы откланяться: — только скажите, когда вы можете принять насъ?

— О, это все равно, когда хотите! — сказала Тургеневъ, пожмая Суворову руку: — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!..

Вечеромъ того же дня, не смотря на отѣжкиванья и явное нежеланіе вѣшать, какъ говорилъ Дмитрій Ивановичъ, на поклонъ къ отцу «Отцовъ и дѣтей», Суворовъ повезъ его къ Тургеневу. Войдя въ кабинетъ, они нашли Ивана Сергѣевича сидѣщимъ въ креслѣ у письменнаго стола; больная нога его была вытянута и лежала на другомъ креслѣ. На столѣ горѣла лампа подъ темнымъ абажуромъ, такъ что въ кабинетѣ царилъ полумракъ. Въ рукѣ у него находилась рукопись, но всей извѣстности, приписаннаго имъ романа: онъ читалъ ее, вокругъ сидѣло нѣсколько человѣкъ друзей — нѣмъ извѣстный военный историкъ, генералъ Богдановичъ, и диктаторъ литератора.

При входѣ Писарева и Суворова въ кабинетъ, Иванъ Сергѣевичъ прекратилъ чтеніе, положилъ рукопись на столъ и очень любезно поздоровался съ пришедшими. Послѣ обычныхъ привѣтствій и рукопожатій, гости взяли стулья, сѣли и начался разговоръ. Вращавшійся всю жизнь въ лучшемъ обществѣ, изучивши до тонкости свѣтскіе приемы, Тургеневъ, съ свойственнымъ ему тактомъ, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ заявилъ Дмитрію Ивановичу, что онъ давно искалъ случая объѣдиться съ нимъ мыслями, что признать въ немъ большой критическій талантъ и глубоко его уважаетъ, уважаетъ за то, что онъ безпристрастно и съ такимъ художественнымъ пониманіемъ относится ко всѣмъ выдающимся явленіямъ художественнаго творчества.

Произошла маленькая пауза. Писаревъ сидѣлъ и молчалъ.

Потомъ, вдругъ, съ свойственной ему живостью, повернувшись на стулѣ въ противоположную сторону, онъ спросилъ Тургенева:

— Правда ли, Иванъ Сергѣевичъ, я слышалъ, вы вотъ говорили Петру Павловичу (и онъ указалъ на Суворова), что вы привезли новый романъ? — и если правда, то нельзя ли мнѣ ознакомиться съ нимъ, прежде чѣмъ онъ будетъ напечатанъ?.. Кстати,

гдѣ вы думаете его печатать?.. Вы, кажется, общались одво изъ вашихъ произведеній дать «Русскому Слову?».

— Да,—замаялся какъ будто въ отвѣтъ Тургеневъ:—современемъ я исполню мое обѣщаніе... но этотъ романъ я еще изъ-за границы отошлю въ Москву, Михаилу Никифоровичу Каткову, и теперь вотъ жду отъ него отвѣта.

— Какъ!—искричалъ Писаревъ и какъ ужасанный вскочилъ со стула:—вы!.. вы—нашъ лучшій писатель, доступный современному движенію молодого поколѣнія и имъ за то чтимый!.. вы—человѣкъ независимый, имѣющій гражданское состояніе, работающій не для заработка, вы отдасте свой романъ Каткову!.. Для чего?.. съ какой цѣлью? Что общаго между вами и этимъ!.. (тутъ слѣдовало нѣсколько жесткихъ эпитетовъ по адресу Михаила Никифоровича). Или вамъ деньги нужны?.. За деньги вы готовы идти на сдѣлку съ совестью?.. Кто же вы послѣ того?.. Что я долженъ о васъ думать!.. Но какъ вы могли, какъ вы рѣшились, послѣ этого, прислать меня къ себѣ?.. Нѣтъ, я не только не радъ случаю, который свелъ меня съ вами, но клянусь ту минуту, когда я первый разъ подумалъ объ этомъ!.. Кто же вы такой? кто? говорите?.. Петръ Павловичъ,—обратился онъ въ сильномъ раздраженіи къ Сунорову:—гдѣ мы находимся?.. Куда вы меня привели?..

Иванъ Сергѣевичъ, сидѣвшій все это время въ креслѣ прямо, подавшійся нѣсколько впередъ, сконфуженный горячими упреками Писарева, не могъ отвѣтить ему ни слова, лицо его было блѣдно, но мѣръ того, какъ ажитация Дмитрія Ивановича увеличивалась и рѣчь его становилась злѣй и безпощаднѣй, онъ блѣднѣлъ все больше и больше и вдругъ, какъ бы изнемогая подъ тяжестью изведенныхъ на него обвиненій, откинувшись вѣсьмъ тѣлою на спинку кресла; спинка не выдержала, откололась и отлетѣла прочь, и Иванъ Сергѣевичъ рухнулъ съ большой ногой, чрезъ голову, на полъ.

Произошла суматоха. Одинъ бросился подымать Ивана Сергѣевича, другіе обратились къ Писареву съ упреками, поставили ему на видъ всю неумѣстность его горячности, и просили его удалиться. Дмитрій Ивановичъ ничего не отвѣтилъ, повернулся, взялъ фуражку и уѣхалъ домой.

Спустя нѣсколько времени, на страницахъ «Русскаго Вѣстника» появился новый романъ Тургенева «Дымъ». Писаревъ написал рецензію, въ которой не только раскритиковалъ новое произведеніе знаменитаго художника-романиста, но и самаго его низвелъ на сте-

пись человека, который не знает, что творить. Рецензия эта была отдана Г. Е. Благосветлову, одобрена, набрана и прочитана из корректуры. Она представляла собою статью больше пяти печатных листов и, поэтому, в одном номере журнала появиться не могла. Ее разделили на две половины, и первая готовилась уже к выпуску. Вдруг, утром рано, за несколько дней до выхода книжки, влетает в редакцию разстроенный и блдный Писаревъ. Познакомившись съ редакторомъ и сотрудниками, онъ обратился къ Благосветлову съ просьбой возвратитъ ему рукопись его статьи и всѣ корректуры.

— На что она вамъ?—спрашиваетъ его изумленный редакторъ.

— Я не желаю ее печатать.

— Да вы съ ума сошли!.. Что съ вами?

— Вотъ посмотрите, что онъ написалъ мнѣ!—и Писаревъ подалъ Благосветлову письмо Тургенева.

Въ письмѣ этомъ Иванъ Сергѣевичъ писалъ Дмитрію Ивановичу, что онъ очень сожалѣетъ о томъ, что, по болѣзни, ему не удалось, при личномъ свиданіи съ нимъ въ февралѣ, объясниться и тѣмъ избѣжать оставшихся неразъясненными недоразумѣній. Воздавъ таланту критика всевозможныя куренія, онъ обращался къ нему съ просьбой не печатать написанной имъ рецензій на его новый романъ, прежде чѣмъ онъ не сообщитъ этой рецензій ему для прочтенія. Причѣмъ обѣщался дать всѣ нужныя разъясненія.

— Ну, что я буду дѣлать, когда онъ такъ пишетъ!—восклицалъ, горячась, Дмитрій Ивановичъ!—я не могу напечатать моей рецензій... я не такой... и онъ схватилъ письмо Тургенева, изорвалъ его въ мелкіе кусочки и бросилъ на полъ. Потомъ свернулъ въ трубку рукопись рецензій и корректуры ея, распрощался съ сотрудниками и ушелъ.

Но, взявъ рецензію изъ редакціи, Писаревъ не послалъ ее Тургеневу, какъ послѣдній просилъ его. Онъ послалъ ему только письмо, въ которомъ писалъ, что онъ всего ждалъ отъ него, но только ужъ никакъ не просбы о непечатаіи критики на его романъ. Убѣжденія свои и взгляды,—писалъ онъ,—вы могли измѣнить, и я, порицая ваши идеалы, могъ бы уважать васъ какъ человека. Но теперь, послѣ вашей просбы, я васъ не уважаю и уважать не могу. Вы пережили себя, вы одряхлѣли, вы не понимаете стремленій молодого поколѣнія. Вы идете, сами не зная куда. Вы похожи на человека, который самъ добровольно садится въ

мураешникъ, и поэтому... (слѣдуетъ выводъ, весьма неслестный для Ивана Сергѣевича).

Этимъ, казалось бы, и должны были окончиться пререканія Тургенева съ пылкимъ критикомъ, такъ какъ разрывъ между ними состоялся полный и всякія личныя отношенія прекратились. И дѣйствительно, почти три года пререканій не было. Но потъ, въ 1869 году, умираетъ Д. П. Писаревъ—и Тургеневъ поспѣшилъ откликнуться. При жизни Дмитрія Ивановича онъ не обмолвился о немъ ни однимъ печатнымъ словомъ, но едва глаза талантливаго его антагониста смежились, Иванъ Сергѣевичъ пожелалъ свести счеты съ нимъ и поздалъ ему, съ свойственнымъ ему талантомъ, сториску. Въ воспоминаніяхъ своихъ о В. Г. Бѣлинскомъ, напечатанныхъ послѣ смерти Писарева, въ одной изъ книжекъ «Вѣстника Европы», онъ посвятилъ одну—двѣ странички и своему безпощадному рецензенту, вспоминая о своемъ свиданіи съ нимъ въ 1866 году и заклеивая его позорной кличкой главы петербургскихъ нигилистовъ; по его словамъ, выходило, что Писаревъ—человѣкъ безпощадный, бездушный, и только...

Кто же изъ нихъ правъ?

Встрѣча А. Ө. Писемскаго съ «самоуправцами».

Нѣсколько лѣтъ назадъ, проѣзжая чрезъ Москву, я остановился въ ней на нѣсколько дней и поспѣшилъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ наиболее близкихъ знакомыхъ. Сдѣлавъ нѣсколько визитовъ, я заѣхалъ и къ Алексѣю Теофилактоничу Писемскому. Встрѣча давно не видавшихся людей обыкновенна: посплещанія, цѣлованія и разгирсы. Поздоровавшись какъ принято, перебросившись замѣчаніями о переѣздахъ, найденныхъ другъ въ другъ, поговоривши о дѣлахъ, интересовавшихся насъ обоихъ, спрашивавшись о знакомыхъ и друзьяхъ, мы перешли, по обыкновенію, къ новостямъ.

— Что новаго въ Москвѣ?—спрашиваю я Писемскаго.

— Ничего!.. все постарому!.. такъ же шумятъ, такъ же ѣдятъ и такъ же спятъ,—отвѣчалъ Алексѣй Теофилактоничъ.

— Но вѣдь что нибудь дѣлается же Москва?

— Дѣлается—какъ не дѣлать!..—отвѣчалъ съ добродушной

улыбкой Инсескии!—нѣсколько времени тому назадъ неколотили твоего покорѣйшаго слугу.

— Какъ такъ! за что?

— Ни за что, ни про что, а такъ здорово живешь.

— Нельзя же челоѣка быть за «здорово живешь».

— Въ Москвѣ можно!.. въ Москвѣ все можно!...

— Да какъ же такъ?—объясни, пожалуйста.

— Очень просто. Возвращаюсь я однажды домой вечеромъ, въ сумерки не совѣтъ поздно, но было уже темно, вышелъ на дворъ вѣду стороной къ крыльцу. Вдругъ, откуда ни возьмись, какъ будто выросли изъ-подъ земли, насккиваютъ нѣсколько здоровенныхъ мужиковъ, въ рубахахъ, фартукахъ и картузахъ, въ родѣ биржевыхъ рабочихъ, бросаются на меня, накладываютъ полы моей хламиды мнѣ на голову, такъ что я кричать уже никакъ не могъ, валитъ меня на землю и накладываютъ мнѣ подъ бокъ, по шеѣ и по зубамъ. Бьютъ и приговариваютъ:—«Не нини, наkostenъ, про хорошихъ людей жерзостей!.. не клепли!.. не порочи!.. житья отъ тебя никому не стало, перелаять ты пѣхъ здѣсь, пѣсь цѣпной!.. Что, чувствуешь ли, какъ это хорошо!.. Чувствуешь?.. а? не будешь больше? говори!.. да говори же, Николай Ивановичъ! не то еще прибавлять, да такъ, что не скоро и забудешь!»...—«Да я не Николай Ивановичъ,—измолдился я подъ кулаками:—я—Алексѣй Теофилактовъ, что вы дѣлаете со мной, душегубы!»---«И впрямь, это не тотъ!»—отозвался одинъ изъ нихъ, взглядываясь мнѣ въ лицо:—«это самъ хозяинъ дома! простите, сударь, мы васъ приняли за Настухона ¹⁾. Намъ хозяина нельзя потрепать. Николай Ивановича, ошибка, сударь, вышла, ужъ вы простите, Бога ради!».—И мужики бросились бѣжать. Конечно, я ихъ не преслѣдовалъ, а поторопился убраться домой да растереться перцовкой, чтобы синяковъ не было... Такихъ-то родовъ воть въ чужомъ миру похмѣлье и принимаются... Что, хороши наши московскіе порядки?

Я пожелалъ отъ души «честнѣйшаго и славитѣйшаго Теофилактыча», какъ звали Инсескаго въ шутку москвичи, и раздражился страшною филиппикой по поводу «самоуправства» и «же-

¹⁾ Известный газетный репортеръ того времени, по давнишій покою москвичамъ; въ настоящее время надаетъ газету «Московскій Листокъ».

стокости нашихъ правотъ»... Смотрю—Писемскій откинулся въ креслѣ и заливается громкимъ смѣхомъ.

— Чему ты радъ?—спрашиваю я его въ недоумѣніи.

— А ты и пофрляй моей встрѣчѣ съ «самоуправцами»... Это я тебѣ разсказалъ легенду о самоуправцахъ нашей прессы... Набрасываются они изъ-за угла и бьютъ истрѣчного и поперечного, не разбирая даже тотъ ли это, кого имъ нужно.

— Ну, это дѣло другого рода, къ этому бока наши привычны,—замѣтилъ и я въ свою очередь.

«Встрѣча съ самоуправцами» — послѣдній разсказъ, который я слышалъ отъ А. Ѳ. Писемскаго.

М. П. ГЛИНКА У ГРАФА ВІЕЛЬГОРСКАГО.

ГРАФЪ Михаилъ Юрьевичъ Вѣльгорскій, какъ извѣстно, былъ художникъ-любитель, музыкантъ и виртуозъ. Онъ игралъ роль мецената и своимъ влияніемъ изъ обществъ и связей при дворѣ могъ сдѣлать многое. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если художники, артисты и музыканты тѣснились вокругъ него и искали его покровительства. М. П. Глинка не избѣжалъ общей участи. Окончивъ первую свою оперу «Иванъ Сусанинъ» (переименованную потомъ въ «Жизнь за царя»), 28-го февраля 1836 года, онъ явился къ Михаилу Юрьевичу и просилъ его ходатайства о постановкѣ пьесы на сценѣ Большаго театра. Графъ обѣщалъ ему велическое содѣйствіе и пригласилъ его заѣхать къ нему чрезъ нѣсколько времени.

Живой, первый Глинка неособенно остался доволенъ пріемомъ графа. Но слава его, какъ композитора, еще не стояла высоко, и поэтому нужно было дорожить расположеніемъ вельможи. 10-го марта, въ залахъ графа Вѣльгорскаго состоялась первая репетиція оперы. Оркестръ былъ хотя и неполный, но его составляли театральные музыканты. Хоры исполняли придворные пѣвчіе, тріо и дуэты проѣхавъ артисты. Дирижировалъ оркестромъ самъ Глинка. Музыканты недостаточно разучили партитуру, а потому первое исполненіе увертюры вышло неудачно. Принялось сыграть второй разъ. Хоры вышли лучше. Артисты исполнили прекрасно. Глинка суетился, бѣгалъ, билъ тактъ и морщился. Его разгорѣвшееся лицо и блестящіе глаза выдавали внутреннее волненіе. Но когда пьеса была окончена и залъ огласился дружными рукоплеска-

ніями, онъ просіялъ: всеобщія поздравленія, одобренія и рукопожатія побѣдили неуѣренность и недовольство, композиторъ развеселился и благодарилъ отъ души всѣхъ почитателей.

— Это chef d'oeuvre!—говорилъ графъ Михаилъ Юрьевичъ. После «Фенеллы» и «Роберта» страшно сочинить оперы. Кто посмѣетъ постановить на судъ публики свое сочиненіе, когда она избалована «Ніюмою изъ Нортян» и «Длинноухомъ». Опера же Глинки замѣчательна своимъ оригинальностью. Отъ начала до конца она носитъ на себѣ характеръ исключительно русско-польскій. А это не бездѣлица! Притомъ финалъ и послѣдній романсъ написаны гениально. Я увѣренъ, что это сочиненіе будетъ нѣтъ неравниваемо болѣе ушей въ чужихъ краяхъ, нежели у насъ. Мы еще далеки отъ того, чтобы восхищаться своей оригинальностью. Мы согласимся скорѣе признать это старинною, нежели мастерскимъ произведеніемъ великаго таланта.

Съ этого времени Глинка сталъ чаще посѣщать графа Вельгорскаго. Сидя однажды въ его кабинетѣ, въ ожиданіи поздравленія домою графа, онъ вступилъ въ разговоръ съ работавшимъ у графа какимъ-то живописцемъ и высказалъ слѣдующее: «Я всегда завидую живописцу. Я вижу, какъ постепенно наслаждается онъ своимъ произведеніемъ, и какъ прочно это наслажденіе. При одинаковомъ расположеніи души, оно всегда одинаково, между тѣмъ какъ наслажденіе отъ музыки даруется не всегда, и для того, чтобы вкусить его, должно имѣть много терпѣнія, пока не услышишь всего цѣлаго. Часто отдѣльныя части ничего не носятъ на себѣ необыкновеннаго, а все цѣлое представляетъ удивительный даръ, отличное произведеніе. Въ живописи же, напротивъ, душа каждымъ штрихомъ восхищается, и этотъ штрихъ вѣченъ, неизмѣненъ, а въ музыкѣ все зависитъ отъ исполненія».

Въ другой разъ онъ говорилъ: «Я не върилъ бы въ будущее блаженство, еслибъ не видѣлъ на землѣ этихъ трехъ высшихъ искусствъ: музыки, живописи и поэзіи; они суть представители грядущаго счастья. Человѣкъ, приходя отъ нихъ въ восторгъ, позабываетъ о землѣ, душа его блаженствуетъ, и онъ считаетъ себя въ ту минуту совершенно счастливымъ, потому что состояніе его духа не требуетъ ничего высшаго, ничего сильнѣйшаго. И эта точка, на которой мы останавливаемся въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ къ лучшему, — есть точка истиннаго счастья. Будущее блаженство, должно быть, такое же состояніе нашей души, только бо-

лѣе продолженное. Мы приходимъ здѣсь въ посторѣ на одно мгновеніе—тамъ же оно будетъ безъ границъ и мѣры».

Въ концѣ года, опера Глинки, благодаря хлопотамъ и предательству графа Вельгорскаго, была поставлена на сцену. Нужно ли говорить, что она произвела фуроръ. Михаилъ Юрьевичъ отозвался о ней слѣдующими словами: «Глинка совершенно изучилъ и постигъ духъ нашей гармоніи. Въ его мотивахъ вы найдете все русское и ни одной русской пѣсни, которую бы намъ когда нибудь случалось слышать. Вы будете много узнавать, намъ покажется, что всѣ пассажи его оперы суть мѣста намъ знакомыя, а переберете въ памяти нашей всѣ русскія пѣсни, вы ни одной не найдете, которая бы пѣлась на голосъ арій Глинки. О томъ, какъ хороши и удачны хоры польскіе, — и говорить нечего. Мазурочный кадансъ этихъ хоровъ есть самая счастливая мысль, которую не-мастеръ своего дѣла могъ бы довести до тривіальности. Что же касается тріо и послѣдняго дуэта, это то, — повторю, — *chef d'oeuvre* Глинки».

Впоследствии, Глинка, въ пріятельскомъ кружкѣ, называлъ графа М. Ю. Вельгорскаго «своимъ Юлиномъ Крестителемъ».

МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗНАКОМСТВА.

ГОДЪ 1865.

I.

Первыя литературныя работы.—Норениiska съ Н. А. Некрасовымъ и Д. Д. Миннаемъ.—Пѣснь въ Петербургъ.—Потѣшка въ Лѣсной.—Встрѣча съ А. П. Швабъ и О. С. Хиршманомъ.—Д. Д. Миннаевъ.

МИТЕРАТУРНАЯ моя дѣятельность началась въ 1863 году. Служа еще въ нижнемъ званіи въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ, я помѣстилъ въ «Военномъ Сборникѣ» статью объ обезпеченіи нижнихъ чиновъ въ отставкѣ и въ солдатскихъ журнальчикахъ—нѣсколько стихотвореній изъ солдатскаго быта. Дѣятельность эта продолжалась и въ 1864 году, по произношеніи меня въ офицеры. Дмитрій Дмитріевичъ Миннаевъ ¹⁾

¹⁾ Дмитрій Дмитріевичъ Миннаевъ — извѣстный талантливый и остроумный поэтъ-сатирикъ скончался въ г. Самарѣ 10 июля 1889 года и до сихъ поръ еще не оцененъ, по достоинству, нашей партійной критикой, съ которой у покойнаго были свои счеты.

Почти двадцать лѣтъ лѣтъ я былъ знакомъ съ нимъ, бывалъ у него, принималъ у себя, подилъ, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль, дружилъ и ссорился, вновь сходилъ и расходился, жилъ одно лѣто вмѣстѣ съ нимъ на дачѣ, и встрѣчался съ нимъ на послѣднихъ дняхъ передъ отъѣздомъ его на родину. При такихъ условіяхъ, я имѣлъ возможность видѣть его жизнь и его работу, которую работу для наполненія бездонной бочки данады житейскихъ по-

забыл одно из моих стихотворений и в «Русском Слове», где он вел фельетон под псевдонимом «Темная голова», поставил его на прищипку поэту М. П. Розенгейму, писавшему, как известно, тягучие и вязкие стихи. Я написал ему благодарственное

требуется, имел возможность узнать его характер, личные достоинства, способности, средства и, наконец, увлечения и слабости, и, поэтому, смел думать, что на мне лежит обязанность сообщить для будущего его биографа некоторые характерные черты из его жизни.

Сын даровитого отца, тоже известного в свое время поэта, автора «Болжеских дум» и переводчика «Сюны о полку Игореве», Дмитрий Иванович Минаев, Дмитрий Дмитриевич принадлежал к числу дворян помещиков Симбирской губернии. Родился он 21 октября 1835 года, получил воспитание в доме отца, который предназначал его к военной службе и в 1850 году поместил в бывший Дюринский полк. Молодой юнкер учился хорошо, но ни как не мог освоиться со строгой военной дисциплиной. Не чувствуя в себе призвания, как он выражался сам, к созданию себе карьеры посредством обращения живой человеческой личности в картонного манекена на проволоках, он окончил курс в 1852 году и вышел из полка для определения к статским делам, с чином XIV класса. Отец его был очень не доволен подобным самовольным поступком сына, но исправить сдланного было невозможно и огорченный родители, после нескольких чувствительных домашних внушений, должны были скрывать сердце, поместить молодого упрямца на службу в Симбирскую казенную палату. Гражданская служба тоже не удовлетворяла кипучую натуру поэта. После Семипалатинской войны, Россия потрясена, ее охватили жажда реформы и свободы, молодое поколение горячо сочувствовало подобным стремлениям и, поэтому, ничто удивительного, что Дмитрий Дмитриевич потянула разгоравшаяся пирь столичной жизни, он оставил службу в провинции и перешел в Петербург, где и причислился к земскому отделу министерства внутренних дел. Служба его, однако, продолжалась недолго. Он предался литературе — и вышел в отставку. В 1858 году он дебютировал в некоторых журналах Петербургских периодических изданиях. В 1860 году издал под псевдонимом Д. Сивилского «В. Г. Вильниский», первый опыт биографии знаменитого критика, с 1861 года делается сотрудником «Современника» и «Русского слова», потом «Искры», «Дела», «Отечественных Записок», «Вестника Европы» и многих других еженедельников и еженедельников либерального направления. Но своей талантливости и трудолюбию — это был русский Бальзак, писавший без перерыва сличком тридцать лет. Он писал все и обо всем с такой легкостью и плодотворностью, что самые ожесточенные враги его должны были признать за ним

письмо, а Николаю Алексѣвичу Некрасову посвятить «Солдатскую думку», посланную ему при слѣдующемъ посланіи:

Тебѣ посвящаю, пѣвецъ,
Тихую думу солдата,
Быть можетъ, хотѣ ты, наконецъ,
Принять пожеланіе изъ нежъ брата.

Ты отдать всю жизнь мужику;
Солдатское горе похуже:
Недѣлн ли помочь бѣднику
Въ его невещественной «и у жѣ»?..

Что нужно ему—ты поймешь,
Что сдѣлалъ.—будетъ все ладно,
Одно уже то, что прочтешь
О горѣ его ты—отрадно...

посомѣнный талантъ. Преобладающимъ элементомъ его разнос-
торонняго таланта была прирожденная способность схватывать хо-
монтиально юмористическую сторону наѣстнаго лица, типа, харак-
тера или событія и факта и передать схваченное впечатлѣніе
въ остроумной, сильной и оригинальной формѣ сатирическаго или
шутливаго стихотворенія. Поэтому главнѣйшее его специалитетомъ
былъ фельетонъ. Изъ ряду талантливѣйшихъ фельетонистовъ того
времени, какими были А. С. Суворинъ, М. К. Панютинъ, П. Ф. Ва-
силетскій и др., онъ занималъ одно изъ выдающихся мѣстъ, кото-
рое, въ смертію его, и по настоящее время не занято и, можетъ
быть, еще долго будетъ вакантнымъ. Его легкой остроумный фель-
етонный жанръ многимъ не нравился, потому что задибалъ и осмѣ-
валъ часто личные недостатки, стремленія или увлеченія извѣс-
ныхъ дѣятелей, но это было нужно для того времени, когда вы-
скакой иной уады для рыцарей и джентльменовъ-дѣльцовъ тогдѣш-
няго времени не было, и они сами, со скрежетомъ зубовъ, порой
совнашали жѣткость и правдивость «Минаевской», какъ они пре-
зрительно выражались, «сатиры». Съ теченіемъ же времени, когда
всѣ эти господа улягутся въ сырой землѣ, отпадутъ и вообще
«бичу его» будетъ сдѣлана надлежащая оцѣнка. Покойный сати-
рикъ несомнѣнно удачно писалъ литературныя народныя на великія про-
изведенія лучшихъ нашихъ поэтовъ, какъ, напр., на «Евгенія Оне-
гина» А. С. Пушкина и «Демона» М. Ю. Лермонтова. Ни до него,
ни послѣ него, въ нашей отечественной литературѣ, мы ничего по-
добнаго не знаемъ. Онъ владелъ необыкновенной бойкостью, лов-
костью и легкостью стиха и законченностью рифмы, отличающейся
особенной, ему только одному свойственной, виртуозностью. Какъ
великосвѣтская красавица, знающая цѣну своей очаровательной

Николай Алексѣевичъ отвѣчалъ, что онъ совѣтъ не знаетъ солдатскаго быта, но ознакомится и что вѣбудь напишетъ. И, дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени появилась его «Орпиа, мать солдатская». Минаевъ же прислалъ мнѣ оттискъ статьи своей съ отзывомъ о стихахъ моихъ и надписью на немъ:

«Поэтъ-солдатъ, снимай скорѣе ранецъ,
Въ цейхгаузъ сдай патроны и ружье,—
И въ главный штабъ поэтовъ, повобранецъ,
Сбѣжи къ намъ въ Интеръ, на житье».

Улыбѣ, поэтъ-юмористъ зналъ цѣну звонкости и закругленности рифмы и доводилъ ее, какъ онъ самъ выражался, «до трехсаженности». Но независимо этого легкаго специально-фельетоннаго творчества, ему не чужда была также и область серьезной лирики. Онъ переподилъ Ювенала, Байрона, Шелли, Виктора Гюго, Альфреда де-Виньи, Барбье, Гейне и многихъ другихъ старыхъ и новыхъ иностранныхъ поэтовъ. Его упрекали, что онъ переводитъ, не зная языковъ, съ которыхъ переводить. Но это не вполнѣ вѣрно. Онъ не зналъ языковъ въ совершенствѣ, для ботонной рѣчи и пзяцныхъ великосвѣтскихъ козери, но изучилъ ихъ, какъ многие наши литераторы, начиная съ Н. А. Полеваго и кончая А. Н. Островскимъ и С. А. Юрьевымъ, книжно, т. е. значеніе словъ, управленіе и смыслъ рѣчи, и руководился этимъ при переводѣ классиковъ или англійскихъ поэтовъ, французскій же и нѣмецкій языки зналъ какъ разговорные. Всѣ его переводы, не говоря уже о необыкновенной легкости и гладкости стихотворной формы, отличаются строгимъ литературнымъ вкусомъ, въ особенности при замѣнѣ не переводимыхъ латинизмовъ, галлицизмовъ и британизмовъ соответствующими русскими словами. У него никто не можетъ указать на такія погрѣшности перевода, какими блещутъ современные переводчики, какъ, напримѣръ, И. И. Гитдичъ, при переводѣ «Гамлета», малейшій книжальскій преобразилъ въ саножинское «снидо». Единственнымъ исключеніемъ въ данномъ случаѣ можетъ быть переводъ «Божественной Комедіи» Данте, сдѣланный съ подстрочнаго персвода, но и онъ, какъ всѣ прочіе Минаевскіе переводы иностранныхъ поэтовъ, чрезвычайно изящны и легки и остаются далеко за собою быть можетъ болѣе близкіе къ подлиннику, но тяжеловѣсные и прозаичные переводы прочихъ нашихъ переводчиковъ, прождъ Мина и другихъ. Переводами этими, однако, не исчерпывается серьезная литературная дѣятельность поэта-сатирика. Онъ написалъ также нѣсколько піесъ: «Либераль», «Сибіря піесня», «Не въ бровь, а въ глазъ», «Разоренное гнѣздо». На сколько онъ удовлетворялъ литературному вкусу — можно судить потому, что одна изъ нихъ была убѣждена Академіей наукъ Уваровскою пре-

Въ маѣ 1865 года, по усмиреніи польскаго возстанія, я взялъ отгусъкъ и въ іюнѣ явился въ Петербургъ. Покончивъ съ служебными порученіями и дѣловыми визитами, я толкнулся къ Н. А. Некрасову, но его въ городѣ не оказалось, онъ жилъ гдѣто въ деревнѣ. Минаевъ-же перѣхалъ на дачу, но куда—никто не зналъ. Въ адресномъ столѣ онъ значился отлученнымъ за городъ. Въ редакціи «Русскаго Слова» сказали, что адреса онъ еще не присылалъ, а въ редакціи «Нескры» отвѣтили, что онъ живетъ въ Лѣсной, но гдѣ именно—не знаютъ. Приходилось ждать до перваго редакціоннаго дня, когда сотрудники собирались. По желаніе поскорѣе познакомиться съ поэтомъ превозмогло и въ первый же праздничный день, одѣвшись въ парадную форму и накинувъ на плечи пальто, утромъ я отправился въ Лѣсную, съ предвзятой мыслию—обойти весь Лѣсной, но найти. Пришлось ѣхать въ пресловутомъ «Щанинскомъ копчегѣ», ходившемъ тогда отъ Гостиннаго

міей. Онъ писалъ много, работалъ усидчиво и съ любовью къ труду. Его не пугалъ никакой трудъ, и чѣмъ онъ былъ больше и серьезнѣй, тѣмъ легче онъ справлялся съ нимъ, принимался за него съ удвоенной энергіей и не оставлялъ, пока не одолѣвалъ той части, которая была пужна къ извѣстному времени. Особенный усилъ въ работѣ ему давало то, что онъ писалъ почти безъ помарокъ, такъ что у него не оставалось даже черновыхъ. Изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ Дмитрій Дмитріевичъ былъ самый плодовитый. Если собрать все имъ написанное, то однихъ стиховъ, мнѣ кажется, наберется болѣе двадцати томовъ. Такого количества стиховъ нѣтъ даже у Виктора Гюго, прожившаго 80-ть лѣтъ и считавшагося феноменомъ по стихотворной плодовитости. Въ 1883 году друзья и почитатели таланта отпраздновали 25-ти лѣтній юбилей литературной дѣятельности поэта-сатирика. Съ этого времени, по обстоятельствамъ, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, и по включившейся болѣзни, дѣятельность его значительно ограничилась, онъ долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга для леченія на югъ, а не задолго передъ кончиной ему удалось исполнить свое давнишнее желаніе — перебраться на родину, въ Симбирскъ, гдѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ и угасть въ такомъ возрастѣ (ему было всего 54 года), когда отчизна могла ожидать отъ него болѣе крупнаго, серьезно-обдуманнаго и вполнѣ интереснаго творчества. Онъ умеръ почти одинокомъ, семья его оставалась въ Петербургѣ, и похороненъ, по его собственному желанію, выраженному еще задолго передъ смертію, на оставленномъ и давно заброшенномъ Симбирскомъ кладбищѣ «у Соместнаго», на самомъ берегу любимой имъ Волги, рядомъ съ могилою отца, поэта Д. Н. Минаева.

двора, день стоялъ жаркій, народу, по случаю праздничнаго дня, набилось болѣе положеннаго, такъ что четверка худыхъ заморенныхъ клячь съ трудомъ дотанчила насъ въ Лѣсной къ полудню. Измученный и весь въ поту я обошелъ пол-Лѣснаго, неходя въ Англійскій просеки, Старопарголовскую дорогу, Обѣздную и съ десяткомъ другихъ улицъ и переулковъ, заходилъ въ каждую дачу, разспрашивалъ дворниковъ, городовыхъ, разносчиковъ,—и никто не могъ указать мнѣ, гдѣ живетъ поэтъ Минаевъ. Прошло часа два, я уже отчаявался въ уснѣхѣ моихъ поисковъ, какъ вдругъ случайно спрося въ одной ясной лавкѣ, хозяинъ ея не только что сообщалъ мнѣ адресъ его дачи, но и послалъ мальчика проводить меня къ нему ближайшей дорогой. «Эрика!» воскликнуть я и отправился съ провожатымъ. Мы прошли два-три переулка, и на дворѣ во флигелѣ одной изъ угловыхъ дачъ я обрѣлъ жилище поэта. Не безъ тревоги и волненія я поднялся на крылечко дачки и осмѣлился у вышедшей прислуги: «дома ли баринъ?»

— Дома-то дома, да еще спитъ, отиѣчала бойкая горничная, оглядывая меня съ головы до ногъ.

— А скоро ли встанетъ?

— Не знаю.

Для человѣка, привыкшаго вставать въ четыре часа утра, казалось страннымъ, что люди могутъ спать до двухъ и болѣе часовъ дня. Я оглянулся, посмотрѣлъ вокругъ и, увидѣвъ на дворѣ у налесадики, скамейку, сказалъ горничной: «хорошо, я подожду, когда баринъ встанетъ!» сошелъ съ крылечка, сбросилъ пальто, снялъ кепи и расположился на скамейкѣ.

Не прошло пяти минутъ, изъ дачки вышелъ и подошелъ ко мнѣ довольно высокій, худощавый и блѣдный молодой человѣкъ, въ потертой пиджачной парѣ, надѣтой на рубаху (какъ оказалось потомъ Вороновъ, авторъ «Московскихъ поръ и трущобъ», жившій тогда, какъ и нѣкоторые другіе впоследствии, у Минаева «изъ милости на кухнѣ»). Не поклонившись, и смотря куда-то въ сторону, онъ спросилъ меня, какъ будто мимоходомъ: «зачѣмъ мнѣ нуженъ Дмитрій Дмитріевичъ?»

Я посмотрѣлъ на него, и, отвернувшись въ сторону, отиѣчалъ: «это дѣло мое».

— Въ такомъ случаѣ намъ придется долго ждать, онъ не скоро встанетъ.

— Ну, что дѣлать, подожду.

ной шляпѣ и золотыхъ, сильно подтянутыхъ къ глазамъ, очкахъ. Походка его была непринужденна и легка, взглядъ присталелъ и серьезенъ. Онъ оглядывался въ лица сидѣвшихъ вокругъ ресторана и на галереѣ дачниковъ и съ нѣкоторыми раскланился. Проходя мимо нашего стола, онъ остановился, пожалъ руку Харламову и посмотрѣлъ на меня въ упоръ. Я присталъ и назвалъ свою фамилію.

— Такъ это вы у меня дежурили нынче на дворѣ, разсмѣялся Минаевъ, пожимая мнѣ руку, жена перенуталась и говоритъ, что приходилъ какой-то полицейскій!... Насилу я ее разубѣдилъ.

Харламовъ подошннулъ ему стулъ и онъ присталъ. Я разсказалъ ему, какъ я его разыскивалъ въ Петербургѣ и потомъ въ Лѣвномъ, и какъ найди его, хотѣлъ, не смотря на весь комизмъ моего положенія, добиться свиданія съ нимъ.

— Ничего, отзывался онъ, сейчасъ видна военная настоятельность, это мнѣ нравится, я самъ военный, воспитывался въ школахъ гвардейскихъ подпоручиковъ и юнкеровъ, а вышелъ статскимъ.

Между тѣмъ Харламовъ распорядился по части благородныхъ напитковъ—принесли вино. Къ Швабе подошли какіе-то «нѣмецкіе чедовѣки» и унесли его съ собой. Мы остались втроемъ и стали бесѣдовать самымъ непринужденнымъ манеромъ. На радости выпитія, по обыкновенію, выпили, а спустя полчаса «потъ-солдатъ» и «попорпоричья-воетъ», по-военному чокнулись, поцаловались и выпили «за ты». Военная утреннее мое дежурство, Дмитрій Дмитриевичъ, все еще находившійся подъ вліяніемъ сдѣланной женою неловкости, сказалъ мнѣ:

Ну, не сердись, потъ-солдатъ,
И выпилость за жену,
Но въ этомъ я не виноватъ.—
И нахожусь самъ въ плѣну...
Межь нами—преклони свой слухъ!—
Моя жена—мой злой еннухъ...

— Ну, потъ и экспромтъ! браню! браню! задвигался шумно Харламовъ, по этому случаю я предлагаю выпить.

Выпили. Разговоръ оживился. Къ Минаеву подошли еще два три знакомыхъ и пристали къ столу. Заговорили о музыкѣ гренадерскаго полка, игравшей въ Лѣвномъ, объ оркестрѣ Рейнбольта, о тирольцахъ Райнера и акробатахъ Томсонъ и Шумахъ, посмѣшавъ

шихъ Лѣсную публичку. Кто-то разсказалъ анекдотъ о тогдашнемъ петербургскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Суворовѣ. Наконецъ, когда разговорный матеріалъ сталъ изсякать, Харламонъ обратился къ Минаеву съ просьбою сказать экстремтикъ на злобу дня. Минаевъ посмотрѣлъ на него, улыбнулся, выхнулъ раза два напирсофъ и сказалъ:

Пріятный, говорятъ, вамъ данъ судьбой,
Харламонъ, постъ:
Должны вы будете намъ выстроить второй
Харламонъ мостъ.

— А вотъ не угадали, засмѣялся художникъ, напротивъ, я думаю о соборѣ.

Минаевъ откинулъ голову и, ядовито улыбувшійся, отвѣчалъ:

Пусть такъ! Я не вступаю съ вами въ споръ,
Вопросъ такъ простъ:
Вѣдь строить выгоднѣй большой соборъ,
Чѣмъ малый мостъ.

Харламонъ насупился. Минаевъ всталъ, потрепалъ его по плечу, и наставительно замѣтилъ:

— Ну, какъ не стыдно сердиться! Вѣдь это къ намъ не относится: я сказалъ вообще о строителяхъ. И обратясь ко мнѣ, спросилъ: ну, а ты, постъ-солдатъ, что думаешь строить?

— Ничего, отвѣчалъ я, не подумавъ, солдаты ничего не строятъ.

— Неправда! проговорилъ, смотря мнѣ въ глаза, Минаевъ, и солдаты кое-что строятъ. И, выхнувъ раза два напирсофъ, добавилъ:

Солдаты строятъ фронтъ и цѣпи,
Каре, колонны, кучки,
Мундиры, ранцы, шапки, кепи,
Портняжки и опучки!

Всѣ захохотали.

— Откуда вы это знаете, Дмитрій Дмитріевичъ? спросилъ его одинъ изъ присѣвшихъ къ нашему столу знакомыхъ его, ны въ солдатахъ не служили.

— Да, я хотя и не солдатъ, отвѣчалъ Минаевъ, усаживаясь поглубже въ кресло, стоявшее въ концѣ стола, но я штыкъ-юнкеръ

русского слова (намекая этимъ на свою принадлежность и къ литературѣ, и къ Благосвѣтловскому журналу «Русское Слово»), и потому обязанъ знать всѣ солдатскіе обычаи.

Но не успѣлъ онъ кончить этой фразы, какъ изъ-за угла ресторана показалась его супруга, пришедшая въ сопровожденіи Вронсона.

— А я за тобой пришла, Митя, прогонила она, подойдя къ галлерей, пойдемъ домой, пора обѣдать!

— Ступай, я приѣду, отиѣтилъ небрежно, но нерѣшительно поэтъ.

— Итъ, итъ, перебила его настойчиво супруга, пойдемъ!.. а то ты засидишься и кушанье перестанется.

Минасень вскочилъ какъ ужасенный скорпіонъ, развелъ руками и, кикнувъ на жену головою, быстро прогонорилъ: «рекомендую: любящимъ супругамъ!.. безъ мужа не можетъ обѣдать»...

Компанія смолкла и смотрѣла съ какимъ-то напряженнымъ любопытствомъ то на поэта, то на его «любимую супругу», которая стояла молча, опустила голову, и чертила узоры на пескѣ зонтикомъ. Минасень нынѣ залпомъ стаканъ вина, отступилъ шагъ назадъ, усиленно пахнулъ нѣсколько разъ напросой и живо прогонорилъ:

Отъ любви подобной да избавить Богъ!

День и ночь супруга глядь съ меня не сподить,

Шага не пускаетъ сдѣлать на порогъ,

Даже... всюду, всюду, встѣтъ за мною ходить.

Компанія сосредоточенно молчала. Но Минасень взглянувъ на жену, продолжавшую выводить на пескѣ узоры, какъ будто сконфузился, и быстро повернувшись, сталъ собираться домой. Нахѣвъ шляпу и взявъ простыню и палку, онъ сказалъ; пожимая намъ руки, «а прочее, прощайте, господа, обѣдать дѣйствительно нужно». Затѣмъ онъ быстро сбѣжалъ съ лѣсенки и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но вдругъ, какъ бы одумавшись, вернулся на галлерею и, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «По праздникамъ я всегда дома, прошу безъ церемоній, обѣдать или гулять, жена будетъ рада». Я не успѣлъ поблагодарить его, какъ изъ-за билеюстрады галлерей раздался снова голосъ жены Минасена: «пойдемъ же, Митя!» и поэтъ торопливо сошелъ съ лѣсенки и, въ сопровожденіи своей супруги и ея аттана, исчезъ за угломъ ресторана.

II.

Визитъ Минасву. — Знакомство съ Н. С. Курочкинымъ. — Вечѣра. —
Знаменъ. — Обѣдъ и чтеніе. — Вечерній чай и возвращеніе домой.

Спустя недѣлю двѣ, въ какой то праздничный день, я повторилъ визитъ въ «лѣбныя палестины».

— Дома? спрашиваю, поднявшись на знакомое крылечко, у служанки.

— Дома-съ, пожалуйста, будьте отивѣть. И меня провели въ кабинетъ Дмитрія Дмитріевича.

Это была большая съ двумя выходившими на дворъ окнами комната, заставленная всевозможной мебелью и заваленная бумагами, книгами и газетами. Въ простѣнѣкъ между окнами стоялъ письменный столъ и бокомъ къ нему придвинутое кресло, на которомъ возсѣдалъ самъ хозяинъ, въ русской вышущенной поверхъ брюкъ и подпоясанной пояскомъ рубашкѣ и туфляхъ. Онъ только что возвратился изъ купальни, пилъ чай и пробѣгалъ новыя газеты. У противоположной стѣны стоялъ диванъ, на которомъ, облокотясь на подушку, полулежалъ, накрывшись простынею, человекъ съ большою лысиною, мясатымъ краснымъ лицомъ, маленькими, живыми, зорко смотрящими глазами и черной съ простѣдою курчавой бородой, а прямо стоялъ передвинутый съ двумя креслами столъ, установленный чайнымъ приборомъ и закусками. Тамъ и сямъ по стульямъ лежало платье, на полу валялись сапоги, туфли, калоши, разные домашнія принадлежности, дѣтскія игрушки, прочтанныя газеты, и бумаги безъ конца.

— А, поэтъ-солдатъ! опривѣтствовалъ меня, поднявшись съ кресла и сдѣлавъ шагъ впередъ, поэтъ сатирикъ, ну, вотъ и отлично, что прѣхалъ! папика-малычикъ! а я уже вспоминалъ о тебѣ и думалъ самъ затѣхать за тобою, говорилъ онъ мнѣ, сердечно пожмая руку, садись пожалуйста! не хочешь-ли чаю?

И поблагодарилъ его, сказавъ, что въ такой жаркій день и безъ чаю жарко.

— А я такъ весь день пью чай, въ особенности когда работаю, сказалъ Дмитрій Дмитріевичъ, усаживаясь въ кресло.

— Не врите, Минасъ, раздавался голосъ съ дивана, полдня вы спите, а полдня болтаетесь.

— А, я и забывалъ васъ познакомиться, поскликнулъ неслышно Ми-

насесть и схватить меня за руку, подвель къ дивану. Эта туша — мой мужъ, Николай Степановичъ Курочкинъ, поэтъ и чернокушечникъ!

Я поклонился и мы пожали другъ другу руки.

— Позвольте! я еще не кончилъ представленія, засмѣялся Минаевъ, это книгожоръ и людоемъ, питается одними книгами, крохъ, конечно, всякихъ гастрономическихъ пищевыхъ деликатесовъ, до которыхъ онъ также большой охотникъ, и морить людей, но не лѣкарствами морить, а ядомъ своихъ стиховъ морить людей со смѣху.

Курочкинъ молчалъ и только — улыбался.

— Впрочемъ, я долженъ сказать откровенно, продолжалъ Минаевъ, человекъ хороший, я его люблю, даже болѣе, чѣмъ люблю, уважаю. Онъ для меня — авторитетъ во всѣхъ мелочахъ жизни, не исключая даже самыхъ важныхъ, именно домашнихъ. И онъ сталъ на одно колено, сдержуль съ Курочкина простыню, (Курочкинъ лежалъ совершенно голый, даже безъ бѣлья) и, перекрестясь, съ возгласомъ: «отче, Николае, моли Бога о насъ!» поцѣловалъ его въ животъ.

— Ну, а это — вставъ и накрывъ опять Курочкина простынею, онъ проговорилъ ему: — Мартыновъ, поэтъ-солдатъ, ты его уже знаешь!

— Опять скажу: не врите, Минаевъ, перебилъ его съ добродушной улыбкой Николай Степановичъ, я все же не знаю поэта Мартынова, первый разъ въ жизни вижу его. Г. Мартыновъ, обратися онъ ко мнѣ, позвольте и мнѣ, какъ Дмитрію, обращаться съ вами короче, и называть насъ поэтъ-солдатъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

— Ну, такъ вотъ что, поэтъ-солдатъ, прежде всего мнѣ было бы пріятно узнать вашу біографію: не потрудитесь-ли вы ознакомить меня съ нею?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Минаевъ утѣлся за газеты, а я, прохаживаясь по кабинету изъ одного угла въ другой, сталъ разсказывать эпосомъ своей жизни. Курочкинъ порочался, кашлялъ, но молчалъ. Минаевъ сдѣлалъ двѣ восклицанія, перебившіе разсказы.

— Молчите, Минаевъ, провозгласилъ наставительно Николай Степановичъ, не важъ разсказывать, мнѣ! Иначе, мы должны будемъ уйти въ ваннъ гнѣской.

— Отче, Николае, моли Бога о насъ! запылъ Минаевъ.

— Молчите, Минаевъ, повторю вамъ! окрикнулъ Курочкинъ, и

Минаевъ умоляетъ. Продолжайте, поэтъ Мартыановъ, обратился онъ ко мнѣ. И я снова сталъ ходить по комнатамъ и рассказывать.

Прослушавъ рассказъ до поступленія моего въ военную службу, Николай Степановичъ остановилъ меня.

— Хорошо-съ! сказали вы. Но знакомы-ли вы съ русскою литературой? Знаете-ли вы Пушкина?

Не сказавъ ни слова въ отвѣтъ, я остановился передъ нимъ и прочелъ наизусть нѣсколько строкъ изъ «Евгенія Онегина».

— Хорошо. А Лермонтова знаете?

Я прочиталъ «Бородино» и «Новоселье».

— О Некрасовѣ имѣете понятіе?

Я прочиталъ «Огородника» и «Зеленый шумъ», и рассказалъ, что я ему посвятилъ «Думку солдатскую».

— Вѣст! отозвался Николай Степановичъ. А что вы знаете изъ другихъ поэтовъ.

Я сталъ читать «Ватерло» Бенедиктова.

— Хорошо-съ, прерывалъ меня Курочкинъ, дальше, но читайте только по одной строкѣ изъ каждого поэта.

Я прочиталъ строфу «Клермонтскаго собора» Майкова, «Отойди отъ меня, сатана» Мая, «Духъ гренадеръ» въ переводѣ В. С. Курочкина и «Какъ яблочко румянъ» его же.

— Отлично! произнесъ одобрительно Николай Степановичъ. Да это у насъ, въ Петербургѣ, немногіе поэты знаютъ.

— Я хотя знаю, воображался Минаевъ, но прочитать—не прочитаю.

— Но вы, Минаевъ, извѣстно, съострилъ добродушно «Отче Николае», пишете много, а читаете мало и, обратясь ко мнѣ, сказали: ну-съ, поэтъ Мартыановъ, теперь прочитайте намъ что-нибудь изъ своихъ произведеній.

— Извините, Николай Степановичъ, отвѣчалъ я, разводя руками, своего-то я ничего не читаю.

— Это отчего?

— Правно, не знаю отчего, только когда начинаю читать — путаюсь.

— Это не резонъ, надо постараться выучить дѣй-три пещи наизусть, насъ здѣсь будутъ просить читать, тѣмъ болѣе, что вы читаете стихи не дурию.

— Ну, что присталя, кумъ, воображался опять Минаевъ, я тоже не могу своего читать, забываю.

— Вы, Минаевъ, себя съ нимъ не равняйте, вы — извѣстный

лѣзтый, отческивалъ, добродушно улыбаясь, Курочкинъ. А онъ можетъ выучить.

Въ эту минуту отворила дверь кабинета супруга Дмитрія Дмитріевича и хотѣла войти.

— Не ходи! замахалъ руками Минаевъ, кумъ лежитъ въ костюмѣ прародителя и, какъ змій, некунаетъ поэта-солдата.

— Идите обѣдать! разсѣялась она и притворила дверь.

— Минаевъ подалъ Курочкину бѣлье, туфли, и, при пѣвѣ стихирь, облекъ его въ старыя клѣтчатыя пальмерстоны. Перешли въ столовую, Минаевъ официально представилъ меня своей супругѣ Екатерины Александровнѣ, и заговоръ стали садиться за столъ.

Хозяйка помѣстилась въ верхнемъ концѣ стола, по правую ея руку сѣлъ кумъ, по лѣвую адъютантъ Вороновъ. Меня Минаевъ посадилъ рядомъ съ собою на другомъ концѣ стола.

Передъ нами стоялъ графинчикъ водки, передъ кумомъ нѣсколько бутылокъ разнаго вина, посрединѣ стола красовались вестфальская ветчина, сливочное масло, сыръ рокфоръ, анчоусы, икра и селедка. Хозяйка налила марсалы куму, мы же съ Минаевымъ выпили водки.

— Вороновъ, хочешь водки? окрикнулъ адъютанта Минаевъ.

— Ахъ, Митя, развѣ ты не знаешь, что ему нельзя, взглянула строго Екатерина Александровна на мужа, я лучше ему налью вина.

— Вороновъ къ порону летитъ, вороновъ порону кричитъ, продекламировалъ Дмитрій Дмитріевичъ, прожеванная кусокъ селедки, и потянулся къ графину, чтобы налить себѣ и мнѣ еще по рюмкѣ водки.

— Митя, укоризненно обратилась Екатерина Александровна къ мужу, вѣдь тебѣ тоже нельзя пить больше, ты знаешь, докторъ не позволяетъ, не правда-ли, кумъ, вѣдь ему вредно? Пусть нашъ новый другъ, пьетъ, сколько угодно, а ты, Дмитрій, пожалѣй себя.

— И я то себя жалѣю, матушка, отвѣчалъ Минаевъ, взявшись за рюмку, а потому и хочу выпить. И мы выпили съ нимъ по третей.

Курочкинъ, между тѣмъ, выпилъ вина, смаковалъ и хвалилъ закуску.

— Гдѣ это вы берете такую чудную икру, обратился онъ къ хозяйкѣ.

— Это я беру, перебилъ его Минаевъ, а не она, спроси меня, если дѣйствительно хочешь знать гдѣ продается икра? Да перешли-ка сюда ветчину и рокфоръ, мы съ поэтомъ-солдатомъ еще по одной выпьемъ.

— Тебѣ нельзя, Митя, много пить, я уже сказала, загорячилась Екатерина Александровна и, обратясь къ Курочкину, авторитетно добавила, повторите это ему, кумъ, какъ докторъ.

— Поэтъ Минаевъ, сдѣлавъ серьезную мину, сказалъ кумъ, мы не должны пить, если намъ запрещаетъ наша супруга: иначе я буду вынужденъ обрушиться на насъ всѣмъ грома и проклятія Ватикана.

— Кто говоритъ, что я не слушаю, что говорить мнѣ жена, возмущенъ голосъ поэтъ-сатирикъ, я всегда слушаю... Она говорить, что мнѣ предво много пить, и я много пить не стану, а эту рожку вынью. Поэтъ-солдатъ, ты тоже выньешь. И мы чокнулись и выпили.

— Уберите водку со стола, обратилась Екатерина Александровна къ прислугѣ. Водки и закуски были сняты и на столѣ появилась ботвинья съ досовиной и супъ съ кореньями и пирожками. Хозяйка сдѣлала опросъ: кому чего? Курочкинъ взялъ супъ, прочіе всѣ погипровали за ботвинью, и такъ какъ аниситы у всѣхъ были хорошіе, то тарелки опустѣли моментально. Сдѣлали повтореніе и вторыми тарелки опустѣли.

— Не съѣсть ли намъ, суну, поэтъ-солдатъ, предложилъ Дмитрій Дмитриевичъ. Ты только попробуй. Какіе пирожки печетъ у жегя жена — языкъ проглотить. Но это, я долженъ сказать тебѣ по секрету, она готовится, когда у насъ обѣдаетъ потъ этотъ гурманъ, чревоугодникъ, и онъ указалъ глазами на Курочкина, а въ прочіе дни она готовить очень ординарный обѣдъ.

— Не правда, не правда, обѣдала Екатерина Александровна, у насъ всегда обѣдъ хорошій, только онъ ничего не понимаетъ въ кушаньяхъ, ужасно тупой гастрономъ!

Намъ подали супъ съ пирожками и я попробовалъ: пирожки дѣйствительно во рту таяли, и супъ презентанскъ былъ очень вкусенъ. Я высказалъ это — и Екатерина Александровна была очень довольна.

Подали чинную рѣпу и снержу съ сабаіономъ. Вкусы опять раздѣлились, но мы съ Минаевымъ опять ѣли то и другое. Минаевъ поперхнулся и потребовалъ вина. Подали матеру и порвейицъ. Выпили. Подали молодую дичь съ салатомъ. Митѣя раздѣлился на счетъ салата. Курочкинъ прочиталъ чуть не цѣлую лекцію о салатѣ: когда, къ чему и какой салатъ надо подавать. Салатъ-кр-ссть, латукъ и цикорій, подали поводъ къ нѣкоторымъ позраженіямъ со стороны хозяйки.

Дмитрій Дмитриевичъ разрѣшилъ ихъ споръ слѣдующимъ экспромптомъ:

Эхъ, кумъ, оставь свои, пожалуйста, салаты,
Попроще пищу попицъ,
Видь мы съ тобой литературные солдаты,
И нужны намъ лишь борщъ да щи!

— Но согласенъ! возразилъ Николай Степановичъ. И простую пищу можно совершенствовать правильнымъ сочетаніемъ входящихъ въ нее элементовъ и добавленіемъ въ нее нѣкоторыхъ приностей, дающихъ лакомъ лучший вкусъ.

— Ну, замолодъ мельница! махнулъ рукой Минаевъ, теперь уже не остановишь.

— Вотъ, поэтъ Минаевъ, зашевелился Курочкинъ, вы всегда такъ рѣшаете всѣ стоящіе вѣдъ нашей компетенціи вопросы... Шархнулъ обухомъ по лбу—и концы!.. А слышали ли вы анекдотъ, какъ поваръ приготовилъ перчатки подъ соусомъ?.. Хотите я вамъ сделаю нѣчто подобное.

— Никто не отвергаетъ, кумъ, улыбулся Дмитрій Дмитриевичъ, твоихъ кулинарныхъ талантовъ. Но ты мнѣ скажи откровенно: былъ ли ты доволенъ хоть однимъ обѣдомъ въ теченіе всей твоей жизни? А ты ѣдалъ нескіе тонкіе претензіе деликатесы.

— Ну, какъ сказать, затруднился отвѣтить Николай Степановичъ.

— А мы, поэтъ, продолжалъ поражать его поэтъ-сатирикъ, ѣдимъ что придется—и довольны! Вотъ въ чемъ разница, кумъ, по существу, въ жизни гурмановъ и негурмановъ. А что теперь, я думаю, можно и закурить? обратился онъ къ женѣ.

— Пожалуйста, господа, не стѣсняетесь, разрѣшила любезно хозяйка, курите. Я сама курю.

Ворочаясь сходилъ въ кабинетъ, принесъ сигары и папирсы и зажечь свичку, заструился легкій синий дымокъ: Курочкинъ закурилъ сигару, прочіе папирсы. Одинъ я сидѣлъ безъ курева.

— А ты, что же, поэтъ-солдатъ, не куришь? обратился ко мнѣ Минаевъ, или тютюну нѣтъ?..

— Я совѣтъ не курю, отвѣчалъ я.

— Совѣтъ не куришь? что же ты старовѣръ что ли?

— Да, въ этомъ отношеніи старовѣръ, отвѣчалъ я, по привычку, хотя многіе старовѣры теперь уже курятъ.

Подали вафли съ вареньемъ и землянику «Викторію» со сли-
вами. Минаевъ съ Курочкинымъ взяли вафли и налили себѣ по
стакану краснаго вина. Прочіе ѣли ягоды. Хозяйка предложила на-
ливки, но наливки никто не пожелалъ.

— Поэтъ Мартылиновъ, обратился ко мнѣ Курочкинъ, обѣдъ
кончается, прочтите намъ что нибудь изъ вашихъ стихотвореній.

— Николай Степановичъ, я уже сказалъ вамъ, отиѣчалъ я
конфузливо, что ничего не помню.

— Не можетъ быть, изстаннымъ онъ, мы такъ много знаемъ
наизусть другихъ поэтовъ.

— Я привезъ съ собою тетрадь стихотвореній, чтобы напеча-
тать книжку, сдѣлалъ я послѣднюю попытку уклониться отъ чтенія,
если позволите, я привезу ее, и прочитаю вамъ не одно, — десять
стихотвореній.

— Все это прекрасно, мы объ этомъ потолкуемъ послѣ, а те-
перь прочтите намъ что нибудь, приставалъ Курочкинъ неот-
ступно.

— Что нибудь!.. Хорошо, извольте... Я вамъ прочту, но только
самую малюсенькую вещичку.

— Ну, что жъ, прочтите малюсенькую, и за то спасибо ска-
жемъ, улыбнулся самоодольно Курочкинъ.

— Встань, поэтъ-солдатъ, тронулъ меня за руку Минаевъ, и
прочти съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой...

Я всталъ и прочелъ: «Жизни солдатская».

Пляцъ-парады, да ученія
Служба, караулъ,
Маршировка, выхожденія,
Строгій артикулъ,
Лагерь, каша, стирка, сказка,
Вытяжка и фронтъ,
Чтеніе лабукъ, пѣсни, пляска,
Обуви ремонтъ,
Отъ поски и до походки—
Выправка съ утра,
Розги, палки, чарка водки—
И ура, ура!..

— Bravo, браво! поэтъ-солдатъ, захопалъ Дмитрій Дмитріевичъ,
тутъ есть мысль и форма, подрожательная, но форма.

— «И ура, ура!», смѣялся добродушно Курочкинъ, это—очень

недурно... Благодарю васъ, поэтъ Мартыяновъ, теперь вотъ мы поговоримъ пожалуй и о вашей тетради.

— Господа, кто хочетъ чаю, кто кофе, перебила хозяйка, и гдѣ вы будете пить: здѣсь, или въ кабинетъ?

— Конечно, въ кабинетъ, сказали, вставая, хозяинъ, да лучше бы подогрѣть и подать туда самоварчикъ. Воронъ, распорядись-ко!

— Мити, съ этихъ поръ самоваръ — къ чему это! Видь ты ляжешь отдохнуть, протестовала хозяйка.

— Ничего, я его прикрою тогда, а теперь пока посидимъ. Ты, кумъ, почувствуй у насъ.

— Пить, я побѣду домою, благо жара спала.

И мы, поблагодаривъ хозяйку, перекочевали въ кабинетъ. Екатерина Александровна отправилась въ дѣтскую.

Воронъ схлопоталъ самоваръ. За часъ Курочкинъ завелъ рѣчь о моей тетради и, съ общаго согласія, порѣшили устроить чтеніе. Я заявилъ, что скоро будетъ день моего рожденія и что жить было бы пріятно провести его вмѣстѣ съ ними, гдѣ нибудь пообѣдать, а послѣ обѣда заняться тетрадью.

— Хорошо, сказали. Минасенъ, въ первый редакціонный день «Некры», я познакомя тебя съ Василіемъ Степановичемъ Курочкинымъ, и тогда мы рѣшимъ, гдѣ и когда устроить обѣдъ и чтеніе.

«Кумъ» намелъ это исполнѣ основательнымъ и прибавилъ, что можетъ быть поэтъ Мартыяновъ захочетъ пригласить къ обѣду еще кого-нибудь изъ сотрудниковъ «Некры».

— Почему и не такъ? отозвался я весело, но это будетъ зависеть, конечно, отъ нашихъ указаній, господа.

— Ну, тамъ увидимъ, рѣшилъ Минасенъ, и мы, т.-е. я и Курочкинъ, напившись чаю, стали собираться по домамъ. Сказали хозяйкѣ, пришла Екатерина Александровна, мы попрощались съ ней и отправились. Минасенъ, какъ ни просила его жена остаться дома, увязался проводить кума, который жилъ тогда гдѣ-то въ деревнѣ за Лыснимъ, и уѣхалъ съ нимъ.

Сидя въ нанятую у чухонца караванку, Дмитрій Дмитріевичъ предлагалъ и мнѣ побѣхать вмѣстѣ съ ними, говоря:

Поэтъ-солдатъ, побѣдемъ вмѣстѣ къ куму,
И тамъ, вдали отъ городского шума,
Подъ сельскимъ крономъ почку проведемъ:
У кума есть вино, коньякъ и ромъ!

Но я поблагодарилъ его отъ души и вернулся въ городъ.

III.

Хлопоты въ цензурѣ. — Д. Д. Мининъ и редакція «Искры». — В. О. Курочкинъ. — М. М. Стопановскій. — В. П. Вуренинъ. — Студенты. — П. С. Курочкинъ. — П. И. Пашинъ. — П. И. Вейнбергъ. — Важный господинъ. — Аудіенція кончена.

Прошло недѣли дѣй елишкомъ, Мининъ не показывался, я уже думалъ, что онъ забылъ обо мнѣ, о моей тетради и предполагаемомъ чтеніи, и, конечно, не могъ не подпасть. Между тѣмъ одинъ мой пріятель Порфирій Асикритовичъ Климовъ, служившій при статъ-секретарѣ Бутковъ, предложилъ мнѣ подать книжку моихъ стихотвореній на свой счетъ. Я согласился на это охотно, такъ какъ мнѣ нельзя было долго засиживаться въ Петербургѣ, отдавъ тетрадь перенести и представить ее въ цензуру. Это было какъ разъ въ послѣдніе мѣсяцы существованія прежней предварительной Николаевской цензуры, сосредоточенной въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и имѣвшей, кромѣ того, чуть не отъ каждаго вѣдомства особенныхъ спеціальныхъ цензоровъ. Моя тетрадь поступила на просмотръ цензора общей цензуры г. Веселого и военнаго цензора генерала Штюмера, и, конечно, подверглась двойственному бичеванію: то, что пропускалъ одинъ цензоръ, вымарывалъ другой, и наоборотъ. Такимъ образомъ вся рукопись оказалась нецензурной красными крестами и только дѣй три пьесы остались нетронутыми. Поистинѣ, меня это очень огорчило и, вотъ, когда я сидѣлъ надъ тетрадью и думалъ: печатать ли это бѣдное искалѣченное дѣтище, или же отложить до будущаго года, когда пойдетъ въ силу только что утвержденный тогда новый цензурный уставъ, въ передней раздался звонокъ—и предо мной предсталъ Дмитрій Дмитриевичъ.

— Ну, вотъ и я, побликнись онъ, здоровыясь весело и добродушно, ты, чай, поэтъ-солдатъ, меня бранилъ уже, что я до сихъ поръ не былъ у тебя.

— Бранить—не бранилъ, Дмитрій Дмитриевичъ, но подивиться—подивился.

— Будь философъ, другъ, на нее смотри въ оба и ничему не удивляйся. Иначе всю жизнь придется потратить на одно удивленіе.

Увидавъ мою тетрадь, нецензурную красными крестами онъ спросилъ меня: а это что такое?

Я рассказал ему исторію похождения тетради и пожаловался на цензуру. Онъ усмѣхнулся и съ пафосомъ продекларировалъ:

На нашу мудрую цензуру
Напрасно сердиться тѣ сдуру:
Между товарищей, какъ воинъ,
Ты отличаешься стихами,
И на рожденіи достоинъ
За то цензурными крестами.

Бросивъ на стулъ бывшее у него на рукѣ пальто, шляпу и палку, Минасъ сѣлъ за столъ, и сталъ перелистывать тетрадь. Откинувъ нѣсколько страницъ, онъ покачалъ головою и продекларировалъ параситичъ.

Въ православныя цензуронъ
Душирекинешь, конечно, ты.
Надъ массою бусурманскихъ строфъ
У нихъ поставлены кресты.

— Вы, какъ поэтъ, должны были бы почувствовать некалѣчиюму музъ, «кастрированному вдохновенію», отпѣвать я ему, обидѣвшись его всеелостью, а вы смѣетесь.

Онъ бросилъ тетрадь, прошелся раза два взадъ и впередъ по комнатѣ, подошелъ ко мнѣ, ударилъ по плечу и съ нѣкоторою пристановкою, отчеканилъ:

Подъ этимъ небомъ, вѣчно сѣрымъ,
Съ мигренью вѣчною въ глотѣхъ,
Межъ халуомъ и камергеромъ
Жить могутъ только на Пентъ:
Банкиръ, чиновникъ, пролетарій.
Дуракъ, напѣвъ, но не поэтъ,—
Въ тѣни камиръ и канцелярій
Для вдохновенія мѣста нѣтъ...

А злиться на все и вся—глупо, братъ. добавилъ онъ наставительно, лучше смѣйся; смѣхъ по крайней мѣрѣ парализуетъ чувство досады.

— Все это хорошо въ теоріи, замѣтилъ я, продолжая досадовать, но всякій можетъ смѣяться.

— Да и къ чему ты задумалъ теперь печатать, резонировать, поэты-сатирики, подожди до мѣнаго года, выйдутъ новые правила, и тогда напечатаны безъ предварительной цензуры.

— Хорошо намъ, свободнымъ людямъ, говорить: подожди! позрѣлитъ я ему обидчиво, я первый разъ оспори́лся на четыре мѣсяца, пройдутъ они и я долженъ вернуться въ полкъ, и когда снятъ буду въ отпуску — Богъ знаетъ. Поэтому поневоля придется печатать, а если отложить, то придется можетъ быть отложить не до будущаго года, а на нѣсколько лѣтъ.

— Ну, дѣлай, какъ знаешь, отвѣтилъ на это Минасевъ, закури́вая папиросу, а теперь, если хочешь познакомиться съ Васильемъ Курочкинымъ, поѣдь, нынче мы его можемъ видѣть въ редакціи.

— Поѣдемъ! воскликнула я, обрадованнѣе, и сталъ одѣваться. Сборы были, конечно, недолги, такъ что мину́ть черезъ десять мы появи́лись въ редакціи «Некря», поѣхавши́е тогда на Невскомъ, близъ Владимірской улицы. Въ первой, довольно большой, но не богато меблированной комнатѣ, выходившей окнами на Невской, жили Василій Степановичъ Курочкинъ, горячо бесѣдованный съ какими-то высокими, желтымъ и худымъ, господиномъ, съ небольшою бородкой и буржакими манерами, одѣтымъ въ недорогую поджачную пару и выростковые пеницинные сапоги.

— Поэты-солдаты! редакторъ «Некря»! представилъ насъ другъ другу Дмитрій Дмитріевичъ и оглянулъ въ сторону съ господиномъ, бесѣдованнымъ до этого съ Курочкинымъ.

— Я слышалъ о васъ, мнѣ говорилъ братъ Николай, оспиритствовать меня Василій Степановичъ, радуюсь пожимаю руку, я очень радъ познакомиться съ вами. Долго ли вы пробудете здѣсь!

— Я їду въ Москву, но до отъїзда, думаю недѣлю дѣв-три, а можетъ быть и мѣсяцъ пробывать здѣсь.

— Ну, и отлично. Сегодня у меня редакціонный день и я занятъ прїемомъ. Если можете подождать, подождите конца прїема, тогда мы съ вами кой о чемъ потолкуемъ.

— Я прїѣхалъ съ Дмитріемъ Дмитріевичемъ, и если онъ не уїдетъ, то и я останусь. Въ противномъ случаѣ мы зайдемъ послѣ.

— Такъ переговорите съ нимъ, а я пока займусь дѣлами и Василій Степановичъ вышелъ въ другую комнату съ желтымъ господиномъ.

Я передалъ Минасеву разговоръ съ Курочкинымъ и спросилъ его: скоро онъ окончитъ дѣла свои?

— А потъ увидимъ, отвѣчалъ онъ уклончиво, мнѣ нужно побесѣдовать съ редакторомъ. Подожди, все равно тебѣ сплывить некуда!

— Кто этотъ господинъ, который бесѣдовалъ съ тобой?

— Это... это... это... братецъ... какъ будто затрудняюсь отвѣтить, растягивалъ слова Мишаевъ:

Стояновскій Михаилъ,
Пинетъ на «затычку»
И «беззубый крокодилъ»
Здѣсь нѣтъ клячку.

Вышелъ молодой человѣкъ средняго роста, съ небольшою рыже-натою бородкой и зоркими пронизательными глазами, въ очкахъ, одѣтый весьма щеголевато.

— А! любезный Монуменговъ, встрѣтилъ его въ пріемной Василій Степановичъ, и пожимая руку съ особенной любезностью, спросилъ его, много ли соорудили монуменговъ?

— Не угодно-ли взглянуть, отвѣчалъ молодой человѣкъ, улыбаясь, и подалъ нѣсколько листовъ бумаги.

Мы съ Мишаевымъ стояли у окна, я спросилъ его: кто это? Дмитрій Дмитриевичъ усиленно выхнулъ раза три напирасой, поправилъ очки и, наклонясь ко мнѣ, отвѣтилъ тихо:

Исследователь нашъ и плисунъ Монуменговъ,
Викторъ Петровичъ, извѣстный,
Въ панкѣ фригійской канканъ для студентовъ.
Пинетъ у насъ онъ прелестно.

Курочкинъ, между тѣмъ, пробѣжавъ листки, посмотрѣлъ внимательно на автора и сказалъ: хорошо, но мало! А еще ничего нѣтъ у насъ, Монуменговъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ какъ-то застѣнчиво молодой человѣкъ.

— Тыниться сталъ?... или жара мѣшается?... мы бы брали примѣръ съ Мишаева: онъ, кажется, и по время заматриванія можетъ стихи скандировать.

Мишаевъ подошелъ къ нимъ и подтянулъ меня. Поздоровавшись съ молодымъ человѣкомъ, онъ назвалъ его Буренинымъ, и познакомилъ его со мною. Викторъ Петровичъ внимательно посмотрѣлъ

на меня, и подарить несколько общепринятыми вжливыми фразами, оговорился недосугом и стал прощаться.

Два-три слова, два-три рукопожатия — и он улетучился.

Курочкин опять занялся беседой со Степановским. Из приемной между тем появилось несколько студентов и стриженных дѣвцов съ книжками и въ очкахъ, они окружили редактора и стали тормозить его различными вопросами, на которые Василий Степановичъ отвѣчалъ любезно, но съ лаконизмомъ дельфійскаго оракула.

Явился Николай Степановичъ Курочкинъ. Подойдя ко мнѣ онъ сказалъ многоглаголю: о нашемъ приглашеніи я поговорю съ братомъ, и какъ мы рѣшимъ. — Я вамъ сообщу, и затѣмъ нынчался въ кучку молодежи.

Минась подвѣлъ ко мнѣ Степановскаго и познакомилъ его со мною. При этомъ многозначительно подмигнувъ, онъ сказалъ, что Михаилъ Михайловичъ состоитъ хроникеромъ и публицистомъ «Пекры», а такъ какъ въ этихъ отдѣлахъ высказывается *professions de foi* редакціи, то по поводу различныхъ случаевъ провинціальной жизни у него съ редакторомъ всегда возникаютъ дебаты. Вотъ и теперь они не могутъ прийти къ соглашенію по одному, весьма серьезному вопросу. Слово за слово, мы разговаривая, Степановскій оказался человекомъ очень серьезнымъ и дѣльнымъ, такъ что разговоръ нашъ кончился обменомъ визитныхъ карточекъ и общащемся поинтересомъ.

Между темъ въ редакцію пришло еще несколько посетителей, дѣвѣ дѣвцы и три медика. Дебаты еще болѣе оживились. Ораторствовалъ Николай Степановичъ на тему о воспитаніи дѣтей. Минась подходилъ, округлялъ рѣчь «кума» крылатыми афоризмами и тенденціозными бомо, (тогда писатели записывали въ молодежи) и отходилъ прочь.

Явился какой-то солидный господинъ и прослѣдовалъ съ редакторомъ во внутренніе анпартаменты. Молодежь отлынула. Въ приемной показался черныи, съ большой лысиной, серьезный и строгій на видъ господинъ среднихъ лѣтъ, въ сюртукѣ и перчаткахъ. Увидя Николая Степановича, онъ подошелъ къ нему и заговорилъ съ нимъ громко.

— Кто это? спросилъ я Минася. Онъ взялъ меня подъ руку, отвелъ къ окну и сказалъ:

Это — Гейне изъ Тамбова,
Вейнбергъ Пьеръ,

Пять ключа поѣхъ мушъ изъ Шклова—
Камергеръ.

И разсѣялся. Дмитрій Дмитріевичъ потянулъ меня и представилъ Вейнбергу. Онъ покровительственно удостоилъ меня пожатія руки, осѣдомился о моей службѣ, положеніи и знакомствахъ въ Петербургѣ. Затѣмъ занялся своимъ дѣломъ, попидался съ редакторомъ и скоро ушелъ.

Минутъ пять спустя, вошли два господина, прилично одѣтые и обратились къ Николаю Степановичу съ жалобой, что въ «Некрѣ» ихъ пронесли. Начались объясненія. Вышелъ редакторъ и порѣшилъ споръ двумя словами: обижаетесь—жалуйтесь!

Затѣмъ обѣжалъ или, лучше сказать, сѣбно подковылялъ къ намъ, не то въ чуйкѣ, не то въ длинномъ пальто, хромой, чернобородый въ золотыхъ очкахъ и съ толстой палкою въ рукѣ, весьма подвижный и юркій мужчина среднихъ лѣтъ. Онъ подлетѣлъ прямо къ Миасеву и началъ трести его за руку. Дмитрій Дмитріевичъ посмотрѣлъ на него свысока и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

Рекомендую! Петръ Ивановичъ Панино!
Пришелъ изъ Перси недавно съ погонимомъ,
И тринить въ «Голосѣ»—тамъ такъ введено,—
Въ статейкахъ взрванъ смѣлъ персидскимъ поронимомъ.

— Да полно вамъ, Дмитрій Дмитріевичъ, залезалъ вокругъ него мужчина, вы все прохаживаетесь на мой счетъ.

Миасевъ, между тѣмъ, улыбнулся своей зѣвливой улыбкой и громко на всю редакцію провозгласилъ.

Вся пресса стала такъ безкусна,
Что въ ней есть мѣсто Панино:
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно.

Всѣ засмѣялись. Степановскій подошелъ къ намъ, взялъ Панино подъ руку и отвелъ въ сторону. Ко мнѣ подошелъ Николай Степановичъ и заявилъ, что, братъ, т. е. Василій Степановичъ, извиняется, что не можетъ нынче побесѣдовать со мною, такъ какъ у него сидитъ одинъ важный чиновникъ, съ которымъ онъ долженъ сейчасъ уѣхать по дѣлу. Впрочемъ, я уже сказалъ вамъ, добавилъ

отъ себя «кумъ», что уведомлю васъ, какъ мы рѣшимъ, значить поѣзжайте домой и ждите. И поблагодарилъ его и сталъ со всѣми прощаться. Минаеву нужно было взять у Курочкина денегъ, и онъ остался въ редакціи, сказать, что зайдетъ ко мнѣ, если останется въ городѣ. И вышелъ изъ редакціи съ Стопановскимъ, который спускался съ лѣстницы, отозвался о Минаевѣ такъ: «да, онъ очень уменъ и талантливъ, но какъ паненкинъ сынокъ, незнающій цѣны полученному имъ богатству, тратитъ оное непроизводительно и глупо».

Вечеромъ, однакожь, Минаевъ у меня не былъ. Получивъ отъ Курочкина деньги, онъ, по обыкновенію, завихрлся, заѣхалъ въ городъ и только на третій день возвратился домой, гдѣ споей бланкетной супругой и былъ наказанъ домашнимъ арестомъ.

III.

Обѣдъ у Дюбуа. — Н. С. Курочкинъ. — М. М. Стопановскій. — Н. И. Кроль. — А. П. Шнабе. — П. А. Канмонъ. — П. И. Пашиню. — Д. Д. Минаевъ. — В. С. Курочкинъ. — Восьмѣ, рѣчи и экспромты.

Задуманный мною обѣдъ, послѣ котораго должно было произойти чтеніе моей тетради стиховъ, подъ разными предлогами затягивалось, и только благодаря настойчивости и усиліямъ Николая Стопановича Курочкина, онъ состоялся въ концѣ іюля у Дюбуа. Столъ былъ накрытъ, по числу сдѣланныхъ приглашеній, на 12 персонъ, но обѣдали только 9-ть, трое изъ числа приглашенныхъ къ обѣду литераторовъ не пожаловали. Денегъ я не жалѣлъ, тѣмъ болѣе, что хозяиномъ-распорядителемъ по моей просьбѣ согласился быть «отче Николае», который, желая поддержать со славою знаніе гастронома, прекрасно составилъ меню обѣда и провелъ его замѣчательно искусно.

«Чертогъ сіялъ», какъ говорилось въ одной старинной повѣстѣ, когда стали собираться гости. Первыми пріѣхали распорядитель Николай Стопановичъ Курочкинъ и занялся сооруженіемъ главнѣйшей и наиболѣе важнѣйшей части обѣда, а именно «фундаментальной», по его выраженію, закуски, а затѣмъ обратилъ вниманіе на декоративную обетановку обѣденнаго стола. За нимъ скромно подошелъ Михаилъ Михайловичъ Стопановскій, пока мы здоровались и обмѣнивались обычными привѣтствіями, подкатилъ Дмитрій Дмитріевичъ

Минаевъ и шумно проползъ въ столовую. Онъ осмотрѣлъ приготовленную закуску и поцѣловалъ кума «въ лысину». «Твое истинное признаніе, кумъ, засмѣялся онъ, быть метродотельскъ, а не литераторскъ. Я бы тебѣ советовалъ открыть ресторанъ, гдѣ ты можешь добиться болѣе славъ, чѣмъ въ нашей сакраментальной прессѣ».

— Оставьте, пожалуйста, поэтъ Минаевъ, меня въ покоѣ, оборона его Курочкина, вы видите, что я занятъ важными соображеніями, какъ бы накормить насъ получше... и перебеда свой изгладъ на меня, спросилъ: скажите мнѣ поэтъ, Мартыановъ, что такое слава? вотъ кумъ сейчасъ упоминалъ о славѣ.

— Что слава? Урканъ заплакавъ на петомъ рубничѣ пѣнца, отвѣчалъ я авторитетно.

— Да-съ, это сказали А. С. Пушкинъ, пыталъ меня Николай Степановичъ, но по нинему что такое слава?

— Вы что же хотите, Николай Степановичъ, отозвался я съ нѣкоторой тревогой, чтобы я говорилъ такіе же экспромты, какъ Дмитрій Дмитриевичъ, но я долженъ насъ предупредить, что вы жестоко ошибаетесь, я вообще экспромтовъ не говорю.

— Ну, подумайте и скажите что-нибудь, не отстаналъ отъ меня «кумъ». Минаевъ, дымившій въ это время усиленно папиросой, подошелъ ко мнѣ и, хлопнувъ меня по плечу, сказалъ: ну, что-жъ ты задумался, не робѣй!

Скажи, поэтъ-солдатъ,
Что слава... ну, хоть—кладъ.
Полконникскій окладъ,
Изъ интендантскій складъ.
И что поэтъ-солдатъ
Подобной славѣ—рудъ.

— Ну, вотъ, обратился я къ Курочкину, Дмитрій Дмитриевичъ былъ такъ любезенъ, что отвѣтилъ намъ за меня.

— Пѣтъ, не отпугивайте, поэтъ Мартыановъ, настаивалъ Курочкинъ, неудобно ли намъ сказать намъ свое что-нибудь.

— Да говори же, присталъ и Минаевъ, ну, говори за мной...

— Отстаньте, Дмитрій Дмитриевичъ, я обратился къ нему съ досадою и, подумавъ немного, сказалъ:

Что слава? Это—фимамъ,
Благоуханный, вѣжливый, сладкій,
Людьми преподносимый намъ,
Поэтъ-сатирикъ гадкій.

— Bravo! захопалъ въ ладони Курочкинъ, что, кумъ, нарѣзлся?...

— Молодецъ, поэтъ-солдатъ, раскатился громкимъ смѣхомъ Минаевъ, благодарю, не ожидалъ!.. да ты не безъ зубовъ, волкъ армейскій!

Въ это время вошелъ одинъ за другимъ поэтъ Николай Ивановичъ Броть и академикъ Александръ Петровичъ Швабе. Не успѣли мы объяться рукопожатіями, подковылялъ Петръ Ивановичъ Панино. За нимъ прѣхалъ мой старый другъ-пріятель, статскій совѣтникъ Порфирій Асепкритовичъ Климовъ, будущій издатель моихъ стиховъ, и, наконецъ, часамъ къ 6-ти пожаловалъ и Василій Степановичъ Курочкинъ.

— Вы знаете, Петръ Косыничъ, обратился онъ ко мнѣ съ просомъ, братъ мой, надѣюсь, гонорилъ вамъ, на какихъ условіяхъ я согласился быть на вашемъ обѣдѣ. Во избѣжаніе недоразумѣній, повторяю: вы и всѣ участвующіе должны провести со мною вечеръ у Излера. Кутежъ, конечно, на мой счетъ. Редакторъ «Искры» желаетъ достойнымъ образомъ отплатить вамъ за ваше радушное гостепріимство.

— Я подчиняюсь вашему условію, отвѣчалъ я съ поклономъ, но присутствующіе пусть отвѣтятъ за себя.

Два-три голоса поддержали мой отвѣтъ, и почтенное собраніе перешло въ столовую.

— Что же, не всѣ еще собрались? спросилъ Василій Степановичъ своего брата, и, посмотрѣвъ на часы, прибавилъ: а вѣдь пора, бѣсъ хочется, не приступить ли намъ, господа, къ дѣлу; вѣдь, семеро одного не ждутъ, а больше одного мы пожалуй и недождемся.

— Умныя рѣчи пріятно и слушать, провозгласилъ авторитетно Минаевъ, мы можемъ пока выпить водки, а тамъ увидимъ.

— Я ничего не имѣю противъ, улыбнулся распорядитель обѣда, и гости столпились у стола съ закусками.

Нѣсколько минутъ продолжалось абсолютное молчаніе. Только наливали, чокались рюмками, выпивали, набирали себѣ на тарелочки кому что нравилось изъ закусокъ и прожевывали.

Поэтъ Кроль, наливая себѣ вторую рюмку рябиновки, воскликнулъ:

Люблю въ июльскую жару
И при рябиновкѣ икру,
А осенью при водкѣ
Съ меня довольно и селедки.

Минаевъ не выдержалъ, и быстро повернувшись къ говорившему, перебилъ его:

Мы больше знаемъ, Кроль, ты пьешь зимою водку,
Закусываешь кислыми огурцами,
Весной же безъ закуски водку плещешь въ глотку.
И обтираешь губы языкомъ...

Кроль опрокинулъ залпомъ налитую рюмку рябиновки, погладилъ бороду, какъ-то ухарски порснулъ и, возвысившись въ противника воспаленными очами, бойко проговорилъ:

И могъ бы вамъ отвѣтить хорошо, Минаевъ.
Но это неприятно было-бъ для хозяевъ,
А потому, понять извольте, умоляю,
Попробовать Аляпинъ предпочитаю.

Дмитрій Дмитриевичъ испыхнулъ, уголки рта его задержались и онъ готовъ былъ обрушиться всей силой своего сарказма на потянувшегося къ Аляпину поэта, но «отче Николае» бодрствовалъ: онъ подошелъ къ нему и сказалъ: «оставь, кумъ, ты можешь состязаться съ Кролемъ послѣ, а теперь сдѣлай-ка вотъ честь бѣлой померанцевой, прелестъ, а не подка».

И Минаевъ потянулся къ бѣлой померанцевой. По предложенію Н. А. Климова, всѣ выпили померанцевой въ круговую и, не закусывая, повторили кому чѣмъ нравилось. Потянулись къ свѣжей икрѣ, истребили, потребовали еще тарелку икры, и по этому поводу выпили еще по рюмкѣ джинну.

— Недурно! возгласилъ Н. Н. Кроль. Такой закуски не пробовать и самъ Некрасовъ въ своемъ англійскомъ клубѣ. Тамъ иногда тоже подаютъ со всячинкой.

— Не забудьте, поэтъ Кроль, отозвался на это «отче Николае», что мы находимся у Дюпона, и что сегодняшнимъ обѣдомъ распорядается вашъ покорнѣйшій слуга.

— А ты бы, братъ, велѣлъ давать обѣдать, перебилъ его Василій Степановичъ. Уже если начали ѣсть—такъ будемъ ѣсть!

— Садитесь, господа, за столъ, сейчасъ подаютъ кушанье! захопоталъ вокругъ стола Николай Степановичъ. Поэтъ Мартыновъ, вы, какъ амфитріонъ, займите мѣсто во главѣ стола, а я сяду у

противоположного конца; господа гости, садитесь тамъ, гдѣ кому угодно.

Рядомъ со мною, съ правой стороны, сѣлъ В. С. Курочкинъ, съ лѣвой П. А. Климовъ. Минаевъ помѣстился рядомъ съ кумомъ съ правой стороны, а съ лѣвой сѣлъ А. П. Шпабе, прочіе гости заняли три стула противъ середины стола справа, такъ что рядомъ съ В. С. Курочкинымъ помѣстился П. Н. Кроль, и рядомъ съ Минаевымъ—М. М. Стопановскій, между ними же послѣдними, противъ самой, центральной вазы съ цвѣтами, сѣлъ П. Н. Панино. Стоявшіе же противъ нихъ на лѣвой сторонѣ стола три куверта остались незашитыми. Рукопись моя была положена П. С. Курочкинымъ возлѣ центральной вазы съ цвѣтами. Компания садилась шумно. Стопановскій предложилъ снять сюртуки—и предложеніе было принято, всѣ повскакали съ мѣсть и поспѣшили сбросить съ себя верхнее платье. И да П. Н. Панино остались только въ сюртукахъ. Послѣдній взялъ мою рукопись и сталъ перенорачивать листы. Увидѣвъ цензурныя пометки, онъ вскочилъ со стула и бросился къ В. С. Курочкину.

— Смотрите, Василій Степановичъ, завопилъ онъ, что матушка цензура-то надѣлала съ рукописью Петра Космыча. Что ни страница, то крестъ или нѣсколько пометокъ!

— Явленіе обыкновенное, мы это видимъ каждый день, отозвался редакторъ «Секры» равнодушно.

— Да вѣдь это — кровь писателя, пролитая по пни какого-то непонятнаго жертвоприношенія Молоху, замѣтилъ я усаживавшемуся на мѣсто редактору. Неужли это не возбуждаетъ въ васъ сочувствія.

— Сочувствіе тутъ не поможетъ, отвѣчала внушительно Василій Степановичъ, цензора дѣлаютъ свое дѣло, за которое они получаютъ жалованье, награды и пенсіи... Они исполняютъ то, что имъ велятъ, иначе цензоръ можетъ потерять мѣсто, т.-е. лишиться куска хлѣба.

Минаевъ придвинулся ближе къ столу и, поведя очи къ потолку, громко возгласилъ:

О, всемогущій Іегова!
Ты далъ намъ множество даровъ,
Уничтожая ихъ сурово:
Далъ людямъ мысль при дарѣ слова
И выбѣсть съ отнятъ—цензоромъ...

Н. И. Кроль не пожелалъ отстать отъ своего антагониста и, поглади бороду и порснувъ по привычкѣ, продекламировалъ:

Еще неопытна, юна
У насъ литература,
А потому ей и пужна,
Какъ нянюшка, цензура.

— Вахъ, Николай Ивановичъ, вѣроятно мало приходится имѣть дѣло съ этой нянюшкой, отзывался Стопановскій, что вы берете ее подъ свое покровительство, а намъ воть она гдѣ сидитъ. И онъ показалъ рукой на свой затылокъ.

Минаевъ, между тѣмъ, принявъ отъ лакея тарелку супу, взялъ ножикъ и, стукнувъ имъ два три раза по тарелкѣ, какъ бы приглядывая прислушаться, между двумя ложками супу, сказалъ:

Тамъ надъ статьями совершаютъ
Вдвойнѣ циническій обрядъ:
Ихъ, какъ ересь, обрѣзаютъ
И, какъ католиковъ, крестятъ.

— Поэтъ Минаевъ, окрикнулъ на него «отче Николае», вы здѣсь не председатель, и потому не имѣете права стучать ножомъ о тарелку, перебивать разговоръ и говорить что намъ вздумается. Это право принадлежитъ мнѣ, какъ снйкеру, т. е. распорядителю нынѣшняго обѣда. Примите это къ свѣдѣнію. Да и къ чему всѣ эти разсужденія о цензурѣ, неужели у насъ нѣтъ другого, болѣе живаго предмета для разговора.

— У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, ни къ кому не обращая рѣчи, вздохнулъ Стопановскій.

— А ты бы, кузь, лучше сдѣлалъ, замялся Минаевъ, если бы, вмѣсто нотаций, угостилъ насъ виномъ.

Николай Стопановичъ мигнулъ старшему официанту, и лакеи наполнили наши рюмки виномъ.

Замѣчаніе Николай Стопановича не прошло безслѣдно: начались кружковые разговоры. Первый началъ А. И. Швабе. Онъ сталъ разсказывать своему сосѣду Н. И. Панино, какъ отлично устраняетъ его пріятель въ Тиволи крестьянскіи скачки и бѣгъ въ жѣмчакъ. Въ послѣднее воскресенье, онъ занялся съ увлеченіемъ, пер-

вый призь, часы, на скачкахъ изъять крестьянскій мальчикъ Степановъ, 15 лѣтъ, а на бѣгахъ въ мѣшкахъ—дѣвочка 13 лѣтъ.

— Я былъ на скачкахъ, имѣнался въ разговоръ Н. Н. Кроль, съ графомъ Кунселерымъ, у котораго я съ Благосѣтловымъ и нѣкоторыми сотрудниками «Русскаго Слона» тогда обѣдалъ. Графъ подарилъ мальчику Степанову сто рублей.

Н. С. Курочкинъ съ Степановскимъ велъ бесѣду о вышедшихъ пятихъ книжкахъ «Современника» и «Русскаго Слона», гдѣ были помѣщены въ первой: «Трудное время» Савицова и 5 пѣсенъ «Донъ-Жуана» въ переводѣ Минаева, а во второй: «Разрушеніе вѣстники» Писарева. Варѣдка вставлялъ свое слово Минаевъ, по разговоръ литературный какъ-то не клеился, такъ что переходъ отъ него къ ацтекскимъ Массисю и Бартоло, этихъ маленькимъ принципамъ олиговаго цѣнта съ черными вьющимися полосами и бѣлыми, какъ слоноподобная кость, зубами, открытымъ въ храмъ города Пекенная въ Средней Америкѣ и привезенныхъ къ намъ, какъ рѣдкость, мнѣ показавшихъ вполнѣ естественныхъ.

Н. Н. Наминно пытался было втиснуть В. С. Курочкина и Н. А. Клямова въ политику, онъ заговаривалъ и о пріѣздѣ Абдель-Кадера въ Парижъ, и о побѣдахъ Хуареса въ Мексикѣ, и о министрѣ О'Доннеллѣ въ Испаніи, и о познаніи Палмерстона къ избирателямъ, но получая отъ нихъ въ отвѣтъ только краткія реплики, вродѣ: «да, да» или «о, конечно, конечно», долженъ былъ сойти на почву Шато-де-Флера, гдѣ отличался въ канканъ, полькъ Шотинъ, Фрискъ и Лисбонскъ, наши доморощенные Шикары—Минионъ и Фокинъ съ Лазурой Вланатской и королевой Помаре. Разговоръ на эту тему скоро обобщился, и Н. Н. Кроль явился непостояннымъ рассказчикомъ самыхъ инкантихъ новостей. Вѣкъ свѣдѣлся, и только В. С. Курочкинъ велъ вполголоса серьезный разговоръ съ Н. А. Клямовымъ объ ожидавшемся тогда новомъ положеніи о свободной печати.

— Вѣрите ли, горючо ратоналъ редакторъ «Некры» мы ждемъ-неждемся тѣхъ дней, когда мы будемъ имѣть возможность говорить что мы думаемъ открыто и прямо.

— Не увлекайтесь, Василій Степановичъ, охлаждаетъ его Н. А. Клямовъ, вѣдь цензура не упразднится, она будетъ существовать какъ и теперь. Абсолютной свободы слова мы не получимъ, и если не будете чувствовать предварительной цензуры, то узнаете карательную, а это стоитъ одно другого.

— Ну, что вы говорите, оставилъ свое замѣчаніе Н. Н. Кроль, моя Кироба отринула предварительную цензуру и печать исполнѣ свободна при карательной.

— Не смѣю спорить, возразилъ Н. А. Климовъ, намъ, можетъ быть, лучше извѣстно. Но я думаю, что все будетъ зависеть отъ людей, которымъ дѣла печати будутъ вѣрены.

— Ну, потъ виднѣтъ, Николай Ивановичъ, замѣтилъ, въ свою очередь, Василій Степановичъ, ты вѣчно поснишься съ Еироною и, вмѣсто того, чтобы выслушать, что будетъ говорить компетентное лицо,—идь Порфирій Асенскритовичъ причисленъ къ канцеляріи Совѣта и знаетъ больше, чѣмъ мы съ тобой,—ты вступаешь въ безполезныя дѣбаты. И онъ началъ разспрашивать Н. А. Климова объ условіяхъ, при которыхъ должна быть введена реформа по дѣламъ печати.

Поданное тюрбо обратило всеобщее вниманіе. Одни восторгались самой рыбой, другіе соусомъ. Одинъ М. М. Стопановскій находилъ, что наша русская рыба совершенно искусна и удивлялся намеху главному пристрастію ко всему иностранному. Ему оппозировалъ съиче Николасъ, сославшись въ данномъ случаѣ на авторитетъ Н. А. Некрасова, котораго вкусъ и гастрономическія познанія высоко цѣнилъ Михаилъ Михайловичъ. Тюрбо съѣли страсбургскій папигеръ, приготовленный по какому-то особому способу. Папигетъ съѣли артишоки.

— У, ахъ, артишоки! какъ-то съжались, замѣтилъ недоуменно Н. Н. Кроль, ужасно я ихъ не люблю, въ нихъ есть нечего. Когда я обѣдаю у графа Кушелева (сестра его была за графомъ), мнѣ ихъ-то артишоковъ всегда подаютъ спаржу съ сабапономъ.

— Хотите спаржи, Николай Ивановичъ, спросилъ его обязательно Николай Степановичъ Курочкинъ, есть спаржа. Послушайте, обратился онъ къ ласку, подайте спаржи.

Минутъ не выдержалъ и тѣло замѣтилъ:

Кроль не любить артишоки:
Почего нинъ кушать!
Это только окшпоки,
Нужно ли ихъ сдущать?

Кроль насунулся, погладилъ раза два-три свою бороду и нервно отозвался:

Не острите, Дмитрій Дмитричъ!
И, вѣдь, тожъ могу насъ выстричь.

— Ну, гдѣ тебѣ меня выстричь! псылилъ поэтъ-сатирикъ и, повернувшись въ сторону Кроля, хотѣлъ-было пустить въ дѣло всю свою тяжелую артиллерію, но былъ остановленъ сникеромъ обѣда.

— Поэтъ Миная, сказалъ онъ ему серьезнымъ тономъ, блюдо алокеишинъ назначено у насъ поглубдинять, не нарушайте, пожалуйста, программы.

— Ну, такъ дайте хоть вина, горячился Дмитрій Дмитриевичъ, мнѣ нужно залить жажду позмездія.

Лаксн подали вино и наполнили стаканы.

Между тѣмъ П. П. Намино рассказывалъ А. П. Швабе и М. М. Степановскому, что артишоки первый разъ появились на столѣ персидскаго шаха и оттуда уже проникли въ Европу.

— Выновать, что я перебью васъ, любезный ориенталистъ, имѣлся въ его разсказъ П. С. Курочкинъ. Это было какъ разъ наоборотъ, и онъ прочиталъ почти цѣлую лекцію объ открытіи артишоковъ и ихъ поимѣніи въ Европѣ.

— Послѣ артишоковъ не худо бы покурить! побудилъ вопросъ М. М. Степановскій.

— Это зависитъ отъ собранія, улыбулся сникеръ и, постукавъ ножомъ о тарелку, громко спросилъ: господа, ставлю на ваше разсужденіе вопросъ: можно ли начать курить? ударъ ножомъ по тарелкѣ означалъ согласие.

Послышался ударъ, два, три и до пяти.

— Вопросъ разрѣшенъ за, проговорилъ Николай Степановичъ и приказалъ подать сигары и папиросы.

На столѣ появились пулярки съ трюфелями и жареные перепела. Различные салаты сопровождали ихъ.

— Да вы насъ и въ самомъ дѣлѣ угощаете по-царски, Петръ Косляничъ, обратился ко мнѣ покрасившійся отъ избытка чувствъ Василій Степановичъ, смотрите, это вамъ даромъ не пройдетъ!

Я отвѣчалъ, что устройствомъ такого прекраснаго обѣда мы обязаны никому иному, какъ только Николаю Степановичу, которому, конечно, и принадлежитъ вся честь и хвала за это. Что же касается меня, то я тутъ не причемъ.

— Мы понимаемъ это все, Петръ Косляничъ, обратился еще любезнѣе ко мнѣ Василій Степановичъ, но я вамъ повторяю, что это вамъ даромъ не пройдетъ!

Мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ только поклониться.

— Въ немъ есть одно несомнѣнное достоинство, сказала, указавъ на меня глазами, Н. А. Климовъ, онъ скромнѣе, какъ дѣвушка, но это хорошо въ провинціи, тамъ оно цѣнится, а у насъ, въ Петербургѣ ничего не стоитъ, и многими считается однимъ изъ крупныхъ недостатковъ. Мужчину должны быть орлы!

— Орлы ширятся въ поднебесьи, возразилъ я Климову, а мы владимъ жизнью на землѣ, значить всякому свой удѣлъ. Да и не вѣдь же быть орлами. Иначе жизнь была бы слишкомъ однообразной и сами же орлы признали бы ее небесной карой...

— Недурно сказано, молодецъ Петръ Косьяничъ, одобрительно кивнулъ головой Василій Степановичъ, шампанскаго! Братъ, вели давать шампанское, кивнулъ онъ головой Николаю Степановичу.

И шампанское зашумѣло.

— Господа, сказала я, встанъ со стула и поднимая свой бокалъ, позвольте провозгласить первый тостъ за здравіе пожда русскаго народа, освободителя двадцати милліоновъ крестьянъ, уничтожившаго тѣлесное наказаніе, дающаго новый судъ и свободу нашей матери печати! Ура!

— Ура! ура! ура! повторили троекратно всѣ эти вольномыслящіе люди и крайніе либералы писатели, и повторили сочувственно и громко. Вино выпили одушевленно и шумно.

Второй тостъ провозгласилъ Н. А. Климовъ: за царицу, наследника и всю августѣйшую царскую семью.

Тоже громкогласное ура! покрыло и этотъ тостъ. Бокалы моментально опустѣли.

— Дураки! Подали нанерстки! возрился, покачивушнсь, Н. П. Кроль. Мы у графа Кунселева пьемъ здравницы стаканами.

— Подать стаканы! скомандовалъ Николай Степановичъ и некрометная влага зашумѣла въ стаканахъ. В. С. Курочкинъ всталъ, чокнулся со мною и сказалъ:

Позвольте, Петръ Косьяничъ,

Сказать, хотя не спичъ,

Но пару словъ въ честь вашу:

За вашу доброту,

Радунше, прототу,

И выпью эту чашу!

И, возгласивъ, «Випать!» онъ опрокинулъ стаканъ на лобъ.

Подожелъ Минаевъ. Поцѣловалъ меня, онъ поднесъ стаканъ къ губамъ и говоря:

Будь здоровъ, поэтъ-создатель,
Будь здоровъ, поэтъ, Мартыиновъ,
За тебя я выпить радъ
Не одинъ, а сто стакановъ!

Каждый стихъ записывалъ нѣсколькими глотками шампанскаго.

Поднялся и подступилъ ко мнѣ, пошатываясь, П. П. Кроль. Доло онъ смотрѣлъ на меня, гладя бороду и порская по обыкновенію. Онъ поднималъ стаканъ и опускалъ, видимо собираясь съ мыслями. И только, когда Минаевъ крикнулъ ему съ другого конца стола: «сѣдѣте, Кроль!» онъ чокнулся со мною и, опершись на спинку стула, проговорилъ:

Поэты—братья мѣй, и вы
Гордиться можете не кровью, (и онъ указалъ стака-
номъ на лежащую на столѣ мою рукопись)

Но адѣсь, на берегахъ Немы,
Приобрѣтенною любовью.
Вы видите, мы цѣнимъ мѣстъ,
И забывши про цензуру
Мы рады съ вами нитъ не кнѣтъ,
Вино, и не стаканъ—рогъ-туру!

Ура! и онъ разомъ опорожнилъ свой стаканъ.

Поднялся и Николай Стенановичъ. Онъ неторопливо подошелъ ко мнѣ, откашлялся и, добродушно улыбаясь, сказалъ:

Поэтъ, Мартыиновъ, свой стаканъ
И подниму безъ тоста,
Сознана мы изъ разныхъ странъ,
И выпить можемъ просто.
Вы—человѣкъ хорошій, съ тѣмъ
И долженъ согласиться,
Но не хочу кричать, зачѣмъ?
Безъ крику можно обойтись.
А выпить вмѣстѣ я готовъ,
И чокнусь пожалуй,
И тихо молвою: будь здоровъ,
Поэтъ съ тетрадью плой!

И онъ взялъ у меня мой стаканъ, прихлебнулъ и подаль мнѣ свой прихлебнуть и поцаловалъ меня. Подошли Н. Н. Пашино, М. М. Стопановскій и А. Н. Швабе, всѣ они разомъ чокнулись со мною, сказали, что присоединяются къ выраженному Николаемъ Степановичемъ пожеланію мнѣ здоровья и процвѣтанія «съ тетрадью алой»!

Послѣднимъ подошелъ Н. А. Климовъ. Онъ цѣлнстымъ дѣловымъ языкомъ произнесъ цѣлый свѣтъ. Сказалъ, что я одинъ изъ первыхъ служака Николаевского режима, откликнувшійся въ пѣсняхъ на новое вѣяніе времени и обратившій вниманіе на печальную долю солдата. Сказалъ, что это составляетъ большую заслугу по отношенію миллионноу людей, служившихъ и служащихъ подъ ружьемъ. Сказалъ, что именно это обстоятельство, а отнюдь не самыя пѣсни, которыя, къ слову сказать, довольно слабы, послужило къ такому блестящему пріему, которыми почтили меня представители лучшихъ органовъ печати. Сказалъ, что если я посвящу свой талантъ на дальнѣйшее служеніе провозглашенной идѣ, то благосклонности сказанныхъ представителей будетъ увеличиваться съ каждымъ годомъ. Каждый долженъ дѣлать свое дѣло, пояснилъ онъ, и если онъ будетъ дѣлать его добросовѣстно, то можетъ быть увѣренъ, что общество рано или поздно оцѣнитъ его трудъ и воздастъ за него сторицею. «Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, закончилъ онъ, что сегодняшній праздникъ посвященія поэта-солдата въ литераторы составитъ эпоху въ его жизни, и что онъ до глубокой старости будетъ вѣдоминать съ живѣйшей признательностью имена предѣляющихъ здѣсь лицъ, встрѣтившихъ его у дверей храма святой правды и добра и обѣщающихъ ему при дальнѣйшемъ прохожденіи пути служенія музамъ, свое высшее покровительство».

Когда онъ, окончивъ рѣчь, чокнулся со мною и поцѣловался, собраніе громкими аплодисментами выразило свое сочувствіе сказанному и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поднялись съ своихъ мѣстъ, пожимали ему руку и благодарили за выраженные имъ мысли.

— Запомните, поэтъ Мартыновъ, обратился ко мнѣ Николай Степановичъ, слова, сказанныя Порфиріемъ Асенскритовичемъ. Это гласила сама истина, и если вамъ будетъ когда-нибудь трудно, невыносимо тяжело или обидно въ жизни—ищите въ нихъ утѣшенія и поддержки. Это мой завѣтъ вамъ.

И всталъ, и отвѣтилъ, на сдѣланныя мнѣ оваціи, слѣдующими куплетами:

Я счастливъ, господа, когда и никогда
Я не былъ счастливъ такъ, какъ на берегахъ Новы:
Создана приняла въ свой кругъ вы безъ стыда,
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Вы приняли его, какъ истинные братья..
Вняли вѣсту—голосу рокочущей молны,
Открыли вы ему сочувственно объятъ,
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Съ нимъ раздѣлили хлѣбъ—соль простую не сѣсно,
Узоры дружества вы дали для каины
Работы исторіи, и дали не чаплино,—
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Вы пекъ пробудили вы мечты и упованья,
Дремавшія со дня ухода изъ Москвы,
Любви и братскихъ узъ вы дали обещанья,
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Но чѣмъ отбитить онъ на это вѣсть?... словами?
Пустыми фразами? склоненьемъ головы?
О, нѣтъ!.. какъ человекъ, отбитить онъ слезами
Вѣсть—витязи печати, прессы львы!

* * *

И я, дѣйствительно, прослезился, дѣтъ-три слезы скатились по
щекамъ и упали на бѣлый жилетъ; послышалась тихіе: «браво,
браво!» я поклонился и продолжалъ:

И вотъ онъ плачетъ... да!.. Вы прите эти слезы..
Росинки—то на стебляхъ счастья травы..
Волшебная ему вы позиратели грезы,
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Крики «браво!» усилились, застучали ножи о тарелки, затопо-
тали ноги подъ столами... Я вновь поклонился и продолжалъ:

И мнѣ не стыдно плакать вѣдь... пусть и—солдаты,
Но кровь во мнѣ кипитъ и чувствуетъ по жертвы,
Отъ счастья плачу я, вѣдь я теперь—вашъ братъ,
Вашъ—витязи печати, прессы львы!

* * *

объясненіе. П. А. Климовъ извинился, что не можетъ ѣхать потому, что онъ долженъ быть вечеромъ въ какомъ-то засѣданіи. А прочіе предпочли остаться у Донона.

— Мы вотъ съ П. П. Панино и А. П. Швабе лучше разыграемъ дуэльку преферанса, отбояривался отъ поѣздки М. М. Стопановскій.

— А я... будировалъ, поматываясь, Н. Н. Кроль:

Буду я читать
«Алую тетрадь»,
Буду пить вино,
Благо есть оно...

— Въ такомъ случаѣ, господа, обратился къ нимъ Николай Степановичъ, вы можете пировать за счетъ нашего амфитріона. Чай, кофе, вино, ликеры, коньякъ къ вашимъ услугамъ, кушайте на доброе здоровье, а мы поѣдемъ на острова.

И затѣмъ, попрощавшись, мы четверомъ: два брата Курочкины; Мпнаевъ и я, оставили ресторанъ Донона.

IV.

Вечеръ у Излера.—Поѣздка.—Экспромпты.—Встрѣча и бесѣды.—Въ театрѣ.—Въ саду.—Въ кабинетѣ.—Наталя Романовна и—кутежъ кувыркомъ, кувыркомъ полетѣлъ!

Мы вышли на Невскій и на биржѣ въ Конюшенной Василій Степановичъ нанялъ четверомѣстную карету. Онъ уже занесъ было ногу, чтобы сѣсть въ нее, но вдругъ, какъ будто что-то припомнилъ, остановился, подошелъ къ содержателю экипажей и приказалъ ему дать другую такую же карету, съ тѣмъ, чтобы она ѣхала вслѣдъ за нами, не отставая ни на шагъ. Когда же мы успѣлись въ первую карету и поѣхали, Николай Степановичъ спросилъ брата:

— Скажи, пожалуйста, зачѣмъ тебѣ понадобилась вторая карета?

— Какъ зачѣмъ? съ неудовольствіемъ отозвался Василій Степановичъ, закрывшій глаза и начинавшій дѣлать, а вдругъ слышится ось или колесо, на чемъ же мы поѣдемъ!

— Ты все дурачишься, отозвался брезгливо Николай Степановичъ, вѣдь это — напрасная трата денегъ, сломается ось или колесо—есть извозчики.

— А если я хочу ѣхать въ каретѣ—кому какое дѣло? всплилъ редакторъ «Искры», да я уже и не юноша, чтобы мнѣ дѣлать наставленія, я хочу — я и плачу, и внимательнѣе въ мои распоряженія никакихъ не допускаю.

И онъ закрылъ глаза и погрузился въ дрему. Миндлевъ между тѣмъ знакомилъ меня съ топографіею Петербурга. Проѣзжая мимо Инженернаго замка, онъ разсказалъ мнѣ его исторію, а поровнявшись съ Лѣтнимъ садомъ, указалъ мѣсто, гдѣ любилъ отдыхать А. С. Пушкинъ и сообщилъ анекдотъ, какъ одинъ англійскій лордъ, въ прошломъ столѣтіи, пріѣзжалъ въ Петербургъ для того только, чтобы взглянуть на рѣшетку сада, которая считалась тогда чуть ли не восьмымъ чудомъ свѣта. На Троицкомъ мосту онъ припомнилъ, какъ чернь, въ холерную эпидемію 1831 года, соросила съ моста въ Неву и утопила въ ней съ каретой и лошадьми доктора Мудрова. Проѣзжая мимо крѣпости, онъ разразился экспромтомъ:

Здѣсь погребаются великіе цари,
Здѣсь золотыя дѣлають монеты,
На шпиль Телушникъ лазилъ—эка высь, смотри!
И подъ Неву спускаются поэты.

— Какъ подъ Неву? спросилъ я въ изумленіи Минаева.

— Да такъ!.. есть, гонорять, сказаніе, что подъ Невой устроены казематы.

— Не лучше ли, кумъ, вытѣпался въ разговоръ Николай Степановичъ, сказать такъ:

Здѣсь ходить и стоять, и возлечь—
Кто не сидитъ,
И не стоитъ, не ходитъ, не лежитъ—
Тотъ, кто сидитъ.

Двигаясь по Каменноостровскому шоссе, Минаевъ указалъ мнѣ рукой на Александровскій лицей и промолвилъ:

Вотъ зданье славное, оно приготавлило
Намъ Пушкина и князя Горчакова,

И Тяпкипъ-Липкиныхъ родъ цѣлый воспитало
Отъ Блудова до Салтыкова.

Проѣхавъ Карповку, и, поровнявшись съ дачей Громова, онъ весело продолжалъ:

А здѣсь живетъ навѣстный нашъ миллионеръ,
Лѣсникъ. Илья Федулычъ Громовъ,
Раскольниковъ устроилъ скитъ, какъ старовѣръ
И чтить лишь женщинъ—бевъ дипломовъ.

Когда съ Каменпоостропскаго моста открылась панорама роскошныхъ дачъ, тошувшихъ въ зелени по берегамъ. Ненки, Николай Степановичъ улыбнулся и, обратясь къ Дмитрію Дмитріевичу, сказалъ:
— Ну, что же, поэтъ Минаевъ, вы приумоляли? кажется теперь вы могли бы подарить насъ эффектнѣе экспромтомъ.

Минаевъ закурилъ папиросу и, бросивъ взглядъ на открывшійся предъ нами чудный пейзажъ, повернулся ко мнѣ и съ усмѣшкой продекламировалъ:

Да, здѣсь привольно и свободно,
Воздушно, водно, зелено,
Здѣсь знатно,—только не пародно,
Здѣсь бѣднѣе жить по вѣтню.

На Строгоновскомъ мосту Василія Степановича разбудили.

— Пріѣхали! сказалъ ему Минаевъ, дергая за руку.

— Куда? Зачѣмъ пріѣхали? протирая глаза редакторъ «Пескрь».

— Къ Излеру.

— А! Къ Излеру!.. Хорошо!.. Помню!.. Мартыновъ тутъ?

— Да, вотъ онъ сидитъ.

— Ну, и отлично. Вѣдь вѣстѣй, значитъ, и войдемъ!

У подъѣзда вокзала Минеральныхъ водъ карета остановилась, обѣ дверцы ея разомъ растворились и мы молодцовато вытѣзли. Въ пеструю толпила публика, дамы, прислуга, жандармы, полиція. Василій Степановичъ приказалъ позвать самого Излера. Явился Иванъ Ивановичъ и съ самыми подобострастными поклонами приветствовалъ редактора «Пескрь», раскланялся съ нами, сказалъ нѣсколько любезностей и пошелъ насъ въ садъ.

— Иванъ Ивановичъ, вы получили мои распоряженія? спросилъ его Василій Степановичъ на ходу.

— Какъ-же-съ! получилъ и все исполнить. Ложа въ театрѣ оставлена и кабинетъ приготовленъ, извѣдался, какъ змѣй, содержатель Минеральныхъ водъ.

— Большой кабинетъ приготовили?

— Какъ-же-съ! какъ приказали, большой.

— И все, что нужно, приготовили?

— Все, все, пожалуйста!

— Итъ, прежде всего мы пойдемъ въ театръ, или, какъ вы называете, въ концертное зало, и посмотримъ немпожко. Что у васъ идетъ сегодня?

— «Фаустъ» съ м-ме Amélie въ роли Маргариты, м-ме Деккеръ-Шенкъ въ роли Марты, м-ме Дюбуше въ роли Зибеля и м-г Дюбуше—въ роли Фауста.

И Иванъ Ивановичъ проводилъ насъ до ложи. Мы вошли и устались шумно. На сценѣ Фаустъ предлагалъ Маргаритѣ руку—проводить предлестнюю дѣвицу, а Маргарита отпѣчала, что она не дѣвица—мастерница, и что сама знаетъ хорошо дорогу въ Шато-де Флеръ. Въ ложахъ и партерѣ наше появленіе было замѣчено. Лъвицы французской колоніи наводили на насъ дорнеги и переносились. Въ партерѣ кто-то сострилъ: «Смотрите, «Некра» появилась! не за тѣмъ ли, чтобы поспланировать Фауста?» Мы недолго сидѣли въ театрѣ; едва дуэтъ кончился, Мишась заявилъ, что тутъ душно и идти хочется, Василій Степановичъ сказалъ, что ожидать конца акта не стоитъ. Поэтому всѣ поднялись и вышли. У театра встрѣтилъ насъ Иванъ Ивановичъ и проводилъ до кабинета. Это была просторная въ нѣсколько оконъ комната, довольно высокая и свѣтлая, но, не смотря на открытія окна, въ ней ощущалась тяжелая липкая атмосфера. Обстановка ея ничѣмъ не отличалась отъ ресторанной обстановки кабинетовъ, съ ихъ мебелью, зеркалами, многочисленными картинами, тяжелыми портретами и тамъ и сямъ натянанными бра и жирандолями. Но было нѣчто въ ней, чего въ обыкновенной кабинетной обстановкѣ не вездѣ можно встрѣтить: это—пиршественный столъ, эффектно убранный вазами, канделябрами и цвѣтами. Отличительною особенностью его было то, что, вѣсто стульевъ, вокругъ его стояли приготовленные для возлежаній четыре мягкихъ съ подушками софы и два оттомана. На нѣсколькихъ маленькихъ столикахъ у стѣны красовалось нѣсколько корзинъ съ зеленью и

пахучими цвѣтами, на подзеркальничкахъ лежали вѣнки изъ розъ, лавровые и дубовые (гражданскіе) вѣнки, а у стѣны, между роялино и арфой, похвѣщившея въ самый уголъ, висѣли римскія пурпурныя тоги, греческіе хитоны, черныя испанскія мантелетки и другіе костюмы.

— Хорошо сказали; окинуть быстрымъ взоромъ кабинетъ, Василій Степановичъ, только насъ четверо, а должъ приготовлено шесть, а прочее оставьте, кто гдѣ захочетъ, тамъ и полизаетъ.

— Не прикажете ли освѣтити? освѣдомился почтительно Иванъ Ивановичъ.

— О, нѣтъ, теперь не нужно. Мы пока посумерничаемъ, а тамъ послѣ уидаимъ. Прикажете намъ подать Бордо, рейнвейну Юганисбертъ и пенгерскаго, но лучшаго, какое у насъ есть. Шампанскаго мы пили такъ много, что у меня какая-то пазарь по рту образовалась. Хотите подать также сельтерской, но не теплой.

— И коняку, добавилъ Мишаевъ, услаженно курившій все это время папиросу.

— Но только, я насъ долженъ предупредить Иванъ Ивановичъ, потрениалъ его по плечу редакторъ «Некры», что угощаю я, и ни съ кого другого, что бы они тамъ ни требовали, ни за что ни копѣйки не получаютъ! Счетъ прислать мнѣ записка въ контору, понимасте?..

— Помилуйте, дорогой Василій Степановичъ, развѣ я смѣю противорѣчить вашимъ приказаніямъ, изгibasя содержатель Минеральныхъ водъ, считаю за честь сдѣлать все, какъ вы пожелаете.

— Ну съ, это все хорошо. А на счетъ французской колоніи какъ? Я хочу нынѣ дебютировать въ канканчикъ, побѣдоносно улыбался Василій Степановичъ.

— Кончатъ мнѣсу — и это будетъ, я вамъ порекомендую лучшихъ танцорокъ изъ хора.

— Валите же! махнулъ рукой представитель «Некры», и Иванъ Ивановичъ исчезъ.

Николай Степановичъ между тѣмъ, подъ вліяніемъ, вѣроятно, столкновенія съ братомъ изъ-за кареты, все время упорно молчалъ, смотря вѣсть со мною въ окно на проходившую мимо публику, выкуривъ папиросу и, усѣвшись за рояль, сталъ наигрывать какую-то меланхолическую пастораль.

Василій Степановичъ подошелъ ко мнѣ, обхватилъ за талію и дружески сказалъ:

— Вы слышали, Петръ Косыничъ, у насъ будутъ дамы, но насъ это стѣснять не должно: вы можете себѣ выбрать какая намъ понравится изъ публички, конечно, не изъ буржуазныхъ, и укажите мнѣ, а я постараюсь о томъ, чтобы она была здѣсь.

— Благодарю васъ, Василій Степановичъ, но до сихъ поръ я еще не вижу такой дамы.

— Никто насъ не торопитъ, разсмѣялся Василій Степановичъ, смотрите внимательнѣе и, можетъ быть, какая-нибудь и приглянется. Не забудьте только нашего условія, что нѣтъ расходи здѣсь и принимаю на себя, нѣтъ, понимаете! Поэтому, пожалуйста, не стѣсняясь, была бы только дама по сердцу.

Подали вино, коньякъ и сельтерскую.

— Полно тебѣ, братъ, домоного-то хорошится, поскликуешь. Василій Степановичъ, обращаясь къ Николаю Степановичу, прѣхали поселиться—надо поселиться. Лучше бы ты сдѣлалъ, еслибы занялся хозяйствомъ.

— А ты что же не скажешь, отозвался Николай Степановичъ, я думалъ, что ты самъ будешь за хозяйку.

— Ну, гдѣ намъ, простакамъ, пошекетничать! фанфаронить редакторъ «Песры», иди и распорядись, а то у насъ что-то не клеится.

Дѣйствительно, какъ только подошелъ Николай Степановичъ къ столу, компания оживилась. Первымъ дѣломъ оживилась сельтерской, потомъ выпили коньяку, затѣмъ приступили къ Бордо и все это прикрывали опять-таки коньякомъ. Минувшъ предложилъ пройтись, подышать свѣжимъ воздухомъ, и мы втроемъ, Дмитрій Дмитриевичъ, Василій Степановичъ и я, вышли, а Николай Степановичъ остался хозяйствомъ. Онъ приказалъ принести двѣ головы сахару, нѣсколько бутылокъ рому, разныхъ специй и металлическій тазъ съ приборомъ для приготовления «гусарской жженки», снѣлъ сыртукъ и занялся дѣломъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ по саду, мои спутники встрѣтили много знакомыхъ и начался обменъ мыслей. Главнымъ предметомъ разговора было только-что состоявшееся разрѣшеніе курить табакъ на улицахъ, площадяхъ и другихъ мѣстахъ въ столицахъ и провинціи. Мѣра эта не обошлась, конечно, безъ злоупотребленій со стороны нѣкоторыхъ шутниковъ и подала поводъ къ ихъ арестованію. Послышалась голоса о необходимости протеста, но Василій Степановичъ умѣлъ обратить все это въ шутку, попросилъ протестан-

топъ доставить свои жалобы въ «Некру», и мы отправились далѣе. У поворота къ пруду, намъ встрѣтилась высокая, красивая и стройная молодая женщина съ золотистыми волосами, въ большой модной шляпѣ, охотничьимъ костюмъ и небольшимъ хлыстикомъ въ рукѣ. Она шла съ гвардейскимъ кирасиромъ, несшимъ на рукѣ ея кружевную накидку и подхлупывала хлыстикомъ.

— Василій Степановичъ, обратился я къ Курочкину съ вопросомъ: не знаете ли вы, кто эта дама?

— Это извѣстная представительница французской колоніи. Она состоитъ подъ покровительствомъ Мезенцева и затѣяла сюда съ нуданта, чтобы убить какъ-нибудь пещеръ понесете.

— А нельзя ее пригласить къ намъ?

— Это надо спросить Ивана Ивановича. Пойдите въ кабинетъ. Братъ Николай, по всей вѣроятности, уже ждетъ насъ съ своей «гусарской жженкой». Оттуда поплывъ и за Издеромъ.

Но Иванъ Ивановичъ уже сторожилъ насъ. Едва онъ замѣтилъ, что мы возвращаемся, стремительно подбѣжалъ и сообщилъ Василію Степановичу вполголоса, что онъ распорядился, чтобы послѣ спектакля, въ кабинетъ къ намъ явились для пляски четыре танцовщи со сцены въ костюмахъ.

— А для насъ костюмы, по желанію, прибавилъ онъ танцевально, приготовлены въ кабинетъ.

— Спасибо, намъ, любезнѣйшій, Иванъ Ивановичъ, за это, улыбаясь самодовольно серьезный редакторъ «Некры», но это еще не все!.. Сейчасъ прошла съ кирасиромъ «фамиліа де Мезенцевъ», нельзя ли ее пригласить къ намъ. Скажите, четыре поета считаютъ за особенное удовольствіе познакомиться съ нею.

— Василій Степановичъ, воскликнула изумленный содержатель Минеральныхъ водъ, вы задаете мнѣ такую задачу, что я, право, не знаю, что и отвѣтить намъ. И онъ комически развелъ руками.

— Будьте смѣлы, Иванъ Ивановичъ! поддержать предложеніе Курочкина Минашъ:

Четыре поета—четыре дари
Въ нашъ міръ собираются рѣдко:
Война ихъ собираетъ, въ мира дари,
Кутежитъ, да въ Вадонъ рулетка.

— Скажите, Иванъ Ивановичъ! захотѣлъ Курочкинъ, передайте это ч. нуженкѣ.

Мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ только поклониться.

— Въ немъ есть одно несомнѣнное достоинство, сказала, указавъ на меня глазами, Н. А. Климовъ, онъ скромнѣе, какъ дѣвушка, но это хорошо въ провинціи, тамъ оно цѣнится, а у насъ, въ Петербургѣ ничего не стоитъ, и многими считается однимъ изъ крупныхъ недостатковъ. Мужчины должны быть орлами!

— Орлы ширятся въ небесахъ, возразилъ я Климову, а мы влечемъ жизнь на землѣ, значить всякому свой удѣлъ. Да и все же быть орлами. Иначе жизнь была бы слишкомъ однообразной и сами же орлы признали бы ее небесной карой...

— Педурно сказано, молодецъ Петръ Косьмичъ, одобрительно кивнулъ головой Василій Степановичъ, тамнанскаго! Братъ, вели давать тамнанское, кивнулъ онъ головой Николаю Степановичу.

И тамнанское зашумѣло.

— Господа, сказала я, встанъ со стула и поднимая свой бокалъ, позвольте провозгласить первый тостъ за здравіе вождя русскаго народа, освободителя двадцати милліоновъ крестьянъ, уничтожившаго тылское наказаніе, дающаго новый судъ и свободу нашей матери печати! Ура!

— Ура! ура! ура! повторили троекратно всѣ эти вольномыслящіе люди и крайніе либералы писатели, и повторили сочувственно и громогласно. Вино выпили одушевленно и шумно.

Второй тостъ провозгласилъ Н. А. Климовъ: за царину, наследника и всю августѣйшую царскую семью.

Тоже громогласное ура! покрыло и этотъ тостъ. Бокалы моментально опустѣли.

— Дураки! Подали наперстки! возрился, покачивающийся, Н. Н. Кроль. Мы у графа Кунселева пьемъ здравницы стаканами.

— Подать стаканы! скомандовалъ Николай Степановичъ и нескромная влада закинула въ стаканы. В. С. Курочкинъ песталъ, чокнулся со мною и сказалъ:

Позвольте, Петръ Косьмичъ,

Сказать, хотя не спичъ,

Но пару словъ въ честь вашу:

За вашу доброту,

Радуйте, про:тоту,

И выпью эту чашу!

И, возгласивъ, «Вивать!» онъ опрокинулъ стаканъ на лобъ.

Подошелъ Минаевъ. Подъловилъ меня, онъ поднесъ стаканъ къ губамъ и говоря:

Будь здоровъ, поэтъ-солдатъ,
Будь здоровъ, поэтъ Мартыановъ,
За тебя я выпить радъ
Не одинъ, а сто стакановъ!

Каждый стихъ записывалъ нѣсколькими глотками шампанскаго. Поднялся и подступилъ ко мнѣ, пошатываясь, П. П. Кроль. Долго онъ смотрѣлъ на меня, глади бороду и порхая по обыкновенію. Онъ поднималъ стаканъ и опускалъ, видимо собираясь съ мыслями. И только, когда Минаевъ крикнулъ ему съ другого конца стола: «сѣдай, Кроль!» онъ чокнулся со мною и, опершись на спинку стула, проговорилъ:

Поэты—братья неѣ, и мы
Гордиться можете не кровью, (и онъ укасалъ стака-
номъ на лежащую на столѣ мою рукопись)

Но адѣсь, на берегахъ Невы,
Пріобрѣтенною любовью,
Вы видите, мы цѣнимъ мѣстъ,
И, забывши про цензуру
Мы рады съ вами пить не кашу,
Вино, и не стаканъ—рогъ-туру!

Ура! и онъ разомъ опорожнилъ свой стаканъ. Поднялся и Николай Степановичъ. Онъ неторопливо подошелъ ко мнѣ, откланился и, добродушно улыбаясь, сказалъ:

Поэтъ Мартыановъ, свой стаканъ
И подниму безъ тоста,
Сознаю мы изъ разныхъ странъ,
И выпить можемъ просто.
Вы—человѣкъ хорошій, съ тѣмъ
И долженъ согласиться,
Но не хочу кричать, зачѣмъ?
Безъ крику можно обойтись.
А выпить вмѣстѣ я готовъ,
И, чокнуся пожалуй,
И тихо моллю: будь здоровъ,
Поэтъ съ тетрадью алой!

И онъ взялъ у меня мой стаканъ, прихлебнулъ и подаль мнѣ свой прихлебнуть и поцаловалъ меня. Подошли П. Н. Пашиню, М. М. Стопанонскій и А. Н. Швабе, всѣ они разомъ чокнулись со мною, сказали, что присоединяются къ выраженному Николаемъ Степановичемъ пожеланію мнѣ здоровья и процвѣтанія «съ тетрадью алой»!

Поглядѣвши подошелъ П. А. Клямовъ. Онъ цѣлнестымъ дѣловымъ языкомъ произнесъ цѣлый спичъ. Сказалъ, что я одинъ изъ первыхъ служака Николаевского режима, откликнувшійся въ пѣсняхъ на новое вѣліе времени и обратившій вниманіе на печальную долю солдата. Сказалъ, что это составляетъ большую заслугу по отношенію милліонной людей, служившихъ и служащихъ подъ ружьемъ. Сказалъ, что именно это обстоятельство, а отнюдь не самыя пѣсни, которыми, къ слову сказать, довольно слабы, послужило къ такому блестятельному пріему, которымъ почтили меня представители лучшихъ органовъ печати. Сказалъ, что если я посвящу свой талантъ на дальнѣйшее служеніе провозглашенной идѣ, то благосклонность сказанныхъ представителей будетъ увеличиваться съ каждою годою. Каждый долженъ дѣлать свое дѣло, понималъ онъ, и если онъ будетъ дѣлать его добросовѣстно, то можетъ быть увѣренъ, что общество рано или поздно оцѣнитъ его трудъ и воздастъ за него стоицею. «Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, закончилъ онъ, что сегоднѣшній праздникъ посвященія поэта-солдата въ литераторы составитъ эпоху въ его жизни, и что онъ до глубокой старости будетъ вѣдоминать съ живѣйшей признательностью имена предѣднщихъ здѣсь лицъ, встрѣтившихъ его у дверей храма святой правды и добра и обещающихъ ему при дальнѣйшемъ прохожденіи пути служенія музамъ, свое высокое покровительство».

Когда онъ, окончивъ рѣчь, чокнулся со мною и поцѣловался, собраніе громкими аплодисментами выразило свое сочувствіе сказанному и всѣ, какъ одинъ человекъ, поднялись съ своихъ мѣстъ, пожимали ему руку и благодарили за выраженныя имъ мысли.

— Запомните, поэтъ Мартыновъ, обратился ко мнѣ Николай Степановичъ, слова, сказанныя Порфиріемъ Асенгритовичемъ. Это гласила сама истина, и если намъ будетъ когда-нибудь трудно, невыносимо тяжело или обидно въ жизни—ищите въ нихъ утѣшенія и поддержки. Это мой завѣтъ вамъ.

И всталъ, и отвѣтилъ, на сдѣланныя мнѣ оваціи, слѣдующими куплетами:

Я счастливъ, господа, когда и никогда
Я не былъ счастливъ такъ, какъ на брегахъ Новы:
Солдаты приняли въ свой кругъ, вы безъ стыда,
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Вы приняли его, какъ истинные братья...
Взяли вону—голосу рокочущей молны,
Открыли вы ему сочувственно объятя,
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Съ нимъ раздѣлили хлѣбъ-соль простую не спѣсно,
Узоры дружества вы дали для каппы
Работы исторіи, и дали не чаплино,—
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Въ пеклѣ пробудили вы мечты и упованья,
Дрежащія со дня ухода изъ Москвы,
Любви и братскихъ узъ вы дали обѣщанья,
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Но чѣмъ отвѣтить онъ на это важъ?... словами?
Пустыми фразами? склоненьемъ головы?
О, нѣтъ... какъ человекъ, отвѣтить онъ слезами
Важъ—витязи печати, прессы львы!

* * *

И я, дѣйствительно, прослезился, двѣ-три слезы скатились по
щекамъ и упали на бѣлый жилетъ; послышались тихіе: «браво,
браво»! я поклонился и продолжалъ:

И вотъ, онъ плачетъ... да!.. Вы врите эти слезы...
Росинки—то на стебляхъ счастья травы...
Волшебная ему вы позиртели грезы,
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Крики «браво»! усилились, застучали ножи о тарелки, затопо-
тали ноги подъ столами... Я вновь поклонился и продолжалъ:

И мнѣ не стыдно плакать здѣсь... пусть и—солдаты,
Но кровь во мнѣ кипитъ и чувствуетъ по мертвымъ,
Отъ счастья плачу я, нѣтъ и теноръ—шантъ братья,
Важъ—витязи печати, прессы львы!

* * *

И потъ, какъ братъ, какъ поляный съ полянымъ, равный съ
равнымъ,

Пріемлю смѣлость я—отвергнете ли вы?—

За насъ поднять стаканъ съ напитокомъ отнимъ славнымъ,
О, витязи печати, прессы львы!

• • •

Да исполняютъ намъ боги всѣ утѣхи жизни,

Амура-шалуна всѣ стрѣлы съ тетивы;

И да внесете вы высоко стягъ отчизны,

Вы—витязи печати, прессы львы!

• • •

И я поднялъ высоко надъ головою свой стаканъ съ виномъ, и крикнулъ: «Ура! За насъ нью, витязи печати, прессы львы!»

Раздались неистовыя рукоплесканія, крики «браво!» стукъ и лягъ ножей и топотъ ногъ. И я обошелъ сидѣвшихъ вокругъ стола, съ каждымъ чокулся и поцѣловался, провозгласилъ еще разъ «ура! за насъ нью, витязи!»... вынулъ свой стаканъ разомъ и, бросивъ его въ каминъ, разбилъ въдребезги.

— На воздухъ! закричалъ Василій Степановичъ. Обѣдъ кончился, а пить кофе будемъ тамъ. И онъ указалъ рукой на соседнее зало. Задвигались стулья, всѣ встали и шумной толпой перекочевали въ другую комнату. Подали кофе и десертъ. Начали смаковать ликеры и коньякъ.

В. С. Курочкинъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ: «скоро девять! пора, господа, и къ Палеру».

— А чтеніе «тетради алой» развѣ не состоится? воскликнулъ Н. Н. Наминъ. Вѣдь, оно было назначено послѣ обѣда.

— Кто же виноватъ, что за обѣдомъ просидѣли такъ долго! возразилъ редакторъ «Песны», если мы начнемъ чтеніе, то не поѣдемъ къ Палеру, а я уже распорядился, чтобы Иванъ Ивановичъ приготовилъ что нужно.

— Но позвольте, Василій Степановичъ, лепеталъ косиющіхъ языкомъ Н. Н. Кроль. Мы хотимъ познакомиться съ произведеніями музы поэта Мартынова.

— Мы познакомились уже съ произведеніями музы поэта Мартынова за обѣдомъ, настаивалъ упрямъ Курочкинъ, онъ прочиталъ намъ прекрасное стихотвореніе, а кому этого недостаточно, конечно, можетъ остаться здѣсь. Но я жду, кто со мною?

Николай Степановичъ сказалъ, что онъ поѣдетъ. «И я поѣду!» отозвался Миничъ. «И я поѣду!» приговаривалъ и я, пожимъ дающее

объясненіе. П. А. Климовъ извинился, что не можетъ ѣхать потому, что онъ долженъ быть вечеромъ въ какомъ-то засѣданіи. А прочіе предпочли остаться у Донона.

— Мы вотъ съ П. П. Пашино и А. П. Швабе лучше разыграемъ дуэльку преферанса, отбояривался отъ поѣздки М. М. Степановскій.

— А я... будировать, пошатываясь, Н. П. Кроль:

Буду я читать
«Алую тетрадь»,
Буду пить вино,
Благо есть оно...

— Въ такомъ случаѣ, господа, обратился къ нимъ Николай Степановичъ, вы можете пировать за счетъ нашего амфитріона. Чай, кофе, вино, ликеры, коньякъ къ нашимъ услугамъ, купайте на доброе здоровье, а мы поѣдемъ на острова.

И затѣмъ, попрощавшись, мы вчетверомъ: два брата Курочкины; Минаевъ и я, оставили ресторанъ Донона.

IV.

Вечеръ у Излера.—Поѣздка.—Экспромпты.—Встрѣча и бесѣды.—Въ театрѣ.—Въ саду.—Въ кабинетѣ.—Наталья Романовна и—кутежъ кувиркомъ, кувиркомъ полетѣть!

Мы вышли на Невскій и на биржѣ въ Конюшенной Василій Степановичъ нанялъ четверомѣстную карету. Онъ уже занесъ было ногу, чтобы сѣсть въ нее, но вдругъ, какъ будто что-то припомнилъ, остановился, подошелъ къ содержателю экипажей и приказалъ ему дать другую такую же карету, съ тѣмъ, чтобы она ѣхала вслѣдъ за нами, не отставая ни на шагъ. Когда же мы уѣхали въ первую карету и поѣхали, Николай Степановичъ спросилъ брата:

— Скажи, пожалуйста, зачѣмъ тебѣ понадобилась вторая карета?

— Какъ зачѣмъ? съ неудовольствіемъ отозвался Василій Степановичъ, закрывшій глаза и начинавшій дѣлать, а вдругъ сломается ось или колесо, на чемъ же мы поѣдемъ!

— Ты все дурачишься, отозвался брезгливо Николай Степановичъ, вѣдь это — напрасная трата денегъ, сломаются ось или колесо — есть извозчики.

— А если я хочу ѣхать въ каретѣ — кому какое дѣло? вспылалъ редакторъ «Искры», да я уже и не юноша, чтобы мнѣ дѣлать наставленія, я хочу — я и плачу, и виѣзжать въ мои распоряженія никакихъ не допускаю.

И онъ закрылъ глаза и погрузился въ дрему. Минаевъ между тѣмъ знакомилъ меня съ топографіею Петербурга. Проѣзжая мимо Инженернаго замка, онъ разсказалъ мнѣ его исторію, а поровнявшись съ Лѣтнимъ садомъ, указалъ мѣсто, гдѣ любилъ отдыхать А. С. Пушкинъ и сообщилъ анекдотъ, какъ одинъ англійскій лордъ, въ прошломъ столѣтіи, пріѣзжалъ въ Петербургъ для того только, чтобы взглянуть на рѣшетку сада, которая считалась тогда чуть ли не восьмымъ чудомъ свѣта. На Троицкомъ мосту онъ припомнилъ, какъ чернь, въ холерную эпидемію 1831 года, соросила съ моста въ Неву и утопила въ ней съ каретой и лошадьми доктора Мудрова. Проѣзжая мимо крѣпости, онъ разразился экспромтомъ:

Здѣсь погребаются великіе цари,
Здѣсь золотыя дѣлаютъ монеты,
На шпиль Телушкинъ лазилъ — эка высь, смотри!
И подъ Неву спускаются поэты.

— Какъ подъ Неву? спросилъ я въ изумленіи Минаева.

— Да такъ!.. есть, говорятъ, сказаніе, что подъ Невой устроены казематы.

— Не лучше ли, кумъ, вѣтшался изъ разговоръ Николай Степановичъ, сказать такъ:

Здѣсь ходитъ и стоитъ, и возлжеть —
Кто не сидитъ,
И не стоитъ, не ходитъ, не лежитъ —
Тотъ, кто сидитъ.

Двигаясь по Каменноостровскому шоссе, Минаевъ указалъ мнѣ рукой на Александровскій лицей и промолвилъ:

Вотъ зданье славное, оно приготовляло
Намъ Пушкина и князя Горчакова,

И Тяпкинь-Дипкиныхъ родъ цѣлый воспитало
Отъ Блудова до Салтыкова.

Проѣхавъ Карповку, и, поровнявшись съ дачей Громова, онъ весело продолжалъ:

А здѣсь живетъ нѣхетный панъ миллионеръ,
Дѣсникъ Илья Федулычъ Громовъ,
Раскольниковичій устроилъ скитъ, какъ старовѣръ
И чтитъ лишь женщинъ—бевъ дипломовъ.

Когда съ Каменноостровскаго моста открылась панорама роскошныхъ дачъ, тонущихъ въ зелени по берегамъ Невки, Николай Степановичъ улыбнулся и, обратясь къ Дмитрію Дмитріевичу, сказалъ:

— Ну, что же, панъ Минаевъ, вы приумоляли? кажется теперь вы могли бы подарить насъ эффектнымъ экспромтомъ.

Минаевъ закурилъ папиросу и, бросивъ взглядъ на открывшійся предъ нами чудный пейзажъ, повернулся ко мнѣ и съ усмѣшкой продекламировалъ:

Да, здѣсь привольно и свободно,
Воздушно, водно, зелено,
Здѣсь знатно,—только не народно,
Здѣсь бѣднѣе жить по вѣтню.

На Строгоновскомъ мосту Василія Степановича разбудили.

— Пріѣхали! сказать ему Минаевъ, дергая за руку.

— Куда? Зачѣмъ пріѣхали? протираю глаза редакторъ «Некры».

— Къ Излеру.

— А! Къ Излеру!.. Хорошо!.. Пожюю... Мартыновъ тутъ?

— Да, вотъ онъ сидитъ.

— Ну, и отлично. Вѣсь вѣстѣть, значить, и войдемъ!

У подъѣзда вокзала Минеральныхъ подъ карета остановилась, обѣ дверцы ея разомъ растворились и мы молодцовато выѣзжали. Въ вестибюлѣ толпилась публика, дамы, прислуга, жандармы, полиція. Василій Степановичъ приказалъ познать самого Излера. Явился Иванъ Ивановичъ и съ самыми подобострастными поклонами приѣтствовалъ редактора «Некры», раскланился съ нами, сказалъ нѣсколько любезностей и повелъ насъ въ садъ.

— Иванъ Ивановичъ, вы получили мои распоряженія? спросилъ его Василій Степановичъ на ходу.

— Какъ-же-съ! получилъ и все исполнилъ. Ложа въ театрѣ оставлена и кабинетъ приготовленъ, извѣдался, какъ зѣкъ, содержатель Минеральныхъ водъ.

— Большой кабинетъ приготовили?

— Какъ-же-съ! какъ приказали, большой.

— И все, что нужно, приготовили?

— Все, все, пожалуйста!

— Итъ, прежде всего мы пойдемъ въ театръ, или, какъ вы называете, въ концертное зало, и посмотримъ немпоже. Что у васъ идетъ сегодня?

— «Фаустъ» съ м-ме Amélie въ роли Маргариты, м-ме Декеръ-Шенкъ въ роли Марты, м-ме Дюбуше въ роли Зибеля и м-г Дюбуше—въ роли Фауста.

И Иванъ Ивановичъ проводилъ насъ до ложи. Мы вошли и успѣлись шумно. На сценѣ Фаустъ предлагалъ Маргаритѣ руку—проводить прелестную дѣвицу, а Маргарита отвѣчала, что она не дѣвица—мастерница, и что сама знаетъ хорошо дорогу въ Шато-де Флеръ. Въ ложахъ и партерѣ наше появленіе было замѣчено. Дѣвицы французской колоніи наводили на насъ дорисеты и перемѣнялись. Въ партерѣ кто-то сострѣлъ: «Смотрите, «Некра» появилась! не за тѣмъ ли, чтобы посялженитъ Фауста?» Мы недолго сидѣли въ театрѣ; едва дуэтъ кончился, Миасевъ заявилъ, что тутъ душно и идти хочется, Василій Степановичъ сказалъ, что ожидать конца акта не стоитъ. Поэтому всѣ поднялись и вышли. У театра встрѣтилъ насъ Иванъ Ивановичъ и проводилъ до кабинета. Это была просторная въ нѣсколько оконъ комната, довольно высокая и свѣтлая, но, не смотря на открытыя окна, въ ней ощущалась тяжелая вѣшная атмосфера. Обстановка ея ничѣмъ не отличалась отъ ресторанной обстановки кабинетовъ, съ ихъ мебелью, зеркалами, мимологическими картинами, тяжелыми портьерами и тѣмъ и сямъ натянутыми бра и жирандолями. Но было что-то въ ней, чего въ обыкновенной кабинетной обстановкѣ не найдъ можно встрѣтити: это—пиршественный столъ, эффектно убранный вазами, канделябрами и цвѣтами. Отличительною особенностью его было то, что, вмѣсто стульевъ, вокругъ его стояли приготовленные для возлежанія четыре мягкихъ съ подушками софы и два оттомана. На нѣсколькихъ маленькихъ столикахъ у стѣны красовалось нѣсколько корзинъ съ зеленью и

пахучими цвѣтами, на подсвѣдѣльникахъ лежали вѣнки изъ розъ, лапронныя и дубовыя (гражданскіе) вѣнки, а у стѣны, между роялино и арфой, помѣщавшейся въ самомъ углу, висѣли римскія пурпурныя тоги, греческіе хитоны, черныя испанскія мантелетки и другіе костюмы.

— Хорошо! сказали; окинуть быстрымъ взоромъ кабинетъ, Василій Степановичъ, только насъ четверо, а ложъ приготовлено шесть, а прочее оставьте, кто гдѣ хочетъ, тамъ и помѣжится.

— Не прикажете ли осѣлится? осѣдомился почтительно Иванъ Ивановичъ.

— О, вѣтъ, теперь не нужно. Мы пока посумерничаемъ, а тамъ послѣ увидимъ. Прикажете намъ подать Бордо, рейнвейну Юлианисберга и пенгерскаго, по лучшаго, какое у насъ есть. Шампанскаго мы пили такъ много, что у меня какая-то изгарь по рту образовалась. Хотите подать также сельтерской, но не теплой.

— И коньяку, добавилъ Мининъ, усиленно куринный все это время напросы.

— Но только, я насъ долженъ предупредить Иванъ Ивановичъ, потрепавъ его по плечу редакторъ «Искры», это угождаю я, и ни съ кого другого, что бы они тамъ ни требовали, ни за что ни копѣйки не получаютъ! Счетъ прислать мнѣ завтра въ контору, понимаете?..

— Помилуйте, дорогой Василій Степановичъ, развѣ я смѣю противорѣчить вашимъ приказаніямъ, изгнбался содержатели Минеральныхъ водъ, считаю за честь сдѣлать все, какъ вы пожелаете.

— Ну съ, это все хорошо. А на счетъ французской колоніи какъ? Я хочу нынѣ же дебитировать въ канканчикѣ, побѣдоносно улыбаясь Василій Степановичъ.

— Кончать нынѣ — и это будетъ, я намъ порекомендую лучшихъ танцорокъ изъ хора.

— Хотите же! махнулъ рукой представитель «Искры», и Иванъ Ивановичъ исчезъ.

Николай Степановичъ между тѣмъ, подъ вліяніемъ, вѣроятно, столкновенія съ братомъ изъ-за кареты, все время упорно молчалъ, смотря вѣтеть со мною въ окно на проходившую мимо публику, махурилъ напросу и, усѣвшись за рояль, сталъ наигрывать какую-то меланхолическую пастораль.

Василій Степановичъ подошелъ ко мнѣ, обхватилъ за талію и дружески сказалъ:

— Вы слышали, Петръ Косыничъ, у насъ будутъ дамы, но насъ это стѣснять не должно: вы можете себя выбрать какая намъ понравится изъ публички, конечно, не изъ буржуазныхъ, и укажите мнѣ, а я постараюсь о томъ, чтобы она была здѣсь.

— Благодарю насъ, Василій Степановичъ, но до сихъ поръ я еще не вижу такой дамы.

— Никто насъ не торопитъ, разсѣялся Василій Степановичъ, смотрите внимательно и, можетъ быть, какая-нибудь и приглянется. Не забудьте только нашего условія, что нѣтъ расхождъ здѣсь и принимаю на себя, нѣтъ, понимаете! Поэтому, пожалуйста, не стѣсняетесь, была бы только дама по сердцу.

Подали вино, коньякъ и сельтерскую.

— Полно тебѣ, братъ, домоного-то хоронить, воскликнула Василій Степановичъ, обращаясь къ Николаю Степановичу, прѣхали повеселиться—надо повеселиться. Лучше бы ты сдѣлалъ, еслибы занялся хозяйствомъ.

— А ты что же не скажешь, отозвался Николай Степановичъ, я думаю, что ты самъ будешь за хозяйку.

— Ну, гдѣ намъ, простакамъ, пошекетновать! фанфаронилъ редакторъ «Некря», иди и распорядись, а то у насъ что-то не клеится.

Дѣйствительно, какъ только подошелъ Николай Степановичъ къ столу, компания оживилась. Первымъ дѣломъ оживилась сельтерской, потомъ вынули коньяку, затѣмъ приступили къ Бордо и все это прикрыли опять-таки коньякомъ. Минутъ предложилъ пройтись, подышать свѣжиямъ воздухомъ, и мы втроемъ. Дмитрій Дмитриевичъ, Василій Степановичъ и я, вышли, а Николай Степановичъ остался хозяйствовать. Онъ приказалъ принести двѣ головки сахара, нѣсколько бутылочекъ рому, разныхъ специй и металлическій тазъ съ приборомъ для приготовления «гусарской жженки», снялъ скоткузъ и занялся дѣломъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ по саду, мои спутники встрѣтили много знакомыхъ и начался обменъ мыслей. Главнымъ предметомъ разговора было только-что состоявшееся разрѣшеніе курить табакъ на улицахъ, площадяхъ и другихъ мѣстахъ въ столицахъ и провинціи. Мѣра эта не обонялась, конечно, безъ злоупотребленій со стороны нѣкоторыхъ шутниковъ и подава походить къ ихъ арестованію. Послышались голоса о необходимости протеста, но Василій Степановичъ умѣлъ обратить все это въ шутку, попросить протестан-

тогда доставить свои жалобы въ «Некру», и мы отправились dalje. У поворота къ пруду, намъ встрѣтилась высокая, красивая и стройная молодая женщина съ золотистыми волосами, въ большой модной шляпѣ, охотничьимъ костюмъ и небольшимъ хлыстикомъ въ рукѣ. Она шла съ гвардейскимъ кирасиромъ, несшимъ на рукѣ ея кружевную накидку и похлопывала хлыстикомъ.

— Василій Степановичъ, обратился я къ Курочкину съ вопросомъ: не знаете ли вы, кто эта дама?

— Это извѣстная представительница французской колоніи. Она состоитъ подъ покровительствомъ Мезенцова и забываетъ сюда съ пуанта, чтобы убить, какъ-нибудь вечеромъ новоселовъ.

— А нельзя ее пригласить къ намъ?

— Это надо спросить Ивана Ивановича. Пойдемте въ кабинетъ. Братъ Николай, по всей вѣроятности, уже ждетъ насъ съ своей «гусярской женщиной». Оттуда пошлемъ и за Надеромъ.

Но Иванъ Ивановичъ уже сторожилъ насъ. Едва онъ замѣтилъ, что мы возвращаемся, стремительно подбѣжалъ и сообщалъ Василію Степановичу интелюса, что онъ распорядился, чтобы послѣ спектакля, въ кабинетъ къ намъ явились для пляски четыре танцовки со сцены въ костюмахъ.

— А для насъ костюмы, по желанію, прибавилъ онъ танцевенно, приготовлены въ кабинетъ.

— Конечно, намъ, любезнѣйшій, Иванъ Ивановичъ, за это, улыбаясь снисходительно серьезный редакторъ «Некры», но это еще не все!.. Сейчасъ прошла съ кирасиромъ «фамилъ де Мезенцовъ», нельзя ли ее пригласить къ намъ. Скажите, четыре поета считать за особенное удовольствіе познакомиться съ нею.

— Василій Степановичъ, воскликнулъ изумленный содержатель Минеральныхъ водъ, вы задаете мнѣ такую задачу, что я, право, не знаю, что и отвѣтить вамъ. И онъ комически развелъ руками.

— Будьте смѣлы, Иванъ Ивановичъ! поддержалъ предложеніе Курочкина Минасъ:

Четыре поета—четыре цари

Въ нашъ вѣкъ собираются рѣдко:

Война ихъ собирать, въ міра вара,

Кутежъ, да въ Вадеи рулетка.

— Слышите, Иванъ Ивановичъ! захотѣли Курочкинъ, передайте это и инужникъ.

— Конечно, это для нас должно быть очень лестно, отпечтаться, нагнаться и пожинаться, предупредительный администратор «Минералеки», но этим одним мы едва ли достигнем цели. Здесь одно может помочь нам, Василий Степанович, это—злато, презренное злато, будь оно проклято, фиглярничать Палер.

— Ну, что же! Я ассигную нам, Иванъ Ивановичъ, на это 500 франковъ. Орудуйте, любезнѣйшій, хохоталъ въ неседомъ настрѣеніи Курочкинъ, зовите ее на одну только кадриль съ нами.

Иванъ Ивановичъ согнулся въ три погибели, понялся и исчезъ.

— А прійдетъ—не уйдетъ! Не такъ ли, Петръ Косыничъ? подмигнувъ Василий Степановичъ пелѣдъ уходящему Палеру.

— Конечно, попадетъ птичка въ клетку—не вылетитъ...

Разговаривая и шутя, мы вернулись въ кабинетъ. Николай Степановичъ сдѣлалъ все надлежащія къ нему приготовления. Двѣ лишнія софы онъ пелѣдъ вынести и простору вокругъ стола стало больше. Оставшіеся оттоманы и софы, а также и полъ вокругъ стола, были застланы зеленою и цѣтami—атмосфера получилась свѣжѣе и ароматичнѣе. Окна закрыли и тяжелыя портьеры спустили—образовался таинственный полумракъ. Посреди стола, на металлическомъ подножій, въ серебряномъ тазу пылала «Гусарская жженка». Ароматы паримаго напитка щекотали обоняніе. Синее пламя фантастически извивалось надъ тазомъ, ласкало зрѣніе, и маняло и дразнило возбужденныя аппетиты неуклонно. Самъ Николай Степановичъ, облачившись въ хитонъ и пурпурную тогу, съ вѣнкомъ изъ розъ на пыльной головѣ, возсѣдалъ на одной изъ софъ и курилъ каляны, присматривалъ за варкой, помѣшивалъ ее и удобрилъ приборкой разныхъ специй, съ какимъ-то таинственнымъ шопотомъ.

— А вотъ и мы! воскликнулъ Василий Степановичъ, входя неседо въ кабинетъ, кажется, не заставили себя ждать.

«Варись, варись, зелье, на бѣду людей,
Будь чужимъ отравой, спонхъ по губы!»

запѣлъ Мишень изъ «Аскольдовой могилы», бросился на одинъ изъ близъ стоявшихъ оттомановъ и растянулся на немъ.

Николай Степановичъ нахмурился и началъ было: «господа, по церемоніалу...» но въбѣжавшій впопыхахъ Иванъ Ивановичъ прерывалъ въ самомъ началѣ его филиппику.

— Василий Степановичъ, воскликнулъ онъ въ ужасъ, бѣда! Супруга наша, Наталья Романовна, прѣхала и ищетъ насъ...

Если бы внезапно грянулъ громъ и оглушилъ кого-нибудь изъ насъ, мы были бы менѣе поражены, чѣмъ подобнымъ извѣстiемъ²⁾.

— Разбойница!.. Зарѣзала!... только и могъ выговорить растерянный Василий Степановичъ, и схватился обѣими руками за голову.

— Наталка! воскликнулъ Николай Степановичъ въ ужасъ. И зачѣмъ только эта баба притаилась?

— Вотъ ты и поди-жь! опустили безпомощно руки редакторъ «Искры» и замялся по комнатѣ. Гдѣ она? обратился онъ къ Ивану Ивановичу.

— Ея сказали, что вы въ театрѣ и она пошла туда.

— Задержите ее, пожалуйста, тамъ, а мы уйдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто, проговорилъ онъ скороговоркой Палеру, прощая его изъ кабинета и, обратясь къ намъ, командовалъ: ну, ѣдьте, что ли?

— Куда же поѣдемъ? спросилъ нерѣшительно Николай Степановичъ.

— Хоть къ чорту, только вонъ отсюда... суетился Василий Степановичъ, отыскивая свои вещи.

«Притаилась» «Наталка»!

«Вотъ ты и поди-жь»!

Ллзеть на скандалъ, нахалка,—
Какъ мой Катинъ...

²⁾ Необходимо пояснить, что редакторъ «Искры» былъ человѣкъ строгихъ правилъ, твердый и рѣшительный. Его положительность и неуклонность въ принятыхъ рѣшенiяхъ была извѣстна. Но во всемъ, касавшемся лично его и семейныхъ дѣлъ, онъ находился подъ влiянiемъ этой простой и необразованной женщины. Во всѣхъ его домашнихъ столкновенiяхъ съ нею, ей стоило только нахмуриться, возмечать голосъ, прикрикнуть,—и бѣдный Василий Степановичъ, по мѣткому его выраженiю «старался убраться», ступивъ, уползая или уходя въ прочь. Наталья Романовна знала это очень хорошо и, при каждомъ удобномъ случаѣ, пользовалась этимъ, пуская въ ходъ всѣ женскiя уловки и, конечно, достигала желанной цѣли. Въ данномъ случаѣ она, узнавъ отъ разсѣянаго редакторъ, что Василий Степановичъ задумалъ устроить у Палера вечеръ, бросилась и, подъ видомъ болѣзни ребенка, увлекла его домой.

балагурить Минаевъ, переваливался съ боку на бокъ на оттохавъ.

Дверь изъ кабинета распахнулась и показавшійся въ ней Иванъ Степановичъ сѣлѣнно проговорилъ:

— Василій Степановичъ, Наталья Романовна сюда идетъ! въ театръ ей сказали, что вы здѣсь.

— Бога ради, отвѣдите ее куда-нибудь въ другое мѣсто, пока мы уйдемъ, въ другой кабинетъ, что-ли, ну, закройте, наконецъ, ебутіеся сконфуженный редакторъ; идите же, скорѣе! понукалъ онъ насъ.

— Да куда ѣхать? отозвался неохотно Николай Степановичъ, идѣсь все гоюно.

— Убрать все! крикнулъ лакеевъ. Василій Степановичъ, схватилъ пилу и ринулся къ двери. Кто со мною? Выходите.

И одѣлся и вышелъ за нимъ, въ вестибюль догнавъ насъ Николай Степановичъ и Минаевъ. Пока мы стояли и дожидались каретъ, за которыми были посланы артельщики, изъ сада выбѣжали Излеры, а за ними вылетѣла, вся раскрасѣвшаяся, какъ нѣонъ, Наталья Романовна.

— Ты уѣдѣла? подбѣжала она къ Василью Степановичу, а я тебя ищу.

— Зачѣмъ?

— Дома неладно.

— Что такое?

— Мальчику худо.

— Не могла ты развѣ кого-нибудь послать: прѣхала сама, сконфузилась и путалась въ словахъ, Василій Степановичъ. Что съ нимъ?

— Я не знаю. Поѣдемъ домой. Увидимъ.

И она пошла у него на рукъ. Василій Степановичъ, видя, что спасенія нѣтъ, сѣлъ съ нею въ карету и приказалъ ѣхать домой. Прощаясь съ нами, онъ только пожалъ плечами и сдѣлалъ выразительный знакъ, а брату шутливо напомнилъ:

— Ну, вотъ, Николай, вторая-то карета и пригодилась. А то тебѣ пришлось бы трыстись на извозникъ.

Вечеръ былъ сорванъ. Минаевъ, по отъѣздѣ четы Курочкиныхъ, предложилъ позиратиться къ «жженкѣ», и настаивалъ на принятіи своего предложенія, скандируя такой экспромтъ:

Испугалися Наталки,—

И бросаемя жженку!..

И скорѣе бы вылезъ въ палки
Эту вѣдьму—женку...

— Но ты пойми,—протестовалъ Николай Степановичъ:—что наше самолюбіе, наше личное достоинство не могутъ допустить этого. Ты слышалъ, что братъ Василій велѣлъ все убрать, т. е. другими словами, отдать все лакеямъ. Не можемъ же мы потребовать отъ лакеевъ отданныхъ имъ напитковъ. Но если ты хочешь непременно женки, то надо сварить свою и заплатить за нее: вѣдь мы — пойми ты это!—не можемъ пить на счетъ брата, когда онъ кредита намъ у Излера не открывалъ.

— Ну, тогда поѣдемъ домой, махнулъ рукой Дмитрій Дмитриевичъ, и мы, послѣ нѣкоторыхъ дебатовъ, разлѣхались. Мишень и Курочкинъ въ запертой каретѣ отирались въ Лѣсныя палестины, а я пернулся на паромъ домой.

По поэтѣ-сатирикѣ, садясь въ карету и пожимая мѣхъ на прощанье руку, продолжалъ волноваться:

Какъ мы слупы! какъ мы жалки!
Непугались Паташкинъ..
И въ угоду надорной жонкѣ
Отказались отъ женки...

V.

Визиты М. М. Стопановскаго и Н. И. Кроля. — Редакція «Военнаго Сборника». — Н. М. Григорьевъ. — Генералъ Н. К. Меньковъ. — Свиданіе съ В. А. Соколовскимъ и А. А. Икимовичемъ. — Посѣщеніе В. С. Курочкина. — Отъѣздъ въ Москву.

Дня черезъ два меня посѣтили М. М. Стопановскій и Н. И. Кроль. Первымъ пришелъ Михаилъ Михайловичъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ сообщилъ мнѣ, что Василій Степановичъ очень огорченъ исходомъ задуманнаго имъ вечера, но иначе поступить онъ не могъ, такъ какъ ему угрожало непріятное столкновеніе, которое могло окончиться публичнымъ скандаломъ, чего онъ, и какъ человѣкъ, и какъ общественный дѣятель, вообще старается избѣгать.

Я, конечно, отрицалъ, что не имѣю никакихъ претензій, и если сожалѣю, то объ одномъ,—что почтенный редакторъ «Секры» истратилъ такъ много денегъ и не получилъ никакого удовольствія.

— Что касается расходовъ, отрицалъ Михаилъ Михайловичъ, то это пустяки, это ему ничего не значить.

— А что такое случилось съ его мальчикомъ?

— Да тоже ничего. Наталья Романовна, зная его любовь къ ребенку, нарочно сказала ему о нездоровьи мальчика, чтобы увезти его домой. Иначе, вѣдь, онъ и не поѣхалъ бы. Отношенія его къ этой женщинѣ весьма странны, то онъ къ ней ластится, то онъ готовъ бѣжать отъ нея на край свѣта. И Михаилъ Михайловичъ разсказалъ мнѣ нѣсколько выдающихся случаевъ изъ интимной жизни Курочкина. Кстати, Петръ Косьмичъ, обратившись ко мнѣ Стопановскій съ улыбкою, я имѣю къ вамъ порученіе. Василій Степановичъ желалъ бы, чтобы инцидентъ съ его вечеромъ остался между нами. Съ Издеромъ онъ покончилъ уже.

— Утѣрьте, пожалуйста, Василія Степановича, отрицалъ я на это, что онъ можетъ положиться на меня вполне: я буду имѣть, какъ рыба.

За снѣгъ разговоръ коснулся вечерняго кутежа у Донова. Стопановскій сказалъ, что они послѣ обѣда сидѣли недолго, промѣнялись по ликерамъ и сыграли только одну нульку преферанса.

— Кто выигралъ?

— Шпабе выигралъ 9 р. 40 к., а я и Пашину проигралъ.

— А Кроль что дѣлалъ?

— Кроль нилъ и чудилъ. Это—циникъ, но циникъ умный и забавный. Съ нимъ провести вечеръ можно не скучая, въ особенности, когда онъ не хандритъ. Часовъ въ 11 мы уѣхали, а онъ остался: встрѣтилъ знакомыхъ и съ ними захоронился въ ресторанъ. Да вотъ онъ и сѣмъ жалуется собственной своей персоной.

Дѣйствительно, Николай Ивановичъ, во фракѣ и полурасстегнутомъ жилетѣ, со сбившимся на сторону галстухомъ и кингой подъ мышкою, румяный и веселый, предсталъ передо мною и, улыбаясь и поглаживая бороду, заговорилъ съ нафосомъ опереточнаго героя:

— Ну, вотъ и мы отыскали васъ, Петръ Косьмичъ, честь имѣю представиться: поэтъ Кроль! Прощу любить и жаловать! И онъ, схвативъ меня за руку, началъ сильно трясти ее. Обратясь къ Стопановскому, онъ комически раскланялся и задалъ ему по-

прось: а, Михаилъ Михайловичъ, и вы здѣсь? Какъ поживаете? Какъ ваши куры и курочки обрѣтаются?

— Что имъ дѣлается! почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, раскатылся громкимъ смѣхомъ Стопановскій, несется по обыкновенію. А вотъ пѣтушки—дѣло другое...

— Не люблю я вашихъ пѣтуховъ, оборвалъ горячо Кроть и, порснувъ въ бороду, началъ скандировать на распѣвъ:

Что у васъ за пѣтухи?
Ха, ха, ха! да хи, хи, хи!
Вейнбертъ Петръ? или Миннаевъ—
Шалонай или шалонаснъ?
Иль Буренинъ пертопрахъ?
Ахъ, какой, скажите, страхъ!..

— Ну, все таки, Николай Ивановичъ, продолжалъ Стопановскій, вы, кажется, послабѣе будете, наши заклюютъ навѣрное.

— Не боюсь я вашихъ пѣтуховъ! отчеканилъ Кроть надменно, и знаете ли что?

И отъ рожденія не трусь,
И ничего я не боюсь:
Ни бури, ни напести,
Ни Буренина насти...

— Да вы зачѣтѣте! и онъ захохоталъ: рифма то какая! отъ пернаго слога до послѣдняго! ну, гдѣ же вашимъ пѣтухамъ такъ кукарекать?

Мы засмѣялись. Стопановскій всталъ и сталъ откланиваться. Пожмая намъ руки, онъ спросилъ Кротя:

— Ну, что же, Николай Ивановичъ, пѣтушкамъ то нашимъ поклониться отъ васъ?

— Курочкамъ поклонитесь, а пѣтухамъ передайте, что я сказалъ.

Проводивъ Стопановскаго, Кроть далъ волю языку:

— Тоже дѣлатель!.. серьезнымъ хочетъ быть!.. порскалъ Николай Ивановичъ, размахивая руками, и гдѣ же?.. въ «Искрѣ»!.. И онъ раскатылся громкимъ смѣхомъ. А посмотрѣвъ со стороны: что это такое? Сосудъ скудельный, и сосудъ пустой, зѣбящій подъ ударами щелчка, надутый пузырь, набитый сухимъ горохомъ,

если его поднимуть и трахнуть—загрешить! а бросать въ угол—ни гугу! Вотъ они, дѣтели то эти какіе! Не такъ ли, Петръ Косымичъ?

— Я такъ мало знаю Михаила Михайловича, отбѣчалъ я, что, право, затрудняюсь отвѣчать вамъ что нибудь, да впрочемъ это и не особенно интересно.

— Вы правы, совершенно не интересно, поторопился согласиться со мною Кроль, и зашагалъ по комнатѣ.

— Что это у васъ за книга, Николай Ивановичъ, спросилъ я своего собесѣдника, чтобы пережтнить разговоръ.

— Это послѣдняя книжка «Современника», только что вышла, потъ я и забралъ ее, что бы прочитать.

— Есть что нибудь въ ней особо выдающагося?

— Какъ же не быть! Вотъ хоть бы «Волнение въ мутной водѣ» Антоновича, или «Жизнь Шупова», романъ Михайлова.

— Скажите, пожалуйста, Николай Ивановичъ, какъ вы находите романъ Михайлова?

— Жестокъ и терпикъ... Вообще мнѣ стиль и манера новыхъ писателей не особенно нравятся. Читаю, и не улыбаюсь. Это что то продѣ кавказскаго кахетинскаго вина. Попробуешь — жестоко и терпико, десны сподить, языкъ выжеть, а погнѣшься—ничего себѣ, тянешь и похваливаешь, потому что въ голову ударяешь такъ же, какъ и хересъ и портвейнъ. Но предложи вамъ кахетинскаго и портвейну, вы потянетесь къ портвейну, и вы будете правы, потому что лоза и культура не тѣ. Тоже самое и въ безлестриетикѣ нашей: читаешь и Михайлова, когда ничего другаго нѣтъ, а поднесутъ что нибудь по пріятнѣе — бросишь это и потянешься къ болѣе пріятному. Законы удовольствія жажды пездѣ и по всемъ—одни и тѣже.

Мнѣ показалось забавнымъ сдѣланное Кролемъ сравненіе безлестриетикѣ съ виномъ и я разсмѣялся.

— Ну, потъ, видите, Петръ Косымичъ, потиралъ отъ удовольствія руки Николай Ивановичъ, мы согласны со мною. Тогда я вамъ скажу больше. Разговоръ о литературѣ возбуждаетъ охоту къ чтенію, разговоръ о винѣ возбуждаетъ желаніе выпить. Какъ вы думаете: не отправиться ли намъ къ Палкину позавтракать?

— Прекрасная мысль, Николай Ивановичъ, но я, къ сожалѣнію, не могу воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ: я долженъ сейчасъ отправиться въ редакцію «Военнаго Сборника», гдѣ я еще не былъ.

— Представиться генералу Менькову, этому китайскому бонзѣ! Я его знаю, я съ нимъ встрѣчался у графа Кушелева. Чтожъ, идите куда призываетъ васъ долгъ, а я пойду завтракать. Впрочемъ, знаете что? продолжалъ Кроль, подумавъ, бросьте вы этого Менькова и пойдите завтракать. А позавтракаемъ, поѣдемъ къ графу Кушелеву, я васъ познакомлю съ нимъ: хотите?

— Покорѣйше васъ благодарю за любезное приглашеніе, улыбаясь я въ отвѣтъ на это, но мнѣ кажется, что одного моего согласія тутъ недостаточно: нужно предварительно спросить графа: желаетъ ли онъ со мною познакомиться?

— Это все вздоръ! Если я припущу, онъ будетъ очень радъ. Вѣдь, у него собирается вся наша выдающаяся литературная молодежь. Чудесное, я вамъ скажу, зрѣлище! Аристократы и писатели! Да гдѣ вы увидите что либо подобное? И онъ сталъ въ позу и продекламировалъ:

«Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень!..»

— Ну, рѣшайтесь, что ли, и поѣдемъ! заключилъ онъ, кладя мнѣ на плечо руку.

— Теперь никакъ не могу, Николай Ивановичъ, отвѣчалъ я твердо, на дняхъ я уѣзжаю педѣли на двѣ, на три, въ Москву и мнѣ у генерала Менькова нужно быть до отъѣзда. По возвращеніи же изъ Москвы, я съ большимъ удовольствіемъ сдѣлаю визитъ графу Кушелеву, если вы, конечно, попросите на то его разрѣшеніе.

— Экой вы какой неговорчивый! Ну, да что съ вами дѣлать, потѣжайте куда хотите, а я пойду къ Палкину. Прощайте.

И онъ, приведя передъ зеркаломъ въ порядокъ свой костюмъ, взявъ шляпу, величественно раскланялся со мною и удалился.

Проводивъ Кроля, я поѣхалъ въ редакцію «Военнаго Сборника». Тамъ меня встрѣтилъ секретарь редакціи Николай Михайловичъ Григорьевъ. Узнать отъ меня, что я нахожусь изъ Петербурга проѣздомъ и желаю представиться главному редактору, онъ тотчасъ же доложилъ ему и я былъ введенъ въ кабинетъ генерала Менькова.

Петръ Коновичъ сидѣлъ въ креслѣ у окна и читалъ газету. При моемъ появленіи, онъ привсталъ, подаль руку и весьма лю-

безо приглашил меня съѣсть. Генералъ-лейтенантъ Меньковъ былъ весьма полный, довольно живой и словоохотливый человекъ. Онъ разспросилъ меня о моей службѣ, положеніи и средствахъ, отзывался одобрительно о моихъ статьяхъ и спросилъ меня: намеренъ ли я продолжать литературную дѣятельность?

— Мы не отъ себя зависимъ, наше превосходительство, отвѣчалъ я ему искренно, личное мое желаніе, конечно, продолжать эту дѣятельность, но начальство у насъ, въ арміи, не особенно покровительствуетъ пишущимъ офицерамъ. Мнѣ уже дано было подъ рукою знать, что было бы лучше, если бы я занялся исключительно службой.

— Въ такомъ случаѣ переходите на службу въ Петербургъ. Хотите, я переговорю о васъ съ графомъ Гейденомъ: онъ можетъ быть согласится прикомандировать васъ къ Главному штабу.

— О, если бы это было возможно, я былъ бы очень благодаренъ вашему превосходительству.

— И переговорю при первомъ же свиданіи съ графомъ, и сообщу вамъ о результатѣ, а вы оставьте въ редакціи свой адресъ.

— Зѣвшій мой адресъ я оставлю, но я на дняхъ уѣзжаю для свиданія съ родными, въ Москву, гдѣ я думаю пробить недѣлю двѣ-три, по возвращеніи же въ Петербургъ, я буду имѣть честь быть у вашего превосходительства.

— Хорошо. Побывайте у меня по пріѣздѣ изъ Москвы. Если во время вашего отсутствія я успею сдѣлать что-нибудь въ вашу пользу, то вамъ тогда незначѣмъ будетъ и возвращаться въ полкъ. А пока прощайте.

И онъ отпустилъ меня, весьма радушно пожавъ руку.

Разговоръ этотъ натолкнулъ меня на мысль хлопотать о прикомандированіи къ Главному штабу. Въ то время въ штабѣ этомъ состоялъ на службѣ весьма расположенный ко мнѣ человекъ, майоръ Валеріанъ Осиповичъ Соколовскій, который прежде служилъ въ штабѣ 1 пѣхотной дивизіи старшимъ адъютантомъ и хорошо зналъ меня. Я отправился къ нему, передалъ ему разговоръ съ Петромъ Кононовичемъ и просилъ его принять участіе въ дѣлѣ прикомандированія меня къ штабу. Онъ выслушалъ мою просьбу сочувственно и тутъ же представилъ меня исправлявшему тогда должность начальника отдѣленія, полковнику (нынѣ генералъ и членъ военнаго совѣта) Александру Алексѣевичу Якимовичу, который, разспросивъ меня о причинѣ, почему я желаю получить мѣсто въ Петербургѣ,

принялъ во мнѣ участіе и обѣщалъ оказать съ своей стороны надлежащее содѣйствіе.

Заручившись подобнымъ согласіемъ, я уѣхалъ домой съ нѣкоторыми уже надеждами и сталъ собираться къ поѣздкѣ въ Москву.

На утро я сдѣлалъ прощальный визитъ Василію Степановичу Курочкину. Онъ принялъ меня любезно, но крайне сдержанно. Его видимо беспокоила неудача вчерашняго вечера, и онъ стѣснялся неисполненіемъ даннаго тогда обѣщанія. Узнавъ, что я уѣзжаю въ Москву, онъ нѣсколько оживился, пригласилъ меня къ своему домашнему завтраку и познакомилъ меня съ Натальей Романовной. За рюмкой вина онъ воздалъ ей должную хвалу за ея хозяйственную распорядительность и заботы о семьѣ, а главное, за неустанную попечительность о его домашнемъ покоѣ и здоровьѣ мальчика. Затѣмъ разговоръ перешелъ на «алую тетрадь».

— Что же вы печатать ее хотите? спросилъ меня Василій Степановичъ.

— Самъ лично я не рѣшился бы на это, отвѣчалъ я, но Порфирій Асеникритовичъ Климонъ взялся издать ее на свой счетъ, и я передаю ее въ его непосредственное распоряженіе, такъ что онъ отдастъ ее уже въ печать и книжка ко дню моего возвращенія изъ Москвы должна быть готова.

Когда рѣчь зашла о солидности и устойчивости «Искры», Василій Степановичъ отзывался самоуверенно: «Искра» — камень-адмантъ, и врата адамы не одолѣютъ ее».

— Не думайте, распространялся онъ на эту тему, что я работаю только съ постоянными сотрудниками: Миннаевымъ, Буренинымъ, Вейнбергомъ, Степановскимъ и другими. Каждый новый день даетъ мнѣ новыхъ сотрудниковъ, предлагающихъ мнѣ услуги изъ всѣхъ уголковъ нашего необъятнаго отечества. Итъ той почты, чтобы я не получалъ 20—30 писемъ отъ разныхъ корреспондентовъ съ матеріалами для «Искры». Правда, все это — сырые, его нужно перерабатывать. Но, вѣдь, мы только начинаемъ еще наше поступательное движеніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ особенности, если намъ дадутъ полную свободу печати, мы опремимъ. У «Искры» будутъ сотни сотрудниковъ, не крошечныхъ, а людей ума, знаній и таланта, людей, преданныхъ дѣлу и способныхъ одушевить нашу теперешнюю мертвую подцензурную сатиру. Журналъ поднимется на довольно высокую высоту и я надѣюсь, что онъ — этотъ бѣдный мой журналъ, современемъ будетъ лежать на столѣ у каждого образо-

ваннаго челоуѣка и къ голосу его будуть прилежнѣваться не одна только простые смертные, но и люди съ вѣсомъ и положеніемъ въ государствѣ. Вотъ тогда-то мы съ вами, Петръ Косыничъ, развернемся по всю и сдѣлаемъ не одно дѣло доброе...

— Дай Богъ! дай Богъ! лепеталъ я, увлекаемый такими широкими задачами почтеннаго Василія Степановича²⁾.

— А знаете ли, почему я такъ расположенъ къ вамъ, Петръ Косыничъ? сирѣчьная меня гостепріимный хозяинъ. Очень просто. Я самъ началъ писать, будучи юнымъ офицеромъ и по личному опыту знаю, какъ тяжело нашему брату, субалтернъ-офицеру, пробивать себѣ дорогу. Поэтому, я поставилъ себѣ задачей помогать коллегамъ по жребію судьбы чѣмъ могу—словомъ, дѣломъ или со-вѣтомъ. Въ этомъ отношеніи вы можете всегда разсчитывать на меня.

Поблагодаривъ его отъ души, я разсказалъ ему, что мнѣ удалось заручиться нѣкоторыми шансами на причисленіе къ Главному штабу, и что я, если не въ нынѣшнемъ, то въ будущемъ году, переселюсь на жительство въ Петербургъ.

— Ну, вотъ и отлично, одобрилъ Василій Степановичъ, значить, мы будемъ съ вами жить въ сосѣдствѣ, не забывайте же «Некрасы», помните, что у насъ тутъ есть друзья.

²⁾ Конечно, все это осталось въ области прекрасныхъ мечтаній и суестныхъ надеждъ. «Некрасъ», какъ извѣстно, въ скорости зачахъ, и не смотря на всѣ усилія ея влестителя, должна была прекратить свое существованіе. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ тяжеломъ событіи въ жизни Василія Степановича, тѣмъ болѣе, что въ своемъ мѣстѣ я сообщу о немъ извѣстные мнѣ факты. Но при всемъ томъ, мнѣ кажется нисколько умѣстнымъ, именно здѣсь указать на тотъ фактъ, что «Некрасъ» прекратилась по тому, что—какъ заявилъ г. Чуйко въ «Очеркахъ современной русской поэзіи»,—прошла пора обвиненій и обвинительная литература пріѣхала публикѣ, но излѣдженіе того, что издатель «Некраса» жилъ наизы своихъ средствъ, къ чему его вынуждали многія обстоятельства, а главное—постоянныя столкновенія его съ Натальей Романовной, которую онъ нещадилъ и презиралъ, по терпѣлъ ради ребенка, и отъ которой онъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, убѣгалъ и бросался въ водоворотъ столичныхъ развлеченій, стѣсненныхъ, какъ извѣстно, большими деньгами. Я думаю даже, что «Некрасъ», будь у ней не 5—10000, а 30—40000 подписчиковъ—и тогда не могла бы долго существовать при главенствѣ В. С. Курочкина, такъ какъ увеличеніе средствъ послужило бы только къ увеличенію его случайныхъ затратъ, а результаты, въ концѣ концовъ, получились бы одни и тѣже.

Выйда отъ Курочкина, я поѣхалъ проститься съ Миусевымъ въ Лѣсной, но не засталъ его дома. Екатерина Александровна припила меня въ сильномъ нервноиъ раздраженіи.

— Дмитрій Дмитриевичъ, жаловалась она мнѣ на мужа съ неудовольствіемъ, съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ нами, сталъ чаще отлучаться изъ дому: ѣздитъ на какіе-то обѣды, ходитъ по какимъ-то дѣламъ; пожалуйста, не увлекайте его.

— Я завтра уѣзжаю въ Москву, успокоивалъ я волнованную супругу Дмитрія Дмитриевича, и тогда, нашъ супругъ, по всей вѣроятности, будетъ болѣе расположенъ къ своимъ негатамъ.

— Вы, воть, съѣзжаете, а мнѣ горе съ нимъ, продолжала хандрить Екатерина Александровна, если бы вы только знали, что я выношу отъ него, вы пожалѣли бы меня. Чего, чего я только не дѣлаю, чтобы успокоить его бурную натуру, но ничто не помогаетъ. Это не человекъ, а какой-то Безумій. Сегодня онъ какъ будто остылъ и молчитъ, а на утро кратерь снова открывается и мечетъ лаву, камни и пламень. Что мнѣ дѣлать? научите.

— Отойдите въ сторону и полюбуйтесь изверженіемъ нашего вулкана издали.

— Ну, воть, вы опять съѣзжаете!

— Регулировать изверженія вулкановъ еще способно не найдено, а потому, Екатерина Александровна, мнѣ кажется, вѣсто благодаримъ было бы предоставить нашему Безумію полную свободу слѣдовать законамъ его огненной натуры.

— Ну, такъ я и знала, вы тоже, какъ и вѣтъ, за него!

Къ Николаю Степановичу я не ѣздилъ, но написалъ и послалъ письмо съ приглашеніемъ пріѣхать проводить меня. Однако, онъ не пріѣхалъ, такъ что провожали меня только М. М. Степановскій и П. А. Климонъ. Въ Николаевскомъ покзалѣ мы рослили, по обычаю, «сопальную», пожали другъ другу крѣпко руки, и я съѣхалъ въ вагонъ.

— Не забывайте въ Москвѣ «Искры», откланивался Михаилъ Михайловичъ.

— Можетъ ли Москва интересоваться искрой, замѣтили шути Порфирій Асеникритовичъ, когда у ней изъ головы не выходитъ пожаръ дѣсятидѣятаго года.

— Какъ же не интересоваться искрой, разсмѣялся Степановскій, провожая по платформѣ тронувшійся поѣздъ, когда и самый пожаръ дѣсятидѣятаго года былъ ничто иное, какъ послѣдствіе искры.

VI.

Возвращеніе въ Петербургъ. — Хлопоты о прикомандированіи и неудача. — Выходъ въ свѣтъ книжки моихъ стихотвореній. — Обѣды и литературное чтеніе. — Знакомство съ Н. А. Некрасовымъ. — Встрѣча съ Н. В. Успенскимъ. — Въ Павловскомъ вокзалѣ. — А. А. Красскій и С. С. Дудышкинъ. — Прощальные визиты. — Отъѣздъ въ полкъ.

Въ концѣ августа я возвратился въ Петербургъ, и первое время по возвращеніи употребилъ на хлопоты о прикомандированіи къ Главному штабу, ходилъ нѣсколько разъ къ генералу Менькову и былъ въ Главномъ штабѣ, но дѣло затягивалось и не спорилось. Графъ Гейденъ отнесся къ просьбѣ Петра Кононовича обо мнѣ весьма любезно, но пока дѣлались запросы и справки, писались докладные записки и доклады, время бѣжало, срокъ отпуска моего истекать и мнѣ предстояло подчиниться гнету обстоятельствъ и возвратиться обратно въ полкъ. Но не буду забывать впередъ, скажу только, что прикомандированіе мое состоялось въ началѣ апрѣля 1866 года, когда я, названный письмомъ генерала Менькова, вторично пріѣхалъ въ Петербургъ.

Посвящая, такимъ образомъ, все время на устройство своихъ служебныхъ дѣлъ, я, конечно, не имѣлъ возможности часто видѣться съ моими литературными друзьями. Но книжка «Стихотвореній поэта-солдата» Н. А. Климовымъ была уже издана и я преподнесъ по экземпляру ся: В. С. и П. С. Курочкинымъ, Д. Д. Минаеву и М. М. Станисловскому. Поэтъ-сатирикъ какъ-то утромъ зашелъ ко мнѣ, поздравилъ меня съ успѣшнымъ штурмомъ Парнасса, и потребовалъ «спрыски».

— Ты такъ какъ хочешь, настадалъ онъ на меня авторитетно, а спрыскнуть надо; иначе не будетъ успѣха.

— Что же, позантракать что ли собираешься? едалася я на такіе неотразимые доводы.

— Можно и позантракать.

— Или лучше уже пообѣдать?

— Пообѣдать, конечно, лучше.

— Тогда ужъ лучше пообѣдаемъ, только не такъ шикарно, какъ въ первый разъ.

— Зачѣмъ шикарно? Пообѣдаемъ запросто.

И вотъ спустя нѣсколько дней, по соитію Николая Степановича, мы еще разъ сошлись на обѣдъ у Дюна на числѣ пяти человекъ.

Изъ числа лицъ, бывшихъ на первомъ обѣдѣ, явились только четверо: Н. С. Курочкинъ, Д. Д. Минаевъ, Н. Н. Панино и я. В. С. Курочкинъ и Н. А. Климовъ извинились за невозможностью быть, по случаю какихъ-то служебныхъ дѣлъ, а прочихъ «кузя» не зналъ. Обѣдъ состоялся «со пѣсьми операми», но прошелъ скромно, безъ рѣчей и тостовъ, кромѣ одного — за успѣхъ изданія. Послѣ обѣда были въ Михайловскомъ театрѣ, но видѣли мало и скоро уѣхали. Изъ экспромтовъ Д. Д. Минаева я записалъ слѣдующій:

Прекрасно накормилъ Донопомъ!..
 Кумъ, я тобой доволенъ!..
 Желудокъ мой такъ нагруженъ,
 Что и въ себѣ не помню..
 Навѣкъ сталъ хромъ, и ноги слабы,
 Въ очкахъ стро и мѣсто..
 Смотрю покрутъ—людей нѣтъ—крабл..
 Зрю въ Панино—анета..
 Поэтъ-солдатъ, гдѣ ты?.. Ерма
 И вижу лишь съ трембономъ,
 И, вмѣсто кума,—антраша
 Танцуетъ гусь съ Донопомъ!..

За обѣдомъ Николай Степановичъ сообщилъ мнѣ, что Н. А. Некрасовъ въ городѣ, и что онъ на дняхъ будетъ участвовать въ литературномъ чтеніи въ залѣ Бенардаки, на Пенскомъ.

— Хотите, поэтъ Мартыновъ, и насъ познакомлю съ нимъ! прибавилъ онъ лукаво, зная уже давно мое искреннее желаніе познакомиться съ нимъ.

— Еще бы не хотѣть!..

— Такъ пріѣзжайте на вечеръ, славно улыбнулся искуситель, и буду тамъ и тамъ могу познакомить насъ.

Я запасся билетомъ на это чтеніе, и въ назначенный день забрался въ залу пораньше: меня дѣйствительно интересно знакомятъ съ «сначалами народа», сѣлъ на свое кресло и сталъ ждать его появленія. Публика собиралась и разсаживалась шумно, загляли на приготовленномъ для чтенія столикѣ свѣчи, но я за массой народа просматривалъ приходъ Некрасова. Я увидѣлъ его, когда онъ вышелъ на эстраду и подошелъ къ столику. Въ наружности его не было ничего поэтическаго, по обанку, манерамъ и неуклюжести своей онъ напоминалъ скорѣе простаго скромнаго учителя или конториста, но не поэта. Въ немъ не было даже Крелескаго шика и анломби.

Публика встрѣтила его аплодисментами, онъ раскланялся и сѣлъ за столъ. Вынулъ изъ кармана нѣсколько написанныхъ листковъ, онъ положилъ ихъ на столъ, расправилъ рукой и сталъ читать. Читалъ онъ «Пѣсни о свободномъ словѣ: Размышленій, Наборщикъ, Поэтъ, Литераторъ, Публика, Пропала книга» и другіе. Сюжеты пѣсенъ были вполне современны, онъ затрогивалъ вопросъ о только-что зарождавшейся тогда свободной прессѣ. Публика прослушала ихъ съ большимъ интересомъ и, по окончаніи чтенія, поздравила поэта восторженными аплодисментами. Но аплодисменты эти, нужно думать, относились или лично къ поэту, пользовавшемуся громадной популярностью среди молодежи, или къ сюжету пѣсенъ, такъ какъ самое чтеніе было далеко неудовлетворительно и многіе изъ числа публики, въ особенности лица, никогда не слыхавшія чтенія поэта, явно выражали свое разочарованіе. Некрасовъ читалъ нервно, порывисто и неровно; голосъ его, глухой и сильный, несмотря на форсированіе, уподоблялся какому-то далекому подземному выкрику, былъ по нервамъ и заставлялъ несколько вздрагивать и морщиться. Но мысль, хотя бы переданная такимъ непригляднымъ органомъ, не могла не имѣть вліянія на массу, и поэта вызвали и проводили съ аплодисментами. Когда Николай Алексѣевичъ, окончивъ чтеніе, проходилъ по залу къ выходу, въ сопровожденіи цѣлаго хвоста разныхъ лицъ, Курочкинъ остановилъ его и, указавъ на меня, prominently представилъ:

— Поэтъ-голова желаетъ имѣть честь... примите увѣреніе и прочее, и прочее.

Некрасовъ окинулъ меня быстрымъ взглядомъ и ласково промолвилъ:

— А!.. очень рады!.. Что же вы не зайдете ко мнѣ? заходите, пожалуйста, безъ церемоніи. Но утрутъ я всегда дома.

— Ваши гости, всегда наши гости! не давай мнѣ сказать слова, сфигляричила Курочкинъ.

Николай Алексѣевичъ улыбнулся, покачалъ головой, пожалъ намъ руки и проследовалъ далѣе. Толпа ринулась за нимъ и при выходѣ устроила ему манифестацію.

— Видишь! сказалъ мнѣ внушительно Николай Степановичъ, служи народу, служи честно,—и тебя народъ также будетъ чествовать.

На утро я сѣдлалъ визитъ Н. А. Некрасову. Онъ былъ уже одѣтъ и собирался куда-то ѣхать съ Николаемъ Васильевичемъ

Успенскимъ, извѣстнымъ бѣллетристомъ-пародинкомъ, сидѣвшимъ въ то время у него, съ какимъ-то другимъ долготерпимымъ и угрюмымъ интеллигентомъ, который во все время моего визита упорно молчалъ и только грызъ свои траурные ногти. Я извинился, что пришелъ не по времени.

— Ничего, ничего, перебилъ меня Николай Алексѣевичъ, присядьте, я еще нѣмного нѣсколько минутъ свободныхъ. Вы, кажется, книжку своихъ стихотвореній издали?

Я молча поклонился и преподнесъ ему экземпляръ книжки. Онъ присѣлъ къ столу, перелистывалъ нѣсколько страницъ, прочелъ дѣтри пѣсень, повернулъ ко мнѣ голову и быстро проговорилъ:

— Быть солдата мнѣ совершенно неизвѣстно, но, какъ мнѣ кажется, въ немъ есть весьма интересныя стороны и надъ ними, по моему, слѣдовало бы поработать болѣе серьезно.

Перевернувъ еще нѣсколько страницъ, онъ прочиталъ нѣполголоса «Солдату» и, повернувшись ко мнѣ всѣмъ корпусомъ тѣла, сказалъ:

— Это хорошо. Но знаете ли что!... намъ слѣдовало бы попытаться начать писать прозою рассказы изъ солдатскаго быта. Вотъ Успенскій нѣмало сдѣлалъ рассказами изъ народнаго быта. Но у насъ до сихъ поръ нѣтъ хорошихъ рассказовъ изъ солдатской жизни. Займитесь этимъ, и первые опыты принесите ко мнѣ: если будетъ удачно, я напечатаю.

Я отвѣчалъ, что на службѣ въ провинціи такъ мало свободного времени и начальство вообще противъ офицеровъ-писателей, но что я хлопочу перейти на службу въ Петербургъ, и если это мнѣ удастся, то я, конечно, не премину воспользоваться его любезною обязательностью.

— Солдатскій бытъ имѣетъ уже своихъ рапсодовъ, вымалелъ въ насъ разговоръ Успенскій, въ лицѣ покойнаго Скобелева и благополучно здравствующаго Богосекаго, дальше ихъ идти нельзя.

— Не говорите этого, Николай Васильевичъ, возразилъ ему «начальникъ народа», старое старится, молодое растетъ, поэтому, некая новая попытка восполнить извѣстную отрасль литературы должна быть встрѣчаема съ сочувствіемъ. Однако, намъ пора, поѣдемте!

Я всталъ и подошелъ проститься.

— Долго вы еще пробудете здѣсь, спросилъ меня Некрасовъ, вставая съ кресла.

— Я и самъ еще не знаю. Срокъ моего отпуска недѣли черезъ

дѣй окончится, и тогда мнѣ, если я здѣсь не устроюсь, придется позираться въ полкъ.

— Желаю вамъ устроиться! Во всякомъ случаѣ, мы еще съ вами увидимся—вы, вѣдь, забѣдете ко мнѣ?

— Всенепременно...

— Такъ приходите же. А пока до свиданья.

На закрытіи Павловскаго вокзала, я встрѣтился съ П. П. Кролемъ. Въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ онъ заявилъ претензію на то, что я не прислалъ ему книжки моихъ стихотвореній и не пригласилъ на «сборы» ея.

— Такимъ непонятнымъ поступкомъ, неистово ораторствовать онъ, покаясь, по обыкновенію, въ бороду, вы сами лишили себя права на пріемъ у графа Куняева: теперь я насъ не повезу къ нему ни за какія коврижки.

Я объяснилъ ему, что приглашенія разсылалъ Николай Степановичъ, которому была предоставлена мной полная свобода дѣйствій, но онъ не хотѣлъ вѣрить, надулся и долго молчалъ. Пройдя нѣсколько шаговъ вмѣстѣ со мною по вокзалу, онъ замѣтилъ стоявшихъ близъ эстрады А. А. Кривекаго и С. С. Дудышкина, подошелъ и познакомилъ меня съ ними. Я поблагодарилъ Андрея Александровича за появившуюся въ «Голосѣ» очень сочувственную рецензію книжки моихъ стихотвореній, и попросилъ позволенія прислать ему экземпляръ.

— Пожалуйста, отиѣчалъ онъ, а будетъ время, заходите ко мнѣ и сами.

— И намъ принлите, и мы читать уѣдемъ, отозвался редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», намъ нужно послать вашу книжку по нѣк. редакціи.

Я отиѣчалъ, что эти дѣла завѣдуетъ издатель, и что онъ, вѣроятно, исполнитъ все, что нужно. Начавшаяся музыка прекратила разговоръ и мы съ П. П. Кролемъ отошли въ сторону; минутой спустя, онъ уидавалъ еще какого-то знакомаго, бросился къ нему и исчезъ.

Для черезъ два, вечеромъ, я встрѣтился съ П. В. Успенскимъ въ ресторанѣ Палкина; онъ сидѣлъ въ какой-то компаніи, но, увидѣвъ меня, оставилъ ее и пріѣхалъ къ моему столу. Онъ былъ веселъ и жизнерадостенъ. Выпивъ со мною стаканъ вина, онъ пустился въ сердечныя изліянія, относился къ своимъ литературнымъ коллегамъ свысока и пренебрежительно: П. А. Некрасова обозвалъ

эксплуататоромъ бѣдныхъ труженниковъ, Краевского—жидомъ-юстов-
щикомъ, Власовѣтлова — анаемой, товарищей честилъ уменьши-
тельными именами: Санка Левитовъ, Васяка Сѣвцовъ, Николашка
Помяловскій. Все это, по его словамъ, была мелочь, моншка, мразь.
О своихъ разсказахъ онъ былъ высокаго мнѣнія, и также высоко
цѣнилъ безлестническія работы Глѣба Пнаповича Успенскаго.
«Это—прирожденный талантъ, говорилъ онъ, и поидетъ далеко. Мы
съ нимъ братья, конечно, двоюродные. Два Лазари. Только онъ —
Лазарь богатый, а я—Лазарь бѣдный. Онъ горожанинъ, сынъ бо-
гатаго палатскаго секретаря, а я—селянинъ, сынъ лесника. Онъ
изъ молодости катался какъ сыр въ масле, а я глодалъ сухую корку
хлѣба. Онъ вышелъ изъ школы со всякими дипломами, а я—не-
доучка. Но, благодаря Бога, талантомъ я не обижень и иду съ Глѣ-
бомъ Пнаповичемъ нога въ ногу. Что будетъ дальше—не знаю, а
теперь пока вѣсьмъ этихъ монжъ антагонистамъ я стану костью въ
горѣ. Никому ни въ чемъ не уступаю... Ни на астолюко!» и онъ
показалъ конецъ мизанца.

— И такъ, во всемъ? спросилъ я его, чтобы поддержать раз-
говоръ.

— Во всемъ, безъ исключенія.

— Даже въ жертвахъ Бахусу?

— Еще бы! Да знаете ли вы, что сказалъ обо мнѣ Митька Ми-
наевъ? Онъ сказалъ:

«Ну, что мы знаемъ!.. хоть много знаемъ и часто,—

Графиня, другой,—и basta!

Настъ перенять всѣхъ авторъ «Поросенка»:

Онъ въ день настъ—полбоченка!»

Когда положительно выяснилось, что прикомандированіе мое въ
настоящее время состояться не можетъ, я, скрѣпя сердце, сталъ со-
брататься къ отъѣзду. Сдѣлалъ прощальные визиты Н. К. Менькову,
Н. А. Некрасову и А. А. Краевскому, былъ у Н. С. и В. С. Ку-
рокниныхъ и Д. Д. Минина и посетилъ А. Н. Швабе. Вездѣ я
былъ принятъ очень радушно; всѣ сожалѣли, что я не могъ при-
строиться въ Петербургъ и пожелали мнѣ счастливаго пути. У Ми-
нина я обѣдалъ. Когда я разсказалъ ему о встрѣчѣ съ Н. В. Успен-
скимъ и его отзывахъ о «братьяхъ писателяхъ», Дмитрій Дмитрие-
вичъ отозвался такъ:

библиотекъ и управленія ими. При такомъ положеніи дѣла, учрежденіе библиотекъ должно подвергнуться коренной реформѣ.

Реформа эта тѣмъ скорѣе можетъ совершиться, чѣмъ менѣе обществу будетъ разсчитывать на субвенціи. Нужно только небольшое усиліе, небольшое пожертвованіе, да добрая воля идти по пути, однажды предначертанному, и библиотеки обновятся, составятся безъ субвенцій.

Для благосостоянія библиотекъ, кромѣ денежныхъ средствъ, необходима опредѣлительная система составленія библиотекъ и управленія ими; а этого-то у насъ во многихъ частяхъ арміи и нѣтъ.

Начальникъ одной пѣхотной дивизіи, заботясь о составленіи въ подполковничьихъ ему частяхъ офицерскихъ библиотекъ, въ послѣдovanіи по сему предмету распоряженія говорить:

«При настоящей общей потребности умственнаго развитія, и военное сословіе выказало готовность принять мѣры къ доставленію себѣ средствъ для развитія и поддержанія образованія. Гдѣ офицеры, слѣдуя только своему побужденію и потребностямъ, согласились въ отдѣльныхъ частяхъ образовать библиотеки. Эта мысль такъ благоприятна, такую можетъ принести пользу, что остается только желать одного: дабы она нашла себѣ соотвѣтствующихъ исполнителей, которые со всею усердіемъ къ пользѣ общества принялись бы за это дѣло.

«Но при основаніи библиотекъ учредители впади, по неопытности, въ ошибку. Самая главная изъ нихъ, отъ которой могла бы потеряться цѣль основанія библиотекъ, та, что на составъ ихъ, какъ видно изъ библиотечныхъ каталоговъ, не вездѣ обращено должное вниманіе. Офицеры, выбравшыя библиотекарями, не задали себѣ труда составить хотя какой-нибудь планъ для выписки книгъ, а потому приобрѣтали перныя попавшіяся подъ руку въ книгопродавческихъ каталогахъ. Отъ этого, вмѣсто необходимыхъ и полезныхъ сочиненій, долженствующихъ составлять библиотеки, въ нихъ встрѣчаются: «Первоначальный способъ изученія итальянскихъ языковъ», «Тысяча анекдотовъ» и другія».

Это изступленіе довольно мѣтко характеризуетъ состояніе нашихъ полковыхъ библиотекъ. Далѣе опытный администраторъ говоритъ:

«Дабы общія офицерскія библиотеки своимъ составомъ могли удовлетворять цѣли, необходимо устроить ихъ на положительныхъ къ развитію и поддержанію образованія вообще и военного по преимуществу направленныхъ основаніяхъ.

«Первою потребностію офицера въ смыслѣ умственныхъ заня-

тій, сесті, конечно, познанія, необходимы ему въ этомъ быту, т. е. познанія военная. Поэтому на первомъ планѣ при составленіи библіотеки въ первомъ и главномъ ихъ отдѣлѣ должны быть сочиненія военныя. Библиотека этого рода сочиненій должна начаться съ лучшихъ учебниковъ военныхъ наукъ: тактики, фортификаціи, полевой и долговременной, артиллеріи, стратегіи и проч.

Затѣмъ слѣдуетъ пріобрѣтеніе сочиненій нѣмецкихъ военно-историческихъ авторовъ: Милютина, Вутуранина, Богдановича и другихъ; потомъ біографіи знаменитыхъ военныхъ лицъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; наконецъ, военныхъ журналовъ. Вообще нельзя сказать, чтобы въ настоящее время военная литература, даже собственно русская, была бѣдна хорошими произведеніями, и самое званіе офицера уже требуетъ отъ него близкаго съ ними знакомства.

Ко второму отдѣлу слѣдуетъ отнести книги, знакомство съ которыми необходимо каждому образованному человеку, по предметамъ, которые найдутъ, можно сказать, всеобщее приращеніе въ частной жизни офицеровъ, каковыя: исторія, физика, химія, исторія русской литературы и проч. Въ этотъ отдѣлъ включаются: путешествія, біографіи знаменитыхъ людей, историческія записки лучшихъ писателей и проч.

Наконецъ, третій отдѣлъ, для легкаго чтенія, долженъ включать въ себя: собраніе произведеній лучшихъ русскихъ писателей, лучшіе литературные журналы, повѣсти и романы русскихъ и иностранныхъ писателей и проч.

Здѣсь указано только основаніе плана, которому долженъ слѣдовать библіотекаръ, не стѣсняясь имъ и не слѣдуя ему въ буквальный смыслъ, но стараясь, по возможности и по ередетнамъ, распространять его. Не нужно, при выпискѣ, слѣдовать порядку нумеровъ въ отдѣлахъ, т. е. пополнить сначала первый, потомъ второй и т. д.; но необходимо установить правилонъ, чтобы при всякой выпискѣ книгъ въ каждому отдѣлу прибавляла какая-нибудь часть. Конечно, чтобы пріохотить къ чтенію, слѣдуетъ начать съ пріобрѣтенія книгъ для легкаго чтенія, потомъ уже пополнять и другіе отдѣлы.

Выпискою книгъ полезно сначала распорядиться такимъ образомъ, чтобы пополнила составленной офицерскаго суммы шла на выписку книгъ третьяго отдѣла, а для прочихъ отдѣловъ по одной четвертой части суммы.

«Можно утвердительно сказать, что при такихъ условіяхъ основанная библіотека удовлетворитъ всякому требованію и принесетъ несомнѣнную пользу».

Относительно же составленія библіотечной суммы, храненія и веденія о ней отчетности, а также избранія библіотекаря и повѣрчиваго его генералъ рекомендуетъ правила, которыя мы передадимъ въ сжатомъ видѣ:

1) Сумма составляется, по добровольному согласію офицеровъ, вычитомъ изъ жалованія съ каждаго безъ исключенія поровну, и если вкладъ будетъ по одному рублю въ треть съ каждаго, то сумма сбора будетъ простираться до 200 рублей въ годъ.

2) Сумма находится на храненіи и въ распоряженіи полковаго бібліотекаря, который обязанъ вести три книги: 1) о прихотѣ и расходѣ бібліотечной суммы, 2) о выдачѣ офицерамъ книгъ и 3) каталогъ состоящихъ въ бібліотекѣ книгъ.

3) Бібліотека помѣщается или при полковой канцеляріи, или при квартирѣ бібліотекаря, но въ особомъ помѣщеніи, чтобы офицеры могли, если пожелаютъ, заниматься и въ бібліотекѣ, имѣя подъ рукою атласы и прочія пособія.

4) Бібліотекарь избирается всѣмъ обществомъ офицеровъ полка, и непременно изъ субалтернъ офицеровъ, и утверждается приказомъ по полку. При этомъ постановлено условіе, чтобы бібліотекарь предварительнымъ образованіемъ былъ приготовленъ къ занятію этой должности.

5) Бібліотекарь освобождается отъ занятія другихъ постоянныхъ должностей и употребляется только для исполненія кратковременныхъ служебныхъ обязанностей. По полученіи вычтенныхъ съ офицеровъ денегъ, онъ составляетъ каталогъ книгъ, подлежащихъ выпискѣ, и представляетъ на утвержденіе командіру части. Онъ наблюдаетъ, чтобы книги поступали въ пользованіе офицеровъ не иначе, какъ въ переплетѣ. Въ случаѣ же порчи или утраты книгъ, доноситъ для изысканія съ офицера денегъ по стоимости книгъ.

6) Для образованія дѣятельнѣй бібліотекаря и для повѣрки суммы, ежегодно, при тѣсныхъ сборахъ полковъ, предъ каждаымъ новымъ выборомъ, назначается комісія изъ одного штабъ и шести оберъ-офицеровъ, которые, по сдѣланіи ревизіи, о результатѣ ея составляютъ отчетъ и представляютъ командіру части. Отчетъ этотъ объявляется въ приказѣ для всеобщаго свѣдѣнія.

Если бы во всѣхъ частяхъ арміи были хотя подобныя рублоподѣта, то нѣкоторыя офицерскія бібліотеки не стояли бы теперь на такой низкой степенн.

Бібліотекарь—душа бібліотеки. Онъ долженъ избираться не пристрастно обществомъ офицеровъ; но въ нѣкоторыхъ частяхъ бібліотекари назначаются командирами, при чемъ интересъ бібліотекъ оставляется иногда на второмъ планѣ. Такъ, еще недавно, мы имѣ-

дѣли въ одномъ полку управляющимъ библіотекою полкового священника; въ другомъ заведываютъ библіотекою лекаремъ помощникъ. Бываютъ случаи еще поразительнѣе: въ одной части полкъ, при офицерской библіотекѣ мы вовсе не нашли библіотекаря. Библіотека, уложенная по походному въ ящикахъ, стоитъ въ полковой канцеляріи, и если кому нужны книги, то обращаются къ полковому писарю съ просьбой отыскать ихъ.

То же самое можно сказать и о способѣ пополненія библіотекъ. Расходы дѣлаются не съ цѣлю пополнять отдѣлы новыми научными, историческими или беллетристическими сочиненіями, соображаясь съ каталогомъ и средствами библіотекъ, а такъ себѣ—или по существующей издавна рутинѣ выписывать то, что выписывалось прошлый годъ, заміняя для разнообразія одинъ журналъ другимъ, или дѣйствуя по вдохновенію... «Кажется, это выписать будетъ хорошо?» спрашиваетъ библіотекарь у полкового льва. «Безъ сомнѣнія—отвѣчать левъ—я слышалъ въ Петербургѣ: авторъ—та-лантливый господинъ». И потѣ на слѣдующій годъ выписывается выбранное наугадъ сочиненіе, и всѣ, за малыми исключеніями, довольны: библіотекарь—что посоветовался со львомъ; левъ—что къ нему обращаются за советами; офицеры—что будутъ читать «та-лантливаго автора».

Открываемъ библіотечную книгу одного полка и видимъ: въ приходѣ за январьскую и майскую трети съ небольшимъ 100 р., текущая сентябрьская треть дастъ съ чѣмъ-нибудь 50 р.; всего въ приходѣ будетъ около 150 р. Посмотримъ же, на какой предметъ употреблена эта сумма.

По приходу значится:

	Руб.	Коп.
а) На выписку газетъ, журналовъ и другихъ изданій.	127	56
б) За перевозку библіотеки при передвиженіи полка изъ X въ XX.	4	50
в) На укупорку	1	20
г) За перевозку библіотеки при передвиженіи полка изъ XX въ XXX	22	20
Итого въ расходѣ.	155	46

Слѣдовательно, годовая подписная сумма почти вся въ расходѣ; остатокъ самый малый.

Теперь полюбопытствуемъ, что приобрѣла библіотека за 127 р. 56 к.

По книгѣ значатся выписанными:

	Руб.	Коп.
3 журналовъ	68	50
2 газеты	31	»
Разныя изданія: «Мѣсяцесловъ»	1	15
» » «Оружейный Сборникъ»	6	50
» » «Памятная книжка»	2	65
Приказы: Высочайшіе, военнаго министра и циркуляры инспекторскаго департамента	16	»
На пересылку денегъ при выпискѣ	1	76
	127	56

Пополнять библіотеку исключительно періодическими изданіями нерационально. Отражая въ себѣ современную жизнь, журналы не могутъ замѣнить собою такихъ книгъ, значеніе которыхъ остается неизмѣннымъ на многіе годы. Конечно, есть и въ журналахъ статьи капитальныя, никогда неутрачивающія своего достоинства; но дѣло въ томъ, что выписанные журналы остались безъ переплета, и черезъ годъ отъ нихъ останутся одни остоны, по которымъ нельзя будетъ опредѣлить даже того, къ какому году они принадлежатъ. Отъ газетъ же, приказовъ и циркуляровъ не останется ничего. Изданія эти потребовали отъ библіотеки, какъ мы видимъ изъ разсчета, болѣе одной третьей части всей суммы, употребленной на выписку, и не принесли обществу пользы. Газеты, какъ извѣстно, имѣютъ интересъ для: какую же пользу онѣ могутъ принести офицерамъ, квартирующимъ всю зиму по деревнямъ, верстахъ въ 20—50 отъ полковаго штаба? Да и въ самомъ полковомъ штабѣ они читаются только въ небольшомъ кружкѣ такъ называемыхъ «чинниковъ полковаго штаба». Приносятся газеты, болѣею частію, прямо съ почты на домъ къ полковымъ командирамъ; тамъ онѣ читаются и лежатъ до слѣдующей почты, потомъ отсылаются съ про-

чими бумагами из полковых канцелярий... и исчезают. Впрочем, новый или старый номер газеты иногда можно еще встретить в полковой библиотеке; но приказов и циркуляров ни в одной из библиотек находить нам не случалось, хотя они, как мы видим, по расходу библиотечной суммы, иными библиотеками и выписываются. Цель подобной выписки для нас непонятна... Мы знаем только то, что эти вообще приказы высылаются посылкам безплатно. Желающие же получать приказы передовые, т. е. тотчас по отпечатании, выписывают другой экземпляр, но выписывают на счет суммы, отпускаемой на канцелярские расходы.

Выписывая одни периодические издания да приказы, библиотека, быть может, имела к тому основание. Ея отделы научный, исторический и бибблистический полны и богаты? Берем каталог и пролистаем. Вь отделъ военныхъ наукъ и математикъ находимъ: «Курсъ элементарной геометріи», Винченца, 1832 г.; «О военныхъ дѣйствіяхъ», Жюмینی, 1809 г.; «Военно-энциклопедическій лексиконъ», «Руководство къ артиллеріи», Силича; «Аналитику», Жюмینی; «Опытъ фортификаціи», Бусжара, 1818 г.; «Теорію стратегіи», Лыкова; «Теорію партизанскихъ дѣйствій» Давыдова; «О военной сѣлкѣ», Дюсень-де-Монтессона, 1814 г.; «Тактику» Меделя; «Исторію военного искусства древнихъ народовъ», Зедлера; «Фортификацію», Теляковского; «Воинную исторію государства русскаго до кончины Петра III»; «Записки маршала Сентъ-Сира»; «Артиллерійскія записки», Рѣпаго; «Математику», Лакроа, 1823 г.; «О крѣпостныхъ работахъ», 1843 г.; «О продовольствіи войскъ», Затлера, часть вторую. Итого 18 сочиненій. Отдѣлъ исторіи заключаетъ вь себя 49 сочиненій; между ними первое мѣсто принадлежитъ «Исторіи Карамзина», доведенной до 1612 года, изданія 1833 г. Затѣмъ слѣдуютъ: «Русская исторія», Глинки, 1825 г.; «Двадцатипятилѣтіе Европы», Зотова, 1841 г., и вь заключеніе «Всобщая исторія», аббата Милота, 1820 г... тоже отдѣлъ богатый! Вь отдѣлъ естественныхъ наукъ 20 сочиненій; вь отдѣлъ правовѣднія, политики и политической экономіи 40 сочиненій; вь отдѣлъ словесности 42 сочиненія. Вд томъ числѣ мы находимъ: «Учебникъ словесности», Греча; «Мазену», Булгарина; «Аббадонну», Поленова, и другія рѣдкости. Вотъ и всѣ бібліотека! Есть, кажется, о чемъ позаботиться, пополнить; но своеобразные взгляды бібліотекаря рѣшаютъ дѣло иначе: деньги расходуются и бібліотека богатѣетъ лишь журнальными остовами.

Мы не возражаем безусловно против выписки въ библіотеки журналовъ и газетъ; мы полагаемъ только, что всему должна быть мѣра, во всемъ должна преслѣдоваться предвзятая идея... Мы замечаемъ, библіотеки не пополняются потому, что выписываемыя періодическія изданія и книги гибнутъ безъ переплетовъ... Мы хотимъ сказать, что выписку газетъ полковые командиры могли бы принять на свой счетъ, а выписку приказовъ даже обязаны.

Мы не возражаем безусловно противъ субсидій: содержаніе офицеровъ, неслѣдствіе повсемѣстной дороговизны на всѣ почти предметы потребленія, до того невелико, что каждый рубль, при полученіи ими третняго жалованья, учитывается лишнимъ итѣмъ; следовательно, субсидіи въ дѣлѣ возрожденія и безотлагательнаго пополненія библіотекъ новыми сочиненіями во всѣхъ отдѣлахъ дѣйствительно необходимы... но необходимы, повторимъ, въ дѣлѣ безотлагательнаго пополненія библіотекъ новыми сочиненіями во всѣхъ отдѣлахъ. Мы позволяемъ себѣ сказать, что благое дѣло реставраціи и пополненія библіотекъ только тогда достигнетъ предполагаемой цѣли, когда общество офицеровъ, которому принадлежатъ библіотеки, отринувшись отъ нагубнаго равнодушія въ собственнымъ интересамъ, приступитъ къ дѣлу съ рѣшительнымъ намыслѣмъ служить ему во мѣрѣ силъ и знаній. Въ противномъ случаѣ, никакія субсидіи не помогутъ: библіотеки наполнятся, но читать, попрежнему, будетъ нечего.

Мы убеждены, что общество офицеровъ можетъ возстановить библіотеки своими средствами. Пусть оно только изберетъ систему пополненія библіотекъ и распоряженія ими, пусть эта система будетъ основана на началахъ самоуправленія и контроля дѣйствіи бібліотекари обществомъ, библіотеки станутъ современемъ на ту степень благосостоянія, о которой теперь еще немногіе мечтаютъ. Съ принятіемъ системы явится довѣріе къ учрежденію и общество дастъ средства, которые теперь, видя бесполезную затрату жертвующихъ имъ денегъ, давать не рѣшается.

Не всѣ офицерскія библіотеки и теперь бѣдны средствами. Въ нѣкоторыхъ полкахъ онѣ имѣютъ запасные капиталы, подъ именемъ «библіотечныхъ суммъ». Суммы эти представляютъ цифры отъ 200 до 500 и болѣе рублей. Изъ этихъ денегъ общество можетъ сдѣлать прекрасное употребленіе. Кромѣ того, никто изъ офицеровъ, мы убеждены въ томъ, не отказался бы, вмѣсто одного рубля, которымъ онъ теперь жертвуетъ ежечетно безъ убѣжденія въ разумъ

помогъ его употребленіи, вносить на бібліотеку продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ по два рубля изъ треть. Затѣмъ взносы могли бы пойти въ обычную колею. На рациональный составъ и пополненіе бібліотекъ потребуется отъ 9 до 12 рублей отъ каждаго офицера. Внести эти деньги въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ никто не пожалеетъ, лишь бы общество было увѣрено, что жертва не будетъ напрасною.

Возрожденію офицерскихъ бібліотекъ, мы полагаемъ, будутъ содѣйствовать также и нѣкоторые изъ просвѣщенныхъ нашихъ книгопродавцевъ. Стоитъ только обратиться къ нимъ съ предложеніемъ, и они, конечно, не откажутся снабжать полковыя бібліотеки, по выбору, книгами въ кредитъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодно уплачивалась имъ извѣстная часть суммы.

Итакъ, по нашему мнѣнію, обществу принадлежитъ честь инициативы дѣла. Пусть оно изберетъ изъ среды своей, съ разрѣшенія начальства, разумѣется, нѣсколькихъ членовъ и составитъ изъ нихъ въ полкахъ комітѣи для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія полковыхъ офицерскихъ бібліотекъ. Пересмотрѣть каталоги и исключить изъ нихъ хламъ, напрасно занимающій мѣсто, избрать систему составленія бібліотекъ и управленія ими, дать инструкцію бібліотекарю и указать на средства, которыми требуются отъ общества для приведенія бібліотекъ въ цвѣтущее состояніе—такоеа будетъ обязанность комітѣи. Выработанные комітѣями проекты, по разсмотрѣніи обществомъ офицеровъ и утвержденіи начальствомъ, скоро поднинутъ дѣло впередъ. Замѣтимъ при этомъ, что, для усиленія бібліотечныхъ суммъ, было бы справедливо допустить къ участию въ подпискѣ на бібліотеки полковыхъ врачей, канцеляристовъ, священниковъ, а также юнкеровъ и вольноопредѣляющихся. Теперь лица эти, не дѣлая никакихъ взносов, пользуются однако книгами изъ полковыхъ бібліотекъ. Допущеніе ихъ къ участию въ подпискѣ доставляло бы полковымъ бібліотекамъ лишняго сбора, при существованіи теперешнихъ рублевыхъ только взносовъ, отъ 75 до 90 рублей ежегодно.

КАКЪ ПОГИБЛИ МОИ «БЕСѢДЫ».

МОСЛѢ крымской войны, когда правительство и интеллигентная часть русскаго общества пришли къ убѣжденію въ необходимости распространенія въ массѣ народа и солдатъ образованія и, по мѣрѣ силъ, содѣйствовали его осуществленію,—извѣстный беллетристъ, бытописатель и иллюстраторъ солдатско-крестьянской жизни, Александръ Федоровичъ Погоскій, основалъ два небольшіе, тождественные по содержанію, журнала, изъ которыхъ одинъ назывался «Народною», а другой «Солдатскою» бесѣдой.

Благодаря таланту основателя, новости и рассказы котораго читались нарасхватъ, предпринятое имъ изданіе сразу стало на твердую почву и въ непродолжительное время достигло высокой степени развитія: въ началѣ шестидесятыхъ годовъ оно имѣло уже до 14,000 подписчиковъ.

Но 1863 годъ оказался неблагоприятнымъ къ Александру Федоровичу. Онъ заболѣлъ и долженъ былъ отправиться, для излеченія болѣзни, за границу на довольно продолжительное время, а любимое свое дѣтище—маленькіе журналы передать въ другія руки, именно въ руки своего пріятеля, извѣстнаго врача-гомеопата Василія Васильевича Дерикера.

Новый издатель-редакторъ въ литературномъ мѣрѣ былъ чело-вѣкъ примылый, скорѣе дилетантъ, чѣмъ писатель (другъ и почитатель Сиконскаго, помѣстившій «что-то» или «что-то» въ его «Библіотекѣ»); издательское дѣло онъ зналъ плохо; при томъ же, имѣя много занятій по своей профессіи, не могъ отдаться всецѣло приоб-ретеннымъ имъ случайно журналамъ. Имѣть постоянныхъ сотрудни-

ковъ, отвѣтственныхъ за отдѣлы,—онъ не считалъ нужнымъ, а случайные не могли имѣть вліянія на успѣхъ изданій. Послѣдствіемъ подобнаго положенія дѣла было политѣйшее фіаско: въ два, три года, число подписчиковъ, не смотря на отсутствіе серьезныхъ конкурентовъ изданію, упало до 6,000.

Сознавая невозможность издавать свои «Бесѣды» при такомъ незначительномъ числѣ подписчиковъ ¹⁾, Дерикеръ попытался было поднять ихъ значеніе помѣщеніемъ въ нихъ, гдѣ видѣ полезныхъ статей, разныхъ своихъ врачебно-практическихъ софтовъ, общиніемъ давать подписчикамъ не по шести, а по двѣнадцати книжекъ въ годъ и, наконецъ, изданіемъ особаго приложения: «Календарь Бесѣдъ». Но всѣ эти издательскія потуги не только не подняли подписки, но, напротивъ, уронили ее окончательно: на 1867 годъ, объ «Бесѣдахъ» имѣли только 3,129 подписчиковъ.

Такой печальный исходъ столь блистательно начатаго дѣла окончательно обезкураживалъ Дерикера. Онъ упалъ духомъ и сталъ задерживать выпускъ книжекъ. Въ августъ 1867 года, у него было выпущено, вмѣсто послѣднихъ, только четыре книжки. Денежныхъ средствъ на выдачу остальныхъ послѣднихъ книжекъ въ наличности не имѣлось. Издавать эти книжки въ кредитъ значило бы обременить изданіе 1868 года значительнымъ долгомъ, а на увеличеніе подписки разчитывать едвали было возможно, и вотъ Дерикеръ, по зрѣломъ размышленіи, рѣшился продать свои «Бесѣды».

И бывъ знакомъ съ Дерикеромъ, печатаясь у него и, зайдя какъ-то къ нему въ концѣ янв. 1867 года, нанесъ его въ странномъ торѣ отъ разныхъ неудачъ, которыхъ у него, кромѣ неудачи по изданію, какъ нарочно въ то время скопилось довольно. Слово за слово, мы разговорились, пофтонали, потужили о безвыходномъ положеніи нашихъ первыхъ пионеровъ въ дѣлѣ народнаго образованія, и я уже собирался было уходить, какъ вдругъ Дерикеръ поднялся съ мѣста, прошелся медленно по кабинету и, остановившись противъ меня, сказалъ: «я рѣшился продать мои «Бесѣды»—не купите ли вы ихъ, или не найдете ли мнѣ покупателя? Меня застигло праслохъ подобное предложеніе, я не могъ ничего отвѣтить и сказалъ только, что объ этомъ нужно подумать серьезно».

Спустя недѣлю, мы опять свидѣлись и говорили объ условіяхъ

¹⁾ Подписная цѣна за экземпляръ—2 р. въ годъ.

передачи журналовъ, но условія эти казались мнѣ такимъ тяжелыми, что я разстался съ Дерикеромъ безъ всякой надежды на успѣхъ дѣла. Однако, разумные доводы восторжествовали, Дерикеръ пошелъ на уступки, и въ одно прекрасное утро мы ударили по рукамъ. Онъ передавалъ мнѣ свои редакторскія и издательскія права и старый хламя, т. е. журналы за прежніе годы и напечатанныя особыми брошюрами нѣкоторыя статьи. Я же долженъ былъ удовлетворить подписчиковъ 1867 года, т. е. выдать въ этотъ году по семь книжекъ «Бесѣдъ», уплатить ему при заключеніи условія 1,000 руб. и затѣмъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, уплатить ему извѣстный процентъ чистой прибыли, но въ общемъ итогѣ за всѣ годы не менѣе 3,000 руб.

10-го сентября, утромъ, я отправился къ помощнику начальника Главнаго штаба, снискать его величества генералъ-маіору Мещерякову, просить разрѣшенія на изданіе купленныхъ мною «Бесѣдъ», такъ какъ я состоялъ на службѣ въ Главномъ штабѣ, въ его вѣдѣніи. Въ 11 часовъ онъ меня принялъ.

— Что вы скажете?

— Осмѣливаясь беззастѣнливо, ваше превосходительство, по собственному дѣлу.

— По какому?

— Прошу вашего разрѣшенія и покровительства въ такомъ дѣлѣ, которое можетъ сдѣлаться источникомъ моего благосостоянія.

— Объяснитесь.

— Вашему превосходительству безызвѣстно, что у насъ издается нѣсколько журналовъ для народа и солдатъ. Дѣла издателя одного изъ этихъ журналовъ, именно «Солдатской Бесѣды», Дерикера, пришли въ разстройство. Поэтому онъ предлагаетъ мнѣ принять изданіе.

— Что жъ вы хотите?—перебилъ меня генералъ:—субсидіи?... Откуда я вамъ ее возьму?

— Итъ, ваше превосходительство, я не прошу субсидіи, я прошу разрѣшенія и нравственной поддержки.

— Я ничего не могу вамъ сдѣлать—не въ моей власти...

— Если Погоескій былъ обязанъ многимъ генералу Обручеву, такъ позвольте мнѣ быть обязаннымъ вамъ всѣмъ...

— Я сдѣлалъ Погоескому больше, чѣмъ Обручевъ—опять перебилъ меня генералъ—да дѣло не въ томъ... Его изданію нельзя было не сочувствовать: онъ—извѣстный писатель и пользуется репутаціею.

— Да, если его повѣсти и составляли лучший отдѣлъ журнала, за то прочіе отдѣлы не соотвѣтствовали...

— Повѣсти,—еще разъ перебилъ меня генералъ,—составляютъ лучшее средство для образованія народа, онъ читаетъ ихъ и участвуетъ.

— Позвольте, ваше превосходительство, доложить вамъ, что народу нужны не одни повѣсти. Я предполагаю дать журналу болѣе серьезное направленіе, печатать, наприимѣръ, объясненія значенія новыхъ мировыхъ судовъ, земскихъ учреждений, что необходимо знать крестьянину, затѣмъ...

Но женой, подвижный генералъ снова перебилъ меня.—Да, что народъ пойметъ изъ нашихъ книжекъ! Онъ скорѣе пойметъ, если ему объяснить это на словахъ... Читатъ онъ не умѣетъ, а писаря не захотятъ дѣлиться съ крестьяниномъ тѣми свѣдѣніями, которыми составляютъ ихъ профессію... Впрочемъ, дѣло не мое, издавайте, что знаете, только я не могу понять, чѣмъ я то могу быть вамъ полезенъ?

— Мнѣ нужно разрѣшеніе на право изданія.

— Объ этомъ нужно просить графа ¹⁾. Только графъ одна ли вамъ разрѣшитъ...

— Я надѣюсь на васъ, ваше превосходительство, быть можетъ вы прижете на себя трудъ доложить о моей просьбѣ графу.

— Да, конечно, я буду говорить съ нимъ. Но я долженъ признаться, затрудняюсь... Вы займетесь своимъ журналомъ, а дѣла по должности будутъ лежать.

— Ваше превосходительство, я обещаю вамъ быть такимъ же исправнымъ чиновникомъ, какъ и теперь.. Вѣдь я не буду одинъ заниматься журналомъ, найдутся сотрудники.

— Все же надо прочитывать, надо исправлять, надо, наконецъ, и направленіе дать журналу... какъ будто это пустяки...

— Ваше превосходительство, у васъ, въ штабѣ, и въ настоящее время находится на службѣ чиновники, которые извѣстную часть времени посвящаютъ казенному дѣлу, а потому работаютъ или для журналовъ, или для частныхъ компаній...

Генералъ не утерпѣлъ и горячо перебилъ меня:—за то и дѣла

¹⁾ Графа Оедора Логгвиновича Гейдена, тогдашнего начальника главнаго штаба.

лежать, бумаги накаплиются, неисполненія итъ, графъ недоволенъ... Итъ! я съ ними скоро принужденъ буду разстаться.

— Не итъ же таконъ, ваше превосходительство; при извѣстной добросовѣстности, я полагаю, можно быть и хорошимъ редакторомъ, и хорошимъ чиновникомъ итъ; впрочемъ, ваше превосходительство, вы увидите.

— Хорошо-съ!.. Только вы должны просить графа, подайте ему докладную записку завтра утромъ, если онъ приметъ васъ; впрочемъ, я дамъ вамъ знать.

Въ эту минуту вошелъ дежурный и доложилъ, что начальникъ Главнаго штаба просить его превосходительство къ себѣ.

— Хорошо, скажи, что приду. Затѣмъ, обратясь ко мнѣ, продолжалъ:—но помните, субсидій—никакихъ! Что же касается до нравственной поддержки изданію, то она будетъ заключаться только въ рекомендаціи журнала войскамъ циркуляромъ. Но и это зависить отъ Совѣтательнаго комитета, гдѣ я итъ голосъ наравнѣ съ другими, слѣдовательно, рѣшеніе зависить не отъ меня. Я могу засвидѣтельствовать, что вы—человѣкъ способный, дѣльный... но относительно изданія, я, не видѣвъ его, ничего сказать не могу. Да и комитетъ не можетъ приступить къ обсужденію не видя въ хоть перной нашей книжки.

— Представленіемъ книжки я не замедлю, ваше превосходительство, но я не могу начать печатанія, не получивъ разрѣшенія отъ главнаго управленія по дѣламъ печати, куда я еще не подавалъ прошенія, не получивъ вашего дозволенія.

— Ну, такъ просите завтра графа. Я же, съ своей стороны, общаю вамъ мой голосъ въ комитетъ, если изданіе будетъ того заслуживать, понимаете?..

— Дѣло будетъ говорить за себя.

— Ну, хорошо, прощайте, сказалъ генералъ и откланялся.

Я вышелъ съ облегченнымъ сердцемъ: кому изъ служившихъ въ Главномъ штабѣ не было извѣстно, что если генералъ Мещеринъ на что-нибудь согласится, препятствія къ тому со стороны графа Гейдена не будутъ. Первое препятствіе было мной устранено, и я, чтобы не терять времени, отправился къ Евгенію Александровичу Погожову, моему сотоварищу и доброму другу, человѣку состоятельному, служившему тогда въ Главномъ инженерномъ управленіи. Напавъ я съ нимъ переговаривался о совѣтскомъ изданіи "есъдъ", но онъ, баричъ по рожденію и привычкамъ, не поже-

лать обременять себя излишним трудом, хотя от материальной поддержки не отказывался. Теперь я спланил к нему с хорошей известью об удаче у начальства. День был воскресный, утро позднее, но Погожеву, после какой-то субботней пирушки, еще спать; пришлось обождать. Наконец, он вышел, поспевал, за тем я не велел его разбудить, разспросил обо всем, касающемся издания, и обещал внести от себя в дело нал в 1,000 руб. и дать миѣ заимообразно, если будетъ нужно, на вексель, 1,000 руб. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно. Дѣло подвигалось впередъ.

На утро, придя пораньше въ Главный штабъ, я начернилъ докладную записку графу Гейдену и отдалъ писарю переписать. Между тѣмъ, генералъ Мещерининъ въ 10 часовъ былъ уже въ штабъ и, подойдя ко миѣ, осведомился: «являлся ли я графу?»

— Итъ еще, ваше превосходительство, докладная записка переписывается.

— А вы не могли приготовить ее заблаговременно, сухо заметилъ генералъ:—опоздаете и графу не приметъ насъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я входилъ въ кабинетъ графа; онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и просматривалъ бумаги. Взглянувъ на меня, онъ быстро повернулся ко миѣ и сказалъ громко:

— А, здравствуйте, пожалуйста сюда, садитесь, пожалуйста, что вы?

— Позвольте представить вашему сіятельству докладную записку съ просьбой о разрѣшеніи миѣ принять званіе и обязанности редактора издателя «Солдатской Бесѣды».

— На какихъ условіяхъ вы принимаете изданіе?

Я объяснилъ условія.

— Ваши сотрудники?

— Редакція еще не сформировалась, но я полагаю пригласить людей, горячо сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія.

— Очень радъ! Но это, надѣюсь, не будетъ мѣшать исполненію вашихъ служебныхъ обязанностей.

— Постараюсь, ваше сіятельство, не подавать повода къ жалобѣ на себя. Вся моя жизнь была посвящена труду, не думаю, чтобы я могъ измѣниться теперь.

— Въ такомъ случаѣ съ моей стороны нѣтъ препятствій.

Потомъ, прочитавъ поданную мною докладную записку, графъ положилъ на ней резолюцію: «согласенъ» и, отдавая миѣ, сказалъ:

отнесите Григорію Васильевичу ¹⁾ и попросите его сдѣлать что нужно».

— Могу ли, ваше сіятельство, просить васъ о покровительствѣ моему журнальцу.

— Все, что будетъ отъ меня зависть—общаю сдѣлать, если изданіе ваше будетъ того заслуживать. Прощайте, желаю вамъ успѣха.

Иду къ генералу Мещерипову, передаю ему записку и приказаніе начальника штаба. Всего взглянулъ онъ на меня. Я понялъ этотъ взглядъ и сталъ благодарить его за оказанную поддержку моему сирому пріемышу. Онъ разсмѣялся и сказалъ: «идите въ канцелярію и скажите Колоколопу (правителю канцеляріи), чтобы приготовить что нужно».

На другой день мнѣ выдали, за подписью графа Гейдена, для представленія въ Главное управленіе по дѣламъ печати, свидѣтельство слѣдующаго содержанія: «Къ принятію на себя чиновникомъ Главнаго штаба, поручикомъ Мартыиновымъ, званія и обязанностей редактора журналовъ «Народная Бесѣда» и «Солдатская Бесѣда»—со стороны начальства препятствія не имѣется; въ нравственномъ же и политическомъ отношеніяхъ онъ можетъ быть аттестованъ какъ человѣкъ вполне благонадежный».

15-го сентября, я заключилъ съ Дерикеромъ нотаріальное условіе о передачѣ мнѣ издательскихъ и редакторскихъ правъ на «Бесѣды», и заплатилъ ему условленную тысячу рублей. Въ тотъ же день я обѣдалъ у моего пріятеля, Порфирія Асеникритонича Климова, служившаго при статсъ-секретарѣ Бутковѣ. Начальника Главнаго управленія по дѣламъ печати, сенатора М. П. Похвистева, въ то время въ Петербургъ не было, онъ находился въ отпуску заграницей. Должность его исправлялъ сенаторъ Туруновъ. Находясь съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, Климовъ вызвался поѣхать къ нему со мною въѣсть и познакомиться насъ. Кромѣ того, подя хлѣбъ-соль съ извѣстнымъ книгопродавцемъ Иваномъ Ильичемъ Глазуновымъ, онъ обѣщалъ мнѣ устроить печатаніе журналовъ въ его типографіи, на выгодныхъ для меня условіяхъ и, если будетъ нужно, открыть мнѣ кредитъ.

Выбравъ свободное утро, Климовъ поѣхалъ со мной къ Туру-

¹⁾ Генералу Мещерипову.

нову. Онъ встрѣтилъ Порфирія Асенгкритовича съ распростертыми объятіями, безъ церемоній, по-домашнему. Усадивъ въ кабинетъ на диванѣ, Туруновъ спросилъ его: «какіе вѣтры занесли васъ ко мнѣ?»

И ожидалъ въ пріемной и слышалъ громкіе раскаты его голоса. Когда меня пригласили въ кабинетъ, Климовъ церемонно раскланялся и повелъ такую рѣчь:

— Позвольте, ваше превосходительство, представить вамъ исوفита прессы, только что сдѣланнаго изъ глины редактора Дери-керонскихъ «Вѣстѣй»; онъ еще не обожженъ, поэтому если милость ваша будетъ, поберегите, не сломайте его.

— О! хо, хо, хо! засмѣялся Туруновъ;—за кого вы насъ принимаете? Развѣ мы ломаемъ,—мы бережемъ и дѣлемъ дѣтей мы-сли, не хуже всякой мажн.

— Знаю, знаю я вашу заботливость, засмѣялся въ свою очередь Климовъ;—ваши мажн такъ затигиваютъ свинальники, что бѣднымъ дѣтямъ мысли куда какъ плохо приходится.

— Ну что вы! что вы! отлучинался Туруновъ и, обратясь ко мнѣ, спросилъ: а ваши бумаги готовы?

— Готовы, ваше превосходительство.

— Ну и прекрасно! дайте ихъ сюда, а ихъ помѣчу, а вы отвезите и отдайте ихъ въ Главное управленіе правителя дѣлъ Каннисту, пусть они исполнятъ ихъ.

Я сталъ просить его принять участіе въ скорѣйшемъ разрѣшеніи моего ходатайства, такъ какъ сентябрь былъ по второй половинѣ, а мнѣ нужно было выдать восемь книжекъ.

— О, не беспокойтесь! Главное управленіе не задержитъ, все вамъ сдѣлать и скоро, и хорошо.

— А какъ это понять: скоро? выѣхался Климовъ:—у насъ если говорить: «скоро»—то это значитъ: годъ, а «экстренно»—погода.

— Не напугайте на насъ, Порфирій Асенгкритовичъ, возразилъ Туруновъ, Главное управленіе дѣйствуетъ теперь энергично.

— Энергично! это сколько же потребуетъ времени? продолжалъ Климовъ:—по всей вѣроятности, никакъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ...

Туруновъ защищалъ Главное управленіе, устранивъ свою личность, какъ будто онъ былъ совершенно непричастенъ къ дѣламъ печати. Это, казалось мнѣ, звучало какъ-то фальшиво, особенно

въ устахъ чловѣка, управлявшаго вѣдомствомъ. Значить на него надѣяться нечего, и съ этими мыслями я направился къ Капнисту.

Долго заставлялъ дожидать себя въ пріемной Главнаго управленія могущественный правитель канцеляріи. Наконецъ, онъ соизволилъ выйти. Это былъ самъ Юнтеръ, громовержецъ. Его походка, взгляды, интонація голоса—все напоминало «чловѣка бѣлой кости», ничего общаго съ нами простыми смертными неимѣющаго. Онъ небрежно окинулъ меня взглядомъ и еще небрежно спросилъ:

— А, это вы желали меня видѣть? что вамъ угодно?

И подавъ ему мое прошеніе, сказалъ, что представлялся генералу Турунову, что онъ прочиталъ мои бумаги и просилъ передать ихъ ему для исполненія.

— Для исполненія! повторилъ съ саркастической улыбкой Капнистъ: — очень хорошо!.. будетъ исполнено... и, повернувшись на каблукахъ, направился къ своему сѣдалищу.

И за нимъ—когда могу узнать о разрѣшеніи?

— Вамъ сообщать по жѣту жительства, чрезъ полицію, буркнулъ онъ какъ-то черезъ плечо на ходу и скрылся.

Такой пріемъ не предвѣщалъ ничего добраго, но я тогда вѣрилъ въ силу слова начальства и, улыбувшись ему въ слѣдъ, вышелъ.

Дальнѣйшія мои хлопоты заключались въ устройствѣ хозяйственной части журналовъ и сформированіи редакціи.

20-го сентября, я видѣлся съ Н. Н. Глазуновымъ, типографію котораго рекомендовалъ мнѣ Климовъ. Почтенный коммерсантъ принималъ меня чрезвычайно вѣжливо, но не сердечно. Было видно, что онъ бралъ мое дѣло неохотно; но, въ виду рекомендаціи Климова, отказаться не хотѣлъ. Разспросилъ: какое число экземпляровъ я предполагаю печатать, сколько книжекъ думаю выпустить въ этомъ году, какой сортъ бумаги нужно употребить для нихъ, онъ высчиталъ, что все дѣло въ 1867 году потребуеъ до 5,000 рублей. Потомъ, видя мое изумленіе, прибавилъ, что, во вниманіе просьбы Порфирія Асенгкритовича, мнѣ будетъ сдѣланъ въ типографіи небольшой кредитъ до новой подписки. Я поблагодарилъ его, во сдѣланная имъ сѣта меня сильно обезпокоила; вѣдь, кромѣ печатанія, нужно было еще много денегъ на редакцію и сотрудниковъ. Я рѣшился переговорить съ другими типографщиками.

Образованіе редакціи, исполнѣ отиѣчающей вѣлннн изданія, духу времени, потребностями цензуры и вкусами читателей, составляло

одну изъ серьезныхъ задачъ. На первое время я пригласилъ въ число ближайшихъ сотрудниковъ моихъ пріятелей двухъ братьевъ А. А. и С. А. Ольхинныхъ, бывшего профессора Н. Ф. Наилова, недавно перешагнувшаго изъ какой-то дальняи окранны, куда онъ былъ административно высланъ за нѣсколько фразъ, сказанныхъ имъ на одной публичной лекціи и, Богъ вѣсть почему, найденныхъ предъ нами, Е. П. Карновича, Н. А. Зарубина и г. Кунакевича. Взглядъ этихъ лицъ на народное образованіе былъ мнѣ, болѣе или менѣе, извѣстенъ и совпадалъ съ моимъ. Такъ какъ я жилъ тогда въ маленькой квартиркѣ, занимаемой у чиновника Сердюкова, въ Вороной улицѣ, то мы собирались по воскресеньямъ у Ольхинныхъ, которые занимали довольно большую квартиру недалеко отъ меня, у пяти угловъ, и тамъ обсуждали программу и направление будущаго журнала, отлагая, впрочемъ, окончательное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ до полученія разрѣшенія на изданіе «Бесѣды».

Но разрѣшеніе затянулось. Прошолъ сентябрь, прошолъ октябрь, никакого отвѣта не даютъ. Прихожу въ Главное управленіе по дѣламъ печати, никто ничего не говоритъ мнѣ; Канцелярія, подъ предлогомъ множества занятій, не выходитъ. Наконецъ, какъ-то доплю его въ пріемной.

— Позвольте узнать: въ какомъ положеніи мое дѣло? обращаюсь къ нему.

— Мы не получили еще о васъ справки изъ III-го Отдѣленія.

— На что намъ справка, когда мое начальство, лучше знающее меня, чѣмъ кто-либо, выдало мнѣ свидѣтельство о нравственности и политической благонадежности?

— Такіе ужъ у насъ порядки, прощайтесь онъ въ отвѣтъ сквозь зубы и какъ-то бочкомъ юркнулъ за дверь.

Что дѣлать! что дѣлать! восклицалъ я, сидя у Климова,—вѣдь это политическое разореніе. Вотъ уже ноябрь, а выйдетъ разрѣшеніе будетъ декабрь.—когда же я успѣю издать посемь книжекъ? когда я сдѣлаю объявленія на будущій годъ? Это, безъ сомнѣнія, Канцелярія нарочно затягиваетъ, чтобы насолить мнѣ!

— Успокойся, пожалуйста,—отшучивался Климовъ:—при чемъ тутъ Канцелярія! купишь ты самъ лучше въ дѣлѣ, тогда что-нибудь и выйдетъ. Сходи въ III-е Отдѣленіе и узнай.

— Да я тамъ ничего не знаю.

— Постой, мы пошлемъ туда Родіонова, онъ тамъ кой съ кѣмъ знакомъ и можетъ разузнать въ чемъ дѣло.

Родионовъ, Александръ Николаевичъ, былъ его товарищъ, человѣкъ знакомый со всѣми и всадъ. Являсь, по зову Климова, и выслушавъ порученіе, онъ отправился въ III-е Отдѣленіе, но тамъ случайно попалъ на самого статскаго совѣтника Горемыкина, заплывшаго секретною частью, получившаго выговоръ и приказаніе: «прислать меня къ нему для личныхъ объясненій».

Являюсь въ III-е Отдѣленіе, сижу между голубыми мундирами часъ и болѣе,—зону пить. Прому доложить—говорятъ, что занять. Посылаю г. Горемыкину мою визитную карточку, на которой написалъ, что я уволенъ моимъ начальствомъ только на одинъ часъ, сижу у него полтора часа, и если ему невозможно принять меня, то я являюсь въ другое время, а теперь долженъ отправиться на службу. Посланный возвратился съ приглашеніемъ пожаловать въ кабинетъ. Вхожу. Сидитъ господинъ довольно приличной наружности, съ ленточкой Владиміра въ петлицѣ. Кланяюсь.

— Здравствуйте! обратился ко мнѣ Горемыкинъ:—это вы послали чиновника Родионова за сиранкой?

— Я.

— Какъ же вы осмѣлились развѣдывать государственныя тайны?

— Никакихъ государственныхъ тайнъ я не посылаю развѣдывать, а посылаю за сиранкой, почему III-е Отдѣленіе не отиѣчаетъ на запросъ лично обо мнѣ Главнаго управленія по дѣламъ печати, и посылаю съ разрѣшенія моего начальства, такъ какъ мнѣ самому, какъ состоящему на службѣ, сходить было некогда.

— Кто намъ сказалъ о сдѣланномъ намъ запросѣ?

— Правитель дѣлъ главнаго управленія по дѣламъ печати Каннистъ.

— Онъ не имѣлъ права намъ этого говорить, а вы процѣплять его слова. Сиранка, о которой идетъ рѣчь, составляетъ секретъ.

— Для насъ — да! для меня — нѣтъ! Ничего дурнаго сказать вы обо мнѣ не можете: въ политическихъ демонстраціяхъ я не участвовалъ, подѣ надзоромъ полиціи не состою, къ тайнымъ обществамъ не принадлежу, образа мыслей, опаснаго для общества или для правительства, не придерживаюсь, по суду неопороченъ, служба безупречна, поведеніе — вполне достойное офицера и гражданина. И все это подтверждено въ свидѣтельствѣ, выданномъ мнѣ начальникомъ Главнаго штаба и представленномъ мною въ Главное управленіе по дѣламъ печати. Какіе же, послѣ этого, могутъ быть у

насъ секреты обо мнѣ? И не только къ вамъ, но и къ государю могу идти и просить, что мнѣ нужно.

— Все это очень хорошо, но вы затѣваете издавать журналъ, вы не одни будете издавать, у насъ будутъ сотрудники?

— Да, будутъ.

— Кто именно, позвольте узнать?

— Мировой судья Ольхинъ, его братъ, служащій въ министерствѣ финансовъ, изъ литераторовъ: Павловъ, Карновичъ, Кумаковичъ, Зарубинъ и другіе.

— Это все люди либеральнаго образа мыслей, а Павловъ даже былъ посланъ. Вращаясь въ средѣ подобныхъ людей, вы легко могли проникнуться дурными идеями; намъ нужно узнать это все.

— Узнать было довольно времени, вы держите справку почти два мѣсяца, а это меня разорить можетъ.

— Позвольте, вы сами-кожъ себя позволяете... Только я одинъ могу судить, сколько мнѣ нужно времени для наведенія справокъ о насъ и нашихъ будущихъ сотрудникахъ... При такомъ образѣ мыслей, вы едва ли можете быть полезнымъ руководителемъ народа и солдату.

— Предоставьте это знать моему начальству.

— Но!.. довольно!.. можете идти!..

Я отправился къ начальнику Главнаго штаба и передать ему весь разговоръ мой съ Горемыкинымъ. Онъ выслушалъ меня внимательно и сказалъ:— «Михаилъ Николаевичъ Поквисневъ кажется уже пріѣхалъ, скажите въ канцеляріи, чтобы написали ему отъ меня письмо о насъ».

16-го ноября, графъ Гейденъ писалъ Поквисневу слѣдующее:

«Во вѣренное вамъ упріиженіе поступило ходатайство состоящаго при Главномъ штабѣ поручика Мартынова объ утвержденіи его въ званіи редактора журнала «Солдатскій Вѣстникъ». Принимая необходимості, чтобы во главѣ изданія, предназначеннаго для нижнихъ чиновъ, стоялъ человѣкъ, хорошо знающій бытъ солдата и его потребности, энергическій и способный, могущій придать журналу соответственное видѣніе военнаго министерства направленіе, и причисляя къ разряду такихъ лицъ поручика Мартынова, я дозволяю обратиться къ вашему превосходительству съ почтительнѣйшей просьбой: не признаете ли возможнымъ ускорить утвержденіемъ упомянутаго офицера въ званіи редактора и о послѣдующемъ почтить меня уведомленіемъ».

Видѣвъ съ тѣмъ, графъ Гейденъ доложилъ о моемъ дѣлѣ военному министру и, по приказанію послѣдняго, было написано письмо къ военному цензору, генералъ-лейтенанту Штюмеру, о содѣйствіи къ скорѣйшему разрѣшенію моего ходатайства.

Письмо къ Похвистену на утро я отвезъ и вручилъ Михаилу Николаевичу лично. Онъ вынесъ ко мнѣ заспанный, въ халатѣ. Прочитавъ письмо, приложилъ руку ко лбу и, подумавъ немного, сказалъ: — Не помню!.. кажется, такого представленія у насъ не было... впрочемъ, я прикажу справиться. Что окажется—уведомлю, или лучше, побѣду гулять, самъ зайду къ графу Федору Логгичевичу, такъ и скажите ему.

Генералъ Штюмеръ, отъ 19-го ноября, отвѣчалъ: «Дѣло объ утвержденіи редакторомъ «Солдатской Бесѣды» извѣстнаго и мнѣ, по своимъ литературнымъ способностямъ, поручика Мартынова еще не рѣшено, но начальники Главнаго управленія цензуры принимаютъ въ просьбѣ г. Мартынова живое участіе и надѣются устранить препятствія къ удовлетворительному его рѣшенію».

Изъ письма этого оказалось, что возникли какія-то препятствія. Но какія? Откуда? Со стороны ли Горемыкина, или Капишова, — я не зналъ, какъ не зналъ и того, чѣмъ помочь дѣлу, такъ неожиданно подорванному въ самомъ началѣ. До конца года оставался одинъ мѣсяцъ: сотрудники, въ виду затрудненій со стороны цензуры, не знали, къ какому времени нуженъ будетъ матеріалъ для журнала и одинъ за другимъ отказывались. Н. П. Глазуновъ нашелъ положительно невозможнымъ отпечатать въ декабрѣ всѣ восемь книжекъ. «Все, что можно сдѣлать, прибавилъ онъ, это напечатать двѣ книжки, и то если нужный матеріалъ будетъ доставленъ въ началѣ декабря». Благопріятное для подписки время ушло. Объявленія о подпискѣ, обыкновенно, начинаютъ дѣлать съ октября, дабы подписчики могли заблаговременно знать о выходѣ журналовъ и подписаться. Начать же подписку въ декабрѣ — значило бы потерять полнѣйшую исудачу, такъ какъ подписчики, въ особенности части войскъ, на которыя я болѣе всего долженъ былъ разсчитывать, болѣею частью, подписку уже сдѣлали. Положеніе становилось критическимъ; но я все еще ждалъ, не теряя надежды, разрѣшенія.

Но вотъ прошелъ ноябрь и наступилъ декабръ, а разрѣшенія нѣтъ, какъ нѣтъ! Начальство, встрѣчаясь со мной, осведомлялось и покачивало головою, товарищи подсмѣивались. Единственнымъ от-

радой въ это тяжелое для меня время было личное представленіе мое военному министру, генералъ-адъютанту Милютину.

Дмитрій Алексѣевичъ навѣщалъ иногда графа Гейдена, имѣвшаго квартиру въ зданіи главнаго штаба. Онъ прямо проходилъ къ нему въ кабинетъ, бесѣдовалъ, а изрѣдка поднимался наверхъ и посѣщалъ главный штабъ.

Кстати, мнѣ припомнился одинъ курьезный случай.

Въ пріемной графа дежурилъ молодой офицеръ, прикомандированный къ штабу для зачисленія на должность чиновника для порученій. Не зная ли онъ министра, или хотѣлъ выдвинуться особой пунктуальностью службы, только, когда генералъ Милютинъ, войдя въ пріемную, направился прямо въ кабинетъ графа, онъ загородилъ ему дорогу и инстинктивно проговорилъ: — позвольте, ваше высокопревосходительство, къ графу нельзя входить безъ доклада».

— Какъ нельзя! возразилъ озадаченный министр: да разнѣ вы меня не знаете? я—военный министр!...

Офицеръ сконфузился, но захотѣлъ выдержать характеръ до конца и отвѣчалъ: — все-таки, ваше высокопревосходительство, позвольте доложить».

Генералъ-адъютанту Милютину пришлось отойти къ окну и стать какъ бы въ положеніе просителя. Но не прошло и двухъ минутъ, какъ двери кабинета распахнулись и графъ Федоръ Логгиновичъ, весь красный отъ волненія, бросился къ министру съ извиненіями.

— Вотъ какъ, графъ, заѣхтилъ ему Дмитрій Алексѣевичъ, нынче ваши адъютанты меня уже не узнаютъ.

Бѣдный поручикъ на другой же день былъ отчисленъ въ полкъ. Но позвратимся къ момъ «Бесѣдамъ».

Въ одно изъ такихъ посѣщеній министромъ главнаго штаба, когда онъ проходилъ чрезъ наше отдѣленіе въ ученый комитетъ, онъ былъ остановленъ графомъ у моего стола.

— Вотъ, ваше высокопревосходительство, тотъ офицеръ, сказалъ графъ, о которомъ я вамъ докладывалъ. Онъ приобрѣлъ отъ Дерикера право на «Солдатскую Бесѣду» и теперь хлопочетъ объ утвержденіи его въ званіи редактора.

Дмитрій Алексѣевичъ подавъ мнѣ руку и спросилъ:—ну, что же, какъ у васъ идетъ дѣло?

Мнѣ было стать развѣивать картину возникшихъ затрудненій, но

ТРИ ДНЯ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

РЕВНИЙ Херсонесъ. Таврическій мѣстъ для насъ важное историческое значеніе въ томъ отношеніи, что въ немъ совершилось крещеніе великаго князя Владиміра, а съ нимъ мѣстъ и всей Руси.

Принятіе Владиміромъ христіанства воспослѣдовало не вдругъ, а по предварительномъ сравненіи многихъ вѣроученій и по совершенномъ убѣжденіи князя и собраниыхъ имъ бояръ и старѣйшихъ въ правотѣ и святости греческаго вѣроисповѣданія. Событіе это, по словамъ нашихъ лѣтописей, совершилось слѣдующимъ образомъ. Въ 986 году приходили ко Владиміру послы изъ Волжской Болгаріи, и предлагали ему принять магометанство. Приходили также миссіонеры изъ Рима и проповѣдники отъ жидовъ хозарскихъ, и былъ присланный греками философъ. Но изъ всѣхъ религіозныхъ толкованій ихъ, Владиміру наиболѣе понравилось объясненіе греческаго философа, который и былъ одаренъ щедро и отпущенъ съ великою честью. Въ слѣдующемъ году, Владиміръ, по совѣту бояръ и градскихъ старцевъ, послалъ десять разумѣйшихъ мужей къ болгарамъ, къ католикамъ и въ Цареградъ, для испытанія предложенныхъ вѣръ на мѣстѣ. По возвращеніи посланныхъ, на собраніи вновь совѣтъ бояръ и старцевъ, было отдано предпочтеніе греческой вѣрѣ. «Гдѣ примемъ крещеніе?»—спросилъ Владиміръ. «Гдѣ ты любишь»,—отвѣчали бояре. 988 годъ ознаменовался походомъ Владиміра на Херсонесъ. Долго не могъ онъ взять укрѣпленнаго города, не смотря на всѣ свои усилія. Напрасно онъ угрожалъ херсонесцамъ держать ихъ въ осадѣ цѣлыя три лѣта, если они не сдадутся,—осажденные не соглашались. Наконецъ, одинъ изъ корсунянъ, по

имени Анастасій, пустилъ изъ города въ станъ русскій стрѣлу съ надписью: «за нами къ востоку находятся колодези, откуда херсонцы получаютъ воду чрезъ трубы; перекопайте водопроводы». Услышавъ это, Владиміръ воззрѣлъ на небо и воскликнулъ: «если это сбудется, я непремѣнно крещусь». Указанное средство оказалось успѣшнымъ, Владиміръ овладѣлъ Херсонесомъ и, вступивъ къ нему съ дружиною, послалъ сказать греческимъ императорамъ Василю и Константину: «вашъ славный городъ я взялъ, такъ поступлю я и съ вашей столицей, если не отдадите за меня сестры своей, еще незамужней, которая, какъ слышно, есть у васъ». Императоры, съ своей стороны, потребовали отъ него, чтобы онъ крестился, соглашаясь только подъ этимъ условіемъ исполнить его желаніе. «Скажите царямъ своимъ, — отвѣчалъ Владиміръ посламъ греческимъ, — что я крещусь, что я еще прежде испыталъ законъ вашъ, чрезъ нарочитыхъ своихъ мужей, и полюбилъ нашу вѣру и ваше богослуженіе». Чрезъ нѣсколько времени прибыла въ Херсонесъ на кораблѣ царица, сопровождаемая многими сановниками и пресвитерами, и крещеніе Владиміра совершилось въ церкви св. Василя, стоявшей посреди Херсонской городской площади, а затѣмъ послѣдовало и бракосочетаніе его съ греческою царицею. Въ память всего этого, великій князь построилъ въ Херсонесѣ церковь и, возвратившись завоеванный городъ царямъ греческимъ, какъ вѣно за руку сестры ихъ Анны, отправился въ свою столицу.

Вся историческая жизнь Херсонеса сложилась такъ, какъ будто его исконнымъ призваніемъ было—передать Россіи неугасимый свѣтъныкъ православія и опочить затѣмъ навѣки. Прослѣдиль его исторію вкратцѣ, чтобы удостовѣриться въ истинѣ вышесказаннаго.

Полуостровъ Крымъ въ глубокой древности заселенъ былъ дикими и нецивилизованнымъ народомъ таврами, отчего и получилъ названіе Таврическаго. Легенды о немъ восходятъ къ временамъ доисторическимъ. Въ греческихъ сказаніяхъ о мифологическихъ герояхъ мы встрѣчаемъ упоминовенія: то о томъ, какъ Тезей аѳинскій похитилъ съ южнаго берега Понта-Эвксинскаго (Чернаго моря) прекрасную и храбрую королеву амазонокъ Антіону; то о томъ, какъ Ахиллесъ со своей дружиной совершаетъ здѣсь воинскія игры и показываетъ свое искусство въ бѣганіи; то, наконецъ, о томъ, какъ Пфигенія, дочь Агамемнона, знаменитая жрица богини Артемиды, сопрягается зачать въ Тавридѣ брата своего Ореста, а Пиладъ предлагаетъ принести въ жертву свою жизнь, чтобы только спасти

жизнь друга своего. Историческая же известность о Тавриде начинается съ заселеніемъ береговъ Крыма греческими поселеніями. По словамъ Страбона, Херсонесъ основанъ пракеотами, въ началѣ VI вѣка до Р. Х. Известная предприимчивость, смѣлость и энергія греческихъ поселенцевъ способствовали развитію торговли какъ Херсонеса, такъ и другихъ соѣдиненныхъ съ нимъ колоній, и они скоро стали богатыми и могущественными. Построенный въ углу Таврическаго полуострова, между заливомъ Ктенусъ (нынѣшній Севастопольскій рейдъ) и заливомъ Символонъ (Балаклавская бухта), Херсонесъ былъ защищенъ со стороны Тавроскифскихъ владѣній высокою, со многими башнями и рвомъ, каменною стѣною, имѣвшею протяженіемъ по словамъ Страбона, около 50 стадій (8 верстъ). Въ теченіе многихъ вѣковъ онъ ведетъ болѣе или менѣе успѣшную борьбу съ соѣдиненными тавроскифскими племенами. Во времена владычества римлянъ, его подчиняють сперва насалльному царю Босфора, но потомъ зависимость его измѣняется въ непосредственное подчиненіе Риму и ему возвращено было отчасти прежнее республиканское самоуправленіе. При раздѣленіи Римской имперіи, Херсонесъ подчиняется Византіи и зависимость его отъ нея продолжается до самаго ея паденія. Какъ отдаленнѣйшая область Римской имперіи, онъ служитъ мѣстомъ ссылки политическихъ и другихъ преступниковъ. Такъ, здѣсь была заключена, за сочувствіе къ христіанству, Флавія Домитилла, племянница императоровъ Тита и Домитіана, здѣсь томились въ заточеніи и папа римскій Климентъ, и папа римскій Мартинъ I-й, наконецъ, сюда же былъ сосланъ и императоръ Юстиніанъ II-й, по низложеніи его Леонтиемъ. Но не смотря на это, Херсонесъ имѣетъ громадное значеніе,—онъ служитъ средоточіемъ богатства, наукъ, искусствъ и греческой цивилизаціи въ Тавридѣ. Занимая территорію до 40 верстъ въ окружности, онъ ведетъ обширную торговлю и даже вмѣшивается въ политику византійскаго двора. По словамъ Дюбуа-Монпере, въ лучшую пору его развитія, въ немъ насчитывалось до 5,000 домовъ и до 50,000 жителей. Въ періодъ великаго переселенія народовъ, Херсонесъ подвергается нападеніямъ готфовъ, угровъ, аваровъ, хозаровъ и гунновъ, и отражаетъ ихъ собственными своими силами, такъ какъ Византія не имѣла уже возможности защищать свои отдаленныя области. Но вотъ, подъ стѣнами знаменитаго города появляется нашъ великій князь Владиміръ со своими дружинами и покоряетъ его. Событіе знаменательное! Херсонесъ покоряется за тѣмъ, чтобы дать великому

князю, а съ нимъ вмѣстѣ и всей Руси, крещеніе. Это выдающееся изъ ряда другихъ явленіе составляетъ самое важное, самое блестящее дѣло во всей его исторической жизни, эпопею его призванія, исполнивъ которую, онъ начинаеть склоняться къ упадку. Его постоянныя столкновенія съ печенѣгами и половцами въ XI и XII и съ генуэзцами и татарами въ XIII вѣкъ истощаютъ его силы, а набѣгъ Ольгерда князя литовскаго въ 1363 г. наноситъ ему самый жестокий ударъ, послѣ котораго онъ не могъ уже поправиться: стѣны его были разрушены, жители перебиты или уведены въ плѣнъ, а городъ сожженъ или обращенъ въ развалины. Окончательное же разрушеніе Херсонеса совершилось при завоєваніи Крыма турками въ 1475 году. Съ этихъ поръ городъ опустѣлъ совершенно, и только остатки стѣнъ, башенъ, храмовъ и дворцовъ, еще долго напоминали путешественникамъ время прежняго его величія.

Въ послѣдующіе затѣмъ годы, близъ развалинъ Херсонеса поселились татары. Построенная ими маленькая деревушка Ахтиаръ, съ покореніемъ Крыма русскими въ 1783 году, по повелѣнію императрицы Екатерины, переименована въ Севастополь. Вновь возникшій городъ поглотилъ остатки прежняго. Посланный Стефаномъ Баторіемъ къ крымскому хану въ 1578 г. Максимъ Бровеній, при посѣщеніи развалинъ Херсонеса, этого, по его выраженію, «гордаго, изящнаго и славнаго города», видѣлъ еще остатки стѣнъ и башенъ, построенныхъ изъ огромныхъ тесаныхъ камней. Княжескій дворецъ, обширный, по его словамъ, какъ цѣлый городъ, съ великолѣпными входными воротами, продолжалъ еще существовать, какъ продолжали существовать и нѣкоторыя ограбленныя и лишеныя своихъ цѣнныхъ мраморныхъ церкви. При покореніи Крыма русскими, многіе изъ видѣнныхъ Бровеніемъ остатковъ зданій, стѣнъ, башенъ и воротъ были еще цѣлы. Но, по приказанію князя Потемкина, ихъ стали разрушать, а камни и мраморы употреблять на постройку Севастополя. И сколько мраморныхъ, капителей, фрескъ, было положено въ фундаменты казармъ и другихъ зданій! Стѣны же и ворота, по преданію, пошли на постройку Севастопольскаго карантинна. Императоръ Александръ I-й приказалъ остановить разрушеніе, но было уже поздно. Новѣйшіе путешественники: Палласъ въ 1793 г. и Муравьевъ въ 1820 г. находятъ еще слѣды городской стѣны и водопровода. Но Терещенко, посѣтившій Крымъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, пишетъ въ своихъ «Очеркахъ Новороссійскаго края» слѣдующее: «И снѣгъ изглянуть на слѣды древняго Херсонеса,

но каково было мое удивленіе, когда открылась предо мной лишь равнина, усыпанная щебнемъ, и только кое-гдѣ выказывались бугры — быть можетъ, слѣды зданій. Время стерло съ лица земли тотъ знаменитый Херсонесъ, который три раза падалъ и возрождался. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ я изъ Балаклавы въ Херсонесъ, отстоящій въ двухъ верстахъ отъ Севастополя, съ такимъ же негодованіемъ смотрѣлъ на пустое мѣсто, безъ памятниковъ, безъ малѣйшихъ остатковъ его древняго величія».

Исчезъ съ лица земли исполнившій свое назначеніе Херсонесъ Таврическій, и мы только въ раскопкахъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ его нахожденія извѣстнымъ нашимъ археологомъ, графомъ А. С. Уваровымъ, можемъ видѣть теперь слѣды его прежнихъ богатствъ, его цивилизаціи и нѣкоторыхъ изъ его построекъ.

Изъ числа многихъ открытій, сдѣланныхъ графомъ А. С. Уваровымъ, особенное вниманіе обратили на себя развалины церкви, въ которой, какъ признано нынѣ, крестился великій князь Владиміръ. Покойный архіепископъ Херсонскій и Таврическій Пиннокентій возымѣлъ счастливую мысль возстановить этотъ храмъ и, съ благословенія Святѣйшаго Синода, устроилъ въ 1853 г., близъ остатковъ открытаго храма общежительную киновію и при ней малую церковь во имя св. благоутробной княгини Ольги. Во время осады Севастополя, церковь эта и кельи иноковъ были разрушены. На мѣстѣ ихъ французы построили батареи и громилъ оттуда Севастополь. Въ 1857 году, разрушенная киновія возстановлена, а въ слѣдующемъ затѣмъ году послѣдовало Высочайшее повелѣніе построить надъ остатками церкви, въ которой крестился великій князь Владиміръ, болярной соборной храмъ, во имя равноапостольнаго пророка и отъ монаршихъ щедротъ были дарованы первоначальныя средства для производства работъ. 23 августа 1861 года, Государь Императоръ соизволилъ лично совершить закладку храма. Въ этомъ же году и скромная херсонесская киновія была возведена на степень первокласснаго монастыря. Работы по устройству монастыря двинулись впередъ быстро. Двухъ-этажный архимандритскій домъ, съ домою церковью, во имя Корсунской Божіей матери, былъ оконченъ постройкою въ 1863 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ построено и нѣсколько братскихъ келій. Но сооруженіе храма во имя равноапостольнаго князя Владиміра долгое время ограничивалось возведеніемъ стѣнъ фундамента, и только въ послѣдніе два года, благодаря энергическимъ успіямъ архимандрита Еженія и ревности принятаго

на себя постройку храма, известного нашего строителя П. И. Губонина, строительные работы производились съ особенной заботливостью, такъ что стѣны храма къ концу 1874 года были вынесены подъ своды второго этажа *).

Въ ноябрь 1874 года мнѣ пришлось совершить поѣздку въ Крымъ. Тотчасъ по прибытіи въ Сенастополи, мнѣ захотѣлось исполнить свое давнишнее желаніе поклониться мѣсту, откуда Русь восприняла свѣтъ христіанскаго вѣроученія, и на утро, въ обществѣ С. П. Губонина, сына строителя Херсонесскаго собора, прѣбывавшаго одновременно со мною въ Сенастополи для осмотра работъ, произведенныхъ въ соборѣ въ теченіи лѣта, я отправился въ Херсонесскій монастырь. День былъ теплый, тихій и безденный, какой можеть только быть въ глубокую осень на югѣ Россіи. Паношійіи экипажъ рысцою потащилъ насъ по улицамъ Сенастополя, если только можно назвать улицами эти изрытые, какъ гряды, циклопическіе тропы, выходящіе между руинъ разрушеннаго города. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ разразившаяся такъ неожиданно надъ Сенастополемъ гроза препратила его въ безпорядочную груду камней, но эта груда камней лежитъ и донынѣ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ она осталась, когда гроза утихла. Это даже и не груда камней, но какая-то некалѣченная, безобразная масса скелетовъ безъ череповъ, съ провалами по впадинахъ глазъ, съ изломанными ребрами и пустыми внутренностями. Правда, кое-гдѣ встрѣчаются несправленные для жилья дома, встрѣчаются и небольшіи новыя постройки, но въ общихъ чертахъ картина разрушенія производитъ самое тяжелое впечатлѣніе. Вы видите не городъ, а какое-то громадное покинутое кладбище, съ разваливающимися памятниками, обрушившимися могилами и торчащими изъ-подъ земли углами гробовъ.

Тяжеле и запустѣніе царятъ въ этомъ, забытомъ людьми жилищѣ смерти и нескоро еще жизнь, какъ кажется, коснется его снова дыханіемъ.

*) Для постройки храма была образована особый строительный комитетъ, существовавшій до 1873 г., т. е. до того времени, когда работы по постройкѣ были переданы г. Губонину. Медленность постройки храма за прежнее время проходила послѣдствіемъ незначительности имѣвшихся въ распоряженіи комитета суммъ, такъ какъ только на 1873 г. для постройки была исправлена кредитъ въ 250,000 руб.

Выбравшись за городъ, мы побѣжали мимо бывшихъ наинихъ бастионовъ и непріятельскихъ траншей и батарей. Въ ложбинѣ между двумя возвышенностями, послывшими другъ другу смерть и разрушеніе изъ нѣсколькихъ сотъ орудій, лежитъ городское кладбище съ небольшою при немъ церковію, сохранившеюся и во время осады. Дорога, окрестные холмы и балки, устланы небольшими бѣлыми камнями. Кругомъ глухо и безлюдно—ни одного строенія, ни одного деревца до самаго монастыря.

Среди такой пустынной жертвенности, видъ вновь строящейся обители производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Жизнь и трудомъ вѣять отъ этихъ простыхъ, незатѣливыхъ, деревянныхъ свѣтыхъ порогъ, у которыхъ мы не нашли, однако, ни припрятника, ни толпы нищихъ, ни толпы торговцевъ,—этихъ атрибутовъ каждаго сколько-нибудь значительнаго русскаго монастыря. Отодвинувъ низенькую на колесахъ рогатку, застаивающую проходъ по свѣтыхъ порогамъ, мы вошли на дворъ монастыря и прошли нѣсколько шаговъ впередъ по неширокой песчанной дорожкѣ, очутились передъ новымъ, весьма красивымъ двухъэтажнымъ домомъ настоятеля. Палатно, изъ нѣкоторой разстояніи отъ дорожки, виднѣется небольшая монастырская церковь, построенная во имя семи свѣщенномучениковъ изъ Херсонесскіхъ епископствовавшихъ, а за нею далѣе—братскія кельи и другія монастырскія постройки. Направо же виднѣется закутаный въ лѣса новый Владимірскій соборъ. Монастырскій дворъ не великъ, но содержится чисто и опрятно. Передъ домомъ настоятеля разбѣденъ маленькій садикъ съ клумбою цвѣтовъ и небольшою бесѣдкой. Трудъ, забота и попеченіе о разлитіи и благосостояніи обители выказываются на каждомъ шагѣ.

Узнавъ отъ одного изъ монастырскихъ служекъ, что архимандритъ Еженія вѣтъ дома, мы отправились ко вновь строящемуся храму. Храмъ сооружается по плану профессора Гримма, подъ наблюденіемъ архитектора М. Ю. Арнольда, изъ громадныхъ тесаныхъ плитъ бѣлаго нидерманскаго камня, съ мраморными по фасаду колоннами ¹⁾. Это будетъ зданіе простое, но имѣть съ тѣмъ нели-

¹⁾ Первоначально предполагалось облицевать храмъ порфиромъ и мраморомъ; но такъ какъ эта мѣра требовала расхода до 700,000 р., то и рѣшили, впоследствии, ограничиться только постановкою по фасаду мраморныхъ колоннъ.

чественное и чисто въ русскомъ стилѣ; оно занимаетъ площадь въ 304 квадратныхъ сажени, и будетъ состоять изъ двухъ этажей. Высота его съ крестомъ около 19 сажени. Нижний этажъ возведенъ надъ остатками стѣнъ церкви, въ которой великій князь Владиміръ воспринялъ св. крещеніе, а верхній предназначается для богослуженія. Съ чувствомъ нѣмого благоговѣнія осматривалъ я остатки стѣнъ этой древней базилики. Вѣнчая форма ихъ представляетъ образецъ византійскаго стиля. Алтарь церкви выдается наружу полукруглымъ выступомъ, стѣны сложены изъ грубо обтесанныхъ желтоватаго цвѣта большихъ камней, между которыми мѣстами виднѣются обломки колоннъ, вѣроятно, какого-либо еще болѣе древняго храма. Вышина сохранившихся стѣнъ отъ полу: со стороны алтаря и входа достигаетъ—семи, а въ прочихъ мѣстахъ—не болѣе трехъ-четырехъ футовъ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ вновь строящагося храма виднѣются слѣды еще двухъ открытыхъ церквей, а вокругъ нихъ и нѣсколько исторону, между громадными глыбами камней, обтесанныхъ для новата собора, известочныхъ тиритъ, бревенъ, портовъ и грудъ мусора, попадаются обломки древнихъ колоннъ, карнизовъ, крестовъ.—какъ будто съ этого должно начаться объединеніе древняго міра съ идущимъ къ нему настоящимъ.

Съ высоты верхней площадки лѣсовъ я обозрѣвалъ территорію «гордаго, изипаго и славнаго» Херсонеса. Мнѣ хотѣлось опредѣлить положеніе: и главной его улицы—Аркаса, шедшей, какъ извѣстно, отъ западныхъ воротъ по южному краю города и поворачивавшей потомъ на сѣверо-востокъ, и главной городской площади съ ея храмами и дворцами, и дворца княжескаго, собиравшаго какъ городъ, и знаменитой городской стѣны, съ ея башнями и рвами, начинавшейся у Черной рѣчки и шедшей немного выше Пикермана до самой Балаклавской бухты, и не менѣе знаменитыхъ подопродовъ. Но исполнить этого, къ сожалѣнію, я не могъ, такъ какъ на поверхности земли никакихъ слѣдовъ ихъ существованія (кромя открытыхъ при раскопкахъ слѣдовъ церквей) уже не оказывалось. Время все уничтожило и только одно нѣжно неизмѣнное море также, какъ и прежде, во время славы и могущества Херсонеса, кинути и нѣжится у его крутыхъ каменистыхъ береговъ. Все также мѣрно и безустанно, одна вслѣдъ за другой, несутся волны на эти выдающіеся береговые выступы, мыски и крошечные каменистые островки, и придаютъ высоко съ шумомъ, покрытыѣѣной, какъ блѣднѣѣж-

ной зеленой, и дробятся и разсыплются тысячами брызгъ. А тамъ, вдалекѣ, гдѣ море какъ бы сливалось съ густой яркой синью горизонта, прозрачная сибирозеленая масса волнъ, чуть-чуть колеблясь, вспыхиваетъ подъ златисто-блестящими лучами осенняго солнца, и горитъ, и блещетъ багрянцемъ, чернью и серебромъ.

Въ тотъ же день, подвечеръ, я совершилъ побѣдку по линіи бывшихъ севастопольскихъ укрѣпленій южной стороны. На Малаховомъ курганѣ я пробылъ довольно долго. Вотъ что занесъ я тамъ, на память объ этомъ достопамятномъ вечерѣ, въ дневникъ свой 20 ноября 1874 года.

На Малаховомъ курганѣ.

Съ благоговѣніемъ склоняюсь предъ тобою,
Хозяю историческій, славный, славный хозяю,
Свидѣтель мужества, геройства, чести, долга,
И памятникъ вѣхъ дѣлъ, свершенныхъ нмъ вѣдь.
Земля вокругъ тебя все веетъ огнемъ
И пропиталася до нѣдръ людскою кровью.
Въ надеждѣ отстоитъ твердою дорожку
И съ нею родину отъ вражьиго вторженья,
Здѣсь пали легионы нашихъ Леонидовъ,
Принимъ на щитъ удара полчищъ полуміра
И грудью мощной отравилъ ихъ ярый натискъ,
Здѣсь русскіе костыли легли богатыри.
При валлахъ тысячи громадиѣйшихъ орудій,
Ночь огненную дождетъ свинца и чугуна,
Въ дыму и пламени потонувшихъ пожаровъ,
Ночь смертной хришъ и стоишь истерзанныхъ людей.
Здѣсь триста сорокъ дней разгорячалась драма,
Которой цѣлый міръ, дышешь, рукоплескалъ.
Герои Сарагоссы, Трои, Карфагена,
Всѣхъ самостопольцевъ, едва ли не превзошли...
Здѣсь не было просто бой—боролися гиганты,
Тутъ рыцари дрались, сойдясь въ поединки,
Тутъ крики слышались: «стрѣлите на, мы—послѣ»...
Смерть проносилась, но не было побѣды:
Антѣй не побѣжденъ, когда его нѣтъ
Касается земли, какъ матери и сыны...
Науйте жъ свои вѣдь, пришельцы-нигилисты,
Зане то жѣсто, гдѣ стоите вы, есть свѣтъ!..
Съ какими полчищемъ и трепетнымъ желаньемъ,
Пришлецъ вдалекѣ, рвался и мыслью видѣть

Тебя, мой дорогой и сердцу близкій холмъ,
 И потъ я, наконецъ, у твоего подножья.
 Вокругъ нѣмая тишь, безлюдье и пустыня,
 Известки, глина, грязь и глыбы плитняка—
 Все исковеркано, изрѣзано и изрыто,
 Какъ будто волны здѣсь морскія въ бурномъ вихрѣ
 Окаменѣли вдругъ подъ взглядомъ чародѣя.
 Осенній теплый день склоняется къ закату,
 Послѣдній солнца лучъ, лучъ похлѣбный и холодный,
 Подъ легкимъ облачкомъ, гонимымъ вѣтеркомъ,
 Какъ рѣзное дѣтя, играть и бѣжить
 Но ямъ и буграмъ изморозженной почвы,
 И гдѣ то тамъ вдали терпится и гаснетъ...
 Почтительно какъ сынъ, съ главною непокровенной,
 И поднялся на холмъ, который сила вражьи
 Съ такимъ неистовствомъ утомили день и почъ,
 Въ который брошено такъ много бомбъ и ядеръ,
 И на который глазъ людскихъ, динясь, смотрѣло
 Едва-ль не болѣе, чѣмъ смотритъ съ неба анѣадъ...
 Вотъ башни—памятникъ, гдѣ наши командиры,
 Отцы сѣдыхъ дружинъ, какъ бы зеницу ока,
 Вложили имя внутренняго самой судьбою пость.
 Вотъ славный тотъ блиндажъ, гдѣ старѣй лейт. Сипопа,
 Окончивъ свой обходъ по линиямъ огня,
 Бесѣдовать съ дѣтьми своими—мориками
 И оживлять въ нихъ духъ и вѣру въ одолѣнье.
 А потъ—колодца мнитъ съ ихъ мрачнымъ лабиринтомъ
 Подземныхъ галлерей, воронокъ, душоконъ,
 Гдѣ русскій пасть. Вобанъ съ такимъ искусствомъ велъ
 Подземную войну съ противникомъ достойнымъ.
 Вотъ мѣсто, гдѣ ядро Корнилова срезало,
 Вотъ здѣсь Панфиловъ пасть, а здѣсь Нахимовъ славный,
 Смертельно раненный, окончилъ славно жизнь.
 О! сколько горестныхъ и жгучихъ воспоминаній
 Въ насъ будитъ этотъ холмъ своимъ живымъ рассказомъ.
 Возвѣщаемый, въ слезахъ, всхожу на пасть кургана,
 Вокругъ раскинулись въ нестройномъ безпорядкѣ
 Ложбины узкія, овраги, балки, кручи,
 Останки батарей, руины громихъ, перконовъ,
 Окопныхъ пещерскихъ, люнетовъ и траншей;
 На западъ зари стогрѣла, гаснетъ отблескъ,
 Земли одѣлась прозрачною сѣрой дымкой,
 И анѣадочки зажглись на синемъ эклонѣ неба.
 Пора бы и домой, но я еще стою,
 Смотрю и думаю, о прошломъ воспоминаю...
 И потъ передо мной какъ будто повстаетъ
 Не мертвый пылѣвшій, но прежній Севастополь,
 Съ его стальной стѣной подремляющихъ штыковъ,
 Въ огневомъ поясѣ грохочущихъ орудій.

Идетъ въ разгаръ бой, кровавый странный бой,
 Изъ-подъ густой злойищей черной тучи дыма,
 Застланной горизонтъ, не видно даже сѣта.
 День превратился въ ночь, ночь ужаса и страха,
 Орудія, мортиры, ружья, штуцера,
 Стрѣлы вальсами и порознь, превзойти
 Въ убійственной борьбѣ стараются другъ друга.
 Шаряды сыплются—какъ частый крупный градъ,
 Чурунь, свинецъ и жѣлъ валится словно съ неба,
 И мѣста нѣтъ поблизи, гдѣ-бъ человекъ, укрывшись,
 Спокойно могъ сказать: «теперь я безопасенъ»...
 Смерть носится какъ вихрь и косить жатву крови,
 И бѣшеная ея порывамъ нѣтъ конца.
 Ей кажется, что міръ ей отданъ весь на жертву,
 И мечется она безумно тамъ и здѣсь,
 И новыхъ тысячи любовниковъ набираетъ,
 Межъ тѣмъ какъ раненый, петербургскій, набитый,
 Напрасно ждетъ ее и молить, словно блага,
 Перста холоднаго ей прикосновенья.
 Вездѣ лежать тѣла—и лошади, и люди;
 И труны цѣлые, и части, члены труновъ
 Смѣшались съ людьми, въ которыхъ тлѣетъ жизнь,
 И человекъ жинной замируетъ умершимъ.
 Одинъ глотокъ воды дорожке полуміра.
 Последняя молитва въ борьбѣ за жизнь о немъ;
 Здѣсь блѣдныя уста сомкнулись съ молитвой,
 Тутъ воля проклятій колеблется жгучій воздухъ,
 Страдалецъ чуть дыша, коснующей рукой,
 Чтобы жажду утолить, щепоточку травы,
 Отъ крови влажную, вокругъ себя срывнеть...
 Но бой колеблется, праги зовутъ резервы,
 И ночь они сѣшаютъ, усиливая бѣгъ,
 Имъ нужно во время прибыть, чтобы ворваться
 Въ заштытый бастионъ—вѣнцы ихъ пѣхъ усилил;
 Уже полкъ на полкомъ, какъ валъ на валомъ въ моръ,
 Несутся, бушуютъ, впередъ не удержижи,—
 И ночь ударилась о каменный утѣсъ,
 И пѣять оторвали, лишь брызги волнъ, да цѣпа
 Вадетили высоко и шли въ тѣло полны,
 Скала не дрогнула, утѣсъ не шевельнулся...
 Еще ударъ, другой, и масса полнѣ громаднѣхъ
 Въ напорѣ яростномъ укъ хлещетъ чрезъ утѣсъ,
 Но каменная грудь скалы не поддалась...
 Хвала тебѣ по вѣкъ, безсмертный нашъ Хрулень,
 Ты къ «благодѣтелямъ» о выручкѣ позвалъ,
 И съ ними бросился и выручилъ побѣду.
 Но тѣмъ надаетъ... и только Горчаковъ
 Со свитою своею стоитъ еще у бухты,
 Какъ въ тотъ несчастный день, когда твердыня пала,

И передъ нимъ войска въ молчаньи проходили.
Всю тяжесть этого жестокаго паденья
Онъ вынесъ на себѣ, достойный нашъ стратегъ,
И, гордый правотой своей въ дни тяжкихъ бѣдъ,
Онъ легъ въблизи своей разрушенной твердыни,
Какъ будто гонимъ: сна что я отбѣчу...

Межъ тѣмъ ночь южная спускается все ниже
И кроетъ синей тьмой, какъ пологомъ, окрестность.
Съ душой, исполненной печали и тоски,
И земно кланюсь тебѣ, курганъ Малаховъ,
Вестминстеръ доблести и храбрости и славы, —
Угрюмый, какъ вокругъ природа, — Партенопъ:
Твое безсмертное героическое паденье
Къ развитію нашего величія послужило...

На другой день утромъ я посетилъ севастопольскій музей,
устроенный въ пожертвованномъ графомъ Тотлебенемъ домѣ, а ве-
черомъ на четырехмачтовомъ катерѣ ѣздилъ на Братское кладбище.
Въ день же отъѣзда изъ Севастополя осматривалъ городской соборъ,
въ которомъ погребены павшіе при защитѣ адмиралы Корниловъ,
Нахимовъ и Истоминъ. Но тетрадка, въ которой были записаны
впечатлѣнія видѣннаго, утратилась, — и я не считаю себя вправе
профанировать чувства, тѣнившія тогда грудь, на память. Поэтому,
обрывая рассказъ на половинѣ, занесу для памяти оставшіеся до-
нынѣ непонятнымъ впечатлѣніе погребенія праха трехъ адмираловъ
отдѣльно отъ князя М. Д. Горчакова, генерала С. А. Хрулева и
другихъ distinguished вождей, улегшихся запросто среди кургановъ
и братскихъ могилъ товарищей по защитѣ нашей твердыни на
«Братскомъ кладбищѣ» сѣверной стороны. Въдѣ тамъ преданы землѣ
и въбиты и умершие отъ ранъ и болѣзней воины-защитники,
какъ пѣхотинцы, такъ и моряки. Зачѣмъ же выдѣлены эти три
героя? Зачѣмъ отчуждены они отъ тысячъ другихъ храбрыхъ и
храбрѣйшихъ? Неужели въ этомъ могло выразиться какое-либо осо-
бенное имъ отличіе?.. Но, оставляя въ сторонѣ сужденіе о томъ, не
могу не замѣтить, что всякому русскому человеку горячо любящему
свою родину и дорожающему ея славой и справедливостью, гораздо
пріятнѣе было бы видѣть всю тѣсную дружную родную семью за-
щитниковъ Севастополя — похороненною рядомъ на одномъ зеленомъ
предгорьѣ «великой нивы смерти».

КНЯЗЬ А. А. ДАДІАНЪ,

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

КНЯЗЬ Александръ Леоновичъ Дадіанъ, извѣстный своими несчастіями, какъ очистительная жертва тѣхъ традиціонныхъ порядковъ, которые въ доброе старое время существовали въ управленіи полковою хозяйственною частію на Кавказѣ, родился въ 1801 году, въ наслѣдственномъ имѣніи симбирской губерніи, селенгѣвскаго уѣзда, гдѣ у его родителей было до 1000 душъ крестьянъ, и получилъ отличное по тому времени домашнее воспитаніе. По словамъ лицъ, коротко знавшихъ князя, это былъ человекъ высокаго образованія, характера мужественнаго и непреклонной силы воли.

Дадіанъ поступилъ на службу подпрапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ въ 1817 году; въ 1821 г. произведенъ въ прапорщики, а въ 1825 г., въ чинѣ поручика, назначенъ адъютантомъ къ генераль-адъютанту Паскевичу ¹⁾.

Онъ участвовалъ въ войнахъ: персидской 1826—1827 г. и турецкой 1828—1829 г. и экспедиціяхъ противъ горцевъ 1830, 1831 и 1832 годовъ. Въ 1827 году, графъ Паскевичъ-Эриванскій удостоилъ его порученія донести императору Николаю о взятіи Табриза, за что Дадіанъ произведенъ въ капитаны, а въ 1829 году онъ былъ посланъ къ государю съ донесеніемъ о сраженіи при Конилы и взятіи турецкаго лагеря и трехъ-бунтужнаго нампъ въ

¹⁾ Впоследствии генералъ-фельдмаршалъ, князь Варшавскій.

пять, за что произведенъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ его величества.

Въ концѣ того же 1829 года, онъ получалъ въ командованіе эриванскій карабинерный (нынѣ 13-й лейбъ-гренадерскій его величества) полкъ.

Дадіанъ былъ женатъ на дочери командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ-адъютанта барона Розена, Лидіи Григорьевнѣ Розенъ.

Въ 1837 году, во время посѣщенія императоромъ Николаемъ Кавказа, по донесенію находившагося въ Тифлисѣ для выработки положенія объ управленіи закавказскимъ краемъ, сенатора барона Гапа о злоупотребленіяхъ въ эриванскомъ полку, князь Дадіанъ, лично государемъ, при разводѣ 24 сентября, въ Тифлисѣ, на Мадатовской площади, былъ зиненъ флигель-адъютантскаго званія и отправленъ въ Бобруйскъ, гдѣ и находился подъ судомъ, съ содержаніемъ въ казематъ арестованнымъ, до 1840 года.

Между тѣмъ, флигель-адъютанту Катенину ¹⁾, было повелѣно: слѣдить инспекторскій смотръ полку и произвести формальное слѣдствіе о дѣйствіяхъ Дадіана, съ тѣмъ, чтобы донесеніе Катенина служило основаніемъ сужденію военнаго суда. По суду оказалось слѣдующее:

1. Войска кавказскаго корпуса были обязаны устраивать штабъ-квартиры для себя собственными хозяйственными средствами, получая только безъ платы лѣсъ изъ имѣльческихъ дачъ и общинельскія подводы для перевозки въ мѣсто постройки разныхъ матеріаловъ. Сверхъ того, съ цѣлю облегченія войскъ кавказскаго корпуса въ устройствѣ полковыхъ штабовъ, было разрѣшено имъ, кромѣ штатныхъ подѣстныхъ лошадей, имѣть еще рабочихъ лошадей, на покупку которыхъ употреблялись деньги изъ отпусканнаго на устройство штабъ-квартиръ, и иногда изъ экономическихъ полковыхъ суммъ. На этомъ основаніи эриванскому карабинерному полку были отпущены частныя земли около Тифлиса для рубки лѣса и сѣнокосенія. Дадіанъ злоупотреблялъ накопленнымъ сѣномъ не однихъ полковыхъ лошадей и быковъ, но и собственныя скотъ и конскій заповъдъ свой, а зимою довольствовалъ скотъ полковаго маркитанта и дру-

¹⁾ Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и оренбургскій генералъ-губернаторъ.

гихъ лицъ, не платя за излившееся сѣно денегъ владѣльцамъ земель; церковныя же земли началъ онъ распаивать и подлѣ посылъ хлѣба.

2. Для надзора за конскими заподами и скотоводствомъ сподвижники Дадіана употребляли 8-мъ унтеръ-офицеровъ и до 100 человекъ рядовыхъ, а для прислуги въ домѣ и при хозяйственныхъ заведеніяхъ держалъ у себя 4-хъ унтеръ-офицеровъ и 36 человекъ рядовыхъ, изъ которыхъ одного (камердинера) произвелъ въ унтеръ-офицеры за ратоборность по фронту.

3. Дадіанъ, взявъ на себя заготовленіе провіанта для полка, постройку мельницы и возведеніе разныхъ зданій, употреблялъ нижнихъ чиновъ въ работы и переноски, частію безъ платы, частію за малое вознагражденіе.

4. При постройкѣ полковымъ маркизантами винокуреннаго завода, Дадіанъ назначалъ къ нему нижнихъ чинъ для работъ по 5-ти коп. въ сутки, тогда какъ вольные люди въ Тифлисѣ получали гораздо больше.

5. Кромѣ нижнихъ чиновъ употреблялъ Дадіанъ на работы солдатъ безъ платы и однажды за ослужаніе наказалъ ихъ.

6. Обывательскія подводы, назначенныя въ пособіе для устройства полковой штабъ-квартиры, употреблялъ Дадіанъ для перевозки матеріаловъ къ другимъ казеннымъ постройкамъ и оставлялъ ихъ на работѣ долѣ назначеннаго срока.

Генералъ-аудиторіатъ, рассмотрѣвъ военно-судное дѣло и признавъ князя Дадіана виновнымъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, приговорилъ его къ лишенію чиновъ, орденовъ, княжескаго и дворянскаго достоинствъ и къ написанію въ рядовые, но вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ на высочайшее усмотрѣніе прежнюю безпорочную службу Дадіана, бытность въ походахъ и сраженіяхъ, трехлѣтнее содержаніе въ казематѣ и раскаяніе въ проступкахъ и испрашивалъ милосердія къ участи его.

Императоръ Николай Павловичъ, рассмотрѣвъ докладъ генералъ-аудиторіата въ Динабургѣ, 12-го мая 1840 года, изволилъ написать на немъ собственноручно: «Полковникъ князь Дадіанъ совершенно достоинъ присужденнаго наказанія, вина его сугубо тяжка тѣмъ, что онъ носилъ званіе моего флигель-адъютанта и, бывъ близкимъ родственникомъ корпуснаго своего командира, какъ бы обязанъ былъ еще болѣе удалиться отъ всего законопротивнаго, служивъ скорѣе другимъ примѣромъ строгаго соблюденія порядка службы. Нарушивъ столь наглыми образомъ свою обязанность, онъ недостойнъ

нижскаго помилуванія. Желая, однако, и въ семь случаевъ оказать возможное вниманіе къ службѣ генераль-адъютанта барона Розена, повелѣваю: лишивъ полковника князя Дадіана чиновъ, орденовъ, княжескаго и дворянскаго достоинства и вышнѣе ему трехлѣтнее содержаніе въ казematъ въ наказаніе, отпрavitи на жительство безвыѣздно въ Вятку».

Въ 1840 году, по ходатайству генераль-адъютанта барона Розена, Дадіану дозволено жить въ имѣніи барона Розена близъ Москвы, а въ 1844 г. разрѣшить ему временной вѣздъ въ Москву для свиданія съ матерью, и затѣмъ, по просьбѣ сей послѣдней, ему позволено безвыѣздно жить въ Москвѣ.

Въ 1856 году, по случаю коронаціи государя императора Александра Николаевича, Дадіану были возвращены всѣ права по службѣ, которыя онъ приобрѣлъ до состоянія о немъ высочайшей конфирмаціи, т. е. чинъ полковника (въ отставку), ордена, княжеское и дворянское достоинство.

Дадіанъ умеръ въ Москвѣ въ началѣ шестидесятихъ годовъ.

Катастрофа, постигшая Дадіана въ 1837 году, какъ громовой ударъ разразилась надъ Кавказомъ, и слухи о ней прошевелили по всей Россіи, принимая разнообразную и иногда даже фантастическую форму. Легенду объ этомъ событіи въ самомъ искаженномъ видѣ мы имѣли слышать въ Пятигорскѣ въ 1870 году. Нѣсколько варіанцій попали въ печать.

Н. П. Лореръ, находившійся въ 1837 году на Кавказѣ, въ запискахъ своихъ («Русскій Архивъ» 1874 года, кн. 2, стр. 371) говоритъ о катастрофѣ 24 сентября слѣдующее: «По обыкновенію, Вренскій ³⁾ пришелъ къ намъ однимъ утромъ, и какимъ утромъ показавъ онъ намъ! Сейчасъ же причина разъяснилась. «Слышали вы, господа, что случилось съ бѣднымъ княземъ Дадіаномъ въ Тифлисѣ? Вы знаете, что онъ командуетъ полкомъ и женатъ на дочери главнокомандующаго Розена. Дорогою государь получилъ доносъ на князя Дадіана, которымъ его обвиняють въ употребленіи солдатъ на свои работы, недодачѣ жалованья рекрутамъ и прочихъ неправо-

³⁾ Адъютантъ военнаго министра, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабъ-ротмистръ, находившійся въ то время при генералѣ Вельяминовѣ. Убитъ въ дѣлѣ подъ Черной, въ чинѣ генерала свиты его величества.

лительныхъ поступкахъ; можете себѣ представить, въ какомъ расположеніи духа пріѣхалъ государь въ Тифлисъ. Ни Розенъ, ни начальники штаба не подозревали, что ихъ ожидаетъ. Разводъ назначенъ былъ отъ полка, которымъ командовалъ Дадіанъ, и князь передъ строемъ ожидалъ прибытія государя. На площади собралось безчисленное число народа, грузинъ, армянъ и мирныхъ черкесъ. На балконѣ одного дома на площади сидѣли супруги главнокомандующаго и князя Дадіана, разряженные, веселыя. День былъ прекрасный. Наконецъ вышелъ государь. Барабаны загрохотали, музыка гремѣла, но царь махнулъ рукой и подворилась тишина. Государь командовалъ «къ ногѣ» и велѣлъ составить ружья въ козлы. Огромная свита не понимаетъ этого маневра. Государь собралъ къ себѣ ротныхъ командировъ въ кружокъ и долго съ ними разговаривалъ о чемъ-то, потомъ созываетъ солдатъ и дѣлаетъ съ ними тоже самое; потомъ командуетъ: «становись!» Полкъ выстроился. Дадіанъ съ опущенной саблей въ рукѣ, все еще не понимая причины этихъ дѣйствій, но тутъ государь громко приказалъ командиру снять съ князя Дадіана флигель-адъютантскіе эксельбанты, какъ съ недостойнаго носить это отличие. Но что происходило въ это время съ бѣдными дамами на балконѣ? Они лежали въ обморокъ. Тутъ же подѣхала фельдъегерская тройка, посадили въ нее обморочнаго, обезцвѣннаго князя Дадіана и повезли въ крѣпость Бобруйскъ.

«По другимъ рассказамъ — комментируетъ вышеприведенный фактъ издатель «Архива» г. Бартеневъ:—преступленія Дадіана, закрѣпостившаго и грабившаго солдатъ, открылись государю случайно. Когда государь приближался къ Тифлису, загорѣлись отъ быстрой тѣды огни въ его коляскѣ. Въ числѣ людей съѣзжавшихся помогать бѣдѣ, государь узналъ одного солдата подъ крестьянскою одеждою, и тотъ доложилъ ему, что цѣлыя десятки и сотни солдатъ работаютъ поблизости въ имѣніи Дадіана. Пока спрашивали колыску, государь на простой телегѣ съѣзжалъ въ указанное имѣніе и лично удостоверился въ томъ, что его поныне обращены въ земледѣльцевъ».

Относительно отправки Дадіана въ Бобруйскъ, г. Бартеневъ замѣчаетъ, что онъ былъ преданъ суду на мѣстѣ и отвезенъ въ Бобруйскъ послѣ того, какъ его изобличили въ его дѣйствіяхъ.

Въ дѣйствительности же, Дадіанъ не командовалъ разводомъ, государь не собиралъ въ кружокъ ротныхъ командировъ и нижнихъ чиновъ, не разговаривалъ съ ними и не командовалъ: «становись!»

Все это плоды досужей фантазии. Равножѣрно и рассказъ о побѣдѣ государя въ простой телѣгѣ въ имѣніе князя Дадіана и личное удостовереніе его тамъ объ обращеніи поповъ въ земледѣльцевъ—чистѣйшая выдумка.

Въ исторіи эриванскаго полка, г. Шабанова, объ этомъ происшествіи говорится слѣдующее:

«22 сентября, въ первый разъ жители Тифлиса съ восторженными криками и народною музыкою-зурной — встрѣтили государя Николая Павловича. На другой день, 1-й батальонъ эриванцевъ, цѣлѣкомъ одѣтый, былъ выстроенъ съ утра за Авладаромъ, на возвышенной равнинѣ, вмѣстѣ съ другими войсками, для представленія государю. Дадіанъ командовалъ одной изъ линій, при чемъ сбивался въ фронтовыхъ построеніяхъ, за что получилъ замѣчаніе. Затѣмъ, въ слѣдующій день назначенъ былъ цѣмъ войскамъ церемониальный маршъ на александровской площади (нынѣ александровскій садъ). Въ этотъ день погода была ясная. На небѣ не было ни одной тучки. Сентябрьское южное солнце не жгло, а лишь только грѣло. Толпа любоватныхъ окружала площадь и соедѣніе дома. По рядамъ эриванцевъ уже разошлось «смирно», при прѣздѣ разнѣхъ начальствующихъ лицъ. Наконецъ, заколыхался народъ, показавъ государю со свитою. Раздалось еще разъ: «смирно, на плечо, на-карауль», и батальонъ, сдѣлавъ прѣмы, замеръ,—только торжественные звуки музыки нарушали тишину. На прѣѣтствіе Николая Павловича батальоны откланялись «ура», толпа народа подхватывала это радостное восклицаніе и долго оно раздавалось въ воздухѣ. Государь остался чрезвычайно доволенъ смотрамъ, за что пожаловалъ нижнимъ чинамъ по рублю, по фунту мяса и по чаркѣ водки. Но этотъ день произвелъ сильное впечатлѣніе на эриванцевъ,—на нихъ полковною командира, князя Дадіана, о его злоупотребленіяхъ была сдѣлана государю доносъ. Отличительная черта покойнаго монарха, строгость и справедливость, выказалась и здѣсь. Онъ, въ виду всего народа, приказалъ съ полковника Дадіана снять эполеты и флигель-аулютантскіе эскельбанты за тѣ злоупотребленія, о коихъ государю было донесено».

Но и здѣсь фактъ разжалованія переданъ невѣрно: съ князя Дадіана были сняты только эскельбанты; эполеты же онъ лишился по приговору суда.

Фактъ этотъ не лишенъ историческаго значенія, и потому я позволю себѣ возобновить его, помнясь обязательно предложен-

ными въ мое распоряженіе записками очевидца, подполковника А. В. Антонова, бывшаго въ 1837 году полковымъ адъютантомъ армянскаго полка.

Государь императоръ Николай Павловичъ прибылъ на Кавказъ на пароходѣ «Зиѣда» и высадился въ Потн, 17 сентября 1837 г.

Постоянные дожди и суровая осенняя погода испортили настолько дороги, что маршрутъ слѣдованія его величества былъ измѣненъ.

Мѣстами государь долженъ былъ ѣхать верхомъ на казачьихъ лошадяхъ, отъ Кутанса же совершилъ путь съ бывшими въ то время командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ-адъютантомъ барономъ Розеномъ, въ открытой коляскѣ.

На Бѣлогорской станціи встрѣтила государя, поздравляя дороги, находившаяся тутъ на работѣ 7-я рота армянскаго полка. Государь приказалъ остановиться и, не выходя изъ экипажа, поздоровался съ солдатами и, поблагодаривъ ихъ за усердную службу, прослѣдовалъ далѣе.

Подѣзжая 19 версты до Сурама, гдѣ приготовленъ былъ для его величества почтъъ, императоръ, по усталости, позволилъ остановиться на Киприальскомъ посту, гдѣ и заночевалъ съ 19 на 20 сентября. Здѣсь, въ 11 часовъ вечера, получено было допущеніе сенатора барона Гана о злоупотребленіяхъ Дадіана.

Ночь на этой станціи государь провелъ не покойно и, какъ рассказывали, утромъ былъ сильно измученъ.

20 сентября, въ 8 часовъ утра, государь прибылъ въ Сураму, верхомъ, и остановился въ домѣ князя Абашидзе. Подѣзжая тамъ 20 до почетнаго караула отъ 3-й карабинерной роты армянскаго полка, скомплектованной, на этотъ случай, изъ георгіевскихъ каналеровъ, сошелъ съ лошади, и, снявъ съ себя бурку, подошелъ къ караулу и поздоровался съ солдатами. Представившій караулу баталіонный командиръ армянскаго полка, майоръ Антоновъ, увидѣвъ государя, такъ растерялся, что, вмѣсто того, чтобы обойти фронтъ езды, проломился черезъ его середину и сталъ за почетнымъ карауломъ, а командантшій карауломъ ротный командиръ штабсъ-капитанъ Савицкій, ошибаясь въ командныхъ словахъ: на лицѣ государя выразилось неудовольствіе: приказавъ отступить роту

⁴⁾ Государь по времени слѣдованія отъ Потн до Киприальскаго поста позволилъ находиться въ станціонномъ расположеніи духи.

на квартиры, онъ обратился къ Розену съ слѣдующими словами: «и тутъ довольно душно». Войдя въ приготовленный для его величества домъ и отивдавъ нѣсколько виноградъ изъ поднесенныхъ фруктовъ, утомленный тяжелою дорогою, государь отдыхалъ до 4 1/2 часовъ за полдень и затѣмъ, выйдя на крыльцо дома, долго любовался окрестностями Сурама, по направленію къ Боржомскому ущелью.

Послѣ обѣда государь долго ходилъ по комнатѣ, ни съ кѣмъ не разговаривая. Прекрасная южная ночь вновь вызвала его на крыльцо, гдѣ сидѣли тогда Орловъ ²⁾ и Багратионъ ³⁾; но здѣсь государь пробылъ не болѣе получаса и возвратился въ комнату, гдѣ занимался дѣлами до 2-хъ часовъ ночи, призывая къ себѣ извѣдка Адлерберга и Орлова.

На другой день, около 7-ми часовъ утра, государь, совершенно готовый къ отъѣзду, въ бѣлой фуражкѣ и лѣтней конногвардейской шинели, вышелъ на крыльцо занимаемаго имъ дома, у подъѣзда котораго стояла уже шестерней запряженная открытая коляска. Указавъ на Боржомское ущелье, его величество сталъ разговаривать съ Розеномъ; между тѣмъ къ дому подъѣхало перхами чело-вѣкъ сорокъ карталинскихъ князей и дворянъ. Они были одѣты въ богатая національная разноцвѣтные одежды, украшенные широкими, золотыми галунами, отлично вооружены и сидѣли на чисто-крупныхъ казахскихъ жеребцахъ, всѣ сбруи которыхъ блестяла серебромъ и золотомъ. Государь сошелъ съ крыльца и, подойдя къ всадникамъ, поздоровался съ ними. Глядя на нихъ не безъ удовольствія, между прочимъ, исполнилъ имъ сказать: «Господа, такими молодцами нужно служить». Послѣ этого государь, пригласивъ барона Розена, сѣлъ въ коляску и отправился въ Ахалцыхъ, куда, въ качествѣ конной его величества, отправлялись и карталинцы.

Между тѣмъ Антоновъ, по приказанію Розена, отправился въ Тифлисъ и передалъ князю Дадіану о поданномъ на него доносѣ. Князь отбѣчалъ: «да, мнѣ сообщено объ этомъ вчера», и, подумавъ, прибавилъ: «какая ложь! хорошаго ждать теперь ничего; останется одно: надѣяться на Бога и на великодушіе царя; я—жертва низкихъ интригъ и гнусной клеветы; время откроется все. Съ нѣрою

²⁾ Вышній шефъ корпуса жандармовъ.

³⁾ Зять владѣтеля Мингреліи.

буду ожидать участи и съ покорностію перенесу все, что меня ожидаетъ».

22 сентября, въ 9 часовъ вечера, государь прибылъ въ Тифлисъ и тотчасъ же повелѣлъ флигель-адъютанту Катенину, прибывшему въ Тифлисъ двумя неделями ранѣе государя, отправиться въ Манглисъ (гдѣ была полковая штабъ-квартира эриванскаго полка), и поѣхать справиться доноса. Катенинъ позвратился на другой день въ 8 часовъ вечера и представилъ собранію нѣтъ на-скоро свѣдѣнія. Затѣмъ, когда, по заведенному порядку, его величеству представленъ былъ именной списокъ состоящихъ на лицо флигель-адъютантовъ для исполненія дежурствъ при его особѣ, государь собственноручно изволилъ отмѣтить противъ фамиліи Дадіана: «флигель-адъютанта полковника князя Дадіана у меня нѣтъ». Подобное рѣшеніе въ ту же минуту разнеслось по городу, и князь Дадіанъ былъ такъ пораженъ этимъ, что въ тотъ же вечеръ заболѣлъ.

На 24 число была назначена развода отъ 1-го баталіона эриванскаго полка. Баталіонъ, подъ командою подполковника Далена, выстроился на Мадатонской площади, въ 11 часовъ. Государь съ барономъ Розеномъ прибылъ къ разводѣ ровно въ часъ и, поодоровавшись съ людьми, медленно прошелъ по фронту, пристально вглядываясь въ лица солдатъ, подобранныхъ молодецъ къ молодцу. Затѣмъ, отойдя на средину баталіона, скомандовалъ вполголоса: «поизводно направо»; люди исполнили это движеніе довольно стройно. Но проходя мимо государя церемоніальнымъ маршемъ, по плану, покрытому неждетіемъ близшаго наканунѣ дождя грязью, люди скользили, отъ чего въ строю происходило нѣкоторое помѣненіе. Государь замѣтить барону Розену: «солдаты хороши, но дурно выдрессованы и несутъ короткій шагъ»; затѣмъ его величество спросилъ: «а гдѣ полковникъ Дадіанъ? на что было доложено, что онъ боленъ. «Послать его ко мнѣ», сказали государь.

Начальникъ штаба, генералъ-маіоръ Вальховскій, тотчасъ отправился за княземъ, квартировавшимъ на той же площади, въ домъ Шамиръ-Хана, и не прошло 10-ти минутъ, какъ Вальховскій съ Дадіаномъ, одѣтымъ въ полковую мундиръ, при окселябантѣ, показались передъ фронтомъ строя.

Подходя шаговъ 15-ти до государя, они остановились. Вальховскій отошелъ за спину, а Дадіанъ остался на мѣстѣ. Государь взглянувъ на него съ неодобреніемъ и, повернувшись къ присутствующимъ на разводѣ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ,

произнесъ громко и грозно: «торги, барышни ненавижу; мои адъютанты сдѣлались здѣсь извозчиками⁷⁾ и маркитантами. За хорошую, усердную службу я достойно награждаю, за зло же и противозаконныя поступки притѣрю наказываю, и примѣромъ этого будетъ полковникъ князь Дадіанъ». Потомъ, указавъ на него рукою, произнесъ гнѣвно: «Брайко⁸⁾», снять эскельбанты!»

Грозныя слова государя произвели сильное впечатлѣніе; всѣ присутствовавшіе при разводѣ какъ будто окаменѣли. Массы же народа, окружающаго площадь и занимавшаго окна, балконы и крыши соседнихъ домовъ, заколыхались и въ воздухѣ послышался какой-то целый гулъ; затѣмъ мгновенно все стихло и подворилась мертвая тишина.

Брайко, подойдя къ Дадіану, никакъ не могъ отстегнуть эскельбанты: замѣтно было, какъ у старика тряслись руки. Дадіанъ, сохранившій присутствіе духа, разстегнулъ борть мундира и, отпизавъ эскельбанты, передалъ его Брайко, который поднесъ его государю.

Государь, принявъ эскельбанты и, какъ будто наѣвишная ихъ, громко кликнулъ: «Розень, адъютантъ Вельямимовъ!» Подбѣжалъ капитанъ Розень⁹⁾, и государь, недopusтивъ его шага на три, бросилъ ему эскельбанты со словами: «сн! по смотри, умѣй ихъ опрадать»¹⁰⁾. Потомъ, обратясь къ Дадіану, произнесъ: «Въ Вооруженск!» Въ это время старикъ Розень, преклонивъ ценного колено и цѣлуя въ правое плечо государя, сказалъ: «Государь, я служилъ нашему отцу, нашему брату и намъ болѣе 42-хъ лѣтъ, пощадите мою службу, простите князя Дадіана». Сцена была въ высшей степени трогательная. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя и массы народа слѣдили за каждымъ движеніемъ государя, но государь, положя руку на плечо Розена, произнесъ: «Владиміръ Григорьевичъ, чтобы по-

⁷⁾ Выраженіе «извозчиками», относилось до командира грузинскаго гренадерскаго полка, полковника графа Опермана, содержавшаго на дорогѣ въ Тифлисѣ почтовую станцію.

⁸⁾ Тифлисскій военный губернаторъ.

⁹⁾ Сынъ корпуснаго командира.

¹⁰⁾ Назначивъ сына барона Розена флигель-адъютантомъ, вчеру того же дня государь, видимо желая хоть нѣсколько утѣнить старика, пожаловалъ по фрейлиннѣ ея величества и дочь его (высвѣдствіи извѣстныя именуемыя Митрофанія).

казать тебѣ, что я уважаю тебя и твою службу, я оставляю на полковникѣ князь Дадіанѣ эпюлеты и предоставляю лишеніе изъ закону». Затѣмъ повторилъ еще разъ: «изъ Бобруйскъ!» Послѣ развода государь съ барономъ Розеномъ изволилъ отправиться въ военный госпиталь, откуда женте тѣмъ черезъ полчаса прислалъ флигель-адъютанта князя Васильчикова съ дозволеніемъ воспользоваться князю Дадіану однимъ часомъ, для прощанія съ своими семействомъ и родными.

26 числа, часовъ въ 5 утра, государь, не предваряя никого о намѣреніи спосемъ остануть Грузію, выѣхалъ изъ Тифлиса по тракту на Владикавказъ. Слѣдуя по крутому спуску къ повороту на рѣкѣ Вѣрѣ, у отбитенаго обрыва рѣки Куры, одна изъ подпругъ несчастію. Экипажъ его, по неосторожности форейтора, повалился на бокъ, но его величество съ графомъ Орловымъ успѣли благополучно соскочить на дорогу. Узнавъ, что почтовую станцію содержитъ тифлисскій полиціймейстеръ, майоръ Ляховъ, его величество тотчасъ потребовалъ его къ себѣ и пока устанавливали экипажъ и перекладывали лошадей, явился Ляховъ. Государь, сдѣлавъ нѣсколько вышительныхъ замѣчаній за грязную енискуляцію, несовѣстную съ царскою службой, повелѣлъ сейчасъ же отринуть его отъ должности и исключить изъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь нигде не принимать.

Вскорѣ послѣ того, корпусный командиръ Розенъ былъ назначенъ сенаторомъ, а на его мѣсто прислалъ генералъ Головинъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Дадіанъ былъ ниноватъ и что въ примѣрномъ наказаніи его выразилась отличительная черта характера покойнаго государя — строгость и справедливость. Но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что злоупотребленія, за которыя онъ понесъ наказаніе, были, такъ сказать, продуктомъ времени, и что они существовали не въ одномъ только армянскомъ полку, но и въ другихъ частяхъ войскъ и считались у современниковъ не иначе, какъ «порожденіемъ обстоятельствъ». Войска занимали полупокоренный, полунраждебный край. Размѣщая ихъ въ наиболѣе нужныхъ, по военнымъ соображеніямъ, пунктахъ, кромѣ всегданней боевой готовности, отъ нихъ требовали устройства полковыхъ штабъ-квартиръ и солдатскихъ поселковъ, продолженія дорогъ, расчистки лѣсовъ и другихъ работъ, способствующихъ колонизаціи края, не даная для того никакихъ другихъ средствъ, кромѣ предоставляемыхъ съественною природою или случаемъ. Поневолѣ приходилось употреб-

лять вездѣ и во всемъ нижнихъ чиновъ и экономическихъ суммы, или же изыскивать другіе, но всегда позволительные источники. Дадіашъ заявлялъ объ этомъ военна-судной комисіи, но на запросъ ея по сему предмету, генералъ Головинъ отозвался уклончиво, что положительныхъ свѣдѣній о подобныхъ безпорядкахъ въ корпусномъ штабѣ не имѣется.

Въ доказательство же сказаннаго считаю нелишнимъ привести слѣдующій фактъ. Въ томъ же 1837 году и тѣмъ же сенаторомъ барономъ Гапомъ былъ представленъ государю докладъ о злоупотребленіяхъ командира грузинскаго пѣнаго полка, полковника князя Андронникова. Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ изслѣдовать ихъ и если окажутся справедливыми, то сдѣлать надъ княземъ Андронниковымъ строжайшій примѣръ. Генералъ-аудиторіатъ, рассмотрѣвъ слѣдственное дѣло о князѣ Андронниковѣ, нашелъ слѣдствие неудовлетворительнымъ, но усмотрѣвъ, что Андронниковъ самъ сознался въ противозаконной отдачѣ состоявшихся въ полку на службу милиціонеровъ офицерамъ въ частныя услуги и для производства работъ, въ сдѣлкахъ съ жителями, которые, вмѣсто требованій отъ нихъ въ полкъ милиціонеровъ, представляли ему условленное число рабочихъ для работъ, а онъ, какъ самъ объяснилъ, зачислялъ ихъ собственными средствами, ставя въ полкъ своихъ людей; сверхъ того, по собственному же его сознанию, оказался онъ виновнымъ въ самовольномъ сборѣ съ жителей денегъ для обмундирования сотни милиціонеровъ, представленной государю императору при посѣщеніи его величествомъ въ 1837 году закавказскаго края, — генералъ-аудиторіатъ полагалъ: князя Андронникова за означенныя злоупотребленія предать военному суду при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, вѣстивъ суду въ обязанность всѣ объясненныя на Андронникова жалобы изслѣдовать во всѣхъ отношеніяхъ съ предписанною закономъ строгостью. Государь императоръ изволилъ рассмотреть этотъ докладъ въ Варшавѣ, 19 мая 1840 году, и, принявъ во вниманіе ходатайство главнокомандовавшаго дѣйствующею арміею графа Паскевича-Эриванскаго о прежней отличной службѣ и рангахъ князя Андронникова, высочайше повелѣть дозволять: «Дѣло оставить безъ дальнѣйшихъ слѣдствій и полагать конченнымъ; полковника князя Андронникова вновь на службу не определять; издержки же, бывшія по производству изслѣдованія на прогоны и прочее, принять на счетъ казны».

Самое донесеніе барона Гапа о Дадіашѣ, какъ видно изъ запис-

сохъ А. В. Антонова, вызвано не однихъ только желаніемъ блага странѣ, но и совершенно иными побужденіями. Присланный для подворенія въ Закавказскій край гражданскаго управленія, баронъ Гагъ стремился провести такіа предположенія, которыя были противны убѣжденіямъ барона Розена. Отсюда произошли первоначально нѣхъ натянутыя, а потомъ совершенно враждебныя отношенія, окончившіяся лишеніемъ Дадіана чина и званій, а Розена — хѣста главнокомандующаго. Педаромъ въ запискахъ П. П. Лорера и въ исторіи армянскаго полка донесенія Гага названы «доносами», — въ названіи этомъ сказана приговоръ современниковъ.

Княгиня Л. Г. Дадіанъ, въ прошеніи объ облегченіи участи мужа, между прочимъ, излагаетъ, что Дадіанъ не по вѣсти понесъ наказаніе, такъ какъ изслѣдованіе по поданному на него доносу произведено было Катенинымъ въ отсутствіе Дадіана, безъ соблюденія законныхъ формъ, поверхностно и пристрастно, и повинный судъ, имѣвшій повѣхъ принять это изслѣдованіе основаніемъ къ сужденію Дадіана, постановилъ приговоръ не на основаніи фактовъ. А. В. Антоновъ въ запискахъ своихъ говоритъ, что дѣйствія Катенина, во время производна слѣдствія въ полку, были дѣйствительно далеко не безупречны: не его успѣхи были направлены къ тому, чтобы добыть показаній не въ пользу Дадіана. А. П. Ермоловъ, котораго встрѣтилъ Антоновъ у Дадіана въ Москвѣ въ 1849 году, коснувшись въ разговорѣ катастрофы 24 сентября 1837 года, сказалъ, указавъ на Дадіана: «его погубило что? Не доносъ и не слѣдствіе, но отвѣтъ Катенина государю. На вопросъ государя: «все ли правда, что написано въ доносѣ на Дадіана?» Катенинъ отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, все правда и все подтвердилось; «но не смѣю не сознаться предъ вашимъ величествомъ — приближалъ донкій слѣдователь — что изъ участія къ Дадіану, какъ къ товарищу, я многое скрывалъ». Этихъ словъ было достаточно, чтобы погубить Дадіана».

Но эти ли слова и побудили государя императора повелѣть судить Дадіана на основаніи фактовъ, собранныхъ слѣдствіемъ.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что Катенинъ сумѣлъ дать дѣлу Дадіана особый колоритъ; но причины, побудившія его такъ дѣйствовать, остались не разъясненными. А. В. Антоновъ, ссылаясь на нѣкоторые факты, полагаетъ, что они были прямыми послѣдствіемъ упоминанія въ 1836 году въ отставку изъ армянскаго полка роднаго брата Катенина, о дурномъ поведеніи котораго и крайне безпринципныхъ поступкахъ Дадіанъ вынужденъ былъ

донести до свѣдѣнія корпуснаго командира. Предположеніе это по-
линило нѣкоторой доли вѣроятія. Въ Пятигорскѣ, въ 1870 г., я слы-
шалъ отъ одного изъ жителей Тифлиса, свидѣтеля событія, что са-
мое донесеніе Гапа сдѣлано было по впушенію Катенина, и хотя
объ ужершихъ, по извѣстной поговоркѣ «*de mortuis aut bene, aut
nihil*», принято говорить только хорошее, или ничего не говорить,
но я въ настоящемъ дѣлѣ предпочитаю придерживаться перифраза
этой поговорки князя В. Ѳ. Одоевскаго: «*de mortuis seu veritas, seu
nihil*».

Николай I на саперныхъ работахъ.

По объявленіи войны Франціи и Англіи въ 1854 году, признано
было необходимымъ, на случай высадки непріятели, впереди крон-
штадскихъ укрѣпленій возвести еще нѣсколько полевыхъ укрѣпле-
ній, и съ этой цѣлю на кость, близъ кунесской стѣнки, стали
возводить батарею на 60 орудій, лангетъ на два баталіона и редутъ.
Для производства работъ выслали учебный саперный баталіонъ и,
кромя того, нарядили офицеровъ отъ прочихъ саперныхъ баталіоновъ.
Работы начались 20-го марта. Императоръ Николай Павловичъ
прѣзжалъ часто и лично наблюдалъ за производствомъ работъ.

Встрѣтивъ однажды солдата съ георіевскимъ крестомъ, государь
спросилъ его.

— Гдѣ получили крестъ?

— Подъ Силистріей, ваше императорское величество, въ 1829
году, — отвѣчалъ солдатъ.

— Теперь подъ Силистріей ваши товарищи, — замѣтилъ госу-
дарь: — а вамъ была честь защищать Петербургъ, а это стоитъ
Силистріи. Чего бы не далъ другой солдатъ, чтобы сказать впо-
слѣдствіи: я защищалъ Петербургъ. Не такъ ли?

— Такъ точно, ваше императорское величество, — отвѣчалъ сол-
датъ: — мы это чувствуемъ; останемся живы, — и дѣтямъ, и вну-
камъ передадимъ.

Когда батарея была готова и вооружена, Николай Павловичъ
осмотрѣлъ ее подробно, нашелъ въ исправности и остался доволенъ.
Обратясь къ командовавшему обороной, генералъ-лейтенанту Граббе,
государь сказалъ: — а вѣдь было бы во что, а то есть чѣмъ!

Осмотрѣвъ редутъ, императоръ сказалъ окружавшимъ его офицерамъ:

— Если высадка будетъ, то мы здѣсь и умереть должны!

Остальная укрѣпленіе, государь, сказалъ солдатамъ: — смотрите, ребята, не робѣйте! первая бомба къ намъ — и я съ вами!

Императоръ Николай I въ адмиралтействѣ.

Въ 1838 году, въ пономъ адмиралтействъ строился новый корабль «Россія». Императоръ Николай Павловичъ интересовался работами и заѣзжалъ иногда въ адмиралтейство. Однажды лѣтомъ, онъ прѣѣхалъ часа въ четыре пополудни. Строитель корабля, полковникъ Александръ Андреевичъ Пономъ, отправился пообѣдать, его помощникъ и другія начальствующія лица тоже разошлись, такъ что императора встрѣтилъ одинъ только прапорщикъ корпуса корабельныхъ инженерновъ Албенскій. Государь поднялся на работы, прошелъ и спросилъ сопровождавшаго его офицера:

— Какія идутъ работы?

— Висмы кладутъ, ваше императорское величество.

— Сколько положено биссонтъ?

Офицеръ, застигнутый врасплохъ, спросомъ, замаялся и отвѣтилъ неуверенно. Это не поправилось государю и онъ сошелъ внизъ. Параллельно эллингу строился тогда большой каменный сарай для храненія корабельныхъ лѣсонтъ, подъ наблюденіемъ штабсъ-капитана корабельныхъ инженерновъ Посыпкина. Постройка только что была начата и выведена немного выше фундамента. Государь, проходя мимо, зашелъ на работы и, окинувъ ихъ быстрымъ взглядомъ, спросилъ:

— А гдѣ же Посыпкинъ?

— Его нѣтъ, ваше императорское величество.

— А помощникъ его здѣсь?

— Тоже нѣтъ еще, ваше императорское величество.

— А кондукторъ?

— Не пришелъ еще, ваше императорское величество.

— Кто же тутъ распоряжается работами?

— Я, ваше императорское величество, раздался сзади государя голосъ десятника.

Государь обернулся, десятникъ стоялъ въ позѣ сфрейтора съ откинутой въ рохъ ружейнаго приѣма саженью. Недовольство императора быстро смѣнилось улыбкой. Но онъ ничего не сказалъ десятнику, прошелъ по линіи работъ и направился къ выходу. Когда же сѣлся въ экипажъ, приказалъ прапорщику Албенскому передать штабсъ-капитану Посыпину, что онъ арестуется на двѣ недѣли за оставленіе работъ безъ надлежащаго надзора.

Кадеты морскаго корпуса въ Александріи.

Однажды лѣтомъ 1844 года, кадеты морскаго кадетскаго корпуса, находившіеся на учебной кадетской эскадрѣ, состоявшей изъ 4 фрегатовъ и находившейся на якорѣ въ Маринзонахъ лужъ близъ Петергофа, по случаю какого-то праздничнаго дня, были отпущены на берегъ. Кадеты были распределены на кучки, въ числѣ 10-ти человекъ каждая, и подъ командою старшихъ отправились на прогулку въ сады Петергофа и другія ближайшія окрестности. Одна изъ такихъ кучекъ, погулявъ въ нижнемъ Петергофскомъ саду, вышла изъ сада и направилась по берегу. Не успѣла она сдѣлать и ста шаговъ, послышался стукъ проѣзжающаго экипажа и вслѣдъ за сѣмъ показалась императорская линейка, въ которой ѣхалъ государь императоръ Николай Павловичъ съ своей августѣйшей супругой и дочерьми, великими княжнами Ольгой и Александрой Николаевнами.

— Здорово, моряки! притѣтствовалъ кадетъ государь.

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество! отвѣчали дружно кадеты.

— Маринъ за мной въ Александрію! крикнулъ государь, обѣщая кучку кадетъ.

Кадеты ринулись вслѣдъ за экипажемъ бѣгомъ.

— Не бѣжать! обратился къ нимъ государь, идите шагомъ, а то устанете.

Черезъ нѣсколько минутъ моряки появились у дворца въ Александріи. Государь въ разстегнутомъ сюртукѣ, стоялъ на балконѣ. Увидя подходящихъ кадетъ, онъ показалъ имъ рукой на стоящую въ саду близъ балкона яхту съ переночными лѣстницами, штагами

и подвязанной внизу сѣткой, и спускали: «къ вантамъ! на марсъ!»

Моряки, какъ пчелы, облѣпили мачту и полѣзли на вершину. Но успѣли они подняться на марсъ, какъ изъ дворца, по приказанію государя, выбѣжали великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи съ нѣсколькими пажами и приняли участіе въ играхъ моряковъ.

Возлѣ государя, между тѣмъ, собралась вся царская семья. Великая княжна Александра Николаевна въ особенности интересовалась эволюціями моряковъ кадетовъ, лизавшихъ по снастямъ и пригавшихъ съ высоты въ сѣтку съ изумительной ловкостью, и радостными восклицаніями поощряла молодыхъ людей къ повторенію наиболее трудныхъ эволюцій.

— Что же ты не угостишь ничѣмъ кадетъ? обратился къ ней августѣйшій ея родитель, замѣтя ея радостное настроеніе.

— Сейчасъ, папа! отвѣчала весело великая княжна, и быстро повернувшись, исчезла за дверями балкона.

Черезъ нѣсколько минутъ камеръ-лакей подалъ морякамъ мороженое, а затѣмъ вышла и сама великая княжна съ большою коробкою конфетъ.

Кадеты были позваны къ балкону и получили по нѣсколько конфетъ лично изъ ея рукъ. Когда же конфетъ осталось немного и для нѣхъ 10-ти не достало, нѣкоторые кадеты стали просить этотъ остатокъ отдать имъ. Но великая княжна не согласилась, находя это несправедливостью. Тогда кто-то изъ кадетъ попросилъ ее бросить оставшіеся конфеты «на шарапъ».

— Что это такое значитъ: на шарапъ? спросила великая княжна, улыбувшись, и какъ это сдѣлать?

Великій князь Николай Николаевичъ объяснилъ ей значеніе «шарапа» и она съ удовольствіемъ изъявила желаніе исполнить просьбу кадетъ. Высыпавъ конфеты на тарелку, она бросила ихъ вверхъ, но тарелка выскользнула изъ рукъ и разбилась.

Произошла ссора, каждый кадетикъ хотѣлъ поймать хоть одну конфету и, конечно, сталкивался съ другими—и многіе падали.

— Ну, вотъ видите, какъ это нехорошо вышло, опечалилась великая княжна, смотрите, смотрите они ушибутся, да и тарелка разбилась.

— Успокойтесь, ваше императорское высочество, мы не ушиблись, отвѣчали вскопанные на ноги кадеты, а что тарелка разби-

лась, то это къ нашему благополучію, мы соберемъ ея черепки и будемъ хранить ихъ на память нынѣшняго счастливаго для насъ вечера.

И кадеты, дѣлительно, собрали черепки и раздѣлили ихъ поровну между собою.

Николай Павловичъ, смотря на сцену «шарана», смѣялся отъ души, когда же замѣтилъ, что два кадетика стали пререкаться изъ за спорнаго черепка, погрозилъ и сказалъ: «дѣти, не ссоритесь!»

Спустя нѣсколько времени, когда кадеты играли и рѣзнялись съ великими князьями на площадѣ близъ балкона, государь подо-звалъ старшаго и, посмотрѣвъ на часы, спросилъ:

— Когда и гдѣ приказано намъ собираться?

Моряки столпились вѣкъ около балкона и отвѣчали:

— За полчаса до зари, ваше императорское величество, на угольномъ планкоутѣ казенной пристани.

— Однако не время ли намъ собираться, а то, пожалуй, опозда-ете.

Моряки отвѣчали на перебой:

— Нѣтъ, ваше величество, не опоздаемъ, говорилъ одинъ. «Мы теперь живо долетимъ до планкоута», добавилъ другой, «мы еще и выкупаться успѣемъ...» перебила третій; «а когда сядемъ въ катеръ, чтобы согрѣться, будемъ усиленно грѣсть», добавлялъ четвертый.

— Ну, а какъ прѣдете, точнось спать ляжете?

— Нѣтъ, государь, какой же тутъ сонъ! намъ спать не дадутъ товарищи, будутъ расширивать, что мы видѣли, что насъ спра-шивали, какъ мы отвѣчали. Насъ цѣлую недѣлю будутъ расширивать о сегодняшнемъ днѣ.

— Ну, дѣти, прощайте, кланяйтесь товарищамъ, сказалъ лас-ково государь и поклонился морякамъ.

— Ваше величество, позвольте намъ опять придти сюда, заго-ворилъ было одинъ изъ самыхъ младшихъ кадетъ.

— Ну, это не отъ меня зависитъ, перебилъ его Николай Пав-ловичъ смѣясь, просите разрѣшенія своего начальства, а то, по-жалуй, мы и за сегодняшнее достанемъ, если вы явитесь не во время, или не въ порядкѣ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ и подпоручикъ Симанскій.

Однажды, въ началѣ сороковыхъ годовъ, на Морской портовой таунтихтѣ стоялъ въ караулѣ подпоручикъ финляндскаго полка Симанскій. Такъ какъ въ теченіи дня у него въ караулѣ все обстояло благополучно, происшествій и перемѣтъ никакихъ не было, то традиціонный вечерній рапортъ, составленный, по обыкновенію, старшимъ унтеръ-офицеромъ, онъ подписывалъ и отослалъ въ комендантское управленіе, не читая. Обстоятельство это прошло бы, какъ всегда, безъ всякихъ послѣдствій, если бы великій князь Михаилъ Павловичъ, неаждетно какой-то неточности въ комендантскомъ рапортѣ, не потребовалъ къ себѣ въ тотъ вечеръ нѣкихъ подлинныхъ вечернихъ рапортовъ караульныхъ начальниковъ. Безграмотность и неразборчивость рапорта подпоручика Симанскаго поразила его и онъ приказалъ представить ему сегого — какъ онъ выразился, — автора клиппшенъ, по смѣти его съ караула.

— Это твой рапортъ? обратился великій князь къ явившемуся къ нему утромъ подпоручику.

— Мой, ваше императорское высочество, отивчалъ офицеръ.

— Прочитай!

Подпоручикъ Симанскій развернулъ рапортъ и, къ ужасу своему, не могъ разобрать написаннаго.

— Ты гдѣ учился?

— Въ школу гвардейскихъ подпоранициковъ и юнкеровъ, ваше императорское высочество.

— Кто преподавалъ русскую словесность?

— Профессоръ Плакенинъ, ваше императорское высочество.

— А каллиграфію?

— Преподаватель Шлезингеръ, ваше императорское высочество.

— И у такихъ учителей ты не могъ научиться какъ слѣдуетъ писать по-русски!.. отиралился подъ арестъ!..

И великій князь Михаилъ Павловичъ приказалъ коменданту арестовать подпоручика Симанскаго на дѣй подѣян, а профессора Плакенина и преподавателя Шлезингера каждого на три дня.

Великій князь Михайлъ Павловичъ и конноіюнеры.

Однажды во время лагерного сбора подъ Краснымъ Селомъ, великій князь Михайлъ Павловичъ, передъ маневрами, прѣѣхалъ въ лагерь и остановился въ красносельскомъ дворѣ. Тотчасъ по прѣѣздѣ, онъ потребовалъ отъ всѣхъ частей войскъ, въ лагерь находившихся, полковыхъ адъютантовъ, для выдачи имъ приказаній. Первымъ прискакалъ адъютантъ конноіюнернаго дивизіона, подпоручикъ Борцовъ. День былъ жаркій и великій князь въ разстегнутомъ сюртукѣ сидѣлъ на эстрадѣ съ двумя-тремя генералами за столомъ и пилъ какой-то прохладительный напитокъ.

— А, Борцовъ! Это ты! встрѣтилъ ласково Михайлъ Павловичъ молодого офицера. Что, жарко? Не хочешь ли прохладиться?

— Жарко-то—жарко, ваше императорское высочество, отивчалъ бойко офицеръ, только этимъ нитьемъ не прохладился. Вотъ если бы выпить бутылочку шампанскаго со льдомъ, тогда, дѣйствительно, душа немножко бы остудилась.

— Бутылку шампанскаго! воскликнулъ въ изумленіи великій князь, да развѣ ты можешь выпить бутылку шампанскаго? Видь ты долженъ получить приказаніе и передать его для исполненія.

— Могу уверить, ваше императорское высочество, честно, что конноіюнеры и пить, и служить умѣютъ.

— Посмотримъ! улыбнулся Михайлъ Павловичъ, и велѣлъ подать шампанскаго.

Между тѣмъ собирались адъютанты прочихъ частей войскъ; подпоручикъ Борцовъ, какъ бы въ отлучке получивъ въ свое распоряженіе бутылку шампанскаго, вынулъ ее изъ большой серебряной кофѣи, пожелавъ великому князю здоровья и выпилъ залпомъ.

Михайлъ Павловичъ только пожалъ плечами и, когда адъютанты всѣ собрались, отдалъ имъ приказаніе о занятіяхъ на утро и отпустилъ ихъ.

Въ полночь, когда лагерь спалъ крѣпкимъ сномъ, на переднемъ редутѣ возникла сигнальная ракета и дежурный барабаникъ ударилъ тревогу. На поданный сигналъ откликнулись барабаны по всей линіи лагеря и войска, устранившись на маршъ, ринулись на мѣсто сбора. Великій князь ожидалъ уже выхода войскъ въ поле, и въ послѣднейшему его удивленію первымъ на позицію явился конноіюнерный дивизіонъ и адъютантъ Борцовъ въ полной формѣ вѣхалъ съзади его командира.

— Молодцы, коннопоисеры! приветствовали великий князь подходящий дивизионъ.

— Рады стараться, ваше императорское высочество, отъѣзжайте въ энтузиазмъ солдатъ.

— Теперь я окончательно убѣдился, улыбулся великий князь, обращаясь къ подъѣхавшему къ нему послѣ салюта командиръ дивизиона, что коннопоисеры умѣютъ пить, умѣютъ и служить.

Генераль Дрентельнь.

Въ военномъ собраніи одного изъ полковъ кіевскаго военного округа, во время игры на бильярдѣ, поссорились офицеры, причемъ одинъ изъ поручиковъ оскорбилъ на словахъ своего ротнаго командира. Оскорбленный подалъ рапортъ, поручика передали суду, и судъ, принявъ во вниманіе смягчающія обстоятельства, оправдалъ его. Генераль-адъютантъ Дрентельнь, командованный въ то время войсками округа, узнавъ объ этомъ, вызвалъ къ себѣ всѣхъ членовъ суда для личнаго объясненія. На сдѣланный вопросъ предатель доложилъ, что судъ принялъ во вниманіе, что оскорбленъ офицеромъ начальника названо имя самизъ и что оно сдѣлано въ слѣдъ игры въ клубъ.

— И — Дрентельнь, сказалъ на это начальникъ края: и бантъ — командующій войсками. Такъ вы, ваше превосходительство и знайте.

И съ этими словами откланился и отпустилъ членовъ суда.

Представлялся генералу Дрентельну на вечернемъ смотру казачій полкъ. Лошади были мохнаты и худы. Проходить всѣмъ, другой, третій — генераль молчитъ, что было знакомъ его допозднѣ. Прошли остальные вскадроны, генераль ни слова. Конечъ, махнулъ рукой и повернулъ лошадь. Полковой командиръ чую грозу, подъѣхалъ, взялъ подъ козырекъ и началъ объяснять, что ремонты за послѣдніе годы были очень плохи, что онъ прилагаетъ всѣ мѣры, чтобы ихъ исправить, даже приказалъ давать сѣнгу съ мукою...

— Вы бы, полковникъ, попробовали ихъ оноемъ покорѣмъ улыбулся въ отвѣтъ командующій войсками и уѣхалъ съ нѣ

Однажды генераль Дрептельнъ прѣхалъ въ казармы одного изъ батальоновъ, расположенныхъ въ кievской крѣпости, осматрѣлъ помѣщенія, прошелъ на кухни и потребовалъ пробу солдатской пищи. Капеларъ, какъ ни старался зачерпнуть щей со два погуще, нища оказалась безъ масла и очень жидкой.

— Ваше высокопревосходительство, ваше высокопревосходительство... леталъ перетрусившій батальонный командиръ, старался найти предлогъ для оправданья.

— А вы потъ что, полковникъ, перебилъ его генераль, титулъ мой употребляйте порѣже, а щи парите погуще.

Генераль, графъ Никитинъ.

Инспекторъ всей резервной кавалеріи, генераль отъ кавалеріи графъ Никитинъ, посѣщая находившійся въ мѣстѣ квартированія его штаба госпиталь, требовалъ отъ смотрителя, чтобы въ палатахъ госпиталя была температура не ниже 15°. Смотритель принималъ всѣ мѣры, чтобы исполнить приказаніе начальника, но достигнуть успѣха не могъ: при каждомъ повожѣ посѣщеніи грозный инспекторъ удостовѣрялся, что въ одной палатѣ температура 12°, въ другой 14°, въ третьей 18° и т. д. Терпѣніе его истощилось и онъ приказалъ смѣнить смотрителя. Вновь назначенный смотритель Иванъ, желая угодить графу, приказалъ слесарю всѣ термометры перѣдѣлать, поставивъ въ нихъ вмѣсто ртути оловянные палочки, которые бы постоянно показывали 15°. Продѣлка эта удалась, графъ Никитинъ остался доволенъ и въ первую же очередь представилъ Иванова къ наградѣ.

Генераль, графъ Евдокимовъ.

Извѣстный кавказскій герой, генераль, графъ Н. Н. Евдокимовъ, прочитавъ полученный приказъ о приношеніи генераламъ новой формы обмундированія и, между прочимъ, красныхъ штановъ при парадной формѣ, сказали окружающимъ: «прежде генераловъ узнавали по головамъ, а теперь будутъ узнавать по ногамъ».

Генераль Мещериновъ и полковникъ Кюхельбекеръ.

Помощникъ начальника главного штаба, генераль-адъютантъ Мещериновъ, прочитывая поданныя ему къ подписи полковникомъ М. В. Кюхельбекеромъ (сыномъ извѣстнаго декабриста) бумаги, нашелъ ихъ составленными неудовлетворительно и долго распекалъ его. Онъ требовалъ, чтобы бумаги писались кратко, сжато и понятно, и закончилъ свое длинное наставленіе словами: «по многимъ писаніямъ писать спасеній».

— Позвольте, ваше превосходительство, возразилъ Кюхельбекеръ, мнѣ помнится, что святые отцы заповѣдали намъ, «что во многѣмъ глаголаніи писать спасеній».

Директоръ полиціи исполнительной Оржевскій.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, директоръ департамента полиціи исполнительной, Оржевскій, купилъ на Фонтанкѣ, близъ Семеновскаго моста домъ, выходящій дворами и на Моховую улицу, отстроилъ его и переехалъ въ него на жительство. Справивъ, по обычаю, новоселье, новый хозяинъ отправился на покой въ устроеную для него опочивальню, и тамъ, покоившись съ дневными заботами, на помощь ложъ сладко заснулъ. Вдругъ ночью онъ слышитъ какъ будто за окномъ или за стѣною какое-то шипѣнье и встать затѣмъ закуковала кукушка. Почтенный чиновникъ перепугался, пообразилъ себѣ, что кукушка закуковала ему близость смерти, и потребовалъ управляющаго Кладія Андреевича Шубина, извѣстнаго впоследствии начальника адреснаго стола. Рассказавъ ему о случившемся, онъ отдалъ ему приказаніе о переездѣ на старую квартиру, но почтенный управитель успокоилъ встревоженнаго директора увѣреніемъ, что это кукушкины стѣнные часы у живущаго въ соседней квартирѣ купца-дровника Петра Петровича Гвоздева. Казалось бы всякіе страхи должны были исчезнуть, но мнительный домохозяинъ потребовалъ отъ Гвоздева или перемѣненія часовъ или выѣзда съ квартиры. А такъ какъ у Гвоздева былъ заключенъ съ прежнимъ домовладельцемъ контрактъ на нѣсколько лѣтъ, то онъ отказался исполнить требованіе Оржевскаго. Тогда послѣдній приказалъ его выселить, заплативъ ему всѣ расходы по нарушенію контракта.

Министръ финансовъ Канкринъ.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, министръ финансовъ Канкринъ, желая приступить къ замѣнѣ русскаго ассигнаціоннаго рубля—серебрянымъ рублемъ, обратился къ содѣйствію тогдашняго петербургскаго головы, извѣстнаго табачнаго фабриканта Василя Григорьевича Жукова и просилъ его возбудить въ городской шестигласной думѣ вопросъ о неотложной необходимости и пользѣ подобной замѣны.

— Ви, патушка, говорилъ Егоръ Францевичъ В. Г. Жукову, пусть только немножко ополфанитъ этотъ фопросъ, а выстругать его путедъ нѣмецкій мастеръ.

— Оболванить — почему и не оболванить, отвѣчалъ Василій Григорьевичъ, только будетъ ли это, ваше превосходительство, хорошо для насъ?

— О, конечно, очень хорошо путедъ! улыбался Егоръ Францевичъ, ви полюшите серепряный рюнь!

Но собранная городскимъ головою въ экстренномъ засѣданіи дума, состоявшая тогда исключительно изъ купцовъ, отнеслась къ сдѣланному ей предложенію скептически и поднятый вопросъ былъ забаллотированъ. Пришлось прибѣгнуть къ помощи нѣмцевъ; собрали въ общее засѣданіе биржевой комитетъ, иностранныхъ негоціантовъ, выборныхъ отъ купечества, мѣщанъ и ремесленниковъ и вопросъ о замѣнѣ ассигнаціоннаго рубля серебрянымъ—получилъ одобреніе.

— Ну, фотъ и отливно! говорилъ Егоръ Францевичъ, принимая депутацію собранія, ви полюшайте серепряный рюнь, и путедъ, а рюною, очень покать.

А. Н. Муравьевъ.

Извѣстный святоша, Андрей Николаевичъ Муравьевъ, въ бытность свою въ Петербургѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, передъ каждой отправкой арестантовъ въ Сибирь, являлся къ пересыльному тюрьму, бесѣдовалъ съ ними и одѣлялъ ихъ религіозно-нравственными книжками. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, въ 1863 году, когда въ тюрьмѣ находилось много поляковъ изъ повстанцевъ, шедшихъ въ каторгу и на поселеніе, Андрей Николаевичъ, подойдя къ

повстанцу Домонтовичу, обратился къ нему съ теплымъ словомъ христіанскаго утѣшенія и предложилъ экземпляръ «Новаго Завета». Но Домонтовичъ, вскочивъ быстро въ паръ, бросился на него и хотѣлъ ударить его кандалами. Остановленный вовремя надзирателями, онъ былъ взятъ въ контору и подвергнутъ спросу: за что онъ хотѣлъ убить человека, который заботится о его нравственномъ преуспѣяніи.

— О моемъ нравственномъ преуспѣяніи я позабочусь самъ, отвѣчалъ Домонтовичъ, и это не его дѣло. Онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы вмѣсто заботы о моей душѣ, позаботился о моемъ тѣлѣ. На мнѣ вотъ истѣла рубашка и я больше году въ банѣ не былъ. На это онъ не обращаетъ вниманія.

— Онъ правъ, сказалъ тогда А. Н. Муравьевъ и, вынувъ изъ бумажника пять рублей, упростилъ смотрителя не только простить арестанта, но купить ему двѣ рубахи съ подштанниками и выпустить его въ банѣ.

Генераль, графъ Тотлебенъ.

Въ 1880 году, на одномъ изъ вечеровъ у одесскаго генералъ-губернатора, графа Э. Т. Тотлебена, управляющій гражданскою частью края, статсъ-секретарь С. О. Панютичъ, отозвался съ похвалою о музыкантскомъ хорѣ с.-петербургской пожарной команды и высказалъ мысль, что было бы очень недурно, если бы и Одесса имѣла у себя такой же хоръ.

— Ну, отозвался на это графъ Эдуардъ Трофимовичъ, петербургскіе пожарные прошли огонь и воду и дошли до мѣдныхъ трубъ, а наши проходятъ только первую стѣну, слѣдовательно, до трубъ имъ еще далеко.

Статсъ-секретарь Панютичъ.

19 февраля 1880 года исполнилось 25-ти-лѣтіе со дня востановленія на прародительскій престолъ государя императора Александра Николаевича. Я написалъ тогда по этому поводу слѣдующую патристическую пѣсню:

19 февраля 1880 года.

Могучий властелинъ, нашъ Кесарь именитый,
Отецъ отечества, Верховный вождь дружинъ,
Освободитель-Царь, Царь мудрый, родонитый,
Возникъ первый нашъ и первый гражданинъ
Всей Руси и Литвы, и Грузии, и Крыма,
Финляндии, Сибири, Польши и иныхъ,
Принимаетъ тебѣ по вѣхъ члахъ Твоихъ,
Старѣйшимъ Ты нашъ, глава Богохранимый!..
Твой нынѣ юбилей—и всѣ Твой народы,
Надежда на Тебѣ союзуясь одною,
Въ Твоихъ дѣлѣхъ ари естъ правда и свободы,
Тебя принимаютъ съ великимъ гимномъ днѣмъ!..
Родился Ты въ Московъ, въ благословенный вѣкъ,
Воспѣтъ поэтами, поэтомъ и военитамъ,
Героемъ-рыцаремъ Родителемъ пенитамъ,
И на престолъ возсѣлъ какъ царь и человекъ.
Дѣвши Твой, о Царь, могудѣль воздѣтъ и..
Великъ Ты въ нихъ, великъ, какъ Твой великъ народъ!
Пройдутъ года, вѣка, пройдутъ тысячелѣты,—
Они останутся, пройдутъ вѣка рода въ родъ!..
Когда, и гдѣ, и кто подумаетъ только могъ,
Что слово лишь одно освободитъ миллионы
Несчастныхъ тѣхъ существъ, кого скопалъ самъ Рокъ,
Чья жизнь была позоръ, проклетіе и стонъ?..
Когда, и гдѣ, и кто смѣетъ думать, чтобъ рабы,
Съ которыхъ только-что окна были синіи,
Могли быть признаны ршнить свои судьбы,
Воскѣсть въ судебныя и земскія палаты?
Когда, и гдѣ, и кто смѣетъ мысль витать о томъ,
Чтобъ работорговлю въ сословіяхъ подворилось,
Чтобъ тѣлость поинскую несли всѣ съ мужикомъ,
Чтобъ милость на судѣ и правда поцарилась?..
Но Ты такъ похотѣлъ, нарекъ Ты только: «быть»!
И все создалося... окрѣпло... вознеслося..
Какое тутъ перо, какую нужно кисть
Чтобъ описать все то, что на Руси сбывлося
За четверть вѣка лишь, по слову одному,
Безъ потрясенія, безъ шума и тревоги!..
Понили-жъ, о Господи, за то Ты дѣла многи,
И радости, и покой, и здравіе Тому,
Кого ты Самъ избралъ для счастья Россіи,
Кого за кротость Ты всѣхъ болѣе любилъ,
И въ исполненіи Его земной мисси,
Самъ умудрилъ, и пелъ, и отъ бѣды хранилъ!..
Да царствуетъ еще Онъ долго надъ своимъ
Великимъ, преданнымъ, пенитаннымъ народомъ.
И сызветъ на него, Тобой руководимъ,
Благодушный свободы годъ за годомъ!..

the 1990s, the number of people with a diagnosis of schizophrenia has increased in the United Kingdom (Meltzer et al. 1998).

There is a growing awareness of the need to improve the lives of people with mental health problems. The United Kingdom has a number of national strategies for mental health care, including the 1998 *Mental Health Act* (MHA) and the 1999 *Mental Health Strategy* (MHS). The MHA sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems. The MHS sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems. The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems.

The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems. The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems. The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems.

The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems. The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems. The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems.

The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems. The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems. The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems.

The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems. The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems. The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems.

The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems. The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems. The MHS also sets out the principles of mental health care, including the need to provide a range of services to meet the needs of people with mental health problems.